

Евгений Васильевич

КУЗНЕЦОВ

СИБИРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Сказания и догадки о христианском имени Ермака
Начало сибирских герцогов: *Исторический набросок*
Сибирский летописец: *Летопись конца XVII
и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске*
Летопись Шестинных (1743--1777)
Тобольский кремль и одна из тайн его
О хлебной торговле Тобольска в 1744 году
(По бумагам Палицейстерской конторы)
Тревога в Сургуте в 1745 г.: *Из уцелевших от пожара бумаг
Тобольской палицейстерской конторы*
Бытовые черты тобольяков XVIII столетия:
(По архивным документам)
Кладовские и предания о кладах в Западной Сибири
Монахиня Прокла: *Книжна Прасковья Григорьевна
Юсупова (Новые материалы для биографии)*
Первые хабаки в Сибири
Воздушные страхи Тобольска и стирину
Тобольск в дни воцарения императора
Николая Павловича *(По архивным сведениям)*
Находка ружья покорителя Сибири
Святые ворота в старом Тобольске: 1686—1759
Нападение на полицмейстера Бабановского:
Из тобольской старины
Тяжелая память прошлого: *(Старые листки о старых людях)*
Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896)

4403155
кхд

Евгений Васильевич
КУЗНЕЦОВ

**СИБИРСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ**

*Под редакцией С.Г. Нархиловича
Составитель Ю.Л. Мандрыка*

НИЖНЕВАРТАВСК
МУ "БИС"
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

НИЖНЕВАРТАВСК
МУ "БИС"
ИНВ N 10.13.13

2-к0

Издательство Ю. Мандрыки
Тюмень, 1999

БКК 63.5 (2)
К 89

К 39 КУЗНЕЦОВ Евгений Васильевич
Сибирский летописец / Под ред. С.Т. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрыка. — Тюмень: Издательство Ю.Мандрыки, 1999. — 368 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

В книгу включены наиболее выдающиеся исторические и краеведческие труды Евгения Васильевича Кузнецова: Тибетские легенды и сказания, легенды о происхождении и происхождении народов, легенды о происхождении и происхождении народов, легенды о происхождении и происхождении народов.

Каждая глава имеет введение и заключение.

Издательство Ю. Мандрыки (Тюмень), 1999.

ISBN 5-93020-024-6

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Кузнецов'.

Кузнецов Евгений Васильевич
(1848 - 1911)

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Кузнецов'.

Кузнецов Евгений Васильевич
(1848 - 1911)

**Евгений Кузнецов
считал себя пионером**

В конце девяносто третьего года прошлого столетия на страницах многих сибирских газет вылезла скандальная история: в неофициальной части «Тобильских губернских ведомостей» стали публиковаться заимствованные из других изданий материалы. «Новоиспеченный тобольский печатный орган, — писал «Енисейский листок» (1893. №40), — мы же без основания назвали «историческим», потому что действительно, чуть ли не с каждым его номером случаются истории». Вначале ТТВ напечатала новость «Тараски», которая появилась раньше в «Сибирском вестнике» под иным именем: «Старый цыпочкич». Затем было опубликовано стихотворение некоего омича А. Левского «Желание», которое как впоследствии выяснилось, уже было знакомо читателям «Восточного обозрения», но фамилия у автора публикации ранее была совсем иная. И, наконец, совсем вопиющий случай, передовая статья неофициальной части ТТВ была позаимствована из «Делового корреспондента». При этом упоминаемая газета делала вывод: «Так как «Неоф. часть Тоб. губ. вед.» мнит себя газетой... то, пожалуйста, когда вы будете читать вышеприведенное стихотворение, не краснейте за эту quasi-редакцию quasi-газеты...».

Как у нас сейчас любят говорить, только ленивый не писал об этом: «Енисейский листок», «Сибирский вестник», «Степной листок»... Но никто не хотел прислушаться к голосу «обвиняемого». А ему было что сказать.

Во-первых, рассказ «Тараскич» «составляет собственность нашего редактора, и, естественно, мог быть напечатан без согласия «Сибирского вестника» (ТТВ. 1893. №43. С. 689). Во-вторых, что касается трех стихотворений, то «два раза редакция была нагло мистифицирована, а один раз произошло простое недоразумение...».

Редактором «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» в то время был Евгений Васильевич Кузнецов⁴. Он и пытался «оживить» провинцию.

Но коллеги из других газет ставили эти попытки под сомнение. Публикации авторов из других городов считали не больше чем вымыслом. По их мнению, все, что было в «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» — «наше, тобольское, доморощенное...». И причина для этого была: зависть. Новороссийскому редактору практически нигде удавалось то, что окладилось не по зубам коллегам — быть талантливым журналистом, безудержно способным редактором, умеющим организовать вокруг своего «органа» пишущих людей.

Его завистливые коллеги и не скрывали своей жгучей: «...мы не знаем ни одного официального органа в провинции, который бы представлял собою действительно орган общественной и литературной жизни. Мы свидетели таких попыток в Томске и Тобольске — создать из неофици. части Губ. вед. литературный орган. Но несмотря на массу энергии и усилий, употребленных на оживление такого органа прессы в Томске, все труды кончились полным неуспехом. Что же касается и сейчас продолжающихся попыток в Тобольске...»

Евгений Кузнецов последнее время перед уходом в отставку служил в Томске. Возвратясь на родину в Тобольск и возглавив неофициальный отдел местных ведомостей, он пытался сделать то, что не удалось томичам: удалить хотя бы частично бюрократический налет с официальной газеты. Вот что он писал о программе своей газеты: «Мы прекрасно сознаем ответственность и важность своих задач и не обманываемся насчет своих сил — мы являемся чуть ли не первыми пионерами коренного реформирования установившихся порядков обработки административного учета нивы печатного слова... Как пионеры мы еще одни, нас мало, и потому еще мы --- не совсем сильны. Тем более тяжел наш путь, что нам приходится бороться не только, как вся-

⁴ См. подробнее о нем: Мавдрига Ю.Л. Его биография — сложное боевое дело // Литературные ведомости. Томск. 1994. С. 212-216; Мавдрига Ю.Л. Кузнецов Тобольский и Грязновский // Луяч. 1998. Ч.2. С.3-6.; Мавдрига Ю.Л. Ровень стоял в кустах // Луяч. 1999. Ч. 1. С. 151-152.

кому пионеру, с чисто естественными препятствиями, но еще выдерживать травлю со всех сторон вместо сочувствия и поддержки, и тем более досадную травлю, что ведется на основании таких неважных и несущественных, а иногда и просто непредусмотренных промахов...»⁸.

При жизни Евгения Кузнецова его деятельность, в т.ч. творческую, так и не смогли оценить земляки. Говорят, что это может сделать только Время.

Сегодня изучением «Тобольских губернских ведомостей» времен Кузнецова-Тобольского занимаются почему-то только москвичи. Его Время к нам еще не пришло. Хотя, глядя на содержание этого тома, он все-таки писал о нас, вчерашних. И для нас. Чтобы помнили пионерский возраст Сибири.

Ю. Мандрика

⁸ ТТВ. 1893. №43. С. 691.

Сказания и догадки о христианском имени Ермака

Насколько для нас темны родословие и начальная жизнь покорителя Сибири, настолько же загадочно и имя его. Празднуя юбилей трехсотлетия Сибири, мы по привычке продолжали воспевать «храброму витязю Ермаку вечную память», будучи убеждены, что такого имени в великой семье христиан не было и нет. Но иначе быть не могло: имея перед собою целый перечень совершенно разнородных имен, присвоенных знаменитому кибякху, мы и тогда не знали, да не знаем и теперь действительного имени его.

За время трех веков упомянутый перечень составили следующие семь имен: Ермак, Ермолай, Герман, Василий, Ермил, Тимофей и Ермей.

Оставаясь ядлене от претензии с точностью указать действительное имя покорителя Сибири, мы в предлагаемой статье намерены только свести в одно общее сказания сибирских летописей и историков, по которым составился приведенный перечень имен, и выразить свои догадки, какое из имен тех следовало бы признать за христианское имя Ермака.

I

Начнем с первоисточников.

Считаемые за первые сибирские летописи Строгановская и Есиновская никаким христианским именем покорителя Сибири не называют; в первой летописи, озаглавленной «Повестью о ваятии Сибирския земли», составленной около 1600 года неизвестным автором и названной Строгановским историком Карамзиным, под 1579 г. говорится: «В лето 7087 году апреля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим Строгоковы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков Ермака Тимофеева с товарищи...»

— и далее: «Тогож году июня в 28 день... придонна с Волги атаманы и казаки Ермак Тимфеев Поволской с товарищи...»²²; во второй же летописи, или «Истории о Сибирстей земли и о Царствии», законченной в 1636 году, составителем которой был дьяк Савва Есипов, перед 1681 г. сказано: «Ибра Бог не от славных муж, ни от царска повеления воевод, а вооружил славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына...»²³.

За этими летописями Ермаку не дают никакого христианского имени и некоторые другие, так, «Летописец кратце», составленный в 1669 году по татарским и бухарским преданиям при тобольском воеводе Петре Годунове, при упоминании о донских казаках говорит: «В них же старейшина атаман рекомый Ермак и иные многие атаманы»²⁴; в статье же «Описание новых земель степей Сибирского царства» неизвестного автора, сочинение которой, по определению А.Х. Востокова¹, отнесено ко времени после 1683 года, сказано: «По 28 лете ваяти Каанского царства, з Дону востаца самовольны казаки с атаманом Ермаком Тимофеевым сыном...», или же: «Он, атаман доновской, Ермак с товарищи, рускую силу посланных побил...»²⁵. Какое имя присваивает Ермаку летописи, остающиеся не изданными, которых в московском архиве Министерства иностранных дел хранится до шести экземпляров, сказать не можем; в названиях же трех из них покорителем Сибири именуется атаман Ермак Тимофеев²⁶. Затем в заглавии одной из семи таких же летописей, хранящихся в числе рукописей археографической комиссии, упоминается также Ермак Тимофеев сын Поволский²⁷. Этим же именем — Ермак Ти-

²² Словом, начинающим глагольную форму «умираше», выделенная здесь дореволюционная пометка с точкой также на С. 469–466. К этому, общепринятому в то время, относятся и некоторые «ошибки» в некоторых местах ввиду страницы. — *Прим. издателя.*

²³ Летописец Сургановский // *Прим. к «Повоению Сибири»* П. Небольсин. 1849. Т. I, VIII и IX, С. 31–33.

²⁴ «Летописец Саввы Есипова» и так же издаваем. Гл. VII, С. 24.

²⁵ Продолж. донск. русских виллофертов. 1791. Ч. VII, С. 195.

²⁶ *Летопис. Сибирь в XIII в.*: Сибирские старин. русск. статей о Сибири. Изд. Г. Юдина. 1890. Ч. VIII, С. 57–58.

²⁷ *Инцидент. Указат. дел. и рукописи, относящ. до Сибири.* 1879. С. 2, 97, 98, 104.

²⁸ *Варушев. Рукописи археогр. комиссии.* 1882. №№ 24, 31, 70, 72, 213, 227.

кофеяв сын — называют его летопись, оказавшаяся в 1874 году в Барнауле⁶, и некоторые другие.

Первым из христианских имен присвоено Ермаку имя Ермолая. Это сделано в конце первой половины XVII века летописью неизвестного автора, названной «Новым Летописием», где говорится: «Били же от них казакков старейшина атаман Ермслай, да с ним шесть сот человек», или же: «А ко атаману Ермолаю и к казаком посла (государь) многих жалованье в грамотах повеле Ермолая именовать Князем Сибирским»^{7*}.

Спустя столетия в летописи, названной Миллером «Тобольския Летописи», Ермак именуется уже Гермаком: «...и в таковой храбрости Герман в дружине своей Ермаком прослав и атаманом наречен...»^{8**}. По времени составления летописи тобольским боярским сыном Семеном Ремезовым появление этого имени нужно относить к самому концу XVII века.

Затем появившаяся через долгое время другая летопись, доведенная до 1760 года и названная Карамзиным «Новой», составление которой ранее академиком Фальком⁹ приписано тобольскому земцу Илье Черепанову, передавала первую подрывные сказания о роде Ермака, присвоила ему имя Василия. «В некоторой сибирской истории¹⁰, — говорится там, — упомянута о роде атамана Ермака, а писатель той истории при ней своего имени не объявил. Он и начал тем свою историю, якобы сам о себе Ермак объявил о происшествии своей природы. Дед его был города Суздаля последний человек, а жил в великой скудости и искал своей выдти перемен; старался сыскать себе принятизм: того ради перекал он в город Володимир; именем звали его Афанасей Григорьев сын, а прозванием Алени; и ту в Володимире вскормил он дву сынов, которых именам звали перваго Родионом, а другаго Тимофеем, и с ними кормился извозом; и в некоторое время оной Афанасей был из займу в подводах у некоторых воров на муромских лесах и с ними поймав, сидел в тюрьме и по случаю из оной тюрьмы бежал; а более в городе жить ему было нельзя, то он взяв с собою жену и детей и с якими пере-

⁶ Томск. губ. вед., 1874. №№ 46 и 47.

^{7*} Павел Яковлев, послание, в 2 р.х. Миллера Фредер. Издан по списку кн. Оболенского. Мск., 1853.

^{8**} Летопись Сибирская краткая (Кузнецкая). Изд. Вост. 1880. С. 3.

ехал в уезд поволской и там вскоре умер, а дети его Родион и Тимофей от скудости своей искали себе лучшего пропитания, переехали жить на реку Чусову в вотчины Строгоновы и оттуда они прославы Повольские, где у них родились дети. У Родиона было два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило, Флор да Василей»⁸.

Согласно сказаниям этой летописи, представляющей единственный источник сведений в отношении родоприсхождения Ермака, в составленном позднее при Тобольском архиепископском доке «Кратком показании о воеводах и губернаторах и прочих чинах...» под 1581 г., сказано: «Сибирское царство взято Ермаком Василием Тимофеевым», далее под 1584 г. покоритель Сибири два раза называется именем Василия⁹.

Что касается имени Ермака, то ни одна из летописей его не упоминает. Имя это недавно присвоено Ермаку автором исследования о заселении Сибири Буцинским¹⁰.

Наконец существуют упоминания, добавляющие к именам Ермака еще имена Тимофея и Еремея. Они сделаны: первое — в записках о путешествии по Сибири профессора Фалька в 1786 г., где ученый этот, неизвестно почему, а быть может, и по одной простой ошибке говорит, что «явноатель Сибири Тимофей был сын бедного сузальского купца...»¹¹; второе же — М.П. Пущило в 1881 году в статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, где сказано: «...что касается именования его Ермаком, то не беремся решать, есть ли Ермак полуимя от Ермакия или Еремея, или это есть не более, как одно из тех прозваний, какие в допетровское время были в большом ходу»¹².

Сибирские синодальщики упоминали покорителя Сибири с дружиною только под двумя именами: Ермака и Ермакия. В одном списке Есиновской летописи 1636 года говорится:

⁸ Сибия. Летописец. Список библиот. Тобол. дух. семина. (под № 1655). С. 1; некоторые выдержки этой летописи помещены в «Сибир. вест.» (1821. Ч. XIV. Кн. 5. С. 289 294 и др.), «Тобол. губ. вед.» (1859. №№ 52, 33 и 41) и «Тобол. стар. вед.» (1862. №№ 21—24; 1883. №№ 3 и 8; 1884. №№ 7-9, 13).

⁹ Краткое показание... 1792. С. 3.

¹⁰ Буцинский. Заселение Сибири и быт перв. населения. Хри. 1889. С. 1-2.

¹¹ Фальк. Записк. путешеств. от С. Петерб. до Томска. Т. VI. СПб. 1824.
¹² Пущило. К вопросу: кто был Ермак Тимофеев — покорит. Сибири/Русск. вест. 1881. Кн. XI. С. 281.

«В лето 7129 (1621 г.)... поставлен бысть в Сибирь, в Тобольск, первый архиепископ Киприан бывае прежде на Хутыни архимандрит; и во второе же лето первопрестольства его воспомина атамана Ермака Тимофеева сына с дружиною; и повеле распросити казаков, како они придоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили поганы? Казаки же принесоша к нему писание, како придоша в Сибирь, и где у них были бои, и где казаков и ково имяем у них убиша. Он же добрый настырь пощечение имея от них и повеле убитых имена написать в церкви Софии, Премудрости Божией, в соборный синодик, и в православную великую кликути повеле с прочими постралавшими за православие вечную память, а имена их в синодик вписаны»*. Семый синодик приводится в другом списке этой летописи 1641 года, где сказано: «Синодик казакком написано лице: ...атаману Ермаку сотоварищи его которые побоеши с ним казави по Вагаю реке на перекоси от нечестивых от Кучума дари вечная память и встгаде болщей»**. Тот же синодик несколько подробнее приведен и в Черепановской летописи: там поминовение покорителя Сибири произносится именем атамана Ермака Тимофеевича, сына Повольского; дружина же его авесена без означения имен и поминается с разделением ш «убиенных» при главной битве с Маметкулом, смерти Кольдо и смерти самого Ермака. Но в той же летописи по окончании упомянутого синодика, приведенного под 1622 г., и после помещенного далее списка сибирских земель того времени и сведений о промыслах городов Тюмени и Мангазьи, помещено следующее поминовение, несомненно представляющее содержание того же, но уже со временного летописи, синодика: «Помяни, Господи, пострадавших твоего ради имени святого и кровь свою проливших по благочестии, победивших в Сибири безбожного царя Кучума, атаманов Ермака, Иовна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их: Сергия, Иоване 3, Андрия 3, Тимофея 2, Иоакима, Григория, Алексея, Никона, Михаила, Тита, Феодора 2, Иовна 2, Артемия, Логина, Иовна, Владимира, Васяля 2, Лукяна, Иакова, Саввы, Петра 2 и прочую их дружину, а имена ты, Господи, веки, согрешения их пре-

* Летоп. Саввы Есипова. Изд. Небольсина. Гл. XXXV. С. 88.

** Летоп. Саввы Есипова. Изд. Спасского. 1823. Гл. XXXIII.

ари и сподоби всех их небесаго твоего царства»^{8*}. Последний синодик, кроме Тобольска, был распространен и по другим местам обширной Сибирской епархии, что подтверждает такой же синодик, найденный недавно в архиве Чернышевско-Успенской константиновской церкви. В этом синодике, писанном старинным полууставом, с начерченными заглавными и знаковыми, после царей, царевен и великих князей имеется почти тождественная приведенному выше запись: «Помни, Господи, души пострадавших твоего ради имени святого и кровь свою проливших по благочестии: победитца в Сибири безбожного царя Кучума» — и вслед за этим записано имя Ермолад^{8*}.

При сказанных летописей и синодиков полнине упомянуть, как называли покорителя Сибири старинные иностранные известия. Перечислим и последние. В «Истории о Сибири, или сведениях о царствах Сибири» латинской рукописи около 1680 г., приписываемой известному славянскому деятелю Юрию Крижаничу⁹, говорится: «В числе многих беззаконных тиранов царя Ивана Васильевича... был один разбойник именем Ермак»^{8**}. Знаменитый географ Николай Витзен¹⁰ в трактате «Северная и Восточная Татария», первое издание которого относится к 1692 г., пишет: «Около ста лет тому назад жил один браваый казак Ермак Тимофеевич родом из Мурома». Подпись Алм Бранн, находившийся в свите Изабрандеса¹¹ при посольстве последнего в Китай, в записках о Сибири упоминает, что «известный разбойник Ермак Тимофеевич во время царствования царя Ивана Васильевича разбойничал в его странах...», сам же Эбергард Избрандес говорит, что в то царствование «в Московии появился некто Ермак Тимофеевич, начальник коровской шабды...». Затем Филипп Табберт, находившийся в числе пленных шведов в Сибири и известный в литературе под фамилией Страденберга¹², в изданном в 1739 году сочинении «Северная и восточная часть Европы и Азия» называет покорителя Сибири «беглым донским казаком Ермиском, бывшим хорошим наездником»^{8***}.

^{8*} Сибир. Летоисчисл. Синод. библиот. Тобол. секции. С. 86, 88.

^{8**} Ильинский, Матвеевич. Писемниковым запискам о жизни в горах Сибири Ермака Тимофеевича // Иллюст. Евраз. вед. 1888. № 37. С. 393, 396.

^{8***} Теллюк. Сибирь в XVII в. Сборник старин. русск. статей о Сибири. Изд. Г. Юляна. 1890. С. 164-165.

^{8****} Теллюк. Обзор иностран. известий о Сибири 2 половинами XVI в. // Сибирск. сборник. Прилож. к «Восточ. обозрению». 1887. С. 132, 137; 1890. С. 44, 46 и 54. Из этих известий мы приводим только те,

Таким образом, и эти известия, подобно начальным сибирским летописям, Ермаку никакого другого имени не давали.

II

История Сибири, полившаяся в половине XVIII столетия, упомянутых летописями и списодиками имен Ермака не касалась и значения им не придавала.

Миллер, начиная свои сказания о завоевании Сибири, после упоминаний о грабежах донских казаков, посланные на шаг в 1577 году войскою со стольником Мурашкиным и побегом преследуемых говорит: «Между сими убежавшими казаками был атаман Ермак Тимофеев в товарищи...». Вообще имя это Миллером³ неизменно повторяется во всей его истории, даже и в тех местах, где описываются, например, душевные и телесные качества Ермака, смерть его, поминовение и проч.⁴ Заметим, что хотя этот историк и стеснился с особым уважением к Ремезовской летописи, предпочитая ее сведения другим: «простах» летописцев, однако же, присваиваемым этой летописью именем Германа Ермака не назвал. Яв всем тем, закончив уже труды свои по «Описанию Сибирского царства», Миллер, видимо, вдумываясь в значение слова «Ермак», остановился на имени, дававшем покорителю Сибири новым летописцам: по одному известию, в Московском архиве Министерства иностранных

которые более сходны с сибирскими летописями и более поэтому достоверны, и чаще же на звать Ермака, историк не только не упоминает Ермака по имени, но не присваивает ему и званья атаман Сибири. Тихонов, например, известие упомянутого в том же «Общере» Тихонова, тогдашнего географа Николая Миссы (1612 г.). Кроме того, и малоизвестной книге ленинградского жителя Герарда Артуза (1606 г.) есть статья «Поместное описание князьства Себерия, Самодия и Тимуклана», где завоевание Сибири также обобщается без Ермака, и присваивается званием атаману Аману, неизвестному по происхождению. Книгу Артуза считают, впрочем, переводом труда того же Миссы, хотя года издания ее и не определяют точно. Затем жеманов и Тобольское в звание французской офицер Пелькур (1770-1773), передавая в яликских своих расказах о завоевании Сибири, оправдывает ошибку по этому предмету Вальсера и называет завоевателя Сибири уже именем неизвестного жителя казачьего Непалева. *Пылин*. Сибирь и исслед. в/Вост. Европ. 1888. Кн. IV. С. 702-703, 705; Рн. Т. С. 235.

³ Миллер. Описание Сибир. цар. 1760. Гл. II. § 22; Гл. III. §§ 64, 65, 68 и др.

дел хранится экземпляр этого «Описания», лично принадлежавший автору, где на странице 92 против § 22, т.е. против начала сказаний об Ермаке, рукой историка сделана приписка: «Ермаолой полутименем Ермак»⁸.

По примеру Миллера имя Ермака повторяют и последующие историки прошедшего столетия: Фишер⁹ говорит, что «в числе... разбойников был некто именем Ермак Тимофеев...»¹⁰; Щербатов¹¹, что «вмежду сими производившим разбой доискимы казавшим был ермяк Тимофеев сын...»¹².

Начиная с настоящего столетия сказания историков о покорителе Сибири изредка сопровождаются уже толкованиями имени его, хотя, впрочем, начало этому положено тою же, сравнительно с другими многоречивой, летописью Черепанова. После приведенного выше сказания о роде и имени Ермака летописец истолковывает последнее слово как производящее. По этому толкованию «ин, Писмак, назван был от «оварящей Ермаком для его оказанных услуг при варении артельного камня, а ермак по их назывался дорожный артельный таган, либо по волгскому наречию также ермаком жерновый ручной камень называется, которым знаменованем те же его к артелям услуги показывает»¹³.

Историк Карамзин, сказав, что к «званию буйных атаманов волжских принадлежали Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо»¹⁴ и другие, придал этим в отношении имени Ермака вероятное известие Ремезовской летописи, хотя затем несколько раз назвал этот источник «весьма баснословным», объяснив, что «составитель его «пользовался народными преданиями, догадывался, вымышлял»¹⁵. Далее названный историк, приведя дословно черепановское сказание о роде и имени Ермака, называет в это последнее «сказкой», ничем не объясняя оснований этого замечания, за которым словы подразумевают, что Ремезов¹⁶ именует Ермака Германом»¹⁷.

⁸ Пущинцо. Выпечка, стр. С. 277.

⁹ Фишер. Сибир. история. 1774. Кн. I. Отд. 1. § 10.

¹⁰ Щербатов. История российск. от древн. время. 1789. Т. V. Ч. 3. Кн. XII. С. 2.

¹¹ Сибир. Летопись: Список баблат. Тобол. семин. С. 1 (оборот).

¹² Карамзин. История госуд. Российск. 1819. Т. IX. Гл. VI. С. 380.

¹³ Там же. Прил. 644, 657, 670, 698 и др.

¹⁴ Там же. Прил. 864.

Небольсин, более других изучавший сибирские летописи, не разделяет замечания историка и, также приводя сказание Черепанова, именующего Ермака Василием, говорит: «Об этом известии нельзя, кажется, сказать вместе с Карамзиным «это сказка — думаю потому уже, что у нас в календаре нет православного имени Ермак, которое знаменитый историограф, следуя Ремезову, переводит словом Герман; а во-вторых, и в приписке к летописи Саввы Есипова к прозвищу Ермака тоже прибавлено прозвание Полюевского. Но так как приводимое известие согласуется и с отсутствием Ермака, и со свидетельством летописи, и с известным чувством, которое мысля Ермака в Волги на Кану, а между тем не подтверждается никакими более положительными доказательствами, то для оценки этого известия мы можем только ограничиться известной поговоркой *si non e чего — e ven trovato*, а между тем мы сами чувствуем, что тут есть зародыш правды в том отношении, что между Ермаком и Пермяку должна быть какая-нибудь неразрешенная еще тайна».

Историк Слонов⁴⁾, замечая, что «потомство будет спрашивать, кто такой был Ермак», приводит в разрешении этого вопроса сказание Черепанова, именуя Ермака Василием⁵⁾.

Следуя Небольсину и Слопову, тем же именем Василия называет Ермака и исследователь сибирской старины Абрамов; по отношению же к имени Ермак Абрамов⁶⁾ замечает, что в старину было обыкновение пасть людям имена по их нравственным качествам с прибавлением христианского отчества⁷⁾.

Затем историк Ригельман⁸⁾, Броневский⁹⁾, Соловьев¹⁰⁾, Костомаров¹¹⁾, а за ним Щеглов¹²⁾, Андрияшев¹³⁾ и другие или повторили сказания Че-

⁴⁾ Небольсин. Поход. Сибиря. Гл. V. С. 65-66.

⁵⁾ Слонов. Истор. обзор. Сибиря 1869. Век, в кн. I. С. 18-19.

⁶⁾ Абрамов. Врем. — поход. Сибиря / Сибир. губ. вед. 1869. № 18-22.

⁷⁾ Чичи. в общ. ист. и древ. рос. 1867. Кн. IV. Отд. 5. С. 1-25.

⁸⁾ А. Ригельман. История или повествование о доносках князю... 1778 года / Чичи. в общ. ист. и древ. рос. 1867. № 8-4.

⁹⁾ Броневский. Истор. док. вольск. I. С. 60-61.

¹⁰⁾ Соловьев. Истор. Рос. 1869. Т. VI. С. 424-432.

¹¹⁾ Костомаров. Рус. истор. в изложении. 1873. Вып. 3.

¹²⁾ Щеглов. Хронолог. переч. для. истор. Сибиря. 1883. С. 26-27.

¹³⁾ Андрияшев. Истор. Сибиря. 1869. I. Т. I. С. 8.

репановской летописи, не касаясь оценки вероятия их, или же продолжили употребление имени Ермак², обходя молчаньем значение его, Шеглов, впрочем, в одной из своих статей^{2*}, привел отрывок Черепановской летописи о церковном поминовении Ермака, говорит: «В приведенном отрывке любопытно преобразование имени Ермака в Ермадан, что объясняется, разумеется, тем, что в православных слатцах имени Ермака нет; но почему же тогда не заменить его было настоящим его именем Василия?».

После долгого перерыва толкования имени Ермака снова повторились. Перед наступлением юбилея трехсотлетия Сибири М. П. Пуцилло в упомянутой уже статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, коснулся и имени его. Привел в связи с летописными сказаниями отрыв Исаковского о вероятности известий по этому предмету Черепановской летописи, названных Карамзиным «сказкой», исследователь этот говорит: «Мы со своей стороны полагаем также, что это не сказка. Напротив, правдоподобность этих биографических известий заслуживает более внимания, чем те сбивчивые и отрывчатые повествования, которые приведены нами выше. Вот почему было бы крайне желательно найти ту некоторую сибирскую историю, о которой говорит Черепанов»^{2**}. Но, не решаясь категорически признать то или другое из имен, приписываемых Ермаку, и упоминая лишь о возможности образования последнего имени тем обычаям, по которому в допетровское время позволялось имена вроде Алмаза Иванова, Гуляя Зоологарева и т. п., Пуцилло приводит, между прочим, следующее сообщение: «В памятниках народной поэзии не раз воспевался Ермак Тьмофеев и покорение им Сибири. Так, в песне «Ермак взял Сибирь», входящей в древних российских стихотворениях, собранных Киршей Даниловым, описан поход Ермака, а в замечательном издании «Русские народные картинки», собранном и описанном Д. Ровинским, можно

² А. Дуранин удерживает до сих пор об этом имени в том, не считая имени, упоминает историю И. И. Буткина говорит, что «Сибирь завоевана казаками в 1580 году Ермаком», и привел ее различиями с историческим. Печать на историческом древнем и вышеназванном. Россия Г. Деклария (1788. Т. II. С. 144).

^{2*} Как что, вводит некоторые отношения к 300-летию Сибири//Сибирь. 1882. № 49.

^{2**} Пуцилло. Вышеуказанная, ссч. С. 281-283.

видеть, что среди народа личность Ермака Тимофеева связана с былинной об Илье Муромце, которому Ермак приходится племянником. С ним Илья Муромец освобождает Киев от Батая Батывича и бабца Мамасны. Племянником же Ермак приходится и великому князю Владимиру. Далее встречаются картинки, где целовальники и кулачные бойцы именуются Ермаками, Ермопками. По замечанию Д. Ропинского, в народе целовальники и кулачные бойцы звались Ермаками, т. е. Еремками; под этими же именами они участвуют в похоронной процессии погребения kota*.

Спустя немного времени другой исследователь — Енгалачев — объяснил, что имя Ермак в устах народа то же самое, что Ермолай, что можно и доселе слышать в русских деревнях, например, в Тамбовской губернии**». Затем слово Ермак считают параллелью от имени Ермолая и некоторые другие исследователи, как, например, А. Никитский^{42*} и епископ Мелетий^{43**}.

Из толкования г. Никитского видно, что имя Ермак встречается в новгородских писцовых книгах XVI века и есть действительное христианское имя, которое повторяется там так часто, что всякая мысль о каком-либо прозвище должна быть отложена в сторону как совершенно несостоятельная. «Форм. — объясняет г. Никитский, — в которых имя Ермак встречается в тех книгах, две: настоящая — Ермак и уменьшительная — Ермачко. И та, и другая из них встречаются как без отчества, так и с отчеством и даже с прозвищами. Так, с одной стороны, мы читаем: «Д. Онисимово: дв. Ермак Нестерков» (Пищ. кн. I, 573); «Д. Поля... дв. Роговиной, дв. Лесовик, дв. Ермак Остафьев» (П. 657); «Д. Полагина: дв. Ермак Болан» (П. 674); «Д. Пугачево... дв. Ермак Потанов, сын его Кирялко» (П. 709); «Д. Гольцино ж: дв. Ермак Оксенов да брат его Гридка» (П. 710); «Д. на Чермне: дв. Ермак Ивапков» (П. 729). С другой стороны, в тех же писцовых книгах мы находим: «Д. Лопыково: дв. Ермачко, дв. Сенка Ивапков» (Пищ. кн. I, 508);

* Пущина, Вещеркал, соч. С. 276-277.

** Еще об имени Ермак//Москов. вед. 1883. № 49.

^{42*} Никитский, Заметки о прозвищах имени Ермак//Журн. Миннет. литер. просв. 1892 (там), С. 125-126.

^{43**} См. сноску ** на С. 14 настоящего издания.

«Д. Подъяблонье: дв. Фомка, дв. Ермачко Еремейковы» (I, 516); «В Боровичском же погосте в волчей деревне в Налдех... дв. Ермачко Рубеи» (I, 525); «Д. Пальшево: дв. Митфейско Кузмин. дв. Ермачко Пахомов» (I, 594); «Д. Срути... дв. Ермачко Родиониковы» (I, 641). «Гораздо труднее, — говорит Никитский далее, — решить вопрос, какое из христьянских имен преобразовалось в имя Ермак? Новгородские писцовые книги, однако, и здесь дают нам самые положительные указания, которые не оставляют ни малейшего сомнения, что имя Ермак есть не что иное, как, по выражению Миллера, полумия от имени Ермолай. Припомним сначала, что когда при перечислении крестьян писцовым книгам приходится упомянуть о двух или нескольких братьях и детях одного из них, то последние обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того, от которого они происходят. Так, например, мы читаем: «Село Яковлич: дв. Клима, дв. Игнатко Васковы да Клима сын Перша» (Шисц. кн. II, 692) или: «Д. Красное: дв. Микифорик, дв. Павляк Иваниковы, дв. Микифориков сын Власно» (II, 737). Приложим теперь это соображение и следующему отрывку из писцовых книг: «Д. Опузово: дв. Митфейко, дв. Тараско Остапеш, дв. Гаврилко, дв. Мигала, дв. Васко Остапешы, дв. Титко, дв. Сидорик, дв. Ермола Сенкины, да Ермачков сын Иванско» (II, 704). В этом отрывке притяжательное «Ермачков» равнозначительное, как мы уже раньше показали, с притяжательным «Ермаков», должно быть по вышеизложенному отнесено к одному из братьев Сенкиных; а так как этимологически оно может быть подъявлено в соответствие только с одним именем Ермола, то ясно, что Ермачко, а следовательно, и Ермак есть полумия от Ермолая».

Засим что касается подобного же заключения преемственного Мелетия, епископа Селенгинского, по которому «культурное слово "Ермак" образовалось от имени Ермолая», то заключение это основывается на упомянутом выше синодике архива Нерчинского монастыря, где Ермак назван Ермолаем.

Самым позднейшим толкованием имени Ермака было толкование Вудинского, который в свою очередь именует Ермака Ермаком. Толкование это довольно своеобразно, а потому и приводится дословно: «Летописное известие, что

будто бы завоеватель Сибирского царства получил свое имя, или точнее кличку, от артельного котла, который по-татарски назывался «ермак», не заслуживает никакого внимания: «Ермак» — не кличка, а есть испорченное христианское имя Ермаил. С этим именем нам не раз приходилось встречаться, когда мы в «Сибирском приказе» прочитывали так называемые «именные списки» разного чина сибирских людей. Из этих списков оказывается, что имя Ермак носил не один победитель Кучума, а многие казаки, посадские люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которых потом составила в Тобольске особую «старую сотню» пеших казаков, два казака были ему тезками: один остатский князь, принявший при крещении имя Ермаила, также назывался Ермаком. Заметим, между прочим, что это имя варьируется на разные лады: «Ермак», «Ермачек», «Ермачко» и «Ермачишка». Происхождение последних уменьшительных названий, мне кажется, следует объяснить тем, что имя Ермак было слишком громким в истории Сибири, а так как московские люди взираям к классам всегда писались уменьшительными или искаженными именами, то и редким сибирским казакам и крестьянам казалось зазорным называться «Ермаками», и они больше частью писались «Ермачками» и «Ермачишками», но сотник казацкий и староста посадских людей могли уже называться «Ермаками», хотя, впрочем, этим полным именем назывались и некоторые крестьяне. В Сибири многие деревни и урочища получили свое название от имени Ермак, хотя эти деревни и урочища не имели никакого отношения к Ермаку Тимофеевичу; например, под самым Тобольском (по дозорной книге 1623 г.) при реке Мостовой была деревня «Ермакова», а при р. Плоской — деревня «Ермачкова»; эти деревни так назывались потому, что основателем первой был крестьянин Ермак, а второй основателем был конный казак Ермачек. Считая нужным предупредить читателя, что имя Ермак нельзя проводить от имени Ермаома: в списках казаков и крестьян оно или встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном «Ермошка» и «Ермолка». В Сибири есть деревня «Ермокина»; турецкий татарин, принявший христианство и получивший при крещении имя Ермола, так и писался Ермао-

лаем, а юрты его при реке Нице назывались «Ермолаевыми». Но имени Ермил мы ни разу не встречали в списках сибирских обитателей, хотя нам пришлось просмотреть более сотни именных списков князев, посадских людей и крестьян — не встречали, очевидно, потому что оно всегда заменялось «Ермаком» и «Ермаком» и т.п. Потому в некоторых народных песнях, относящихся к покорителю Сибирского перства, он совершенно верно называется Ермил: «Атаманом быть Ермилу Тимофеевичу» читаем в одной песне, или в другой: «Говорил-то нам Ермил Тимофеевич: «Уж вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мне, Ермилу, думлунку правдумца»» («Песни», собр. П. Киреевским, вып. 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37).

Итак, — заключает г. Буцинский, — настоящее христианское имя знаменитого князика Ермил, а прозвание его Ермаком не имеет никакого отношения к котлу и есть только обычное искажение христианского имени. Отсюда все замечания историков, что «сиромная должность кашевара не могла удовлетворить Ермака, жаждавшего более независимой, широкой, удалой жизни» и т.д. мы должны считать не более как риторическими фразами*.

Наконец, ныне к вопросу об имени Ермака одной из сибирских газет прибавлена следующая «библиографическая справка» (В.К.шева): «Неосомненно это слово в корне своем не чисто славянское. Но хотя в нем слышится и монгольские звуки, тем не менее имя Ермак и название папего Ермака Тимофеевича появлялись уже в истории в связи с судьбами славянского мира. В 454 году в Паннонии, нынешней Венгрии, на берегу Нотавы, происходила кровавая битва между словацким князем Ардарихом и сыновьями Атиллы — гуннского царя (своего слово «царь», по мнению А. Быкова, происходит от монгольского слова «саяр») — Ермаком и Ермаком. Ардарих остался полным победителем, и побежденный Ермак ушел гуннов в черноморские степи, где они, и прежде уже полуславяне, сблизились с приволжскими славянами и обрательвали Хазарское царство со столицей Атиллы**».

* См. примеч. 274 на С. Тимофеевичевых князиках.

** Сибирск. вестн. 1891. № 37. — Справка более ни о чем не говорит и заканчивается неверной датой (Р.М. 1891. № 3) на труд А. Быкова «Славяне и угоры».

Этим толкованиям, а с ними и розыски действительного имени Ермака заканчиваются.

III

В приведенную выше литературу имен поворителя Сибири не вошло отчаянно немногое⁸, но сгруппированные за ней сведения вполне достаточны для ознакомления с теми разноречиями, какими обставлен вообще вопрос о христианском имени Ермака. Платице, не думая о том, что склеилось для нас по упомянутому вопросу неизвестным, мы коснемся тех обычаев, по которым у предков наших славян псалтырь, иже имет в заповитиных для нас членихъ, именовалась необходимостью иметь иногда по два и по три имени, делить эти имена на явные и тайные и проч.; коснемся, потому что напоминание о таких обычаях может иметь некоторое значение в занимающем нас вопросе и, так сказать, облегчать трудность догадок о действительном имени Ермака.

Но говоря о именах племен славянских, нельзя обойти молчанием имен и других народов: те перенорты, какие производились в именах последних, были во многом сходны с тем, что происходило с именами славян.

У германских племен, как только они являются на поприще истории, личные имена означали и какое-нибудь свойство душевное или телесное, или же выражали какую-нибудь мысль, а следовательно, были имена знаменитые: так, например, имена Карл (муж крепкий, или стремительный), Людовик (эони, или достойный похвалы), Вильгельм (защитный, или будь защищен), Алфред (великий защитник), Вольдемар (славный господин) и т. п. Но когда германцы, утвердившись на римской почве и просветившись христианством, познакомились с римской гражданственностью, этот род имен должен был исчезать и заменяться именами христианскими или римскими. Однако ж это делалось нелегко. Вежкий народ не скоро оставляет свои прежние предания и не вдруг отказывается от прежних своих верований и обычаев, которые дороги для него, как насле-

⁸ Ким, *ж. р. и. м.*, статьи «История в восточной Европе» Шестуки, *Сверд.*, ведомост. 1883. № 1) и «О прозвании Ермака Тимофеевича» (Казанский вест. 1883. № 17).

дые предков. Германцы, не привыкшие к длинным римским именам, не могли слышать их в дороботной их чистоте и переделывали по-своему, обращая, например, *Laurentius, Maurilius, Maximilianus, Benedictus* в *Lorenz, Moriz, Max, Benedoke* и т. д. В этой переделке новые имена часто искажались до неузнаваемости: так, например, у немцев из германских народов греческое имя Александр обратилось в *Kassamir*, у итальянцев — в *Alemandro, Sander*, у англичан — в *Sandre, Senny, Elik*; Маргарита обратилась у немцев в *Гретхен, Meta*, у итальянцев — в *Сита*, у французов — в *Margot*, у англичан — в *Мек Роггу*; Барбара (*Barbara*) у французов — в *Babet, Babette*, у англичан — в *Bab*. Стучалось иногда и то, что в той же переделке образовывались имена сложные, и которых одна половина состояла из имени христианского, а другая — из имени языческого.

Между тем христианское учение, соединяя с наречением младенцу имени святого высокое значение, поставляет этим принявшего имя святого под особенное его покровительство, призывает особенную помощь его. Но какое родительское сердце не пожелает, чтобы у его сына или дочери было как можно более небесных покровителей и заступников. Отсюда в римско-католических государствах (а впоследствии и в лютеранских) произошла обычай давать новорожденному как можно более имен. С течением времени множество имен христианских, носимых одним человеком, было призвано за знак благодарного происхождения его. Набожные португальцы, испанцы и итальянцы особенно отличаются наречением одного младенца несколькими именами: так, родившийся в 1799 г. испанский инфант получил при крещении 54 имени; позднее сыну португальского претендента Лона Мигуэла дано при крещении до 30 имен. К этому обычаю присоединилась еще новая особенность: считать христианские имена нераздельно — и мужскими и женскими. Имя Марии, например, у французов — самое любимое и общее как для мужчин, так и женщин, и его носили многие из знаменитых мужей (Вольтер, Вебер и др.)⁴.

⁴ Морозкин. О фамильных именах у европейских народов/Жури. Милит. наг. пресс. 1884/Х. LXXXIV Отд. 2. С. 129-131, 133, 137, 140 и др.

Подобные же перевороты, но в более сложных формах, мы видим и на именах славян особенно в то же время, когда Русь призвана была князем Владимиром ко святому крещению и когда потребовалась замена прежних языческих имен новыми христианскими, в которых звучали языки еврейский, сирский, греческий, латинский и др. Последние имена казались народу чем-то чуждым, непонятным, неудобопонимым. В этих именах народ не только не мог уловить какой-нибудь смысл или значение, но даже не всегда мог и выговаривать их правильно; язык его заминался на них. Но творческая сила духа народного брала свое: она силилась овладеть этой массой чуждых слов, преобразовать их, согласно гению своего языка, и дать им внешний вид и образ своих народных имен. От этого происходило следующее: 1) если в христианских именах находились звуки, сходные со звуками славянских имен, то, не додумываясь до того, соответствуют ли по смыслу первые последним, народ переделывал христианские имена на свои славянские: в этой переделке из Тихона являлся Тиша, из Георгия — Юр, Юрий, Яр; из Нила — Мил, из Мирона — Миша, Ромона — Рода, Родка, из Лавра — Лавра и т. д.; 2) если славянский язык не представлял слов, созвучных с христианскими именами, то последние просто надросто ломались и укладывались в свойственные гению того языка увеличительные и уменьшительные формы, преобразовываясь уже до того, что трудно становилось найти в них даже начальную тему; в этих случаях Тимирья, например, называлась Тучкою, Елокия — Душкою, Пантелеимоу — Пантэхой, Агрипина — Грушею, Грушкою, Грунею, Грудашею; Терентий — Терехой, Терехом, Торохом и т. д. и 3) если же при христианских именах в священных встречах еще имена нарицательные, выражавшие или звание, или подвиг святого, то те, которым давались такие имена, в жизни употребляли не сами имена, а стоящие при них предикаты; от этого выходили имена Постников, Постничков, Воинов и т. п.*.

Такой переделкой имен народ старался осмыслить их для себя, отчего вместо того значения, какое имели те име-

* Мережков, О личных именах у русских славян/Изд. археолог. общ. Моск. Т. IV. Вып. 6. С. 518-521.

на в христианском мире, им придавалось уже свое значение, чисто туземное. Таковы имена Трофим (переводывалось Троша, Трошка, означало — троха, трошить, кроха, крошится), Борис (Боря — бор), Матфей (Мотя, Мотоха — мот, моток, мотать), Терентий (Тереха — терять), Стефан (Степа, Степуха, Степаша, Степка — степь, степнати, степать, степь), Симеон (Семен, Семья — семя, сень), Ианов (Яша — яшьяй), Константин (Костя — кость), Антоний (Тоня — сеть, толуть), Николай (Коля — кол, колья), Елисей (Елеся; корень лес, лас, откуда — лесть, ласка, ластиться; как и Лазарь, Елеся — лъстеп, пролаза), Фома (Хомка — хомки), Сергей (Серега, Сережка — серага), Козьма (Кузьма, Кузька, Кузьелька — кузьн, кузюк) и проч. К некоторым из этих имен в отомский период распространности указанного при них славянского значения можно приводить если не доказательства, то вероятные догадки: переделка, например, имени Фома в Хомку — «хомяка», выработала прозвище Шемяки, ставшее народной кличкой всякого недогадливого и неловкого судьи; или же — разъяснение имени Козьма словами «кузи» (кузница) и «кузов» (мешок), по народному поверию, в противоположность Козьма-бессребреннику образовало сказания «о Кузьме-скоробогатом», объяснение просто: кузнец может ковать деньги, а кузов хранить их² и т.п.

Однако ж церковь старалась помогать народу в стремлении понять смысл христианских имен: появлялись так называемые алфавиты, азбуковники и другие руководства, изъяснялись, славянок образоч, употребительно и чинилась и усилить действительное значение тех имен. В предисловии к одному из таких алфавитов — «Книге промудрой, имеющей в себе 24 языка», — говорилось: «Прежде закона и в законе немцы, иже по благодати древних родов человека, даху детям своим имена, якоже отец и мати восхощет, или от образа отроцати, или от времени, или от вичи, или от притчи. Яко же сей человек рьянлив, видя отроца свое зрело, даридше имя ему Климент, по римски бо Климент, а по русски Милосерд или Тихомирин. А от времени сие есть: рождённому Филоку во дни разделения, и того

² П. Веселов. «Заметки» в приложении к книге «Песни, собран. П.Н. Рыбниковым». Ч. II. Мск., 1862. С. 534.

ради наречен бастъ Фалек, ибо Фалек разделение толкуется. А се по прилучаю: Сарра, жена Авраамля, до девятидесяти лет неплоды бе и в старости от Бога слышаше родити сына, возмется, глаголя: сие ли мне сотворих Господь! Родилши сына и нарече имя ему Исаак, по еврейски Исаак, а по руски Смах или Радость. А от вепи сие есть: в Риме берывше зело благоуханно, по римски нарицахеся Лаврентий, и люблше римляне древо то, и даху детям своим имя то, еже мы глаголем: Лаврентий. Тако бо славяном прежде крещения и св. писания разумения, даху детям своим имена, якоже хотяху, иже суть сие: Важен, Богдан, Третьяк и подобные сии. А понеже мы ныне, ноши неверия уже михошедшей и свету истиннаго благоразумия осияншу благодатию святаго крещения, не к току от причей, или от вепей наречение имен приеком, но по имени настоящаго дне святаго, на него же намъте родихомся, или крестихомся»⁶.

Но подобные разъяснения мало достигали цели и, несмотря на требование духовенства, чтобы при крещении все принимали христианское имя, русские продолжали переделки и искажения христианских имен и наряду с последними употребляли даже имена языческие. Выше замечено уже, что народы не вдруг расстаются со своими верованиями и убеждениями, а потому и по принятии христианства долго следуют своим прежним обычаям и поверьям, оставаясь, таким образом, двоеверными. Так было и с нашими предками в отношении личных их имен. Вероятно, отцы и матери после крещения детей считали для себя священным являться к волхвам, чтобы получить от них вместе с обаяниями и другое имя для своих детей, которое становилось рядом с христианским именем и получало право гражданства. Потому в сфере церковно-духовной русской имел христианское имя, но в общезнании, в родной записи, закладной, писцовый листе он подтягивался подоткнуть языком. С особенностью этой мы встречаемся на первых же страницах летописца. Знаменитый летописец XII века игумен Даниил упоминает о русских князьях под двумя именами — народным и христианским, например, Святослав—Михаил, Болдодмер—Васильй, Олег—Михаил, Святослав—Панкратий⁷. Позднее,

⁶ Морозовъ. О личных именах у рус. славян/Изв. археолог. общ. 1863. Т. IV. Вып. 6. С. 521-522.

⁷ Там же. С. 525.

в XV и XVI веках, мы встречаем множество непонятных имен, которые употреблялись в деловых бумагах вместо имен христианских, и знакомимся с широким распространением нового обычая: кроме христианских имен, давать людям имена по их нравственным свойствам. По замечанию Карамзина, царь Иван Грозный и духовенство его времени, желая истребить обыкновенно древние, противныя святой вере, не коснулись в Стоглаве этого обычая: не только простолудины, но и знатные сановники, уже считавшие за грех называться Олегами, или Рюриками, назывались в самых государственных бумагах Дружинами, Тишинами, Истомами, Неудачами, Хозяинами единственно с прибавленным христианского отчества. Сей обычай казался царю невинным⁴. Раз принятое, помимо имени христианского, какое-либо другое имя, было ли оно языческое, или народное, оставалось неизменным уже во всю жизнь носившего его и принимало такое употребление, что замена его другим именем, хотя бы и действительным христианским, становилась как бы невозможной. В Сибири уже после эпохи Времана между воеводами, головами и дьяками встречались такие имена: Цеслав Бельский, Нечай Порфирьев, Воин Волтин, Болонича Юзлин, Неуповой Кокешкин, Чеботай Челушев, Влук Пушкин, Курдюк Давыдов, Грязной Бартевев, Ждан Кондрев и другие. Несомненно, что носившие такие имена имели, кроме их, и имена христианские, но последние оставались без употребления даже и в таких документах, которые составляло церковное тогдашнее духовенство — духовенство, например, тобольского архиепископского дома⁵. Заметьте, однако же, что в течение XVII века такие имена малопомалу начинают выходить из употребления, а к концу его почти совсем исчезают, переходя в простые прозвища. Поводы, по которым образовывались такие имена, были весьма разнообразны и не всегда могут поддаваться объяснению: иногда эти имена указывали на родину или место происхождения (например, Галичанин, Устюжанин, Торопочанин), иногда на ремесло или занятие (Каланшиин, Росоловин, Шенетильник), иногда на свойство человека, на теле-

⁴ Карамзин. IX, С. 483.

⁵ Пашин, в «Кратком доказании о воеводах...» (1732), откуда (С. 5, 6, 11, 32, 41, 48, 61, 66 и 78) выписаны упомянутые имена.

сильный недостаток (Лихач, Плакса, Немта, Безносой), а иногда выражали они ваземешливые клички (Мерзалая голова, Набеденежье, Овсяной разум) и т. под.

К этому необходимо прибавить, что в старых документах нередко встречается употребление одновременно двух христианских имен: так, например, в Никоновской летописи пишется: «Яко родился днесь, отче, у великаго князя Василия на Москве сын Тимофей, а нарекоша имя ему Иван», или: «Родися великому князю сыну Гавриилу и нарекоша его Василий Парийский». Известно также, что знаменитый Хмельницкий имел два имени: Богдан и Зицков; паренч Дмитрий искал еще имя Уара, следовательно, тоже два христианских имени⁴. Иногда бывало по три имени — народное и два христианских: одно явное, а другое тайное, известное только тому, кто носил его. Это делалось по верованию в возможность предостережения себя от лихих людей — волхвов и чародеев, которые, зная имя, данное при крещении, могли делать носившему его всякий вред, прикрываясь же другим именем, вреда этого можно было избежать. К такой многоименности могли быть и другие причины: например, тяжкие преступления, желание укрыться от каких-либо преследований и т. п. Случалось, что человека, которого все знали за какого-нибудь Ивана, после кочкыма на погребении называли Павлом и тут только узнавали его имя^{4*}.

Не имел ли двух имен и «велезумыый ритор» наш Ермак?

IV

При разнообразии толкований слова «ермак» можно отдельно определять и начало употребления его, как имени. Однако ж мы привыкли думать, что до появления на Волге удалого Ермака слово это в значении имени было вовсе неизвестно: привычки же так думать потому, что, кроме дознания царю Ивану Грозному чердынского воеводы Пеледидца и посланной, по получении его, царем 16 ноября 1582 года грамоты Строгановым^{4**}, не знали ни одного офи-

⁴ Морозович. О явн. именн. у рус. славян. С. 528.

^{4*} Забелин. Русск. вѣков. его обичаи, образы, предания, суеверия и поэзия. 1880 Ч. IV. С. 537—538.

^{4**} Миллер. Гл. III. Вып. к § 3.

дального акта, который бы подтверждал употребление упомянутого слова в означенном акачении до сибирских походов Ермака. Напротив, теперь оказывается, что покоритель Сибири вовсе не был первым носителем имени Ермака. Мы не хотим этим сказать, что имя Ермак было в употреблении в первые века по Рождеству Христову, так же, как не думаем по приведенной выше справке⁴ называть Ермаком в смысле лаптедимого царя гушова Ирника, однако можем считать за доказанное, что имя Ермак задолго до времен царя Грозного имело уже распространение по всему Московскому царству. Это достаточно подтверждают нам новгородские писцовые книги⁵. Независимо этих документов, на то же распространение имени Ермак указывает и другие указания. Имя Ермака встречалось, например, в донском казначестве и послужило для историка последнего Броневского поводом к сообщению, хотя и сомнительному, что казакский старшина качалинской станицы, носивший имя Ермака и избранный в это звание в 1577 году, был не кто иной, как будущий покоритель Сибири, павление которого воюбить на Дону отнесется будто бы к 1570 году⁶. Кроме того, имена Ермака найдены по опiskaм русских ратников, бывших в конце июля 1581 года под Могилевом на Днпре, т.е. во время битвы нашего Ермака с ратью Маметкула на Тоболе

⁴ См. справку ⁴⁴ на С. 28 настоящего издания.

⁵ См. справку ⁴⁵ на С. 18 настоящего издания.

⁶ См. справку ⁴⁶ на С. 17 настоящего издания. — Нельзя заметить, что Рязанский автор «Достопамятныя о доводных казаках», 1778 г. (См. справку ⁴⁷ на С. 17 настоящего издания), действительно записал описаний о казакской дивизии, оставшаяся воеводой на чинах Ермака о происхождении доводных казаков от черкес, ирландцев и жюкую Рогову из Кабарды и смешавшись здесь с украинцами, которыми, удавшись на Польшу, смешались с татарскими рыцарями, соединились сюда и цыганскими пашадам. Далее, по сообщению «Повествования», они достроили на Дону г. Черкасск и, увеличившись в нем, стали на стороне русских и воеводою против татар и турок наступательные войны. Во главе казачьего отряда будто бы и шел Ермак Тимофеевич, бывший под парской описью. Поблизости, что в краткой летописи доводного войска, подполковник и «Довесному календарю на 1874 год», в списке доводских отрядов под 1578—1584 гг. именован в Ермак, хотя о том, когда и каким путем он вошел в казачьи войска, ничего не упоминается. Такое название летописец имел только потому, что в казачьих войсках упоминается, что в войсках отрядом был другой Ермак, а отсюда не поспешно Сибирь, который в казачьих войсках, кроме отряда в Сибирь, еще в казачьих войсках отряды на Туре, Тоболе и Иртыше, не мог быть одновременно и на Дону, означаясь тем же именем на разных концах донских войска.

у юрт Бабасанских и устья реки Турбы, и в отрядах людей, состоявших в 1582 году на царской службе в Перми. Это ввело в ошибку даже историка Костомарова, заключившего, подобно Брозевскому, что упомянутый в обоих документах Ермак был одним лицом, которое вскоре я вылез в роли того же покорителя Сибири*. Далее и в ссылке на него вытекает из текста видно, что, кроме центра действий Ермака — нынешней губернии Казанской, Пермской и Тобольской, где до тридцати разных селений получили и сохраняют название «Ермаков», «Ермачат», «Ермаковых» и «Ермаковских»⁸⁴, также же называли почти всевозможные места, кончающиеся в районах отдаленных от этого центра губерний, куда имя сибирского Ермака могла принести разве только дикозвучавшая еще и через два уже века завоевания в Сибири краткая история его: так, в губерниях Смоленской и деревень называются «Ермаками», три — «Ермачками» и одна «Ермаковой»; Олонцкой — шесть же деревень зовутся «Ермаковыми» и «Ермаковскими»; Московский — два селения зовутся «Ермаковыми»⁸⁵. Такие же названия встречаются между Ермаковскими местами и по некоторым другим губерниям.

Сопоставляя приведенные сведения с известными толкованиями имени Ермак в значении «дорожного тагана» и «железного камня», называвшихся по летописи на Волге «ермаками», мы встречаемся с полной несоответственностью того толкования. Для снижения такой употребительности, каковую, по сведениям тем, имело это имя на Руси, одних названий же столь ничтожных предметов, каковы таган или камень, было совершенно недостаточно. Можно согласиться, что название этих предметов «ермаками» послужило для разбойничьей шайки Ермака выражением нравственных качеств или физической крепости последнего, обратившись и в прибавку к носимому им христианскому имени и ослабилось в единичном случае уличной клички по нем будущего завоевателя Сибири. Но допустить, что те же таганы и камни, носившие притом названия «ермаков» толь-

* См. список ** на С. 17 настоящего издания.

⁸⁴ Списки населенных мест. Сиб., 1868. Т. XIV. С. 207, 1871. Т. XXXI. С. 395; Т. LX. С. 175.

⁸⁵ Списки населенных мест. Сиб., 1868. Т. XI. С. 453; 1879. Т. XXXVII. С. 205; 1882. Т. XXXIV. С. 42, 68.

ко по одному Поволжья, заключают в этих названиях корень имен людей, явившихся родоначальниками селений, раскиданных вдали от Поволжья, притом таких людей, которые ничего общего с деятельностью Ермака не имели, было бы, по меньшей мере, не правдоподобно. Если же к этому прибавить еще известную легенду об основании Казани, по которой местное название котли, или тагана, переводится не «ермаком», а «кашлом»³⁴, то упомянутое толкование слова «ермак», по примеру Карамзина, действительно может быть названо «сказкой». Есть, впрочем, одно малоизвестное объяснение, старающееся усилить в этом толковании значение тагана передаваемыми летописью услугами Ермака «при варении артельной кашки». По этому объяснению Ермак был душой своей дружины, коневаром, а «кош» и у запорожцев XVIII столетия, сохранявших устами военного братства, был духовной и вещественной связью и скрепой витязей и в походе, и в становище; по нему и атаманы назывались «кошевыми»³⁵. Но и это то же, что «не любо — не слушай»: упоминаемые объяснения «кош», а летописью «кашу» нужно различать.

Таким образом, примеры новгородских книг, в связи с другими указаниями опровергая происхождение слова «ермак», как разбойничьей клички или прозвища, приводят к мысли, что слово это было имя и, несомненно, имя христианское, употребленное в обычной в старину передаче в населении Московского царства ранее эпохи покорителя Сибири, и что от людей, называвшихся Ермами, унесли себе названия кочие домища до нас селения, раскиданные и по Сибири, и по России. Между тем вопрос о том, какое именно христианское имя следует разгадать в имени Ермака, остается неразрешенным.

В вопросе этом из помещенных нами выше сведений заслуживают более внимания только два толкования гг. Никитского и Бусликовского, имеющие основой своей архивные документы, которыми и располагают к тому, чтобы ближе коснуться значения их.

Оба толкования не сложны. Г. Никитский, сославшись на новгородские писцовые книги XVI века, представляющие

³⁴ *Пчелкин*. Казань в ее прошлом и настоящем. Спб., 1880. II. С. 16.

³⁵ *Завалишин*. Описание Западной Сибири. Моск., 1862. VIII. С. 332.

множество упоминаний имени Ермака в двух формах: настоящей «Ермака» и уменьшительной «Ермачка», приводит к заключению, что имя Ермак есть переделка от имени Ермолай. Те из новгородских писцовых книг, на которые ссылается Никитский, составляют собственно одну «Переписную оброчную книгу деревской пятины», издавную лишь в двух томах*, которая относится не к XVI, а к концу XV века, или, точнее, ко времени около 1495 года. Заключаящаяся в этой книге именная перепись населения 61 погоста названной пятины сделана уменьшительными именами насельников, между которыми показано множество имен, изуродованных современной переделкой до того, что назвать те имена правильно теперь могли бы разве только сами носители их. Таковы, например, имена Аристик, Еска, Изикейко, Мичюра, Нероник, Окулец, Окулко, Онкичко, Палка, Сидко, Тиманик, Труфаник, Харка, Юшко, Филистик и другие. Ко многим из таких уменьшительных имен по созвучию подходят несколько имен в правильном виде, например, к имени Аристик — Аристарх, Аристовул, Аристоклий, Арис; к имени Палка — Павел, Павлин, Палладий, Папила, Папий; к имени Филистик — Филикс, Филимоп, Филип, Филит, Филофей и другие. Но какое именно из последних имен следует разуметь в тех «Аристике», «Палке» и «Фидистике» — этого не сказали бы нам и сами составители деревской переписи. В общем ряду тех имен весьма часто встречаются и имена «Ермола», «Ермолка», «Ермачко» и «Ермак», имен же Ермолая и Ермила ни в настоящей форме, ни в уменьшительной Ермолайка и Ермилка между теми именами вовсе нет, хотя, например, созвучное им имя Еремея везде показывается или «Еремкой», или «Еремейком». Происхождение имени Ермак от имени Ермолая г. Никитским, как видели мы, основывается на том, что встречаемые в названной переписи при перечислении крестьян упоминания нескольких братьев и детей одного из них обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того,

* Новгородские писц. книги, издан. археогр. комиссией. Переписная оброч. книга дерев. пятины, около 1495 г. Т. I. Спб., 1859. III+II—906 с.; Т. 2. 1862. III+890 с. — Книги эти, считаемые самыми древнейшими, были подробно описаны в ст. *К.А. Неволдина* «О лятиях и погостах новгородских» (Запис. Имп. рус. геог. общ. 1853. Кн. VIII. Прил. VIII. С. 187—242).

от которого они происходят: например, «дв. Титко, дв. Сидорик, дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко». По объяснению Никитского в приведенном примере притяжательное Ермачков, относимое к одному из братьев Сенкиных и поставленное в соответствие только с одним именем Ермолка, показывает, что Ермачко, а следовательно, и Ермак, есть полумия от Ермолая. Но, объясняя эту переделку Ермолая в Ермака, Никитский всего не договорил, не договорил того, что имя Ермолай, переделываемое в Ермака, как показывает приведенный пример, превращалось еще в слово «Ермолка», но что это бывало не всегда, как показывает, например, такая запись той же деревской книги: «Д. Столп: дв. Федко, дв. Ермачко Сидоровы, да Федков сын Ермачко, а Ермачков сын Гридка, сеют ржи...»*. Здесь, как видим, дело обходится уже без «Ермолки», а потому и притяжательное «Ермачков» для толкования имени Ермак от Ермолая, или Ермолки, теряет всякое значение. Засим не договорил г. Никитский и того, что в слове «Ермолка» можно равносильно Ермолаю разуместь и имя Ермила, так как другой уменьшительной формы для этих обоих имен перепись деревской пятины не дает. Допустить, что имени Ермила в XV веке не существовало — нельзя, так как оно явилось в употреблении с именем Ермолая одновременно в том общем числе греческих имен, какие перешли к славянам с принятием христианства: имена эти установились в память мученика Ермила, пострадавшего в царствование Ликийя в 312 году и священномученика Ермолая, пострадавшего от Максимилиана в 296 году по Рожд. Христ. и в переводе с греческого означают: Ермил — «из лесу Ермиа», а Ермолай — «народовещатель».

У Буцинского другие доводы. Ссылаясь на рассмотренные им в московских архивах именные списки разного чина сибирских людей, но не приводя из них ни одного буквального примера, как это делает Никитский, названный исследователь приходит к убеждению, что имя Ермак составляет переделку имени Ермила и что его нельзя производить от имени Ермолая потому, что в списках тех последнее имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорчен-

* Там же. Т. II. С. 792.

ном «Ермошка» и «Ермолка», а имени Ермила в списках нигде нет, очевидно, потому, что оно всегда заменялось Ермаком.

При всем желании, если не согласовать эти два разно-речивые толкования, то хотя установить в известной степени вероятис того или другого, мы не находим к этому возможности. По настоящему мнению указываемые в этих толкованиях источнки, хотя и архивные, кроме одной распространности на Руси имени Ермака, ничего не выясняют. Живя в Сибири, рукописная старина которой истреблена пожарами, и не располагая поэтому такими материалами, которые дали, например, Буцинскому для исследуемого предмета московские архивы, мы с целью ознакомления с образованием имени Ермак от упомянутых выше христианских имен за время, близкое к жизни покорителя Сибири, просматривали несколько печатных книг населения г. Тобольска XVII и XVIII столетий, изданных по материалам тех же архивов. По книгам этим в XVII столетии в населении Тобольска людей под именами Ермолаев и Ермилов вовсе не показывается, а означено десять человек (пятидесятник, казак, барабанщик, сторож, два посадских и четыре десятника), которые одинаково названы «Ермолками»^{*}; напротив, в XVIII столетии по книгам тем людей под именами «Ермолок» уже не встречается, а означено четыре человека Ермолаями и один Ермилом^{**}. Это свидетельствует, что до XVIII ст., когда известным указом Петра I воспрещено было употребление в документах полуимени, «Ермолками» писались безразлично и Ермолаи, и Ермилы. Мало этого: двум называемым именам есть немало других созвучных имен и одного же с ними греческого происхождения; к таковым принадлежат Ерасм, Ераст, Ермипп, Ермий, Ермоген, Ермократ, Ерм, Ерос; или же: Иеракс, Иероним, Иерон, Исрофей и др. Как сказать, что словом «Ермолка» при столь широком его употреблении не означалось если не

^{*} Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII ст. 1885. С. 51, 53, 54, 57, 58, 63, 76 и 90. — Почти то же самое показывают сонная, писцовая и переписная книги XVII ст. по Устюгу Великому; там в четырех случаях упомянуто имя «Ермолка» и в одном «Ермолаико»: Ермилов же и Ермаков не показано. (Устюг Великий: Матер. для истории города XVII и XVIII ст. 1883. С. 3, 130, 161, 291 и 150.)

^{**} Тобольск: Материалы для истории... С. 118, 120, 125, 129 и 130.

всех, то хотя некоторых и из этих имен? Толкования гг. Никитского и Буцинского этого не предусматривают. Далее, по отношению к именам Ермолая и Ермила необходимо заметить, что имена эти празднуются церковью по одному разу в год (26 июля и 13 января) и одинаково малоупотребительны; по крайней мере их нельзя сравнивать в употреблении с именами, показываемыми по церковному месяцеслову несколько раз, например, именами Федора, Петра, Александра (30, 26 и 24 раза) и друг. Таким образом оказывается, что относить имена «Ермолок» исключительно к одному имени Ермолая нельзя, невозможно допустить, что в населении Тобольска за целое столетие пережило десять Ермолаев и не было ни одного Ермила. Если же предполагать, что оба эти имени должно подразумевать скрывающиеся в именах Ермаков, то и этих последних имен по книгам там вовсе не показано, стало быть, и они заключаются в тех же «Ермолках». Но так или иначе сопоставляя эти замечания с рассматриваемыми толкованиями, мы получаем в результате одну, неподдающуюся разъяснению, путаницу: выходит, что в приведенном Никитским примере — «...дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко» — «Ермолкой» вместо Ермолая мог быть и Ермил, так как «Ермолками» писались безразлично оба эти имени, тогда как по Буцинскому «Ермолкой» этим должен быть уже, безусловно, Ермолай, ибо в «Ермолку» превращалось только это имя. Короче, толкование Никитского становится как бы принадлежностью Буцинского, а толкование последнего переходит в собственность первого. Словом, получается то, от чего по поговорке «заходит ум за разум».

Но нелишне коснуться и прочих частей толкования Буцинского. Что Ермак есть испорченное имя Ермил, исследователь свидетельствует тем, что по упомянутым им спискам сибирских людей имя это носили многие казаки, посадские люди и крестьяне, что имя это варьировалось на «Ермачков» и «Ермачишек» и что от него же получили названия многие населенные места Сибири. Все это почти уже доказано, но говорит только о той же несомненной распространенности имени Ермака да обычном в старину превращении его в уменьшительный вид. Далее толкование передает известие, что «один остяцкий князь, принявший при

крещении имя Ермака, также назывался Ермаком». С известием этим мы знакомы, но только в одной части его, именно — что в роде обдорских князей за время царствования Михаила Федоровича действительно был князь Ермак, сын князя Мамрука и внук князя Василия, крепленного в Москве при царе Федоре Ивановиче. О роде этом в свое время извлекаемы были сведения из старых дел бывшей березовской восводской канцелярии и хранящихся у князцов царских грамот упомянутым уже нами П.А. Абрамовым, но той подробности, чтобы сын Мамрука, носивший имя Ермака, был назван при крещении Ермилом, мы нигде не встречали*.

В толковании имени Ермак извращением от Ермила подробность эта весьма важна, но дать ей вероятие на слово мы не можем: источник, откуда взята она, г. Буцинским не объявлен. Судя по тому, что в старину царями нередко давались людям почетные прозвища, которые оставались при них навсегда и переходили даже в потомство, как фамильные названия, можем только предположить, что и остяку, сыну князя Мамрука, было дано Михаилом Федоровичем имя Ермак в виде подобного же прозвища, как это сделано, например, в 1564 году царем Грозным, назвавшим одного мордвина Дружиною**». Наконец последняя часть толкования г. Буцинского упоминает народные песни, где покоритель Сибири действительно называется Ермилом. Но, по нашему мнению, и это указание переделки или происхождения имени Ермака от Ермила также не доказывает. Историческая верность песен, воспевающих Ермака, в общем, весьма сомнительна: довольно заметить, что песни те часто мешают Ермака со Стенькой Разиным, Ванькой Каином и Гришкой Отрепьевым и дают ему в товарищи каких-то Самбура Андреевича да Алофрия Степановича; одна песня вместо летописной фамилии Аленина, придает ему фамилию Бургомнирова; другая, и самая распространенная из тех песен, «Ермак взял Сибирь» называет местом гибели героя р. Бнисей*** и т.п.

* Абрамов. Опис. Березов. края // Тобол. губери. вед. 1858. № 20. С. 375 и 376. — Нет упоминаний князя Ермила и в ранних сведениях об остяцких князьях, имеющихся, наприм., у Миллера (Ежемесяч. соч. 1764, гл. 6, § 34), Новикова (Древ. явл. Ч. III под 7141 г.) и др.

** См. сноску ** на С. 29 настоящего издания.

*** Древние российск. стихотвор., собран. Кирпешю Даниловым. С. 122; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. II. С. 230–232 и др.

По всему этому оказывается, что назвать Ермака по-христиански вовсе не легко, даже и зная, что имя это имело на Руси общее употребление. К тому же по тем примерам употребления этого имени, какие указаны выше, заметны некоторые особенности, зарождающие даже сомнения, было ли имя Ермак имя христианское. Прежде всего оказывается, что имя Ермак не имело такой распространенности, такого почета, какими пользовались некоторые другие имена. Возьмем для примера имя Иоанна, перелывавшееся в Ивапа, или Ивашку. Это имя, переводимое с еврейского словом «благодать», с незапамятных времен было, или, лучше сказать, жило на Руси решительно святой необходимостью. По преданию первые напги христиане, отрождаясь водою, молили себе благодати, и крестители их нарекали всех Иоаннами: «без благодати и крещения не знати». Такое предание весьма сходно с истинной, так как имя Иоанна празднуется церковью в течение года 61 раз и, превратившись в Ивана, стало столь популярно, что от молитвы перешло к песне, от песни — в повесть, сказку и везде стало неперменным. Не то мы видим в употреблении имени Ермака. Имя это не было почетным и носилось исключительно казаками, посадскими людьми, крестьянами, вообще в низших классах людей; в классах же высших оно не появлялось и ни одного боярина, наместника, воеводы, головы и даже дьяка с этим именем неизвестно. Поэтому и в сибирских летописях, кроме покорителя Сибири, не упоминается под именем Ермака ни одного из высших служилых лиц. Исключение представляет только известие одной из тех летописей, что в 1626 году в числе строителей Качинского, или Красноярского острога между другими был тобольский атаман Ермак Евстафьев*, но это показывает лишь употребление того имени между казаками, к которым несомненно принадлежал и Евстафьев. Засим становится очевидным, что в высших классах не существовало и переделок в имя Ермака созвучных ему правильных имен, хотя бы, например, того же имени Ермолая: так, пермский князь Ермолай Вымский, отец князя Василия, ходившего в 1465 году с устюжанином Василием Скрыбой

* *Новиков.* Записки к сибир. истории служащ. // Др. рос. вивлиоф. 1788. Ч. III. С. 145.

воевать Югру, ни в летописях, ни в синодиках Ермаком не именуется, а везде называется Ермолаем; сын же его — Ермолаичем и Ермоличем*. Далее: с именем Ермака неразрывно связано употребление имен «Ермола» и «Ермолка» — слов, имеющих чисто татарские звуки**, каких не чуждо и самое имя Ермак. Все это сближает с мыслью о том, не имело ли происхождение упомянутых имен какого-либо соотношения к той веренице разных обычаев, какие предки наши задолго до Ермака унаследовали от татар.

Известно, что Карамзин еще напоминал о некоторых следах татарщины в обычаях русского народа, но замечание историка*** скоро стало забытым; мало того, некоторые пачипали даже отвергать возможность дурного влияния на наших предков татар. Татарские элементы, затаившиеся в русской жизни, стали понемногу выясняться только недавними исследованиями****. Благодаря этому, татарщина сказалась у нас во многом. Яснее всего она сказалась в смене древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала наших предков с головы до ног и которая и доныне носится нами в виде, например, азияма, армяка, башлыка, башмака, зипуна, кафтана, клобука, колпака, темляка и т. под. Перед татарщиной стушевывались даже церковные обычаи: бояре, приходя в церковь, стояли в татарских тафьях, что воспрещено уже собором 1551 г.*****. Одев наших предков по-своему, та же татарщина стала вытеснять из русской жизни и «правду по закону святу». Появились ругательства и битье, донныне напоминающие себя унаследованными от татар словами башка, карга, дурак, капда-

* *Д. Дмитриев*. Архангелогород. летоп. под 1465 г. // Пермская старина. 1889. Вып. 1. С. 159, 164 и др.

** Хотя в упомянутой уже нами «Заметке» Безсонова (См. сноску * на С. 26 настоящего издания) слову «Ермолка» дано такое толкование: «Ермолай — Ермолка (шапка, шляпа, полагаем, что это от ермы и «шляпы земли греческой»)», но этим дело и кончается (С. LXXXV); в «Энциклопедических же словарях» (Далля и Толля) слово это истолковывается проще: «Ермолка, ермолочка — скуфья, скуфейка, легкая шапочка вплоть по голове, без околыша, или какой-либо прибавки; особенно того вида, как нашивали ее евреи (еломок)».

*** *Карамзин*. V. Прим. 401.

**** Наприм., Вельяминова-Зернова (Исследов. о касимов. царях), Хартаева (Истор. судьбы крымских татар), Савантова (Опис. стар. царск. утварей), Шевырева (Истор. рус. слов) и др.

***** *Карамзин*. IX. С. 458.

лы, кнут, катать, бузоват и проч. Далее вошли в употребление казна, караул, сундук, сарай, ям, харч, правез, ярлыки, чины. Появились, наконец, бои и кабаки, а с ними народился и особый люд кулачных бойцов и кабацких целовальников, для которых, можно думать, с той же татарской стороны перешли и общие названия, или клички «Ермаков» и «Ермошек», сохраняемые и доныне в некоторых редких памятниках народного творчества.

Хотя выше нами и приведено уже известие об этих кличках, которых при суждении об имени Ермака, быть может, и не без основания коснулся г. Пуцилло^{*}, но повторить об этом здесь, при изыскании пути к открытию значения этого имени, мы находим нелишнее. Могло быть, что и покорителю Сибири в года его буйной молодости была присвоена кличка Ермак или в значении кулачного бойца, или же силача. Заметим, что люд кулачных бойцов — люд особого закала — мог чаще встречаться в том вольном казачестве, сменившем на Руси вольные дружины бродников, начало которого восходит ко временам татарского ига. Само имя казака перешло к нам от тех же татар, называвших им, в противоположность большим и знатым родам, наиболее бедную часть народа, обреченную на бесприютное скитальческое существование. Сословие вольных казаков, в котором мог ютиться люд кулачного ремесла, связывалось у нас вообще с бездомками, бобылями, чернорабочими ватагами. Это был народ разных состояний, полуседлый, не признававший над собой никакой власти, народ притом особой смелости и отваги, которому почему-либо было тяжело оставаться на родине и который во вторую бедственную половину царствования Ивана IV, укрываясь для грабежей на Волге, в береговых утесах и дремучих борах самарской луки, выпустил из среды своей на историческую сцену знаменитого Ермака^{**}.

Но пусть упоминание наше о кличках кулачных бойцов Руси останется упоминанием, вызываемой же им догадке о том, чтобы клички эти были корнем имени Ермака, мы не можем дать значения уже потому, что, кроме одних народных картинок, свидетельствующих о существовании тех кличек, для такой догадки не предвидится никакой основы.

* См. сноску * на С. 19 настоящего издания.

** *Иловайский*. Ермак и покорение Сибири // Рус. Вест. 1889 (сент.).

Для дальнейшего разрешения занимающего нас вопроса необходимо, стало быть, искать другого пути.

V

Не помогут ли нам назвать покорителя Сибири действительным его именем сибирские летописи и синодики?

Не рассчитывая вообще на какие-либо указания в этом вопросе признаваемых за древнейшие летописей Строгановской и Есиповской, как не дающих Ермаку никакого другого имени, мы не можем, однако, не назвать в этом случае первоисточником синодика Тобольского собора, заведенного при первом сибирском архиепископе Киприане. Хотя в общем ряду сибирских летописей этот памятник и мало заметен, но значение, какое имеет он для нашего вопроса, от него неотъемлемо.

По Есиповской летописи упомянутый синодик составлен по такому документу, достоверность которого несомненна. Это было полученное архиепископом Киприаном в 1622 году от оставшихся еще в живых сподвижников Ермака «писание, како (они) приидоша в Сибирь и где (у них) с погаными были бои и ково именем у них убиша»*. Первообраз этого синодика до нашего времени не сохранился, но известно, что Миллер при составлении «Описания Сибирского царства» пользовался им, особенно при исчислении убитых казаков Ермака, времени смерти Кольцо** и проч.; в последующих же трудах о Сибири этот историк отозвался, что «письменное известие, казаками архиепископу поданное, должно почитать за основание, по которому после другие писать продолжали» и что поэтому синодик тот следует считать за «подлинное историческое доказательство»***. Все это позднее приводило некоторых исследова-

* См. сноску * на С. 13 настоящего издания.

** Миллер. Гл. II. §§ 81 и 93; III. §§ 41, 49.

*** Продолж. Сибир. истор.: Гл. VIII, §§ 16-17//Ежемесячн. сочинен. и извест. о учен. делах. 1764 (май). С. 398-400. — Да и вообще старинные синодики заключают в себе немало важнейшего для истории: синодик, наприм., свяжского Богородицкого монастыря содержит в себе даже список жертв опал за время Иоанна Грозного; в синодике вологодского Спасоприлучского монастыря записано 3750 человек, казненных за то же время, в том числе 52 лица княжеского рода. Происхождение таких списков объясняется тем, что Грозный, желая быть вместе и строгим, и милосердным, каз-

телей, изучавших сибирские летописи, к предположению, что если составитель синодика не был автором Строгановской летописи, то полученное им «писание» могло служить для этой летописи основой*. Не входя в оценку этого предположения, не согласующегося с догадками историков Карамзина и Соловьева о появлении упомянутой летописи в конце XVI века** и не отдаваясь тем от своего предмета, мы в усиление значения синодика в вопросе об имени Ермака считаем нелишним добавить, что во время составления синодика между живыми сподвижниками Ермака встречались такие люди, которые знали Ермака не только за время покорения Сибири, но гораздо ранее, быть может, даже с самого начала походов его на Волге. Такими сподвижниками были, например, Гаврило Иванов и Гаврило же Ильин: о первом в грамоте царя от 23 февраля 1623 года тюменским воеводам Долгорукову и Редрикову о назначении его тюменским атаманом, между прочим, говорилось: «Служил-де он... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы...»***; о втором же тобольские казаки в 1632 году отправляли к царю челобитную, в которой вместо назначенного над ними начальником тобольского боярского сына Богдана Аршинского просили, чтобы царь «за прежние их службы и за кровь велел вестись им по прежнему атаману Гаврилу Ильину», который, подобно Иванову, служил с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири»****. Стало быть, служба при Ермаке Иванова и Ильина началась с 1560-х годов, т.е. когда у Ермака не родилось еще и мысли о походе на Сибирь.

нил опальных и в то же время раздавал милостыню, делал вклады в разные обители, чтобы молились о душах приживших, о которых и рассылались сведения по некоторым монастырям; в этих сведениях, записанных в синодики, кроме имен казненных, означались иногда даже места, бывшие театром казней, упоминались роды казней и проч. (Казанск. губ. вед. 1847. №№ 2-3; Тетрадь, а в ней имена писаны опальных./Чтен. в общ. ист. и др. русский. 1859. № 3.

* Наприм., Спасского (Сибирск. вест. Ч. I. СПб., 1824. С. 118). Небольсина (Шокор. Сиб. 1849. С. 8). Абрамова (Журн. Мин. нар. просв. 1849. № 10) и др.

** Карамзин. IX. Прим. 644; Соловьев. VI. Доп. С. XX.

*** Миллер. IV. Вып. под § 94.

**** Буцинский. V. С. 108 и 109.

Допустим, что и упомянутые сподвижники, которым не могло быть неизвестно имя своего старого атамана, в «писании», поданном составителю синодика, назвали первого воеводу, как Исаака, каковы же сведения об атаманах и в самом синодике: «Атаману Ермаку со товарищи его которые побени с ним казани по Вагаю реке на перекопи от нечестивых от Кучума царя вечная память и возгласе болей»⁴. Но от этого значение синодика в занимающем нас вопросе не слабеет. За оставленным сибирской спархиз основателем ее, архиепископом Киприаном, синодик этот начиаает свою историю, которая как нельзя ближе приводит к решению вопроса об имени Ермака. Тут уж нет над этим именем тех мушкетеров, по которым приходилось обращаться к помощи безмолвных таганов и камней, или же к действительно неполным кашеваров, кузнецких бойцов и цедовальщиков, не требуется даже и школьных орудий, вроде уменьшительных существительных и притяжательных прилагательных. Дело объясняется и коротко, и просто.

Есть ли тут великая, или же великая жекая, каковы вообще подвергла старина имена христианские, так и те поводы, по которым вызвались эти искажения. Здесь же и сказанному ранее остается прибавить, что не только в XVI и XVII веках, но даже и в наши дни встречаются имена, которые, несмотря на простоту своего произношения, все еще подвергаются тем же искажениям. Таких имен немало. Для примера можно указать на имена Георгий, Димитрия, Ефимия, Иакова, Иеремии, Иовкима, Иованкия, Исаафа, Палтевкима, Симеона и Феодосия. Хорошо знаю, что имена эти в приведенном виде значатся по державным святцам, мы, однако ж, не пишем и не произносим их в упомянутом виде, а обращаем в Егора, Дениса, Ефима, Якова, Еремея, Акимя, Анику, Асафа, Пантелеса, Семени и Феодоса⁵. Правильному употреблению этих имен следует только одно духовенство. Но с именем искоренять Сибиря не

⁴ Сноска⁴⁴ на С. 13 настоящего издания.

⁵ До чего и поныне уродуются христианские имена в среде простонародья, видно из выдержки из «Сказаний о жизни и подвигах святого священника Восточной Сибири», не только и обличить, но даже при полновесии дией своих и пренебрежно приложить его к своему псаломцу, например, имени Никонована — Пестальовом, Венямина — Амидом, Паладия — Олдей, Рейом — Равой и т.д.

могло быть и этого. Хотя имя это в правильном виде своею знали и сподвижники Ермака, знало и духовенство старой Сибири, но переделка этого имени на современный лад, снижавшая широкую употребительность по всей Руси, осталась неприкосновенной и при занесении его в синодик архиепископа Киприана. Причина простая. Отсутствие школьного образования в духовенстве начала XVII ст. и вообще малограмотность, редко шедшая далее изучения букваря^{*}, не могли представлять для него различия в том, будет ли в церковном синодике стоять в правильном виде, например, имя Георгия, или же в искажении на современный лад Гридики. Хотя в сфере церковно-духовной, как замечено выше, предки наши и старались сохранить христианские имена, употребляя имена народные только в общезнании, но в то немудреное время употребление в церковных документах имен извращенных и даже имен языческих и татарских бывало нередко. Тобольский архиерейский дом, как видели мы, даже позднее времени Ермака, оставляя в стороне христианские имена сибирских воевод, голов и дьяков, показывал их именами в роде Беляницы Зюзина, Чеботая Челищева, Курдюка Давыдова и т.п.**. По другому известию в синодике Николо-Угрешского монастыря в дворянских родах помещен род Болтина Валма Федоровича***, т.е. чисто татарское имя. Наконец, употребление в старину подобных имен встречается даже в церковных обрядах. Так, например, известно, что при поступлении в монашество, или калугерство старое имя переменяется на новое. Последнее имя принято выбирать такое, чтобы оно начиналось с той самой буквы, с какой начиналось и первое имя. Между тем по списку надгробных памятников Троицко-Сергиева монастыря, составленному в XVII веке, видно, что в роде Осорьиных был некто Собота Иванович, преставившийся 7081 года. Этот Собота, как инок, назван был Симеоном****. По всему этому и внесение архиепископом Киприаном в начальный синодик Тобольского собора извращенного имени Ермака никому, полагаем, странным не покажется.

* *Смирнов.* Истор. москов. славяно-греко-латин. академии. 1855. С. 3.

** Сноска *** на С. 12 настоящего издания.

*** *Пущля.* С. 283.

**** *Морошкин.* С. 526 и 527.

Но время, однако ж, делало свое. Благодаря уменьшению в сибирском духовенстве невежества, с годами обратили на себя внимание как искажение имени сибирского героя, так и установление провозглашения по этому имени «вечной памяти», касавшееся на первых порах Тобольского софийского собора*. По Ремезовской летописи мы знаем, что при третьем сибирском архиепископе Нектарии (1636–1640) это установление перешло в особый церковный обряд поминования покорителя Сибири с дружиною в неделю православия, который введен был в исполнение уже по всей сибирской епархии**. С этим обрядом, само собой разумеется, представились уже и поводы к замене имени виновника его тем правильным церковным именем, какое означалось словом Ермак. Вслед за установлением упомянутого обряда преемником Нектарии на сибирскую архиерейскую кафедру 1 января 1641 года прибыл архиепископ Герасим, назначенный на этот пост из игуменов Велико-Новгородского Богородице-Тихвинского монастыря — один из образованнейших людей тогдашнего духовенства. По одному книжному памятнику, выплещему из-под пера этого мужа, остававшегося в Сибири до смерти (16 июля 1650 г.), можно безошибочно заключать, что и в первой половине XVII столетия, несмотря на отсутствие школ, в передовом сибирском духовенстве, хотя и весьма редко, находились же люди, достигавшие через одно самоучение высокой для своего времени образованности. Мы хотим сказать о составленном этим архиереем «Алфавите неудоб. разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка». Эта рукопись, разделенная на две части***, заключается в первой славянскую грамматику, а во второй — алфавитный словарь с толкованиями слов, вошедших в славянские книги с языков греческого, еврейского, арабского, армянского, египетского, польского и других. В связи с вве-

* Сноска * на С. 13 настоящего издания.

** Крат. Сибир. лет. Изд. Зоста. 1880 С. 135.

*** По словам биографа архиепископа Герасима А. К. Недосекова, рукопись эта, принадлежащая библиотеке Тобольского кафедрального собора, писана полууставом; на нижних полях листов ее находится собственноручная красная, полууставная же надпись преосвященного Герасима: «Сия книга, глаголемая алфавит. сибирского архиепископа Герасима 7153 г.» (Тобол. епарх. ведом. 1887. №№ 19–20. С. 376–377.

дением обряда поминовения Ермака с дружиною в неделю православия памятник этот может достаточно свидетельствовать о том, что при архиепископе Герасиме искажение дорогого для Сибири имени покорителя ее могло казаться уже совершенно нетерпимым. Если этот архиепископ находил необходимым столь беспримерный для его времени способ ознакомления своей паствы со всем непонятным для нее при богослужениях, то, несомненно, не мог не требовать и правильного поминовения при них в новоустановленном обряде имени, какое современная переделка преобразовала в слово Ермак. Благодаря этим обстоятельствам, в распространенных по сибирской епархии синодиках появляется правильное имя Ермака. Образец этих синодиков нам представляет синодик Нерчинско-Успенской монастырской церкви, найденный в архиве этой церкви селенгинским пресвященным Мелетием. По этому синодику имя Ермак называется именем Ермолая*. Такой же образец упомянутых синодиков мы находим и в Черепановской летописи: «Помяни, Господи, — говорится там, — пострадавших... атаманов Ермолая, Иоанна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их...»**. Эти образцы синодиков показывают, что благодаря начальной сибирской иерархии имя Ермака давным-давно было раскрыто; показывают и то, что наряду с этим именем упоминаемая иерархия совершенно правильно означала по синодикам и имена ближайших соратников Ермака — атаманов Ивана Кольцо, Никиты Пана, Якова Михайлова и Матфея Мещеряка. Затем, благодаря примеру той же иерархии, правильное имя покорителя Сибири появилось и в местных летописях, по крайней мере, неизвестный современник архиепископа Герасима, названный «Новым Летописцем», уже называет Ермака «старейшим атаманом Ермолаем». Отсюда выходит понятно и то, что могло быть основанием для отца сибирской истории Миллера определить значение слова Ермак полуименем от Ермолая***.

Таким образом, приведенных указаний, думаем, достаточно для того, чтобы отнести все остальные, присваиваемые Ермаку имена, вроде Германа, Ермила и подобных, к

* Сноска ** на С. 14 настоящего издания.

** Сноска * на С. 14 настоящего издания.

*** Сноска * на С. 11 и сноска * на С. 16 настоящего издания.

области фантазий. Нельзя сделать этого только по отношению к тому из последних имен, которым называет Ермака Черепановская летопись, т.е. имени Василия. Этому имени летописцем предпосылается целая родословная Ермолая Тимофеевича, относящая его по происхождению к посадским людям города Суздаля Алениным и называющая имена даже деда и прадеда его. Но, к сожалению, появление таких известий относится только к концу прошедшего столетия, или времени выпуска самой летописи, и основывается лишь на «некоторой сибирской истории», писатель которой «своего имени не объявил», и которая, прибавим, ни ранее, ни после составления летописи, несмотря на истечение более уже столетия, ничем документальным не подтверждена. Тем не менее отвергать правдоподобность упомянутых известий трудно: передаваемые ими сведения, хотя и в немногом, но согласны с другими наиболее достоверными указаниями в отношении отчества Ермака и жизни его на Чусовой; наконец почти тождественные Алениным фамилии, как, например, фамилии Алениных и Олениных, встречаются и в старинных документах тех населенных мест, с которых началась историческая известность Ермака: по писцовою и переписной книгам Устюга Великого под этими фамилиями показано несколько семейств посадских людей и между прочим два подьячих митрополичьих дел*.

Исходя из приведенных нами ранее сведений о двуименности предков паших и делении имен их на явные и тайные, едва ли можно допустить ошибку, если сказать, что и покоритель Сибири, кроме явного имени Ермолая, имел еще имя тайное, каковым и было имя Василия. Быть может, последнее было то имя, которое дано ему при крещении. Но те преследования, какими сопровождалась молодая жизнь нашего героя — годы его разбойничества — могли представлять ему немало поводов, чтобы скрывать его настоящее имя, заменяя его именем Ермолая. Хотя в Сибири, когда ему прощены были все старые вины, скрывать это имя, по-видимому, уже не было оснований, да если имя это и осталось секретом при жизни его, то по смерти секрет этот могли раскрыть оставшиеся в живых сподвижники его, но,

* Сноска * на С. 12 настоящего издания. А также: Устюг Великий. Матер. для ист. города XVII и XVIII ст. 1883. С. 100–102, 105, 150, 161 и др.

однако ж, этого могло и не быть. Не нужно забывать, что с завоеванием Сибири имя Ермак стало именем знаменитым, а потому и прежнее, хотя бы и действительное имя старого волжского атамана могло отойти уже на задний план; напоминать же о нем значило бы набрасывать на победителя Кучума тень мрачных воспоминаний о разбойничьих похождениях, словом, воскрешать в высоконравственном образе завоевателя Сибирского царства ненавистного разбойника.

Но — «чем дальше в лес, тем больше дров». Давно известно, что эта народная поговорка в некоторых случаях одинаково может быть применима как в житейской практике, так и в области истории. И в последней есть вопросы, разрешение которых и заманчиво, и желательно, но судьба которых странна: чем более стараются их разрешить, тем более они запутываются. Таким же кажется нам и вопрос о тайном имени Ермака. Быть может, со временем кому-либо и посчастливится найти ту «некоторую» таинственную историю, о которой упоминает Черепановская летопись, и тогда, несомненно, вопрос этот получит разрешение. Теперь же будем пока довольны тем, что по приведенным в своих догадках указаниям в имени Ермолая Тимофеевича нам сказалось то явное христианское имя, которое носил славный покоритель Сибири и которое следует разуть в вульгарном слове «Ермак».

Начало сибирских городов

Исторический набросок

Городское дело старинной русской Сибири принадлежит к числу тех малоисследованных сторон, какие во многом представляет первоначальный быт здесь русских насельников. Как по той важности, какая придана была этому делу правительством вслед за окончанием походов Ермака, так и по тому значению, какое имело оно в дальнейших фазисах колонизации новопокоренной окраины, подробности возникновения между улусами полудиких инородцев первых русских городов должны были составить многосложный отдел истории Сибири. Однако ж последняя передает одну сухую и нередко разноречивую хронологию годов основания и имен основателей тех городов. По сибирской истории мы знакомее, пожалуй, с родословием татарских князей и ханов и вернее выясним, чему можно давать вероятие из походов какого-нибудь Тайбути или Мамета, чем расскажем, например, подробности основания главы сибирских городов — Тобольска. Всеми виной пожары 1626 и 1643 годов, истребившие без остатка архивы Сибирского приказа, Казанского дворца и Тобольской приказной избы. В этих хранилищах находились те драгоценные материалы, какие могли проливать полный свет не только на своеобразную жизнь русских насельников «Кучумова юрта», но, быть может, и на самую легендарную жизнь «велеумного рителя» Ермака. Там же, несомненно, заключались и истреблены беспощадным огнем и материалы для истории первоначального устройства сибирских городов. Поэтому единственным источником для ознакомления с городским делом Сибири служат те отрывочные сведения, какие заключаются в «Описании Сибирского Царства» и «Ежемесячных сочинениях» Миллера и частью в трудах Фишера и

Словцова. Несмотря на истечение почти полутора столетий со времени издания Миллером первого труда к сведениям его по городскому делу Сибири прибавлено очень немного. Да и это немного, заключающееся в очерках сибирской старины Спасского, Абрамова, Кострова, Шашкова и друг., помещалось большею частью в тех недолговечных периодических изданиях, которые весьма скоро обращаются в трудно находимые библиографические редкости. Хотя после Миллера осталось и немало исторических материалов, не вошедших в упомянутые труды его, но материалы эти до сего времени не изданы, а объемистые портфели их, хранящиеся в одном из столичных архивов, для нас недоступны. Только в недавнее время сибирская история дополнена несколько двумя трудами, вышедшими, к слову сказать, на далеком юге России, в Харькове и частью Очакове и изданными в одном случае на лепту харьковского университета. Мы говорим о «Заселении Сибири» П.П. Вуцицкого и «Истории Сибири» В.К. Андриевича. Но займемся тем, о чем начали.

Известно, что царь Иван IV, получив от атамана Кольцо¹⁵ с товарищами в 1583 году первые известия о покорении Сибири, не вникнул достаточно в трудность положения оставшейся в Искере дружины Ермака и хотя послал на помощь ей воевод Семена Болховского и Ивана Глухова с незначительным числом ратных людей, но последние явились в Сибирь только осенью 1584 года, когда от недостатка продовольствия в стане завосвателей начиналась уже смертность. Ошибка Грозного, имевшая последствием попытку татарских князей к возвращению отнятых владений, была поправлена уже при Федоре Ивановиче: в первые два года нового царствования в Сибирь было отправлено несколько воевод с отрядами ратных людей, с прибытием которых ряд правительственных мер к укреплению здесь русского владычества принимается с основания городов.

Начало городскому делу в Сибири положено было первым же из воевод нового царя Иваном Мансуровым постройкой осенью 1585 г. при Оби, вблизи устьев Иртыша, *Обского городка*¹⁶. Этот городок был как бы прообразом будущих сибирских городов. Он построен был при подошве высоких гор, называвшихся Белыми, состоял из несколь-

ких хижин, обнесенных палисадником, и служил зимним пристанищем Мансурова, отложившего за недостатком сил поход свой на вновь захваченную татарами столицу свою Искер. За постройкой этого городка, который, как временную только стоянку воеводы, вернее считать острожком, со следующего года дело основания сибирских городов поведлось с такою быстротою, что к концу царствования Бориса Годунова — менее чем в двадцать лет — на северо-западе Сибири были уже построены следующие города: в 1586 году Тюмень, в 1587 — Тобольск, в 1589 — Лозва¹⁷, в 1592 — Пельым¹⁸, в 1593 — Березов и Сургут, в 1594 — Тара, в 1596 — Нарым и Кетск, в 1598 — Верхотурье, в 1600 — Мангазея, в 1601 — Туринск и в 1604 году Томск.

Посвящая предлагаемые заметки делу начального устройства этих городов, за исключением тех из них, которым не суждено было иметь будущности, оговариваемся, что заметки эти при скудости материала многого не дадут, но представят лишь начальный набросок общих деталей этого дела.

* * *

Начало сибирских городов было почти одинаково с началом городов Древней Руси. То же возведение деревянных стен и земляных рвов и валов, какое было как бы моментом зарождения русских городов, составляло такой же момент и по отношению к городам Сибири. Как в русских городах, устройство укреплений, окаймлявших избранный для жительства центр и привлекавших к черте своей население, вызывалось исключительно потребностью безопасного убежища — следствием перехода народа из кочевого состояния в оседлое, — так и в Сибири оно являлось на первых порах такой же потребностью обеспечения незванных пришельцев от нападений туземных племен. Хотя давность, отделившая возникновение этих городов между собою на несколько веков, и не могла передать на города Сибири тех начальных условий, под которыми росли и развивались города Древней Руси, тем не менее сибирские города во многом целостно приняли один из типов русских городов.

В глубокой древности славянский город назывался «градом» и означал место, обведенное оградой, например частоколом, плетнем, и это слово было однозначительно со словом

«город». Построить город значило вначале обнести загороду и укрепить ее раами, называвшимися «гроблями»⁴. С течением времени такие города выработали два главных типа: городов-посадов и городов-укреплений. Первый тип городов представляли те из них, которые образовывались во время преследования около укрепленных мест земледельческого элемента: посады и слободы, окружавшие укрепление, в черте которого, никем не населенной, в мирное время отправлялись лишь религиозные обряды, а во время нападения врага спасалось население, образовывали города-посады. Второй тип городов представляли те города, которые образовывались с развитием дружинного элемента или появлением князей и их бояр-дружинников: началом их были укрепления, воздвигавшиеся на совершенно не населенных местах, куда основатели-князья садили своих представителей-посадников, сменившихся после наместниками и волостелями, с частью дружины. Разница состояла в том, что в первых городах дружинный элемент появлялся впоследствии, и город возникал или после, или одновременно с посадом или слободой, так что зародышем такого города служила деревня; в последних же городах дружинный элемент появлялся вначале, и город образовывался исключительно из закладываемого укрепления, центр которого населялся одновременно «воями» дружинниками, а земледельческие посады и слободы появлялись за стенами его, окаямаясь новыми укреплениями, уже впоследствии**.

Характер образования городов последнего типа, принадлежавший в большинстве случаев городам выселенцев — русских колонистов, с юго- и северо-запада на северо-восток Руси перенес в общих чертах и на основе первых городов Сибири. Явившийся на смену городским посадникам, наместникам и волостей новый служилый класс воевод и голов при посылке на службу в доволковерный край, набирая лично или чрез других правительственных агентов войско из служилого класса и воиных охотчих людей и отправляясь в Сибирь, прежде выполнения своей главной

⁴ Костомаров. Начко самодерж. в Древн. Руси: Истор. моногр. и исследование. Спб., 1872. Т. XII. С. 31–32.

^{**} Дьяченко. Устройство и управление городов России. Спб., 1879. Т. 1. С. 113–114.

мисии, т.е. приводили в городки известной местности под «высокую цирекру руку», приступал к основанию и постройке города, при которых первую работу было обведение избранного места укреплениями.

Укрепления городов были различны: или город обводился земляным валом, на котором воздвигалась деревянная стена или тын, или же последние стояли на плоской земле, а за ними уже делался яам, или же стены или тын обсажены были хрипом, т.е. смесью камней, песку и земли. Стены делались бревенчатые и устраивались с окнами и «боями»: первые назначались для наблюдения за приближением неприятеля, а последние — для стрельбы в узкие отверстия из пушек и пищалей. По стенам устраивались башни и выступы разных очертаний, носившие названия «выводов», «кружал», «обозлов»¹⁸ и проч., представлявшие различные приспособления для обороны на случай осады города. Устройство башен и выступов было неодинаково: они делались или о четырех, или же о шести углах, которые составляли длину одного бревна и имели форму высокого амбара, покрытого тесовою остроконечною крышею; в высоту же имели от 5 до 10 и более сажен. В башнях и выступах делались иногда зверуху чердаки, клетки или караулки, а внизу — ворота, отчего такие башни назывались «просожими». Главная башня с большими высяжими воротами называлась «вестовою», потому что на ней висел вестовой колокол и был караул, наблюдавший за наступлением неприятеля; прочие же башни, на которых по временам, особенно во время опасности, находились также караул, назывались «сторожевыми», а те башни, которые устраивались из углов стен — «наугольными». По башням и выступам расставлялись пушки и пищали.

Общий вид городов имел различные формы: иногда город строился в виде треугольника, иногда же — четырехугольника, суживаясь или расширяясь в разных направлениях, смотря по удобствам местности. В большинстве случаев города старались расположить так, чтобы около них находилась и естественная защита, например, вода или ущелья, а потому часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту¹⁹.

¹⁸ Костомаров. Очерки жизн и нрав. великор. народа. 1887. Т. XIX. С. 8-12.

Лучшим примером укрепления сибирских городов могли служить вездолго пред тем построенные городки ближайших соседей Строгановых Камгорт и Кергедан, основанные в 1558 и 1564 годах на местах древних чудских поселений. Несколько заботились тогда об укреплении городов, указывает следующий отрывок грамоты Иоанна IV от 2 января 1564 года о постройке Кергедана, известного более под именем Орда-городка: «и яз царь и великий князь... велел есмь... на Орле, на волоке, у росолу, другой городок собою ж поставити, стены сажень по тридцать, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место камнем закласти, а пашольники и сторожи для береженья и на том другом городке собою ж дряжати, а з обеих городках велел есмь еку собою ж наряд спорострелной, пушечны и пицали затинные и ручными сделать везалисным мастером, которых себе Григорей приговорит из найму и у собя Григорью тот наряд дряжати»⁵.

Со временем устройство городских укреплений изменялось. Города обносились иногда двумя бревенчатыми стенами, шедшими параллельно одна другой с незначительным промежутком; для большей же крепости в промежутке этом клались кресты из деревянных балок, которыми и связывались обе стены. Звенья, составлявшие внешнюю стену города и связывавшиеся между собою концами, назывались «городнями»⁶, а звенья внутренней стены — «пригорками». «Городни» с «пригорками» связывались сверху перекладками надобною матаи, но которые настилался пол — «заборяла», на котором свободно можно было стоять, ходить и действовать оружием.

Вслед за возведением укреплений городов, предназначавшихся в первое время для жительства воевод, духовенства и прочего служилого класса, около городов воздвигались и так называемые «остроги»⁷, отводимые для жительства прочих городских обывателей. Через известное расстояние от своих стен город снова окружался с двух или трех сторон в виде подковы новою стеною, на которой так же, как и на городских стенах, устраивались башни. Это было то же самое, что по отношению к городам-укреплениям Древней Руси представляли посады и слободы. Остроги или ок-

⁵ Доголов. и акт. истор. Т. 1. С. 171.

ружали весь город и назывались в этом случае «большими острогами», или же устранивались в некотором отдалении от города и назывались «малыми острожками».

Таков был внешний план постройки первых сибирских городов. Но что же именно представляли внутренности этих городов? Ниже, по возможности, мы это выясним, а теперь пока коснемся тех периодов, которые принято различать между пределами сибирских городских поселений — городами Древней Руси. В истории этих городов различаются обыкновенно два периода: первый, начинающийся задолго до IX века, т.е. времени появления на Руси варяжских князей, и оканчивающийся началом XIII века, или временем завоевания Руси монголами, когда русские города играли в жизни страны важную политическую роль, выполнявшую роль средневековых муниципий Запада; второй же — от половины XIV в. до конца XVIII ст., когда город, потеряв значение самостоятельного политического организма, превратился в конгломерат ничем между собою не связанных мелких общин³⁹. Из этих двух разновременных эпох — возвышения и упадка русских городов — появление городов Сибири должно быть отнесено к эпохе последней. По свидетельству писцовых книг, все города тогдашней Руси, за исключением разве Москвы, Новгорода и Пскова, не представляли собою чего-либо выдающегося ни по количеству населения, ни по благоустройству его, а вообще о том и что во внешнем виде или благоустройству: в конце XV и начале XVI веков были города, на посадах которых число дворов, как, например, в Коломне, не шло дальше двенадцати, самое население которых ограничивалось двенадцатью же тяглыми душами; в огромном же большинстве городов число посадских, торгово-промышленных людей и земледельцев не шло дальше 100—200 человек. Период слутного времени сильно повлиял на количество городского населения, и посады многих и многих городов обратились «из-за яны в пусто». Большинство этого немногочисленного населения не пользовалось даже и средней руки благоустроенным, рискуя за сегодня-завтра «в конце погибнуть». Вообще же города по внутреннему виду отягались от сел и деревень разве только количеством изб-хором да деревей, оставаясь в этом виде до конца указанного периода⁴⁰.

³⁹ Дятлов, I, 108.

⁴⁰ Там же, 120, 130.

Такие сведения о русских городах времени завоевания Сибири могут давать достаточное понятие и о том положении, в каком должны были находиться первые сибирские города в первые годы по основанию. Если окрестия уже после татарских походов Русь представляли в то время свои городские поселения жалкими деревушками, то что же, спрашивается, могли представлять собою города, воздвигаемые горстью неопытных строителей в лице сибирских ратников, благосостояние которых, состоявшее в небольших запасах хлеба, сопровождалось нередко продолжительными голодовками? Поэтому замечания некоторых исследователей сибирской старины, по которым первые города Сибири, строившиеся «без раскладки домов, без линий, без всякого понятия о градском здечестве»⁴, составляли «лачужки, землянки и избы»⁵, улицы которых «были затоплены грязью, завалены навозом и падалью»⁶, едва ли не составят приблизительно верного понятия о начальном виде сибирских городов.

Начальная постройка городов производилась исключительно ратными людьми отрядов, присылавшихся из Москвы. Несколько эти отряды были малочисленны, видно из того, что у первых пособников Ермака — воевод Болховского и Глухова — было в распоряжении только 500 человек, у воеводы Мансурова, основавшего Обской городок, — 100 стрельцов, у строителей Тюмени Суккина и Мясного — 300 человек; уже ко времени основания Тобольска число ратных людей было увеличено дополнительными отрядами, так что основатель его, писемный человек Чукалов, распорядил ратью в 500 человек⁷. Из этих отрядов, составлявших 1400 человек, первые два отряда еще до основания Тюмени и Тобольска, значительно сократившись от недостатка продовольствия и неудач, после скорой смерти Болховского и неожиданной гибели самого Ермака вовсе оставили Сибирь, а потому для основания названных городов оставалось уже 800 человек, к которым могли присоединиться разве толь-

⁴ Словцов. Ист. об. Сибири. Сиб., 1836. I. С. 189.

⁵ Небольсин. Покорение Сибири. Сиб., 1849. С. 111-112.

⁶ Серафимович (Шашков). Очерки нрав. старины Сибири. / Отч. зап. 1867. X. С. 697.

⁷ Миллер. Опис. Сибир. персепт. 1760. Гл. III. §§ 35, 75; IV. §§ 2, 8.

ко ничтожные остатки дружины Ермака. Но и та рать не могла быть в полном составе обращена на дело городского строения: явившись в незнакомый край, столицу которого за гибелью победителя снова заявили прежние владетели, русские пришельцы, несомненно, должны были считать для себя важнее городской постройки дело защиты себя от постоянно грозивших им нападений татар, для чего требовались и рассылка разведочных партий, и установление сношений с племенами покоренных уже острогов и вогулов, и вообще меры к утверждению своего шаткого еще владычества. Все это приходилось в первое время выполнять тем же 800 человекам, выделяя из себя для строения городов уже самое ничтожное число. Поэтому, отлекаясь разными необходимостями службы, эти строители-ратники или промыводки работы свои наскоро, второпях и как пошло, или даже оставляли начатые города недостроенными. Это сказалось на постройке ими первого же города Тюмени. Не прошло и 10 лет со времени основания города, как тюменским воеводам наказывалось уже выдать жалованье тюменским жителям «за городовое строение». Упомянув о царской грамоте по этому предмету, данной в 1595 году, Миллер полагает, что это городовое строение состояло в возобновлении пришедшего в ветхость начального города, основанного Сукным³, хотя по другим, более основательным сведениям, тут можно разуметь постройку стен острога**. Стало быть, или спешная работа ратников-строителей вскоре же потребовала переделки, или же город оставлен был недостроенным, так как при нем не было сделано острога, что, как замечено выше, весьма входило в условия правильного устройства тогдашних городов. По тем же причинам случалось иногда, что начатые города строились по несколько лет. Так строился, например, Пелым, основанный в 1593 году воеводой Петром Горчаковым: не прошло и четырех лет со времени основания города, как один из преемников Горчакова в 1597 году уже доносил царю, что башины в остроге все развалились, ров от Пыльмики-реки засыпался и ему достраивать город нечем, потому что служилые люди целое лето заняты другими службами, а черные люди па-

³ Миллер. Еженедел. сч. 1764. С. 5

** Врцциский. Заселение Сибири... 1869. 86.

шут пашни: из донесения же другого воеводы, сделанного в 1617 году, видно, что крепостное строение почти совсем сгнило и отчасти обвалилось, но вскоре после этого, в 1621 году, Пелым выгорел, и новый город строили уже жильцы-вогулы и служилые люди из Тобольска⁶. Сознвая на первых порах ведение городского дела ратными людьми не достигшим неизменных целей, правительство обращалось и к опытам постройки городов на государственную казну, как показывает, например, осполение Верхотурья. Грамотой царя Федора Ивановича, данной 15 декабря 1598 г. строителям города Василию Головину и Ивану Воейкову велено было заехать в Пермь и «взять у Сарыча Шестакова 300 р., а на эти деньги нанять посошных людей пеших, конных и плотников со всякою посошною спастью по договору, почем вымуться, и поруки на них взять крепкия с записями, чтоб им город и острог делать и, не доделав, от городовой и острожного дела не бежать». Но строить город найком оказалось слишком дорого: по смете для постройки требовалось нанять 550 человек на три месяца, и постройка обходилась в 3120 р. Поэтому правительство разочло, что лучше строить новый город «по указу», чем «по договору», и приказало воеводам «доправить» на всей пермской земле посошных, конных людей и плотников, назначив этим рабочим самую минимальную плату^{6*}.

Но приведенные примеры понесенных при постройке Тюмени и Верхотурья казною расходов были, кажется, единственными случаями, где правительство решилось заменить ратных людей людьми наемными. По крайней мере, при дальнейшей постройке городов строителями их оказываются те же ратники с той разницею, что силы их постоянно осмевались и увеличивались новыми дополнительными отрядами, и к городскому делу привлекались уже местные исаичные татары и остяки, а из Перми набиралась незначительные партии плотников. Так, например, при постройке в 1594 году воеводой князем Андреем Елецким г. Тары, главная миссия которого состояла в том, чтобы «Кучюма-царя истеснить», в войске Елецкого, состоявшем из 1741 человека конных и пеших ратных людей, было, между про-

⁶ Миллер. *Еврем. сочин.* С. 395; *Видинский*, С. 163.

^{6*} Миллер. *V. Грамота*, пом. в выписке под § 20.

чим, до 600 человек местных ясачных татар и 20 человек «пермич-плотников», назначенных для постройки нового города*. Но из всех этих строителей самыми выгодными для казны считались инородцы, что вызвало послыску их при отрядах ратников даже в места, от улусов их отдаленные: так, из рослий ратников того же Ключского вилда, что в числе их были, например, инородцы из Тюмени, Верхотурья, Табаров, Кошукор и других отдаленных местностей; при постройке Томска в числе ратных людей, данных строителям его, казачьему голове Гаврилу Писемскому и боярскому сыну Василию Тыркову, из Тобольска, Березова и Сургута, участвовали 100 человек обских остяков под командой князя Олеха²²⁵.

Вообще строители сибирских городов по тому разноплеменному сброду, из какого составлялись воеводские отряды при следовании в Сибирь, представляли самую раннюю характерную смесь разных наций: кроме преобладающего большинства русских, тут были и немцы австрийские и ливонские, и шведы, и поляки, и литовцы, и латыши, и хорваты, и черемисы, и даже французы.

Большинство записей, что при всех почти первоначальных постройках сибирских городов участвовали и остатки рати Ермака, составившей потом в Тобольске особую «старую сотню» пеших казаков; так, из челобитной царю Михаилу Федоровичу тюменского козного казака Гаарилки Ивнизова о назначении его атаманом, приводимой в грамоте царя от 23 февраля 1623 г. тюменским воеводам Долгорукову и Редрикову, шлому прочим, видно: «Служил-де он... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам из поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли и Кутума-царя с курения обили, а царство Сибирское нам взяли и мура, и татар разорили, и он-де был послан с Андреем с Воейковым на нашу службу на того же Кучума-царя и Божией-де милостию и нашим счастьем того царя Кучума на Оби-реке погрозили и его оббили, и жили сто, и долг зябли. Да его же-де досекли на Алекс-царя боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назырем Пьезединовым и того-де Алек-

* Миллер. IV. §§ 54-56.

** Там же, V. § 46.

дари казали и жек, и детей поимали. Да он же-де в Сибири ставил Томской городок при воеводе Гавриле Писемском; да он же-де ставил город Тюмень при воеводе Василье Сукинне; да он же-де послан был в Кузнецы для ишого ясаку и первый-де ясак казали; да он же-де Тобольский городок ставил при воеводе Даниле Чуднове; да он же-де Туркской городок ставил при воеводе при князе Андрее Елошом; да он же-де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчикове; да ево же-де посыдал на нану службу боярши наи и воевода Матвей Михайлович Годумов, головством на калмыцких людей, и они-де калмыцких людей погромили и жен, и детей в ясаки казали**.

Считая города свои первые всего пунктами обороны при набегах шаек бунтовавшего Кучума и вообще возмущенных сибирских ипородцев, повторявшихся под воспоминаниями о прежней независимости почти во все продолжение XVII века, ратники-строители при основании городов руководились только простыми практическими соображениями о том, чтобы города те действительно представляли возможные удобства в стратегическом отношении; остальные же условия будущего благосостояния городских поселений считались второстепенными. Но и указываемые соображения не могли быть вполне осуществимы, так как при малочисленности рабочих рук искусственное окаймление новых городов достаточными укреплениями было невозможно. Поэтому под города в большинстве случаев избирались обыкновенно места, укрепленные самой природой, на высоких крутодлах и буграх или мысах, окруженных оврагами или реками, чтобы первые представляли удобства для отражения нападений туземных племен, а последние — для рыбной ловли; не забывалось при этом и то, чтобы при новом поселении были и жема, для пашни и сенокоса.

По достижении пункта, предначинанного для города, первой заботой строителей, кроме заготовки леса, было ограждение этого пункта укреплениями. Кроме общих упоминаний актов того времени о стенах и рвах, какими окаймлены были города, сами подробности возведения тех укреплений за первое время городов совершенно неизвестны.

* *Летопис. IV, Издани. 1882 г. § 64.*

Сведения об этих укреплениях относятся уже ко времени перетовнения Михаила Федоровича и по отношению к первым городам представляют следующее:

Тюмень, основанная, по летописи, 29 июля 1586 г.⁸ на правом, или южном берегу Туры, представлявшем называвшийся на 10 сажень от уровня воды луг, при впадении в эту реку с юга же р. Тюмени заложена была на восточном берегу последней, так что одной стороной прилежала к называвшемуся берегу р. Туры, а другими двумя к р. Тюменке. Значит, только одна сторона была доступна и не имела естественного укрепления, а потому воеводы окопали ее рвом; по найденному же в одном из портфелей Миллера документу, город после возобновления его в 1622 году имел в окружности 260 саж. и был обнесен стенами, на которых возвышались две башни с проезжими воротами и шесть башен, называвшихся «глухими»; городские стены были вышиной от земли «до облаков» $1\frac{1}{2}$ саж. и от облаков до кровли 1 саж., а ширина стен — $1\frac{1}{2}$ саж. Острог был обнесен двумя стенами в 1,048 саж.: одну — от города подле р. Тюмени, а другой — от этой последней до р. Туры; по этим стенам также построено было несколько башен, из которых две проезжих, шесть глухих, одна четырехугольная на столбах с воротами к р. Туре и, наконец, одна башня о шести углах. «А крепость у города и острога, — говорит тот же документ, — с одной стороны: река Тура, с двух сторон речка Тюменка, а с нижней стороны с прилезу сибирские дороги от Туры до Тюмени от поля устроены надобны тропинки»⁹.

Об укреплениях Тобольска мы располагаем еще позднейшими сведениями, относящимися уже к 1646 г., когда здесь произошел переход по случаю известий о намерении идти войною на город кочевавших по Тоболу и Иртышу калмыков. Из озаглавленного листка, составленного в городе и представляющего программу ограждения неприятеля, видно, что для отражения неприятеля под командой 6 боярских детей и 4 казачьих атаманов назначена была рать из казаков, литовцев, разных служилых отставных и посадских людей до 1700 человек. Из этого же листка видно, что, кроме осыпи

⁸ Край. Сиб. ян. (Кунгур.), С. 121.

⁹ Личинский. IV. С. 84, 86-87.

и стены, город обнесен был несколькими башнями и воротами, из которых упоминаются башни Вязовская, Наугольная, Воскресенская и Казачья и ворота: двое Воскресенские, Казачьи, Пермские и Базарные. Башни имели боевые окна; такие же окна устроены были и в воротах, из которых Пермские ворота имели этих окон два ряда — верхний и нижний. Во всех башнях и воротах, имевших между собою расстояние от 125 до 200 и 250 саж., было по одной пушке с запасом ядер, пуль и пороха. Можно думать, что стены города были двойные, из которых первая окружала сам город, а вторая острог, потому что отдельно от общей городской стены в диксте том упоминается еще другая стена — в 20 саж. от Базарных ворот, по всему вероятно, стена острожная, что подтверждается и тем еще, что по диксту артиллерия города от артиллерии острожной показана особа⁸⁷.

Тара, по сведениям 1624 года, имела такие укрепления: место, занимаемое городом вокруг, 164 саж., в город вели двое ворот — Спасские и Водяные, в разных местах крепости поставлено 5 башен, а между башнями — не стены, как в других городах, а «городни», которых было 116; в крепости же раскат круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторная пушка. Сторог имел вокруг 500 саж., по острогу 6 башен, из них 4 с проезжими воротами и две глухия, а на башнях стояли 2 медные пушки, одна пидаль железная скорострельная и 4 пидали железных «волконеек»⁸⁸.

За возведением укреплений со внешних сторон приступано было к возведению внутренних городских строений.

Первым делом считаемо было сооружение храмов. О начальной архитектуре и вообще первом виде сибирских храмов точных сведений весьма мало. По некоторым упоминаниям все церкви, по тогдашнему обыкновению, были «древянныя клецки», некоторые имели «верх шатром», согласно с господствовавшим в тогдашней Руси архитектурным стилем⁸⁹. Строясь пискоро, второпях, храмы часто не имели даже печей. Так, в 1607 г. верхотурский воевода жаловался царю Василию, что в Троицком соборе служба

⁸⁷ Сибирский вест. 1821, Ч. 14, С. 289–294; Словоцк. I, 118–119.

⁸⁸ Дикинский, Ч. I, С. 149–150.

⁸⁹ Древнерусские храмы: Сборник А. Давыдова. 1880, Том. I, С. 150.

бывает только летом, а зимою совершается в съезжей избе, и просил о разрешении построить теплый храм; разрешение было дано, но теплый храм доставлен не отдельно, а в виде пристройки к соборной церкви⁴. В более многочисленных городах случалось, что церкви, кроме домов моления, служили иногда местами торговых сборищ. Так, в Тобольске, передовом городе тогдашней Сибири, поп Григорий Петка во главе своего прихода в 1637 г. бил челом государю: «В 1613 г. в Тобольске воздвигнут храм во имя Всемилостивейшего Спаса с приделом твоего государева ангела преподобного Михаила Милетского, и подле паперти того храма на могилы разными людьми поставлены полки, где продают мясо и рыбу, и от тех государь, полки твоему богомолью великое утешение, и во время службы от людского кричания не слышно и самого пения, а от собак бывает великая скверня; мертвых от тесноты погребать негде, а у архиепископских ворот положены многие мертвые; да подле паперти, государь, стояли две полки, и Фельда Казанец за чаша чаш полки в 1637 г. гнетягу два даяки сълюты подле папертной стены и теми мавками заставил многие могилы, а самая паперть от них стигла»⁵.

За храмами главными зданиями городов считались приказные избы, где сосредоточивалось управление города, посада и всего уезда; перед сенями этой избы ставилась пушка. Вблизи приказной избы строился воеводский двор, огороженный забором или замком с разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, как то: горницами, избами, погребом, дельником, мыльню, поварню. Затем следовали дворы священников и церковнослужителей. Далее был казенный погреб, для хранения зеленой казны «пороху», пушечный амбар, где хранились свинец в свинцах⁶, пули, ядра и оружие. Для этих хранилищ делались здания земляные, а иногда вместо особых построек они помещались в стенах и башнях или же во внутренних пристройках к стенам. Кроме этих зданий, в городе были государева житница, откуда раздавались служилым хлебные запасы или хлебное царское жалованье, и тюрьма, помещаемая иногда в деревянной избе, врытой в

⁴ Вьюжский, II. С. 20.

⁵ Там же. VIII. С. 292.

землю и огороженной тыном, иногда же в срубе, засыпанном совершенно землей; в городе же были и палубы служилых стрельцов, пушкарей, затинщиков и других служилых и частных лиц, особенно дворян и детей боярских⁸.

Более всего, по крайней мере царскими грамотами, обращалось внимание на укрепление городов и устройство хлебных запасов. Так, между прочим, при построении Тару в 1594 г. воеводой Андреем Елешкиным требовалось: «а пришед на Тар-реку присмотреть под город место: где приложити новому городу, туто и место очистить и город поставити; а делати город и лес возити всюю ратью, всеми людьми конными, и пешими; а делати бы город во всех местах в стенах, и в городищах сажен около в постретьяста и болши-то по месту смотря, да острог делати сажен в триста и четыреста и, смотри по людям, и до пятисот сажен»⁹. Такая же грамота дана была и на основании Томска. «Цю город место высмотрити, где пригоже, и на чертеж начертити и велети место очистити, и испрося у Бога милости город поставити в крепком месте, а делати город и лес велити возгати, какаше собору и с головами, и с ошшицы, и меж ратными людьми, а велети на городовое дело лес рони делькой, чтобы вешере город делати, и житницы за город ремя запасы велети поставити, и государевым запасам и житницам велети устроить, а велети наперед устроить каменныя погребы и житницы; а постави город и по городу наряд пушечные запасы в казну устрои, и караулы на городе и строя крепкие, поставити в городе храм во имя Живоначальныя Троицы, да предел с трастотерен христовых Бориса и Глеба, а другой предел Федора Стратилата»¹⁰.

Благодаря отсутствию определенных планов на постройку городов и предоставлению этого дела вешело умору ревию военоев, людей некомпетентных, города строились; того тесно и скучно, что при скором наплыве в них населения представляли невозможность дальнейших построек от устройства огражденных их стенами. Так, в Туринско по до основания его в 1600 году и даже после расширения

⁸ *Бояловские*. С. 19-20.

⁹ *Новосильск*. IX. 117.

¹⁰ *Гржецкий* эт., отвлеченно «приведенные нами» и «иными» иными, «делавшими, делавшими» с «боден» и «боденными» П. А. Пыльницким, Б. И. Малецкого в «Сибирской газете» (1884. № 8. С. 206-207).

1603 году было не более 360 саж., и образовалась такая теснота, что ямщики били челом государю, чтобы перенести их дворы на то место, где оставший князь Епанча⁴⁴ «с товарищи», почему инородцы переселились в Енбаес юрт за 5 верст от острога, а на месте юрт их в 1601 г. возникла русская Ямская слобода⁴⁵. Какое ничтожное пространство занимало, например, Верхотурье, видно из того, что даже после расширения острога в 1606 г. здание против прежнего, он имел в округности только 630 саж.; при первом же построении, как видно из одной воеводской отписки 1603 г., «места под дворы давали наветвица — детям боярским вдоль и поперек по 8 саж., а стрельцам по 5 с.»⁴⁶.

В устройстве городов, т.е. возведении всего необходимого для жилья, воеводы-строители устанавливали сношения с окрестными туземцами, вызывая их в новопостроенные города. Эти сношения были как бы необходимой обрядностью открытия новых городов и сопровождалось по тогдашнему времени своего рода торжественностью; так, например, грамотой на имя строителей Томска, Писемского и Таркова заказывалось по постройке и укреплении города пригласить с окрестных волостей князьков и мурз с людьми их, «по сколько человек пригоже; а как к ним тех волостей ясачные люди в лодей Томской город придут и им салмаи в сыевой избе бити в цветном платье, и служивые великие б люди в те поре при них бити (в) цветном же платье»⁴⁷. По понятиям того века, платье ярких цветов внушало к носившим их уважение, и при торжественных случаях, особенно когда нужно было действовать на народ, цари приказывали начальствующим лицам одеваться в цветное платье; преимущественно же употреблялись цвета красные и белые (вещи «черноты» (красно-фиолетовый), употребление которого распространялось даже на расы лиц духовного звания)⁴⁸.

⁴⁴ Бриничей, III, 63.

⁴⁵ Там же, П. 19.

⁴⁶ Сборн. Гез. 1864, № 8.

⁴⁷ «Бояловаро IX, С. 93—96 — Одеяние воевод составляли: верблюдо, злате выказанку, златые оубеши, озворахте, фарсык, апычак и шубе. Одеяние было: лезык оубеши, оубешица — черныя и черныя. При бити и черныя, злате выказанку, и лезык оубеши, злате выказанку, злате выказанку и злате выказанку на оубеши. Бываши и шубы злате выказанку оубеши и злате выказанку: злате выказанку без злате выказанку и бет фарсык для буре, изманданшеши на апычак и дисоронитица».

По сборе окрестных изюродцев в город нововодам предписывалось обращаться с ними с большою ласкою и обнадееживать, что с ними будут жить дружно, а потому и они должны жить спокойно по своим местам и приходить в город, как к себе домой, хотя в то же время всеюды предупреждались держать себя против них с большою сторожностью, как вообще против врагов²⁷, причем нововодам миналась, как свидетельствует упомянутая выше грамота о построении Томска, угощать их на каменный стет — «накормить и напоить гораздо как мочью».

Главной целью съезда в новостроенные города инородческих князей и подданных их служило обложение созымаемым ясаком, которому предшествовал приход их к присяге. Обычай присяги строго соблюдался как русскими, так и татарами, хотя последние при благоприятных обстоятельствах нередко и нарушали данную присягу.

С обычаем присяги, называвшимся по древним актам «шертью», «ротой крепкой»²⁸, народы сибирские были знакомы задолго до эпохи Ермака: так как князь Иван Васильевич, послышав рать с новгородцем Семеном Курским, Петром Ушаговым и Васильем Бражником²⁹ на которую земля, напоминал им и о приведении югорского народа к присяге «по их вере»³⁰; послы Кучума Тамас и Анса, бывшие в Москве с грамотой Кучума в 1571 году «за государя своего Кучума-царя и за всех его лучших людей, и за всю землю сибирскую крепко себя шерть учинили...», хотя присяга эта была вскоре же нарушена³¹.

Какими именно обрядностями сопровождалась присяга татарских и вообще инородческих племен Сибири — достоверно сказать по немногим положительным сведениям трудно. Несомненно одно, что присяга та имела разные обрядности. В числе последних было «лизанье кровавой сабли»³²,

путешествия или заключавшиеся заговорами, и подбивались мехами. При этих обрядах употреблялись различные предметы, означавшие заветность порою и сна, из дорогих мехов, которые были хвосты шкуры, а князь уша носил; привешивались и шпаты, причем все зинтрые и вообще всевозможные принадлежания шпаты и заключались на добротное место, так с пачкой или «шпатури» зинтрые означавшая тотчас же заблаговременно.

(См. ж. С. 93-94, 98, 100 и др.).

²⁷ Фабрицк. I, с. 298.

²⁸ Небольсин. 15.

³⁰ Словоцк. I, XX.

которую или держали во время присяги над головой присягающего, или рубили его собак⁴¹; кроме того, в знак сцепления даваемой клятвы «лили воду за золота»⁴². О первой обрядности с саблей одна из сибирских летописей, передавая об экспедиции пятидесятника Ермака Бряжи для покорения иногородческих волостей, лежащих вниз по Иртышу, между прочим, говорит: «И приехали в первую Архангельскую волость и городок христиан (Бряжа), явля божь и многих дутчих моргеной повесил за ногу и расстрелял, и ясак собрал за саблю, и положил на стол крохающую, и велел верно деловати за государя-царя, чтоб им служить и ясак платити по тля годъ, а тля мзвсенть»⁴³.

По тому значению, какое придавалось присяге при введении в подданство иногородческих племен Сибири, есть некоторые основания предполагать, что в числе обрядностей, сопровождавших присягу, русские воеводы могли применять и тот порядок, какой установлен был для присяги русских подданных на верность своему царю. Подкрестные записи того времени показывают, что на верность, например, царю Годуну, а по смерти последнего семейству его, нерасподданный, между прочим, присягал: «На следу всяким маюским мечтаньем не испортити и ведомством по ветру⁴⁴ никакого лиха не посылати, и следу не вымяти ни которыми делья». Отсюда может быть, что и в присягу сибирских татар при основании городов входило требование заклинания от изыскли ветру и выискли следа. На это предположение наводит, между прочим, последнее татаро-русское сражение в 1552 году Казани, описываемое книжком Курбским⁴⁵. По словам этого современника в указываемое время «татары на войско христианское чары творили и великую плавою наводили: яко скоро по обложании града, егда солнце начнет восходити, взыдут на град всем там ярящим ово престовер-

⁴¹ Сиб. Годак. гром. в диготор. Т. II. IV. №№ 145 и 197.

⁴² Словеса. История Рос. У. С. 91-93.

⁴³ Сибир. летоц. (Кузугур). С. 73.

⁴⁴ Вормин. XI. Прик. 5; Костомаров. XIX. С. 277-278. — Нежелика по ветру оследка в том, что легкой колотки, ошавшей закутостью, возбужда ветры и направляет их куда угодно, своими зачорония пробылами мюво, итгом. Часы на ветру пель и приомышка, чтоб тиз выиски на ях итговелья, саваню, чтоб выиску, яко, выдо, рождет, ан, пришили и при ях брочень ятх же год, ятх етуд, выискался с дуче, в итгом, перекрест, вое, саваню, чубь, жог, ятх, был, вела. (Том же).

пие их мужи, ово бабы и начнут вопияти сатанинские слова, машуще одеждами своими на войско наше и вертящееся неблагочиние. Тогда абие восстанет ветер и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такой дождь и сухие места в блато обратятся, и мокроты исполнятся; и сие точно было над войском, а по сторонам несть, но точно по естеству аера случашеся*^{*}. Не избегли, подобно казанским татарам, не только подозрений, но и обвинений в способности волшебства и сибирские татары; так, например, вскоре по основании Томска два татарина — Ишкиня и Кутугай, проживавшие при впадении Томи в Обь, были заподозрены в чародействе, причем у них отобран был камень, от которого будто бы бывает мороз и вода**^{*}; академик Фишер, путешествуя по Сибири, в письме ботанику Кошкарарову писал: «...татары посредством некоторого корня могут производить дождь и ветер, когда им угодно; я желал бы, чтобы ты о сей вещи, хотя ложной и суеверия исполненной, расспросил обстоятельнее и самые растения и корни сберег»***^{*}.

После угощения и привода городских гостей к присяге им нередко раздавались подарки, состоявшие обыкновенно из цветных суконов по большей части красных цветов, до чего сибирские инородцы были большие охотники. Эти подарки назывались государевым жалованьем и распространялись только на князьков и лучших людей инородческих земель. Приходясь этим, городские гости со временем и сами стали являться в города с подарками и поминками, состоявшими из дорогих мехов****^{*}.

Главной целью созыва в вновь построенные города инородческих князей и подданных их, как уже и замечено выше, служило обложение создаваемых ясаком. В первое время постройки городов ясак взимался с инородцев по усмотрению воевод, хотя это продолжалось недолго: в первые же годы царствования Федора Ивановича количество яса-

* Скази. Курск. Т. 1. С. 133; *Сахаров*. Сказан. русск. нар. I. Кн. II С. 7.

** Камень этот, отобранный у Ишкини основателем Томска Писевским, хранился сначала в Тобольске скрытым в казенный погреб, а затем по грамоте царя Шуйского от 17 августа 1610 г. воеводами Вольнским и Ножовильцевым отправлен был в Москву. Подробности в моей «Заметке о волшебном камне» (Сиб. вест. 1890. № 18).

*** *Славский*. Сибир. вестн. 1819. Т. III. Ч. VI. С. 102.

**** *Забелин*. I. 571.

ка, требовавшегося с новопокоренных инородческих земель Сибири, было определено в 5000 сороков соболей, 10000 черных лисиц и полмиллиона белок*. Московское правительство, назначив общую цифру ясака, предоставило вначале распределение частей его между инородцами усмотрению воевод; с подчинением же управления сибирскими делами сначала дьякам, а затем учрежденному Сибирскому приказу**, заведование делом ясака поставлено было уже последним. В общем, распределение ясака шло весьма неравномерно: так, например, на нарымских остяков наложен был столь большой ясак, что с каждого взрослого мужчины приходилось 11 соболей, с туринских вогул — от 10 до 12 соболей, отчего инородцы, не имея возможности доставить требуемого, покупали недостающее число у купцов гораздо дороже существовавшей цены и сдавали в казну***.

Заботы правительства о достаточном сборе ясака, целостном доставлении его в Москву и неутайке сборщиками виды из царских грамот при первой закладке городов; так, например, грамота о построении Тары говорит: «А что с которого городка и с волостей, и с кого именем государева ясаку возьмут соболей и лисиц, и шуб собольих, и белых, и бобров, и то все велети записывати в книги подлинно, порознь по статьям; а имати в ясак на государя соболи и бобры добрые, и лисицы черные, а худых соболей и лисиц, и бобров в ясак не имати»****.

* Миллер. Сиб. Ист. С. 326–327.

** Из дел Сибирского приказа, сохранившихся в московском архиве министерства юстиции, видно, что в 1594 году, т.е. чрез семь лет по основании Тюмени и со времени основания Борозова, сибирскими делами заведывали дьяки Шелкаловы, игравшие при Федоре Ивановиче большую роль, а с 1596 года, т.е. со времени основания Нарыма и других последующих городов, сибирские дела приказаны были дьяку Ивану Вахрамееву, имевшему под своим ведением особую чету, называвшуюся по его имени; в актах же, изданных археографической комиссией, Сибирский приказ упоминается в августе 1614 г. в челобитной Беляницы Зююина (А.А. Эксп. Т. III. № 42), хотя в то время сибирскими делами заведовал еще Приказ Казанского дворца, имевший особый Сибирский стол, как видно из неизданных документов, и только в 1637 г. приказ Сибирский является самостоятельным, в документах которого встречаются указания на существование при нем особого учреждения государевой «Купецкой Палаты», называвшейся еще «Казенной Соболиной Палатою», главными деятелями ее были купчинны гостинной и суконной сотен. (Вопрос о приказе купецких дел // Ж. Мин. нар. прос. 1889 (февр.), С. 247–248; 1889 (март). С. 182.

*** Фишер. Сиб. Ист. 1774. Кн. 1. от. 4, § 7 и II, §§ 12 и 13.

**** Небольсин. LX, 118.

За ясаком следовала организация в новых городах населения. Воеводы, закончив строение городов и прием гостей, избирали по вольному голосу из всей рати охотников, желавших остаться в городах навсегда в жильцах. Из таких вольных людей устраивалась городовая дружина. Это была партия человек в 50 конных и человек 100 пеших казаков и стрельцов. У казаков был главный атаман, а у стрельцов — сотник. Оба вместе они и управляли дружиной. Иногда всей дружиной управлял стрелецкий голова. В иных, более значительных городах воеводство поручалось сыну боярскому. Вообще в начальники избирались люди добрые, смысленные. В их руках сосредотачивалось все существо самого города: первое — суд и управа над подвластным населением, второе — защита населения от врагов, третье — сбор дани, отыскивание новых даней, новых волостей и земель для приведения их под государеву высокую руку. Всем дружинникам, горожанам раздавались подгородные земли и уголья с наказом, чтобы вперед всякий был хлебопашец для того, чтоб город сам мог кормить себя, ибо привоз запасов из Руси был делом весьма затруднительным*.

Организация населения была последним событием в общем деле зарождения и вступления в жизнь первых городов Сибири, которой мы и заканчиваем заметки свои.

* *Забелин*, I, 567 и 568.

Сибирский летописец

Летопись конца XVII и начала XVIII столетия,
веденная в Тобольске

Между фундаментальными памятниками сибирского летописания, состоящими из четырех главнейших летописей: Строгановской, неизвестно кем составленной, дьяка сибирского митрополита Саввы Есипова и тобольских боярского сына Семена Ремезова и ученого ямщика Ильи Черепанова — существует немало старинных рукописных работ, названных некоторыми из историков «простыми летописцами». Это весьма краткие, не представляющие цельных рассказов, записи, веденные по отдельным местам и как бы только для одной местной памяти, которые вернее можно назвать летописцами «служилыми», так как содержание их по большей части касается одних официальных известий, вроде назначения и смены воевод и дьяков, проезда посланчиков, следователей и т.п. К таким летописцам можно отнести, например, «Книгу Записную» 1688 г., принадлежащую библиотеке Тобольского собора и напечатанную с неизвестно кому принадлежавшего списка ее в «Дрепей Российской Вивлиофике» Новикова 1788 г. (Ч. 3. С. 104–288), или же «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и проч. чинах», изданное в первой сибирской типографии В. Корнильева (Тоб., 1792. 84 с.) и проч. В общем, такие летописцы не представляют существенного материала для истории Сибири, но они интересны в том отношении, что сообщают иногда известия о разных событиях, которые остались или незамеченными, или же незаписанными даже компетентными летописцами, какими были Ремезов или Черепанов. Таковы, например, упоминаемые в

«Историческом обозрении Сибири» Словцова 1838 и 1842 гг. две Иркутские летописи (кн. I. С. XII. С. 279, 301, 354, 407, 502, 506, 510, 557, 558 и 560; кн. II. С. 59, 432, 434 и 475), летопись Енисейска (I. С. XII, 228. II. С. 473 и 474) и некоторые другие. Хотя об одной из Иркутских летописей историк и отозвался, что «она походит на станционную записку о приезде и выезде чиновников, да о приходе и отходе казенных караванов», однако ж эта летопись дала ему из прошлого Иркутска немало таких известий, какие для истории оставались неизвестными.

К последнему роду летописей принадлежит и предлагаемая летопись, веденная неизвестным лицом в Тобольске и носящая заглавие «Сибирский летописец». Летопись эта, обнаруженная в первый раз в Соликамске, хотя и была уже однажды напечатана в журнале «Северный архив» за 1826 год (Ч. XIX. №№ II. С. 109–139; Ч. III. С. 221–251), но может считаться или забытою, или же вовсе неизвестною большинству читающего люда.

Обстоятельства находки «Летописца» в Соликамске и появления его в печати были следующие:

В 1810-х годах истекающего столетия вблизи к Сибири — в Перми — привелось проживать будущему историографу русского флота и историку трех первых царей из дома Романовых Василию Николаевичу Берху. Во время десятилетней почти службы там советником казенной платы В.Н., занимаясь археолого-историческими изысканиями, совершил несколько поездок по Чердынскому и Соликамскому уездам, результатом которых было, между прочим, издание редко встречающейся ныне книги «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» (Спб., 1821; 12+234 стр.). Проводя немало времени в Соликамске, Берх ознакомился там со всеми местными любителями старины, сблизившись особенно с теми из них, которые владели какими-либо древними документами, раскрывавшими историю города. Из новых знакомых историка значительным запасом таких редкостей обладал именитый гражданин Соликамска Акинфий Трофимович Ливонов. Этот-то Ливонов, между прочим, и подарил Берху старинную рукопись с заглавием «Сибирского летописца». Спустя после сего некоторое время, новый владелец рукописи снял с нее список и препроводил его к одному из издателей «Северного архива»,

которыми были тогда Булгарин и Греч при следующем письме: «Посылаю вам «Сибирский летописец», подаренный мне соликамским именитым гражданином Ливоновым. Надобно полагать, что какой-нибудь тобольский гражданин, любитель отечественной истории, собрав разные сибирские летописцы, выбрал из них любопытнейшие места и дополнил оные разными происшествиями по 1715 год. Судя по почерку, должно заключить, что Летописец сей писан в веке Петра I довольно четкою рукою. В редких только местах не мог я читать, и там поставлены у меня точки».

Когда и как летопись попала в Соликамск, Берх или не полюбопытствовал, так как Сибирь в круг его исследований не входила, или же не получил на это сведений от Ливонова, быть может, и не знавшего верной истории ее. Но в данном случае можно допустить одну вероятную догадку. Старый Соликамск более всех закамских городов останавливал на себе внимание историков: так, в 1745 г. там проживал историограф Миллер, позднее же жили: в 1769 г. — археолог-путешественник Рычков, в 1771 г. — профессор Лепехин и другие. Кроме заезжих ученых, соликамцы и сами интересовались вообще стариной и любили даже вести летописи. Это видно из того, что упомянутым же Берхом там приобретено было три летописи, веденные старожилками Саватием Арефиным, Василием Лучниковым и Никитой Арефиным: первый был охотник до законов, второй до метеорологических наблюдений, а третий писал церковную историю. Выбрав из этих летописей все любопытное, Берх составил одного общего «Соликамского летописца» и издал его в конце названного выше «Путешествия» (С. 203–234). Отсюда можно догадываться, что кто-либо из соликамских грамотеев, заинтересовавшись «Сибирским летописцем» в то время, когда проживал там историограф Миллер, портфели которого тогда уже переполнены были сибирскими рукописями, мог взять его у последнего для снятия списка, или же Миллер и сам как-либо случайно оставил его в Соликамске.

«Летописец» веден с 1590 по 1715 гг. и заключает в себе 136 статей, большая часть которых касается исключительно Тобольска, причем описываемые события нередко передаются с такими точностью и полнотою, каких можно ожидать только от очевидца описываемого. В некоторых

случаях составитель, означая время и место события названием, например, части города или улицы, где случилось оно, уже не упоминал своего, быть может, родимого Тобольска, так как не думал, чтобы в записях его могла идти речь о каком-либо другом городе. Начальное содержание «Летописца» показывает, что источником для него составитель имел другие летописи, из которых, как замечено Верхом, и «выбрал любопытнейшие места», со второй же половины и до конца «Летописец» представляет уже оригинальный труд, в который составителем более вносилось то, что он видел своими глазами и по которому следует согласиться с отзывом Верха и о том, что он «писан в век Петра I», т.е. в конце XVII и начале XVIII столетий.

В общем, содержание «Летописца» довольно разнообразно и в некоторых случаях даже исправляет или дополняет самую пространную и многоречивую из сибирских летописей, именно летопись ямщика Ильи Черепанова. Приведем на это примеры. Все почти пожары Тобольска, начиная с пожара 14 августа 1643 г., и особенно пожар 29 мая 1677 г. в «Летописце» описаны с такими подробностями, которых у Черепанова вовсе нет, почему можно безошибочно заключить, что о существовании этого «Летописца» Черепанов не знал; о пожаре, например, описанном у Черепанова под 1662 г., «Летописец» говорит, что это было 17 мая, под 1684 г. он рассказывает о пожаре, которого в Черепановской летописи не показано; пожар, бывший, по последней летописи, 6 июня 1701 г., «Летописец» описывает 1 июня и т.п. Далее, по истории тобольских церквей, «Летописец» также сообщает немало нового: так, например, в Тобольске заложены были церкви: 12 июля 1675 г. Троицкая, в которую 19 сентября 1676 г. перенесены были из собора тела архиепископов Макария и Герасима и к которой в 1676 г. пристроена придельная церковь во имя Феодора Стратилата; 14 июня 1677 г. — новая церковь в Знаменском монастыре, 24 июня 1677 г. — Вознесенская церковь в городской стене, 1 июня 1685 г. — новая церковь в Знаменском же монастыре, 1 июля 1686 г. — церковь во имя Владимирской Богородицы и другие. Ничего этого Черепановым не поведено. Наконец, в «Летописце» приведено немало подробностей и о других событиях, которые в Че-

репановской летописи или вовсе не описаны, или же описаны и не верно, и не полно. Так, под 1668 годом «Летописец» гораздо полнее Черепанова рассказывает возведение в Москве архиепископа Корнилия в митрополита; 22 октября 1709 г. описывает вовсе неизвестное Черепанову празднование в Тобольске победы под Полтавою; 8 октября 1712 г. дает подробности путешествия и приезда в Тобольск сибирского губернатора М.П. Гагарина, о чем Черепанов неправильно и кратко упоминает под 6 октября 1705 г., и т.д.

Но извиняя Черепанову незнание им «Сибирского летописца», оставшегося при жизни его еще в рукописи, нельзя умолчать о том, что этот памятник старины был неизвестен многим даже и в то время, когда был уже напечатанным в «Северном архиве», его не знали и многие из лиц, посещавших усиленные труды на изыскание древностей и обработку сибирской истории. На это существуют факты, для образца которых здесь довольно указать на то освещение, какое дает «Летописец» таинственной истории существования будто бы в Тобольске известного угличского колокола. Еще в сороковых годах настоящего столетия одним из немногих знатоков сибирских церковных древностей в нескольких повременных изданиях сообщен был слух, что «угличский колокол разбился и его перелили» (Маяк. 1845. № 11; Москвитянин. 1849. № 9; Ярослав. губерн. вед. 1850. № 5 и др.). На чем основан был такой слух — неизвестно, но с того времени в защиту подлинности существования в Тобольске колокола с титулом «угличского» образовалась целая литература, под тою которой тот же почтенный археолог, присоединившись к кругу лиц, оспаривавших оглашенный им слух, чрез некоторое время в одной из статей своих о колоколе в раздумье ставил такой вопрос: «...но отчего же, однако ж, ни в одной из сибирских летописей, как напечатанных, так и остающихся еще в рукописях, ни одним словом не упомянуто ни о разбитии, ни о переливке угличского колокола, тогда как о ссылке его в Тобольск упоминается в каждой, и тогда как в иной из них (например, черепановской) словоохотливый летописец говорит и о всякой мелочи?» (Тобол. губерн. вед. 1858. № 11). На этот вопрос никем из споривших о колоколе не было дано никакого ответа и, очевидно, потому, что никто из них не знал о

существовании занимающего нас «Летописца». А между тем этот «Летописец» давным-давно покончил с вопросом о злополучном колоколе, рассказывая под 1677 годом о бывшем 29 мая в Тобольске пожаре, он, между прочим, говорит: «...а на соборной колокольне большой колокол, что государское жалованье, в 110 пуд, и колокол литейной, что лит в Тобольске, в 35 пуд, и колокол благовестной в 30 пуд, что государское жалованье прислан Киприяну, архиепископу первопрестольнику, и колокол часобитной углицкой — все раздалось и растопилось без остатку».

О существовании названного «Летописца» печать впервые упомянула только в 1883 году: несколько мелких замечаний о содержании его приведено было в статье о «Сибирских летописях» О-ва, напечатанной в «Восточ. обозрении» того года (№ 44, стр. 11 и 12), которыми, если не считать двух-трех упоминаний «Летописца», сделанных кое-где (например, в статье «Сибирь и исследования ее» А.Н. Пынина в «Вестн. Европы» 1888, т. IV, стр. 642), и все сведения о нем заканчиваются.

Приведенные обстоятельства, давая «Сибирскому летописцу» в ряду сибирских летописей особое значение, послужили для нас поводом к новому изданию его, которое, полагаем, и не будет оставлено без внимания людьми, интересующимися прошлым Сибири.

**Лета от сотворения мира и
Рождества Христова
7098 (1590)**

По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича, всея России самодержца, велено быть в Сибири, в Тобольске, первому воеводе, князю Володимиру Васильевичу Масальскому-Кольцову. В то время благочестивый царь Феодор Иоаннович, наипаче распространяя свою праведную молитву, видя такое дарование Божие над собою, и за те его праведные молитвы подает ему Бог вся полезная распространяющуюся его царствию, посылаю многие люди в сибирскую землю и многие орды к Сибирскому царству подведоша, разные языцы и грады, поставиша в Сибири в 100 и 101 годах: Тару, Сургут, Березов, Томской, Нарым... и иные многие грады.

7100 (1592)

По убиении благоверного государя царевича и великого князя Димитрия Иоанновича, сосланы с Углича в Сибирь многие люди, и поставиша град Пелым и углицкими людьми насадиша.

7104 (1596)

В Тобольске воевода князь Меркурий Александрович Щербатов да князь Михайло Волконский, письменный голова Михайло Нивов.

7106 (1598)

В Тобольске воеводы Ефим Варфоломеевич Бутурлин, письменные головы Василий Нелединский да Иван Никитин, сын Ржевский.

По указу царя Бориса Феодоровича в Сибири из Тарского города ходиша воеводы за царем Кучумом и его напли на станах его, побиша и взяша у него осмь царяц да три царевича и многий полон. Царь же Кучум утече не со многими людьми, царяц же и царевичев прислаша к Москве. Царь же Борис Феодорович тех посланников пожаловал великим жалованьем, а к воеводам послал с золотыми. Царяц и царевичев повел беречь; падаша им корм велий, чтоб им никакой скудости не было.

7108 (1600)

В Сибири и Тобольске воеводы: окольный Семен Феодорович Сабуров и Алексей Фомин, сын Трегубов; дьяк Тимофей Витовтов.

В Сибири в новом городе, на Верхотурье, воеводы Василий Головин да Иван Васильев, сын Воейков.

Посланы в Мангазею и в Енисею воеводы: князя МIRON Михайлов Шаховской да Данило Хрипунов, а велено им в Мангазее поставить острог и до указу велено им там быть, а до них послан был проведывать Мангазею при царе Феодоре Иоанновиче Феодор Дьяков.

7109 (1601)

Посланы с Москвы воеводы: князь Василий Михайлович Масальский-Кольцов да Влук Евстафьевич Пушкин. И

поставиша в Сибири в Мангазее град Мангазею, а в то время в Тобольске был воевода Федор Иванович Шереметев с товарищи, и из Тобольска с ними послано 100 человек служилых людей.

Воеводы в Тобольске: Федор Ивашович Шереметев да Евстафий Михайлович Пушкин, дьяк Тимофей Кудрин; головы: Григорий Образцов, Амвросий Милюков и Евстафий Пушкин.

7110 (1602)

При вышеупомянутых воеводах явися в Сибири, в Тобольске, святитель Христов Николай Чудотворец, повелевая во свое имя воздвигнути церковь на Прямском взвозе, и по его явлению церковь воздвигнули.

7111 (1603)

Воеводы в Тобольске: князь Андрей Васильевич Голицын да Никита Михайлович Пушкин, дьяк Василий Панов, письменные головы: Постник Андреевич Бельской да Василий Гаврилович Хлюнов.

7114 (1606)

Воеводы в Тобольске: князь Роман Федорович Проскуров да Ивашович Внуков, дьяк Иван Голенищев, письменный голова Владимир Вешняков.

7116 (1608)

По указу царя Василия Иоанновича всея России в Тобольске воеводы: окольный Михайло Михайлович Салтыков да Борис Иванович Нащекин, дьяк Нечай Федорович Порфирьев, письменные головы: Мирон Тимофеев Хлопов да Александр Иванович Шаблыкин. И окольный Михайло Михайлович Салтыков, не доехав до Тобольска, в Верхотурье умре.

7121 (1613)

По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича, всея России Самодержца, воеводы в Тобольске: князь Иван Петрович Буйносов-Ростовский да Наум Михайлович Плещеев; дьяк Нечай же. Нечай в

Тобольске умре, на его место дьяк приехал во 122 году Иван Булыгин; да письменный голова Василий Наумов, сын Плещеев.

7124 (1616)

Воеводы в Тобольске: боярин князь Иван Семснович Куракин, всей Сибири первый боярин, да с ним товарищ князь Григорий Иванович Гагарин; дьяк Иван Булыгин и Богдан Губин. Князь Григорий Иванович в Тобольске умре. Того ж года в Тобольске начали быть кружечные двory, а до тех мест кружечных дворов не было в Сибири, и многие люди испропилися и иные и двory свои испропили.

7125 (1617)

Поставлен в Сибири Кузнецкий острог, а приказные люди посланы были из Тобольского города и во 126 году велено быть в Кузнецком воеводам Ивану Тимофеевичу Барыкину да Осипу Герасимову, сыну Аничкову.

7126 (1618)

Посланы из Тобольска Пелымского города сын боярский Петр Албычев да сотник стрелецкий Черкас Рукин, а с ними служилые люди; и велено им на Енисее поставить новый Енисейский острог и до указу им тамо быть и государев лсак собирать, и их ведено переменить, на их место посланы были из Тобольска дети боярские, и во 130 году в новый Енисейский острог послан воевода с Москвы Яков Игнатьев, сын Хрипунов.

7128 (1620)

Воеводы в Тобольске: боярин Матвей Михайлович Годунов, да князь Иван Федорович Волконский, да дьяк Иван Щепыров.

7130 (1622)

Был в Тобольске сыщик князь Федор Андреевич Елецкой, дьяк Яков Будтримов; сыскивали про боярина и воеводу, про князя Ивана Семеновича Куракина и про иных сибирских воевод.

7131 (1623)

По указу Великого Государя и по грамоте пресвященный Киприан, архиепископ Сибирский и Тобольский, из Тобольска поехал к Москве и поставлен в митрополиты на Крутицы, а с Крутиц послан в Великий Новгород. На митрополию в Тобольск в архиепископы поставлен Макарий, архиепископ во 132 году, и пресвященный Макарий, архиепископ Сибирский и Тобольский, с Москвы в Тобольск приехал в том же году, апреля, в первый день.

7132 (1624)

Воеводы в Тобольске: боярин и воевода князь Юрий Яншеевич Сулешев да Федор Кириллович Плещеев, дьяки Иван Герасимов Мартемьянов, Данила Леонтиев; головы письменные Григорий Суховидов да Никита Беглесов. В том же году в Тобольске сыщик Иван Володимиров, сын Спасителей, сыскавал про боярина про Матвея Михайловича Годунова.

7133 (1625)

Воеводы в Тобольске: боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Мирон Андреевич Вельяминов, дьяки: Иван Федоров да Степан Усольцев. И боярин князь Дмитрий Тимофеевич умре в Тобольске, а на его место приехал в 134 году воевода князь Андрей Андреевич Хованский. Письменные головы Богдан Поликарпов Лупандин да Семен Васильев, сын Чаплин.

7136 (1628)

Поставлен Красноярский острог, а острог ставить послан был Андрей Андреев Дубенский, а из Тобольска посланы были с ними служилые люди. Того ж года в Сибири князь Алексей Никитин Трубецкой да Иван Васильевич Вольнскойой, а на его место послан товарищ Григорий Алексеевич Загряжской да дьяки Яков Собакин да Емельян Евсевьев.

7139 (1631)

Воеводы в Тобольске: князь Федор Андреевич Телятевской да Федор Иванович Погожев; дьяки: Дмитрий Прокофьевич да Наум Петров; головы: Степан Борисов Юрьев, да Федор Иванович Шарапов, да Алексей Юрьев Мартюхин.

7141 (1633)

Воеводы в Тобольске: князь Андрей Андреевич Голицын да Данило Андреевич Замышкой; дьяки: Леонтий Полуектов да Семен Копылов; головы: Тимофей Владычнин, Василий Александров и Петр Августов Смышляев. Того ж года был в Тобольске сыщик Федор Иванович, сын Боярский-Голенищев, да с ним Иван Иванов, сын Патракеев, сыскивали про воеводу про князя Федора Андреевича Телятевского.

7143 (1635)

Воеводы в Тобольске: стольник и воевода князь Михайло Михайлович Темкин-Ростовской да Андрей Васильевич Вольтинской; дьяки: Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов; письменные головы: Андрей Афанасьевич Вологов да Матвей Володимиров Долгово-Сабуров.

7144 (1636)

Июля в 25 день явися Пресвятая Богородица некоей жене, повелевая в Тобольском уезде, на Абалаке²⁸, подле церкви Преображения Господня, во Свое имя другую церковь воздвигнути честного и славного Ее Знамени, иже в Великом Новграде и по тому явлению на Абалаке церковь воздвигнули во 145 году, и по явлению Пресвятой Богородицы образ Ее в той церкви поставиша; от того образа многие чудеса, и тако уставиша празднество праздновати.

7147 (1639)

Воеводы в Тобольске: князь Петр Иванович Пронский да Федор Иванович Ловчиков; дьяки: Иван Трофимов да Андрей Галкин; письменные головы: Аникий Сидоров Бунаков, Станислав Ульянов Баскаков. Того ж года послан с Москвы стольник и воевода Петр Петрович, сын Головин, да Матвей Богданов, сын Глебов, дьяк Ефим Филатьев; письменные головы: Еналей Леонтьев, сын Бахтеяров, да Василий Данилов, сын Поярков²⁹, на великую реку Лену. А велено ему в Якутах поставить острог, а до указу Великого Государя в том остроге быть на воеводстве; и воевода Петр Головин с товарищи во 149 году на Лене острог поставили Якутский, а до него на Лене острог был же, а ставил его енисейский сын боярский Иван Галкин.

7151 (1643)

Воеводы в Тобольске: князь Григорий Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин, дьяки: Иван Переносов да Григорий Лукин, головы письменные: Алексей Андреев Коковинской да Григорий Леонтьев Семичев. И дьяк Иван Переносов во 154 году в Тобольске умре. Того ж года, августа против 14 числа, в ночи, в ночи в 3 часу, в Тобольске бысть пожар большой, сгорел город и соборная, и приходская церкви, святой двор и воеводские, и гостинные дворы, и тюремный двор, и посад на горе весь по девич монастырь.

7156 (1645)

Мая в 13 день, заложен в Сибири град Тобольск, деревянный, рубленный, и совершен во 154 году⁹⁰. Того ж года, июля в 14 день, по благоволению отца своего государева и по умолению всех православных христиан взыде на свой царский престол Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, и на Москве весь народ Ему, Великому Государю, крест целовали, а с Сибири в Тобольск присяжал приводити к крестному целованию воевод и весь народ Тобольского города и иных городов людей стольник князь Иван Григорьевич Ромодановский да подьячий Степан Дорофеев Коренкип во 154 году, ноября в 7 день.

Того ж года по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, в Тобольске воеводы: боярин и воевода Иван Иванович Салтыков да стольник князь Иван Семенович Гагарин; дьяки: Дмитрий Прокопьев да Третьяк Васильев; головы: Андрей Тихонов Секерин да Андрей Федоров Захарьин. Того ж года заложена в Тобольске соборная церковь.

7157 (1649)

Воеводы в Тобольске: стольник и воевода Василий Борисович Шереметев да Тимофей Дмитриевич Лодыгин, дьяки: Третьяк Васильев да Василий Атарский, головы: Григорий Спешнев да Степан Скворцов.

7158 (1650)

Преставился в Тобольске Герасим, архиепископ Сибирский и Тобольский.

7159 (1651)

Привезли с Москвы в Сибирь, в Тобольск, к соборной церкви Софии Премудрости Божией большой колокол во 110 пуд. И того ж года поставлен на Москве в Сибирь, в Тобольск, во архиепископы из Боровска Пафнутьева монастыря игумен Симеон, а в Тобольск приехал 160 года, декабря в 20 день.

7160 — 1652

Восводы в Тобольске: стольник князь Семен Иванович Хитров да... Федорович Болтин; дьяки: Богдан Обобуров да Григорий Углев; письменные головы: Иван Леонтьев Полуектов да Никифор Иванов Елдезин. И Никифору по государственной грамоте велено быть на Тюмени на воеводстве.

В том же году в великую субботу по указу Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, и по благословению святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея России, пожалован белою шапкою Тобольского Знаменского монастыря архимандрит Иосиф и впредь будуще по нем архимандриты.

7162 (1654)

По государевой грамоте поехал из Тобольска к Москве Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский, генваря в 22 день, а во 163 году, декабря в 24 день, пресвященный Симеон в Тобольск приехал.

Послан с Москвы от Великого Государя в Китайское государство посол Федор Иванов, сын Байков, а из Тобольска приехал чрез Ямышево озеро, а с ним посланы были тобольские служилые люди. А преж сего посылан был в Китайское государство Петр Ярышкин.

7164 (1656)

Воеводы в Тобольске: стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский; дьяки: Богдан Обобуров и Григорий Углев, голова Иван Полухтов...

7166 (1658)

Ноября 6, в ночи, был в Тобольске пожар, и сгорело юрт татарских 260 да 25 дворов русских.

7167 (1659)

Мая в 23 день, в вечерни в Тобольске от молнии в Знаменском монастыре загорелась церковь Знамения Пресвятой Богородицы, и от той церкви и другая церковь, теплая, Трех Святителей, и колокольня на Святых вратах, и келья, ограда — все погорели. Того ж года, мая в 25 день, прислано с Москвы в Сибирь, в Тобольск, государево вино горячее и учили с того числа быть кружечные двory на горе и под горою, и во всех сибирских городех.

Декабря в 13 день, прислана патриарша грамота Симеону, архиепископу Сибирскому и Тобольскому, велено служить литургию, а был в запрещении целое лето.

Того ж года, в Тобольске боярин и воевода князь Иван Андреевич Хилков да стольник Одинец Михайлович Беклемишев; дяки: Герасим Головин да Семен Румянцов; головы письменные: Кирило Семенов Дохтуров да Варфоломей Головин. И Одинец Михайлович в Тобольске умре, а голова Кирило Дохтуров взят к Москве, а в его место велено быть Борису Маркову. Того ж году послана в Сибирь государева казна, медные деньги преж на Тюмень и в Тобольск того ж года, и в низовые города. И торговали в Сибири медными деньгами 4 года — по 171, по июль месяц, по 15 число. А с того года заказано медными деньгами торговать на Москве и во всей России, и почали торговать по-прежнему серебряными деньгами с 172 года, октября... числа.

7169 (1661)

По государеву указу присланы с Москвы в Тобольск русские люди и немцы: полковники и подполковники, и майоры, и ротмистры, и поручики; а велено в Тобольске прибрать рейтарского строю 1000 да солдат 1000, да 500 человек стрельков и выучить рейтарскому и солдатскому строю. И для того строю взяти изо всех сибирских городов тобольского разряду в те чины служилые люди и их дети, и братья, и племянники, и из гуляющих людей в те чины иманы и учены; а прибрано было всех рейтар и солдат 1700 человек. Того ж года поставили в Сибири, в Тобольске, новый острог кругом всего посада.

7170 (1662)

Был в Тобольске хлеб дорог, купали мирскую четь в 20 пуд ржи в 20 рублей на медные деньги. — Того ж года, мая

в 17 день, был пожар в Тобольске: под горою загорелись в юртах на дворе у Сваткула Адлина хоромы, и от того выгорели татарские юрты все без остатка по самую речку Курдяш-ку²¹ по обе стороны, и мосты, и церковь Божией Владимирской Богородицы, и колокольня, и русских людей дворы, и лавки, и кузницы. И от того пожару городова угловая башня загоралась, и из соборной церкви, и по всем дворам, и на горе из лавок в погребы и за острог убиралися, и милостию Всевышнего Спаса сохранен был град от того пожару.

В том же году послан был с выборными с татары... полковник Дмитрий Полуехтов против башкирцев; бой у них с ними многий был, на Синаре реке и под слободами, по 175 год.

7172 (1664)

Воеводы в Тобольске: боярин князь Алексей Андреевич Голицын да стольник Григорий Федорович Бутурлин; дьяки: Иван Чернеев да Степан Ячуков; письменный голова Иван Афанасьев Селиверстов.

В том же году на Москве шел ночью с Вологодского подворья безвестно Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский, а шел февраля в 15 день, и февраля в 19 день объявился архиепископ Симеон за Яузюю, в Вожедонском монастыре. Того ж года, июля в 24 день, поставлен на Москве в Сибирь, в Тобольск, во архиепископы из Нова-града архимандрит Корнилий. — И в 173 году, февраля в 24 день, приехал Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский, в Тобольск на свой святительский престол.

7175 (1667)

Воеводы в Тобольске: стольник Петр Иванович Годунов да стольник же князь Федор Федорович Бельский; дьяки: Григорий Жданов да Михайло Посников; голова Иван Селиверстов.

7176 (1668)

По указу Великого Государя и по грамоте поехал к Москве из Тобольска Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский. — Того же года, мая в 22 день, на Москве возведена пресвященного Корнилия, архиепископа Сибирского и Тобольского, на превысочайшую степень и поставиша

в митрополиты царствующему граду Тобольску и всей Сибири первопрестольником на праздник Обрстения честной главы Иоанна Предтечи. — А ставили его вселенские патриархи и московские, и дад ему саккос и трикирии ко осенению, и белый клубук, и в титле ему прибавлено *Кир*, а степенью он митрополита ж пожалован четвертою: первый Новгородский, второй Казанский, третий Астраханский, четвертый Сибирский. И преосвященный Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, после поставления отпущен с Москвы в Сибирь, в Тобольск, со Антиохийским патриархом Макарием, а велено ему патриарха проводить до Казани; а из Казани велено проводить патриарха Макария Казанскому митрополиту Лаврентию до... А в Тобольск приехал Корнилий митрополит на свое святительское первопрестольство в 177 году, декабря в 20 день.

7178 (1670)

В Тобольске был слыщик Андрей Павлович Акипфиев да дьяк Иван Давыдов; а велено им сыскивать про стольника и воеводу Петра Ивановича Годунова, и быть им в Тобольске на воеводстве до приезде боярина и воеводы князя Ивана Борисовича Репнина с товарищи.

7180 (1672)

Приехал от Великого Государя в Сибирь Его Государев думный дворянин Яков Тимофеевич Хитров³², а товарищ с ним — сын его Венедикт да подьячий с приписью Еремей Полянской. А велено ему в Сибири, на Синаре реке и на Уральских горах, искать и проведывать серебряной руды; а на Уральских горах, на речках на Томах и город поставить, и пемцы с ним были. А из Тобольска посланы с ним были дети боярские, и рейтары, и литва, и конные с полковником и с начальными людьми от всех городов, опричь пониловых городов. И были они в Сибири во 182 году и ничего серебряной руды не сыскали, и по Государеву указу думному дворянину велено ехать с товарищем к Москве, а город на Уральских горах сжечь.

Марта в 25 день того ж, 180, года, в 8 часу дня, в Сибири, в Тобольске в городе, сгорела церковь Вознесения Господня и городовые стены, в восточную сторону стена, да башня четверо-

угольная сгорела ж. Того ж года разломали башню, а на том месте поставили церковь Вознесения Господня с приделы.

7181 (1673)

Велено боярину князю Ивану Борисовичу Репнину из Тобольска ехать к Москве, а в Тобольске вслено быть воеводе с Верхотурья, стольнику Федору большому Григорьевичу Хрущову, да дьякам прежним. В том же году воеводы в Тобольске: боярин Петр Михайлович Салтыков да стольник Иван Федорович Пушкин; дьяки: Федор Протопопов да Григорий Михайлов Головин; головы: Иван Гаврилов Ушаков да Иван Никитин Тютчев.

7182 (1674)

Апреля 18 дня, в великую субботу, в 10 часу дня, в Тобольске в Знаменском монастыре святительские хоромы сгорели. Того ж года, июля в 12 день, преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил на своем святительском дворе палату первую каменную.

7183 (1675)

Преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил и освятил церковь Живоначальные Троицы, брусную, на своем святительском дворе и всякими церковными утварями украсил, да к той же церкви доспета трапеза брусная в 6 сажен.

7184 (1676)

Января, против 4 числа, в 10 часу ночи, судом праведного Бога, Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, сея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, не стало; оставя земное царство, отыде на вечное блаженство и покой небесного царствия. Отходя с сего света, благословил на царство Российское и скипетр державств Московского и Киевского, и Владимирского, и Новгородского царств, Казанского и Астраханского, и Сибирского, и всех государств Российского царства вручил в самодержавство старшему сыну своему, благоверному Государю Царевичу и Великому Князю Федору Алексеевичу; и по благословиению отца своего Государева Царя и Великий Князь Федор Алек-

сеевич взыде на свой царский престол в Московском государстве. Бояре и воеводы, и думные ближние люди, стольники и дворяне, и стряпчие, и жильцы, дьяки и головы стрелецкие, всяких чинов люди ему, Великому Государю, крест целовали. В Сибирь, в Тобольске, приезжал приводить к крестному целованию боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищи и весь народ града Тобольска и иных городов сибирских людей; а приехали в Тобольск в том же году, февраля, в 29 день, и по Государеву указу боярин и воевода князь Тимофей Афанасьевич весь народ города Тобольска и иных городов к крестному целованию за великого государя привел. Того ж года, марта, в 3 день, приехал с Москвы в Тобольск стольник князь Иван Петрович Козловской; а велено ему приводить к крестному целованию в Тобольске боярина и воевод, и весь народ. Князю Тимофею велено приводить в понизовых сибирских городах томского разряда, а тобольского разряда в города и в остроги велено послать письменных голов, а в слободы послать тобольских детей боярских и подьячих. Того ж года велено боярину и воеводе Петру Михайловичу Салтыкову из Тобольска ехать к Москве, а товарищу его, стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Пушкину, да дьякам велено быть в Тобольске до приезда в Тобольск боярина и воеводы Петра Васильевича большого Шереметева с товарищи. В том же году по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича в Тобольске воеводы: боярин Петр Васильевич большой Шереметев, да стольник Федор Протопопов, да Григорий Михайлов. Того ж года приехал в Тобольск из Китайского государства посланник Николай Гаврилов, сын Спафарий³³, а послан с Москвы в Китайское государство в 1183 году чрез Енисейское и Даурию, а из Тобольска посланы с ним были тобольские дети боярские и служилые люди.

Сентября в 19 день, преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, принес мощи из-под соборной церкви Софии Премудрости слова Божия прежних архиепископов Макария да Герасима Сибирских и Тобольских в новосозданную церковь Живоначальной Троицы, что у него на дворе вновь построена. А под соборною церковью с погребения Симеона архиепископа с 7160 года мая с 13 числа лежали 23 лета и 4 месяца, и 6 дней. Того ж года

Корнилий, митрополит в Тобольске, у новоосозданной церкви у Живоначальной Троицы в траншее брусяной приделал церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, царского ангела таинственного. А празднуется в 8 день июня; а посвящена на июня в день...

1785 (1677)

Мая в 29 день, в 13 часу дня, судом праведным божьим от молнии, от первого ударения громного загорелся в Тобольске в Знаменском монастыре у церкви вверху престол Знамения Пресвятой Богородицы, и в той же чети от другого ударения громного, от молнии же загорелся на горе у церкви входи во Иерусалим, что за волю Воскресения Христова, что на торговой площади шестер с восточной стороны, да у церкви же Живоначальной Троицы, что у гостинного двора, шестер же. А у церкви Николая Чудотворца высокого да городова башня, что от Квасной; и в то время у Николая Чудотворца крест осекла, и залили квасом, а башню тако ж вверху разломали ж и залили же. И от того молнийного запаления от Воскресения Христова и от Троицы Живоначальной разгорелся плакии велий Божьими поущением и гневом его праведным град рубленый Тобольск и Приказные палаты, старая и новая, что на городе недовершенная, и церковь Вознесения Христова, и боярский двор со светлицы и каменные анбары, и соборная апостольская церковь Софии Премудрости Божией. А церковь Живоначальной Троицы, новоосозданная, пражураленная, что на святительском дворе, и церковь 40 мучеников... Сеница и Софийская колокольня, и митрополичья келья, и палаты, и светлицы, и все служебные келья и приказы, и огрда, и дворец, и гостинный двор, и таможи, и лавки, и тюремный двор, и богадельня, и у церкви колокольницы, и меньшого дьяка двор, и от того двора меньшого дьяка по той же улице в Никольский проход, по трем улицам понади Софийского двора и около Никольской церкви и Казанския яртам мирских жилых дворов у всяких чинов людей 102 двора, и огрег, что от собора у Николаю Чудотворцу, да две башни острожные, что на базарном ямозе, выгорели без остатка. А на соборной колокольне большой колокол, что государственное жалованье, в 110 пудов, и колокол лютый, что лют в Тобольске, в 35 пудов, и колокол благове-

стный в 30 пудов, что государское жванованье, прислан Киприану, архиепископу первопрестольнику, и колокол часобитный угличский — все раздалось и растопилось без остатку.

А в Знаменском монастыре от того молишного воспаления сгорели три церкви: церковь теплая трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иована Златоуста, да церковь Казанской Богородицы холондах — все адрут зачерелись, и архимандрические старые и новые кельи, и колокольня, и больница, и хлебня, и сушило, и братских шесть келий, а в Преображенской церкви два яруса десных икон сгорело же. А из соборной церкви и от приходских Волжия милосердия иконы и книги и прочие утвари, Божию милостию сохранился и государския казна большой снряд целы же. Того ж, 185 года, июля в 12 день, погати острот свать в Тобольске по городской стене, где стоял рубленый город, и поставили в пять дней. Июня же в 14 день, заложил в Тобольске в Знаменском монастыре церковь Знамения Пресвятой Богородицы на том месте, где была Преображенская церковь. Июня ж в 24 день, в неделю обложена в Тобольске церковь Вознесения Господня да придел Алексея, человека Божия, на старом месте в городской стене в углу, а освящена быть того ж года, августа в ... день.

7186 (1678)

Преставился в Сибири, в Тобольске, преосвященный Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, а погребен быть во 187 году, июля в 17 день, с прожития властью, а погребал его Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, а до погребения Корнилий, митрополит, лежал в Знаменском монастыре в церкви.

В том же году велено баярину Петру Васильевичу большому Шереметеву да стольнику Ивану Ивановичу Стрешину ехать из Тобольска к Москве, а в Тобольске воеводе велено быть с Тюмени стольнику Михаилу Сосновичу Квасдину да дьяку прежнему Григорию Михайлову до приезда в Тобольск боярина Петра Васильевича Шереметева да стольника Михаила Иванова Глебова. В том же году в Тобольске: боярин Петр Васильевич Шереметев да стольник Михайло Иванович Глебов, дьяки Алмаз Чистого да Перфилий Олодяничев, письменные головы Иван Лукьянов Талзан и был на Таре воеводством да Дмитрий Григорьевич Ушкаков.

Того ж года, апреля в 28 день, в неделю Фомину в Тобольске в святительском дворе заложена церковь во имя Живоначальной Троицы, а совершена и освящена того ж 187 года, августа в 30 день. Того ж года, мая в 4 день, в неделю третью по Пасхе, в Тобольске заложена церковь во имя великого архiereя Николая Чудотворца на прежнем месте, да в приделе великоученика Димитрия Солунского, а совершена и освящена бысть во 188 году, декабря в 3 день. Того ж года рукоположением пресвященного Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, поставлен в Енисейский св. монастырь архимандрит Метфей, и дана ему белая шапка, а до того в Енисейске архимандриты были без белых шапок. Того ж года, июля в 1 день, в седьмую неделю по Пасхе, заложена в Тобольске церковь во имя Живоначальной Троицы на прежнем месте, что была у прежнего гостиного двора, освещена марта в 21 день 188 года. Того ж года, июня в 13 день, в пяток 8 недели по Пасхе, в Тобольске заложена церковь во имя Входа во Иерусалим на прежнем месте, что на торговой площади, а совершена во 189 году, июля в 5 день. Того ж года, июля в 6 день, в Тобольске заложена церковь во имя преподобного Сергия, а освящена бысть во 188 году, сентября в 23 день. Того ж года велено боярину Петру Васильевичу Череметеву ехать к Москве из Тобольска, а в Тобольске велено быть товарищу его стольнику Михайлу Ивановичу Глебову, дьяком Алмау Чистого да Перфилью Оловяникову до приезда в Тобольск боярина Алексея Семеновича Шенина да Михайла Васильевича Прилосского.

В том же 188 году, марта в 18 день привезены с Москвы в Тобольск к соборной церкви три колокола большие: один 160, другой 108, третий 40 пудов, а с Москвы посланы те колокола в Тобольск во 187 году. — В том же году в Тобольске стольник Алексей Семенович Шенин да Михайло Васильевич Прилосский, дьяки дьячки — Алмаз Чистого да Перфиль Оловяников, голова писарьские: Иван Федоров Сабуров, Григорий Максимов Резанов.

Того ж года заложены в Тобольске на Софийском дворе палаты каменные, а совершены во 189 году. — В том же году на Абалаке от молнийного запаления загорелась церковь во имя Знамени Пресвятой Богородицы. В том же

году заложена церковь на Абалаке во имя Преображения Господня, а совершена и освящена бысть того же года, августа в 1 день, и св. образа поставиша в ию. — Того ж года, августа в 7 день, в Тобольске бысть пожар, загорелся под горою у Софийского свода; и от того пожара разорвался пламень медий и, достигнув пламенное дыхание из-под горы на гору до градские стены, и от того в градской стене разгорелся у церкви Вознесения Господня верх под маковицею, и от того пламени по градской стене и горе град Тобольск деревянный, приказная палата и на башне часы и всякое градские здания, и под горою от того сгоре церковь Пресвятой Богородицы Благовещской, и колокольня, и мост, и рыль, что на мостах у дворов русских, и татарских юрт много.

Во 189 году по городской стене поставиша острег, а в остроге приказная палата и проезжал башня. — В том же году, октября, в ... день, заложена церковь под горою во имя Пресвятой Богородицы на том месте, где была колокольня, а совершена и освящена того ж года. — В том же году, мая в ... день, в деревне св. жем Мироносиц заложена в сграде, в стене церковь Вознесения Господня; а совершена и освящена во 191 году. Того же года, июля в ... день, заложена церковь во имя Живоначальной Троицы подле градской стены на прежнем месте, что у прежнего гостининого двора; а совершена и освящена во 191 году. — Того ж года, июля в 8 день, в Тобольске почали ров копать, где бысть соборной церкви каменной.

1789 (1881)

По указу Великого Государя и по грамоте повел на Тобольска письменный голова Иван Федоров, сын большой Суворов, в Томск на воеводство. А велено ему быть в товарищех с князем Павлом Михайловичем Масляевым, а в Тобольск с ним послано детей боярских и служилых людей, и татар 400 человек, да к тем в прибавок велено послать татар и из Томска, и из Енисейска, с Красного яру и из Кузнецкого острогу, а велено ему, воеводе Ивану Суворову, идти с теми людьми в степь на киргизов, которые Великому Государю изменили. И воевода Иван Суворов из Тобольска на киргиз поехал, ходил в 190 году, мая с 9 числа, и бысть в степи июля по 7 число; и бои были с киргизами

многие; и на тех боях побито русских людей: тобольских детей боярских 9 человек да служилых людей татар 15 человек, и всех тобольских и всяких городов служилых людей побито и перерашено человек со сто и больше, и с киргизами на тех боях договору не было; и о том писал к Москве к Великому Государю в 191 году киргизский князец Брэнцко, и Великому Государю прислан ясаку борб да 100 соболей; и тот борб, соболи посланы к Великому Государю.

7190 (1682)

Декабрь в 3 день, в Тобольске: боярин Алексей Андреевич Голицын, стольник Кирилл Арестархович, дьяк прелазий Алмаз Чистого да другой — Федор Злобин, голова письменные: Родной Пименов Орнов да Никита Яковлев Владыкин.

И во 191 году на Алмазове месте Чистого велено быть дьяку Федору Злобину, а на Федорово место Злобина прислан дьяк Афанасий Парфенов. — Того ж года по указу Великого Государя поехал из Тобольска к Москве иереусвященный Павел, митрополит Сибирский и Тобольский.

Того ж года, апреля в 27 день, судом праведного Бога преставился благочестивый Великий Государь Царь и Великий Князь Федор Алексеевич всея Великия и Малыя и Велыя России Самодержец, оставя земное царство, отыде на небесное блаженство и покой небесного царствия, а то Его Государя предстояние по общему совету и по умолению святейшего Понима, патриарха Московского и всея России, и прочих архиреев, и по челобитью касимовских и сибирских царевичей, и бояр, и окольных, и думных ближних людей, и скипетр державных Московского, Киевского, Владимирского и Новгородского царств, Казанского и Астраханского, и Сибирского, и всех государств Российского царства и всея Великия и Малыя и Велыя России самодержавство журналил братья Его Государевы, благочестивые и Великие Государя Царевичи Великие Князья Иван Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Велыя России Самодержцы. И им, Великим Государям, в Московском государстве и касимовские, и сибирские царевичи, и бояре, и окольные, и ближние думные люди, и велики чины люди служилые общались и св. Евангелие и крест целовали. А в Сибирь, в

Тобольск, приехала с Москвы привожди и крестному целованию Великих Государей стольник князь Иван Петрович Львов, в том же в 190 году, июля в 21 день, с богомольными грамотами и привезти к крестному целованию боярина и воеводу князя Алексея Андреевича Голыцина с товарищи и весь народ царства Сибирского, г. Тобольска и окрестных городов. И того ж дня, в приезд его в 6 число, учали в Тобольске благовестить в соборе в большой колокол в один, и в благовет приняи в соборную и апостольскую церковь боярин и воевода князь Алексей Андреевич Голыцин с детьми, и товарищи, и головы, и дети боярские, и стольники, и стрельцы, и атаманы казацки, и всяких чинов люди града Тобольска, и все православные христиане от мала и до велика. И пришед в соборную и апостольскую церковь стольник князь Иван Петрович Львов, и поставили в соборной церкви посреди налож, и, став у иконы, стольник князь Иван Петрович Львов и товари боярину и воеводам князю Алексею Петровичу Голыцину с товарищи, и во весь народ о преставлении Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Велья России Самодержца, и воцарении Великих Государей Царевичей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Велья России Самодержцев, в себе всем. И боярин с детьми, и с товарищи великим государям служить обещались и пред св. Евангелием веру учинили, и св. Евангелие, и крест целовали; да того ж дни приведены головы и тобольские дети боярские, и подъячи по грамоте Великих Государей, а народ весь града Тобольска и иных городов военных по многие дни тако же веру дали и обещались Великим Государям служить и на том, и потом св. Евангелие и крест целовали. Царским вником и дядьмой Великие Государя Царя и Великие Князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Велья России Самодержцы, венчались в Московском государстве во святей велицей соборной и апостольской церкви от рук великого архiereя святэйшого Иовкима, патриарха Московского и всея России.

Того ж года, июля в 25 день, в неделю на память благоверного и благочестивого св. князя Петра и св. княгини Февронии, нареченных во св. крещении Давида и Февронии, Муромских новых чудотворцев, и того дня в соборной

церкви праздновали Пресвятой Богородице Владимирской, а в Томской и Енисейской велено послать из Тобольска города писменных подьячих и тобольского разряда в слободы послать тобольских детей боярских, а велено в городах и слободах привести к вере завод и всяких чинов людей по грамоте Великих Государей.

Того ж года писец Лев Миронович Поскочин писал и меря в Тобольском уезде в слободах и селях, и в деревнях земли, а с Москвы в Сибирь приехала во 188 году.

7191 (1683)

Генваря 3 дня, приехал с Москвы в Тобольск преосвященный Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, ездил в Москве по указу Великих Государей. — Того ж года, марта в 21 день, приехал с Москвы в Тобольск стольник Василий Петрович Вахметев. Послан в Тобольск к боярину Алексею Петровичу с милостивым словом. — Того ж года, апреля, в 22 день, в Тобольске почали св. соборную церковь каменную и клали, верх же церкви не доклали немного не до головы; и во 192 году, июня в 27 день, подоша у церкви столбы и обломались своды и верх весь паде внутрь церкви. Во 193 году почали опять сновать соборную церковь. Совершена и освящена во 193 году, декабря в 26 день. — Того ж 191 года, июня в 22 день, почали ров копать, где быти соборной колокольне каменной, и заложили.

7192 (1684)

Велено боярину Алексею Андреевичу Голыцину из Тобольска ехать в Москве искоро, а в Тобольске велено быть товарищу его Кириллу Аристарховичу да дьякам Федору Злобину да Афанасью Парфенову до приезда в Тобольск боярина Петра Семеновича Прозоровского с товарищи. Того ж года прислана в Тобольск Великих Государей грамота, а велено в Тобольском уезде прибрать из пших казков 500 человек и поверстать в службу, и послать в Даурскую землю; и по указу Великих Государей служилые люди прибранны, и учинены им оклады по 5 руб. человеку да не пшале, и посланы те люди в Даурскую землю в том же 192 году.

Того ж 192 года по указу Великих Государей в Тобольске: боярин князь Петр Семенович Прозоровский, стольник

князь Борис Алексеевич Солишев-Засекин; дьяки прежние: Афанасий Порфирев, Федор Калинин; голывы письменные: Василий Боданович, сын большой Плохого, да Степан Васильевич Августов.

Того ж года привезен в Тобольск с Москвы колокол большой в 300 пудов.

Того ж года бысть гром великий, и в том грому из тучи паде камень, иже просторечием зовом *громова стрела*; ударил камением в церковь Николая Чудотворца, иже на Прямском кладбище, и прошибло у церкви в северную сторону верх на шею у большой главы, и оттоле паде на паперть Димитрия Солунского и прошибло верх, и бысть тот камень внутри церкви в приделе и побило немного.

7193 (1685)

Июня в 1 день, по благословению Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, заложена в Зяменском монастыре церковь каменная во имя Знамения Пресвятой Богородицы.

7194 (1686)

Сентября в день заложены в Тобольске на Софийском дворе святые врата каменные и образ между соборной церковью и святыми вратами; а на вратах церковь Сергия Чудотворца, каменная, а совершена и освящена в 196 году.

В том же году в Сибири, в Даурах, под Албаинский острог пришли китайские люди войною и острог разбили до основания, и выжили, и воеводу Алексея Толбузина и служивых людей в полон взяли, и возмил с собою многие дни и отпустили их, Алексея и служивых людей.

И в том же году из Нерчинского острога стольник Иван Астафьев, сын Власов, послал на прежние Албаинское место с Алексеем Толбузиным и велел в крепком осмотре поставить город и укрепить великими крепостями, и тот город поставили во 199 году. Того ж года велено боярину Петру Семеновичу Прозоровскому из Тобольска ехать к Москве, а в Тобольске велено быть Борису Андреевичу Солишеву-Засекину до приезда в Тобольск боярина Алексея Петровича Головина с товарищи.

Того ж года прислана с Москвы в Тобольск осмина медная и четверяк⁴, а велено в Тобольске Великих Государей

рей в казну в житницах хлебные запасы в приход принимать и в расход давать, и на торгах мирским людям продавать я те осьмичты, а з прежние осьмины казенных четвертой принимать в приход и в расход давать, и на торгах в прежние четверики продавать не велеть.

Того ж года в Тобольске: боярин Алексей Петрович Головин, стольник Богдан Данилович Глебов; письменные голы: Григорий Фролов, сын Синявин, да Иван Слешнев; дыки: Гервасий Столетов, Максим Данилов. — Того ж года по указу Великих Государей и по грамоте поехал из Тобольска к Москве пресвященный Павел; а с Москвы в Тобольск приехал во 195 году.

Того ж 194 года, февраля 24 дня, боярин и воевода Алексей Петрович Головин поехал с Москвы в Тобольск; прислана к нему в дорогу Великих Государей грамота, что указали по даурским вестовым отпискам выбрать в сибирских городах разных людей и отдать в полк окольничему и воеводе Федору Алексеевичу Головину; в Тобольске 500 человек, а на Тюмени — 100 человек, да Томского — 100 человек, из Нарынского — 30, из Енисейского — 100, из Илимского — 170 человек, да к тому прибавить в Енисейске, в Братском, в Иркутском и Илимском 400 человек; и воеводе ратных людей отдать Алексею Петровичу Головину; з воеводам от себя писать, и для приему ратных людей послать к ним, воеводам, тобольских детей боярских и, прежде у них, воевод, ратных людей и приехав в Енисей, быть с ними в Енисейске до приеду окольничего Федора Алексеевича Головина. И по тому Великих Государей указу Алексей Петрович Головин с товарищи учинил для приему ратных людей послал к ним в Тобольск детей боярских.

Того ж 194 года приехал с Москвы в Тобольск окольничий Федор Алексеевич Головин да с ним стольник Алексей Сидоров, сын Синявин, да 5 человек дворян московских жильцов, да 2 подьячих: один Государственного посылского Приказу, другой Большой Казны, а по проезжей грамоте Великих Государей велено во всех сибирских городах давать великому и полномочному послу окольничему Феофу Алексеевичу Головину по его присылкам ратных людей и осуды, и великие судюжки и хлебные припасы, в подовы без венной медькоты; а буде в Енисейске и в Томске, и в иных городах ратные

люди выбраны и в полк к нему присланы будут стары и дряхлы, или за судами, или за судовыми и хлебными припасами, и за подводами учинится ему хлопотливо, и о том он, Федор Алексеевич, отпишет к Великим Государям к Москве, и за то быть им, воеводам, от Великих Государей в опале.

А ему ж, великому и полномочному послу околичичему Федору Алексеевичу, велено по указу Великих Государей и по грамоте ведать енисейского разряду всех даурских городов и остроги, и слободы, а в товарищах у него быть перчинскому воеводе Ивану Астафьевичу, да с ним велено быть дьяку Ивану Юрину, который был в Енисейске. И Федор Алексеевич с московскими и тобольскими полками из Тобольска пошел в даурские остроги на 23 дощениках с великим урядством. — Того ж года, апреля против 26 числа, в 6 часов ночи волею Божию учинился пожар, загорел под горою в кузницах двор, и выгорело от Знаменского монастыря по Примской взвозе русских людей всяких чинов — 600 дворов, да церковь Пресвятой Богородицы Владимирской, и мосты, и лавки, да татарская слобода вся без остатку. И от того пожара загорелась на горе церковь Вознесения Господня и Приказная палата, и ту церковь и Приказную палату, и город едва отстояли московские стрельцы полка околичичего Федора Алексеевича Головина; и в том пожаре в анбарах у всяких чинов русских людей пригорело хлебных запасов. Такой был пожар страшен, что горели доспинки, а которые сбивались люди с животовми и хотели ехать по Иртышу; и те дощеники и с житом, пловучи, сторели без остатку.

Того ж 194 года, мая в ... день, в Тобольске, за Успенском монастыре, в девичье прежнеею церковь Успения Пресвятой Богородицы с места сломали, а на месте заложили новую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы да придел Николай Чудотворца, а совершена и освящена во 195 году.

Того ж года, июля в 1 день, заложена в Тобольске под горою церковь во имя Владимирской Богородицы на прежнем месте; а совершена и освящена во 195 году.

7195 (1687)

Октября в 3 день, присланы с Москвы в Тобольск Великих Государей грамота боярину Алексею Петровичу Головину с товарищи, а в них именоване Великих Государей и титу-

до написано: от Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни, благоверной Царицы и Великой Княжны Софии Алексеевны, женой Великого и Малого и Великого Ресина Сызранцев; и с того числа по приказу боярина Алексея Петровича Головина с товарищем Шульгиным тобольские дети боярские и служилые люди, и татары в Царской слободе, а тюменские дети боярские и служилые люди татары стояли в слободе Царева городища³⁵, а слободские служилые стояли в разных слободах, вийяждо в своей сотне; и послушна той приход воинских коровских людей*, Василий Шульгин с ратными людьми, не сождался тюменских служилых людей и слободских беломестных казаков, с тобольскими служилыми людьми, которые с ним были, до Ялтургорской и Суерской слободы³⁶ с белокоествыми казаками ка теми воинскими людьми почтнал; и тех воинских людей суетили июля в 27 день в степи у овра Семивкуля, и в том месте с государевою казною с порохом у русских людей телега подломилась на степи; ратные же русские люди в том месте сташа, место же не крепко; погани же наступиша на русских людей, и бьсть с ними бой великий; трех же ради наших в то время бьсть дождь велий, и у русских ратных людей ружья замочило. Погани же наступиша с конья, многолюдством; было бо их тысячи с три; а русских людей малолюдство; колько ста с полечелвети, и укрепились в том месте яезде, потому что в том месте степь и место не крепко; и побьша погани Василия Шульгина, русских людей и татар, которые были с ним, Василием Шульгиным, а иных в полон взяли; и с той осады русских людей никто не ушел, разве которые за полову убегаху. А тюменский сын боярский Иван Молчанов с детьми боярскими и служилыми людьми, и с татарами, и слободскими беломестными казаки во вспоможение Василию Шульгину не поехали, и, не дошед до того побойца бива, возвещиша им полюдники, что Василий Шульгин с ратными людьми побиты, а иные в полон взяты, а коровские воинские люди пошла в степь, и тюменские и слободские служилые люди за ними в степь, в даль не пошла, коротились выйд в Ялтургорскую слободу и стояли для обороны до осени. Велий бой! В то время в Тобольске и в Исетских слободах бьсть опашть велию, и стояху караулы на острогах, и отъезд* здесь даванъ быть просуху.

жие от воишских людей крепкие, погани же побогоши в свою землю наскоро, да еще погани и побогоша на град Тобольск воевода ближний стольник Андрей Федорович Нарышкин с товарищи, попечение имея, а врученных им людей послаху в города и остроги, и слободы Государские указы, повелеваху быть всяким жителям со всяким опасательством и бережением, и города, и остроги крепости всякими утверждениями, и прихода оных врагов проводить, дабы погани безвестно не пришли и какого зла не учинили.

Того ж года и в то ж время в июле месяце прихолоди воишские морские люди калачьей орды и калмыки под слободу, что вварх по Иртышу реке построена вновь была выше Тарского города.

Того ж года привезен с Москвы в Тобольск колокол большой в 500 пудов, а с Москвы он послан в 199 году, везен в судах до Уткинской слободы¹²; и в Уткинской слободе в узде стоил год; а из Уткинской слободы вверх на вершину Нейвы-реки волокли аюльми, а с вершины Нейвы реки реками препроводили до Тобольска.

Того ж года по указу Великих Государей и грамоте посланы из Тобольска за Лену в Якутск на службу тобольских детей боярских 25 человек да тюменских детей боярских 25 человек. До того в Якутском на Лене служилых и тяглых людей померло много число.

7201 (1694)

Великие Государя Царя и Великие Князя Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии Самодержавны, указали ближнему стольнику и воеводе Андрею Федоровичу Нарышкину быть на своей государственной службе в Сибири, в Тобольске, полковым и осадным воеводою.

Того ж 202 года по указу Великих Государей ближний стольник и воевода Андрей Федорович Нарышкин с товарищи посылал в слободы для бережи от воишских людей с дворянином с Борисом Черницким из Тобольска ратных людей и из Тюменя, а велено тем ратным людям быть на государственной службе с великим бранением в Якутской слободе, тобольским дворянам, детям боярским и служилым, и татарам на Царево городище с головою Артемьем Обольяниновым, и того года Бог помиловал; воишские во-

ровские люди под те слободы не приходили; только немногие воронские неведомые люди приходили под Чумлядскую слободу⁷⁸ и прочь отошли, а ратные люди стояли на берегу до осени на караулах.

7203 (1695)

Ноября, в 23 день, поехал преосвященный Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский, на Тюмень и по слободам, и в Туринский острог, и на Верхотурье, а с Тюмени поехал на Устину декабря в 6 день, а на Устину приехал декабря в 7 день, а в Нижней Ницманской слободе был, стоял за обедней декабря, в 8 день.

Того ж 203 года, в марте, велено другому дворянину Василью Борисовичу Вухвостову ехать из Тобольска к Москве, а на месте его велено быть ближнему стольнику и воеводе Андрею Андреевичу Нарышкину.

7206 (1698)

В феврале по указу Великого Государя велено из Тобольска ближнему стольнику и воеводам Андрею Федоровичу и сыну его Андрею Андреевичу Нарышкиным ехать к нему, Великому Государю, к Москве, а в Тобольске велено быть с Тюмени стольнику и воеводе Титу Васильевичу Раевскому.

Февраля в 28 день: в Тобольске ближний боярин и воевода князь Михайло Яковлевич да стольник князь Петр Михайлович Черкасские; дьяки: Иван Обротов да прежние Афанасий Герасимов, а дьяк прежний Алексей Протопопов в Тобольске в 206 году, июня в 30 день помре.

В марте по указу Великого Государя прислана в Тобольск грамота и во все сибирские города у духовных дел софийским делом боярским быть не велено, а велено быть архимандритам и игуменам, и протопопам, и попам добрым и искусным.

Приехал в Тобольск с Москвы переписчик, московский дворянин Иван Качалов, и переписывал, и надзавдал в Тобольском уезде и в городах, и в слободах десятинную пашню и денежные оброки.

7208 (1700)

В январе прислана в Тобольск грамота: велено на Москве во всей России писать во всяких государских делах и

числить год от Рождества Христова 1700, и впредь по всеи годе писать сей год непременно от Рождества Христова, а не от сотворения мира.

1701

Июня, в 1 день, бымсть в Тобольске пожар: загорелось под горою в юртах, и от того сгорели юрты все, и базарный мост, и лавки по мосту, и тыможня, и дворы, а от речки Курдомни до Прямского вавозу — двор с 500, и от того пламени кинуло да гору на Софийский двор, и загорелась старая Соборная и ветхая церковь, и от той церкви в ограде церкви и кельи деревянные, и у башни верхы, и гостиный двор, и лавки, и перкви Воскресения Христова и Всемилоственного Спаса, и Верховных апостол Петра и Павла, и Успенский девичий монастырь, и в нем церкви и кельи, и на горе всяких чинов жителей дворы, и воеводский, и девичий дворы выгорели да земляного валу, и Воскресенская башня. Только на горе осталось от того пожара город, Приказная палата, Вознесенская церковь, боярский двор да церковь Николая Чудотворца, что на Прямском вавозе, да около той церкви осталось дворов 40 и больше.

Сентября 13 дня, преставился в Тобольске блаженный стольник и воевода князь Петр Михайлович Черкасский.

1702

Сентября в ... день, по указу Великого Государя приезжал в Тобольск с Москвы из Сибирского Приказа думный дьяк Андрей Андреевич Винюс да с ним стольник Алексей Иванович Калинин, дьяк Афанасий Герасков да Сибирского Приказу старых подьячих два человека: Никифор Козмин, сын Зыков, Андрей Васильев, сын Фролов, да младшие Яков Петров, Семен Киреев, а в Тобольск ехал по Исетским слободам и был в Тобольске до чернова зимнего пути; и в том же году, в ноябре месяце из Тобольска поехал в Москву через Тюмень и по Ницзинским слободам.

По грамоте Великого Государя велено в Тобольске по соль к Ямышу озеру послать на государевых подрядных дощениках; а торговых дощеников по соль отпускать не велено, а соль продавать из казны в первый год по 2 алтына по 4 деньги пуд, на Таре — по 2 алтына по 2 деньги пуд, а впредь на ту соль положить

цену по рассмотрению ближнего боярина и воевода князя Михаила Яковлевича Черкасского; и по призове от Ямьша озера той соли послыно на продажу во многие сибирские низовые города: и на Тюмень, и в Туринск, и Тобольского уезда в остроги и слободы, а в низовых городах велено продавать ту соль по 5 алтын гуд, а на степные озера отпускать соль не велено.

1703

Апреля в 20 день, по указу Великого Государя и по грамоте из Боярского Приказу прислан в Тобольск Поместного Приказу дьяк Андриан Григорьев, сын Ратманов, да с ним 7 человек подьячих, 20 солдат для набора вновь в солдаты в Тобольске и на Тюмени, в Туринске, на Верхотурье и тех городов в уездах, и в Кунгурском уезде. И по тому указу Андрияна Ратманов в солдатскую службу набрал 11000 и больше. И в 704 году, января 1 числа, из тех солдат велел послать половину к Москве и в С. Петербург и в Нарву, а другая половина оставлена во вторую посылку. — Первой посылки солдатам давать жалованье по 3 рубля. Везли тех солдат из городов и слобод до Соликамской.

Заложена в Тобольске в городе Приказная палата каменная, совершена в 704 году.

Заложены на горе гостиный двор и таможенная каменные; совершены в 703 году.

Заложены в Тобольске две церкви деревянные: Всемилостивого Спася и Верхних апостол Петра и Павла, а совершены и освящены того ж года.

Заложена церковь в монастыре под горою деревянная во имя Пресвятой Богородицы Казанской, совершена и освящена в том же году.

1704

Января в ... день, прислана с Москвы грамота да статьи о крепостных делах, велено: всякие крепости писать и посылны брать у крепостных дел по тем статьям, и писать на гербовой бумаге.

По указу Великого Государя в Тобольске с ближним боярином и воеводою князем Михаилом Яковлевичем Черкасским быти и товарища сыну его, ближнему стольнику и воеводе князю Алексею Михайловичу Черкасскому.

Заложена в Тобольске на горе в дельце м монастыре церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, деревянная, брусчатая; совершена и освящена в 706 году. Строил ту церковь Филофей митрополит.

1705

Прислана в Тобольск грамота из Приказа земских дел, велено: в Тобольске и во всех сибирских городах служилым всяким чинов людям, кроме крестьян, брить бороды и усы, а платье носить: кафтан и камзолы, и штаны, и чулки, и башмаки, и сапоги немецкие, и для того в Тобольске выбраны целовальники и поставлены в разных местах в воротах и в торгу, и брали за русское платье по 4 гривны с платья.

1706

Гетовара в ... день, по указу Великого Государя и по грамоте велено: в Тобольске и во всех сибирских городах и уездах с государевых, с посольских и с архиерейских, и монастырских крестьян с 20 дворов набрать рекрут, солдат, и платье и корм дать с тех дворов; и, набрав, поставить на стану, где надлежит, и по тому указу те рекруты выбраны и были на станциях учены солдатскому строю, и в 1709 посланы к Москве.

По указу Великого Государя прислан с Москвы на Сибирского Приказу в Тобольск московский дворятин Яков Филиппов, сын Жеребцов, сыщиком про собольную и мяскую рудлядь²⁹, и был в Тобольске год целый, и в 1708 году взят к Москве.

В Тобольском уезде, сверх Тобола и Исети-реки, в слободах воевали башкирцы и многих русских людей в слободах побивали, и в Полон брели, и скота отгаивали.

В Тобольске на горе заложена церковь каменная Вемлюстового Спаса подле деревянной церкви.

Того ж года прислан с Москвы в Тобольск и во все сибирские города стольник князь Василий Иванович Гагарин для лучшего усмотрения во всех государевых делах, и быть в низовых городах по 711 год. Сискивал про многих воевод, и в Тобольск привехал чрез Барабу с Тары, и в Тобольске приказано Палате во всяких делах имя его писати — обер-комендант. И в том же году поехал из Тобольска к Москве.

1709

Октября в 22 день, по указу Великого Государя прислана в Тобольск грамота, что шведского короля войска под Полтавою побито и в полон живого взято, и было мелебное пенне и у соборной церкви на площади, и у бодрского двора, и на кру, и подле оружейного двора из пушек из 42 стрельба была великая, такой стрельбы николи же в Тобольске не бывало.

По указу Великого Государя присланы из Москвы в Тобольск и на Верхотурье, и на Челябин, и в Туринск, и на Тюмень стольник Иван Фомин Вибиков да капитан Инал Устинов Данков, да с ним Сибирского Приказа подьячий старший Никифор Протопопов, Максим Афанасьев и с ним 10 человек солдат для набора вновь в солдатскую службу, и велено им набрать 8000 и больше из всех чинов, а Ивану Вибикову велено быть в Туринске нововодом

1710

Поставлен в Сибирь, в Тобольск, в митрополиты Иоанн, армянского Черниговский. В Тобольск приехал августа 14, а прежний митрополит Филофей в 709 году посхимился сентября, в 12 день ноци; а по пришествии своем построил соборную церковь и иконостас и написал святые иконы, все вновь zelo изрядно.

По указу Великого Государя посланы были для поиску на воров изменников башкирцев драгунский полковник Леонтий Шарфентьев, подполковники Степан Токутьев и Федот Матигоров, да с ними тобольские и тюменские дворяне, и дети бодрские, и литовцы, и невокрещенные по списку, и новопы казаны, и херсонские служилые люди — татары; всего у них было а полку разных людей тысяч с восемь, и ходили на их башкирские жилища, и многих башкирцев нобили, и в полон аманатов⁸ брали, и юрты их жгли.

1711

По указу Великого Государя прислал с Москвы в Сибирь до Верхотурья для управления во военных государственных челобитчиковых делах сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, при нем дьяки Яков Щетинин и Афанасий Герасимов; и в том же году, декабря в 7

день, с Верхотурья поехал к Москве, а из Тобольска со всех-деж доношением ездили к его губернской светлости дьяки Леонтий Шкуров и Иван Бахтин.

1712

По указу Великого Государя в Тобольске и в иных городах, и в острогах, и в слободах с дворовых и с посадских, и с монастырских крестьян и бобылей выбрано в солдаты с 20 дворов по человеку да на жалованье им по 5 рублей с полтиною человеку; и посланы те рекрутские солдаты к Москве с тобольскими и с иных городов дворянами.

Октября в 8 день, по указу Великого Государя приехал с Москвы в Тобольск сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, при нем дьяк, офицеры, драгуны и солдаты. Из Туринска шли рекою до Тобольска на 4 лошади; под его светлостью дощеник обит красными сукнами весь, и на оных дощениках поставлены знамена и пушки. В Тобольске и на Тюмени, и в Туринске встреча ему была zelo изрядна. Стрельба из пушек была немалая, и на приезд во всех городах своей губернии жаловал всяких чинов людей государевым жалованьем, прибавочными и иновы окладами и чинами и государевым погребом питьем многим. А в Тобольске Приказною Палату приказал писать — Большая канцелярия, а для управительства велел быть в Канцелярии Семену Прокопьевичу Корнозу, дьякам: Ивану Бахтину, Максиму Романову, Якову Щеглину, Афанасью Усальцову, а дьяку Леонтию Покурову велено быть на Кунгуре комендантом; и с призыву его губернаторского во всяких сибирских городах велено прежних военных писать комендантами. А дьяк Афанасий Герасимов в 713 году послан к Москве, а обер-коменданту Ивану Фомину Выбикову велено быть на Березове комендантом.

1713

Декабря в ... день, по указу Великого Государя в Сибирь губернатором князь Матвей Петрович Гагарин из Тобольска поехал к Москве. До Тюмени с ним ехал пресвященный Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, для свидетельства св. мощей, а с Тюмени приехал в Краснослободский строгот генваря в 4 день 714 года, ночевал у комен-

дента Степана Васильевича Ракитина, позволял кушать с обер-комендантом Семеном Прокопьевичем Карповым и с прочими г. подполковниками, и с москвичи, и с тобольскими женоши дворяны, и с офицеры и его губернская светлость, в Краснослободском остроге будучи, многих жаловал московских и тобольских, и иных городов начальных людей и прочих чинов государевым жалованьем прибавочным и вновь окладами; краснослободских священников пожаловал по прошению г. коменданта Степана Васильевича Ракитина, велел им отъезть близ Краснослободского острогу пашенной земли 5 десятин да еще девять руги по 6 рублей, дьячку — 2 рубля, попомаро — рубль, просвящен — рубль, а преж сего тем священникам жалованья не бывало, а обер-комендант отпустил в Тобольск с ним дьяка Афанасья Усталькова и велел для управительства быть в Тобольск, а дьяк Иван Бахтин его губернаторскую светлость провожал до Саликамской, а всегда в городах встреча его светлости была зело изрядна.

1714

В июне в Тобольске дьяк Иван Бахтин умре. — Того ж года в Тобольске заложена церковь на горе Святителя Христова Николая каменная; сентября, в 14 днь, приехали в Тобольск для сыску про бунтовные слободские дела с Тюмени комендант Борис Васильевич Дырлаков да из Туринска стольник Митрофан Иванов, сын Веронцов-Беллякинов, а были в Тобольске декабри до последних числ и уехали из Тобольска на прежние свои места.

Декабри в 29 днь, губернатор сибирский князь Матвей Петрович Гагарин приезжал в Тобольск и был в Тобольске гевваря до 14 дня 1715 года. Из Тобольска по посылке из С.-Петербурга поехал к Москве и в Тобольске приказал быть для управлєния обер-коменданту Ивану Фомичу Ебликову.

Послан из Санкт-Петербурга лейб-гвардии подполковник Иван Дмитриевич Вухальцов да с ним: майор, 2 человека капитанов, 6 человек поручиков, адъютант, 6 человек прапорщиков, а велено ему в Тобольске прежнего набора да и вновь набрать солдат 2500 драгун со всех чинов и идти им в степь.

Того ж года преосвященный... Феодор ездил на низ для крещения вояжков⁴¹.

1715

В товарище прислан из Санкт-Петербурга стольник Степан Федорович Шапов да с ним подьячий и драгуны для розыска в Тобольске, в слободе против челобитья слободских крестьян на комендантов и на переписчиков, и на других в обидях и во зятках.

В феврале по присланным указаам велено в Тобольске и в других городах служилого чина набирать солдат, а с посадских людей и с дворовых, и с архиерейских, и монастырских крестьян с 20 дворов рекрута, также в острогах и слободах с крестьянских дворов, а, набрав тех рекрут, отдавать в команду г. командира Бухальцова, и о том в городы и остроги посланы дворяне и дети боярские, а в слободах велено выбирать комендантам и прикащикам.

Летопись Щетининых
(1743—1777)

Сибирь вообще не богата летописями, и весьма странное число этих памятников давнопрошедшего, какие известны к нашей времени, возбуждает невольный интерес ко всякой памятной книжке, простому дневнику или какой-либо заурядной записи простых, обыденных, но дальних событий, несмотря даже на счединую часто неполноту их или отрывочность. В общем такая писемная и нередко малограмотная старина не представляет существенного исторического материала, но тем не менее любопытна: интерес к ней возбуждается в том отношении, что она касается явства событий, ускользнувших от внимания завзятых летописцев, или оставшихся последним почему-либо неизвестными, допояняет мелкими подробностями биографии прежних деятелей и проч., и проч.

С этой стороны не лишена некоторого интереса и летопись, веденная в прошедшем столетии в Тобольске дяконом кафедральното собора Федором Яковлевцем Щетининым, начатая в 1743-м и законченная, после частых перерывов, в 1777 году.

Подробности родословия летописца нам неизвестны, знаем только, что он имел сына Дмитрия Федоровича, служившего священником при том же кафедральном соборе и умершего в первой четверти настоящего столетия, и что род Щетининых в духовенстве Тобольской епархии ныне уже не встречается.

Подлинник летописи Щетининых хранится в настоящее время у директора 3-й казанской гимназии А.Д. Иноземцева, одного из потомков Щетининых по женской линии. Некоторыми сведениями летописи в 60—70-х годах пользовался при своих трудах по истории сибирской иерар-

хия покойный законоучитель Омского кадетского корпуса, профессор А. И. Суляцкий*, во полное содержание ее до настоящего времени остается неизвестным.

Годе для назая другим потомком Шстинных, бывшим помощником сургутского окружного исправника А. Д. Иноземцевым нам любезно сообщен был точный список упомянутой летописи и, благодаря этому, мы пользуемся возможностью передать ширке содержание этого памятника старины и чем сохранить его для лиц, интересующихся давнопрошедшими событиями Тобольска.

Летопись заключает в себе следующие записи:

1743. Зачата Благовещенская церковь**.

1745. Зачата Архангельская церковь. Прибыл генерал-лейтенант и кавалер Василий Алексеевич Мятлев***.

1748. Июля 8. Освящен предел Благовещенской церкви во имя св. Прокония и Иоанна Юродивых. Сентября 6. Освящена теплая Архангельская церковь.

1749. Апреля 11. Зачата Рождественская церковь****.

1754. Зачата Сретенская церковь*****.

1755. Декабря 1. Митрополит Сильвестр отбыл из Тобольска в Сургуты*****.

1757. В великий пост отбыл губернатор Мятлев в Москву. Октября 21 сгорела церковь Захарьевская и рады.

1758. На 21 ноября в 6 часов пополудни прибыл в Тобольск митрополит Павел П. Ночевал две ночи в Знаменском монастыре. В воскресенье, 22 числа, шел из него перемонидлом на голу и служил в холодном Успенском соборе

* При составлении, например, отчетов: «Встреча в Тобольске с старшим князем прибалтийским просвещенным» (Чтения в общ. истор. и дрес. Российск. 1864. № 3. С. 32-61), «Записка к дарованию библиотеки тобольского архиепископа Варлаама» (Тоб. губ. вест. 1871. №№ 50, 51) и др.

** По другим сведениям Благовещенская церковь заложена в 1735 году владением князя Суляцкого, освященная 1-го июля и освященная в летописи летою, в 1748 г. (Тоб. епархия. 1892. Ч. II. Вып. 4. С. 10).

*** Если ли это верно: во «Списку воеводам и... адмиралам» Ст. Мамеева, прибывшим в Тобольск показывается 28 февраля 1754 года. (Давыдов. Тоб. губ. до 1850 год. С. 49).

**** По «Отписанию церквей и монастырей Тоб. епархии» (Тобол. епархия. Ч. II. Вып. 4. С. 10) церковь эта называлась покровной и 1744 г.

***** По тем же сведениям «Сретенская (Пятиницкая) церковь построена в 1754 г.» (Тоб. епархия. С. 10).

***** Эта запись исправляет неточность упомянутого выше (смотри выше список) «Списку», где на стр. 58 в отбыл из Тобольска Сильвестр (дворянин) в дрес.

литурию. Тогда было весьма холодно. Прибыл из Нарчинска генерал, тайный советник Федор Иванович Сеймонов*

1759. Пристроен к церкви Архангельской придел во имя трех святителей. Зачата Воскресенская церковь. Июля 5 выгорела береговая улица. Сентября 19 освящена Сретенская церковь**.

1760. Зачата каменная колокольня Благовещенской церкви.

1761. Апреля 1 освящена холодная Рождественская церковь***. Сентября 12 освящена теплая Крестовоздвиженская церковь.

1762. Апреля 28 освящена холодная церковь Богородице-Рождественская. Окончена колокольня Благовещенской церкви. Октября 27 освящен придел Сретенской церкви во имя великомученицы Параскевы****. Ноября 10 освящен придел Воскресенской церкви во имя Дмитрия Ростовского.

1763. Зачато большое крыльцо у Архангельской церкви. Октября 24 освящен придел Воскресенской церкви во имя св. Захарии и Елизаветы. Февраля 4 отбыл в Москву г. губернатор Сеймонов****. Обряды возведены у Знаменского монастыря. Ноября 15 прибыл в Тобольск лейб-гвардии Семеновского полка пример, генерал-поручик и разных ордепов кавалер Денис Иванович Чичерин*****.

1765. Сентября 10 горело около Рождественской церкви.

1766. Июня 4 наводнение иртышевской воды было ужасно: промывло арзирейский труд за валом, слесило три моста городских: Никольский, Шаблинский и у Кокуа.

1767. Город Тобольск был распланирован. Августа 4 дня отбыл в Москву г. губернатор Чичерин. Сентября 2 освящена под колокольней Благовещенской церкви малая церковь мученика Мины.

* По тому же «Списку», время прибытия Сеймонова показано 21 сентября 1757 г. (С. 48 и 49).

** См. список ***** ту 1: 110 дореволюции выданные.

*** См. список ***** из С. 110 дореволюции издания.

**** См. список ***** из Г. 118 дореволюции издания.

***** Давал ли веро и это: Сеймонов, по святикам сведениям, уловил от должности 30 января 1762 года.

***** Иные сведения, подтверждающая истинность «Списка воеводам в... губерниям» с прибытия Чичерина в конце ноября. (Кал. Тоб. губ. на 1850 г. С. 49).

1768. Января 11 в 2^{1/2}, 4 часа пополуни отбыл в Москву митрополит Павел П. Когда вышел из своей кельи, пошел сначала в теплый собор Антония и Флodosия, потом в холодный Успенский и, приложась к местным иконам и престолу и возшедши на амвон, произнес прощальную речь; потом, вышедши из собора, отправился в Знаменский монастырь и, приложась в Преображенском соборе к св. иконам и добрав в архиерейской келье котла и десуды, выходя из города. Звон церкви сопровождал уезжающего архиерея до самого выезда из города. Марта 28 прибыл обратно в Тобольск г. губернатор Чичерин. Приказано по выносу из Абалака образа Богоматери в Тобольск ставить его в Преображенскую церковь села Преображенского. Октября 5 освящена Боговиленская Владимирская церковь. Начата каменная ограда Рождественской церкви. Октября 12 освящена Казанская церковь в Знаменском монастыре. Ноября 19 освящена Воскресенская церковь.

1769. Февраля 5 освящена церковь малая Николая Чудотворца в монастыре Знаменском. Марта 5 на первой неделе поста, в четверг прибыл в Тобольск епископ Варлаам и остановился в монастыре Знаменском. Не мешкая получил прощальный отправление к часам. В субботу служил в Казанской церкви литургию. На завтра, 8 числа, в воскресенье, в 7 часов пополуни начал в Успенском соборе благовестить на собор. По трех переводах священноцерковнослужители всех церквей пошли с процессией в Знаменский монастырь. Епископ отправился в церковь. Здесь по облачении в святительские ризы отправился с церемониею в собор и, дойдя до Боговиленской церкви, начал служить молебен. От сего уличного моста, по Примскому виаду, по обе стороны расставлены были ели, средина была уставлена сусеком и ельником. Над входом в башню была поставлена картина, на коей было изображено шествие Варлаама в город, сопровождаемое множеством народа. Наверху написаны были слова: *«Варлааме! Варлааме! Гряди во Нам Мил! В сей ты стране омыи. Моя грехи и забудете мери аксорени!»*. От башни до Софийского собора было уставно красным сукном. По приходе в кремль епископ был встречен г. губернатором Чичериным. Печие его одеты были в белое платье с напыряными в приличных местах прекрасными цветами. На годо-

вак у них было подобие венцов, а в руках держали ветви с цветами. Пресвященный вступил в собор. Началось православие и вслед за православием литургия. Произнесена речь приветственная православному. По окончании литургии был молебен Успению Богородицы при звоне колоколов и пальбе из пушек. У кельи своей пресвященный был встречен двумя монахами: один держал образ Успения Богородицы, а другой на блюде хлеб и соль. — Августа 12 прибыл полк из Селингицка. На востоке явился комет; мира хвоста ее простым глазом была усмотрена в 2 аршина длины. Течение имела с прочими звездами. — Сентября 3 горело за Монастырской рекой. — В октябре было очень теплое время, отчего, когда лед стал на Иртыше, его называли так, что ездил на лодках за реку. Окончательно уже Иртыш покрылся льдом октября 16.

1770. Привезены в Тобольск 4 колокола к церквям: в монастырь Знаменский в 91 пуд, а Елагинское в 126 пуд, 25 ф., к Рождественской — в 126 пуд, 33 ф., в Воскресенскую — в 99 пуд, 5 ф. и в собор Успенский восемь, небольших. — Июля 23 освящена церковь во имя Марии Египетской под колокольней в Абаканском Знаменском монастыре. — Зачата каменная ограда Архангельской церкви. Освящен придел Благовещенской церкви во имя великомученицы Екатерины*.

1771. Апреля 1 освящен придел Спасской церкви во имя Иоанна Милостивого**. — Сентября 28 освящена холодная церковь Крестовоздвиженская.

1772. В августе, вследствие указа, запретившего хоронить тела умерших при местных церквях, стали погребать их на венок. — Сделана полатионка глава на Преображенском соборе в Знаменском монастыре. — Октября 14 архимандрит монастыря Знаменского Михаил отбыл в Казань для посещения в епископа иркутского.

1773. Января 13 прибыл архимандрит Михаил архиепископом иркутским из Казани. Михаила 20 числа служил в Знаменском монастыре литургию в неделю мытаря и фарисея. Когда поехал на монастыря служить литургию в со-

* См. список ** на С. 116 настоящего издания.

** По списку церковь в монастыре Тоб. «виркан» (С. 9) построена в 1768 году.

боре, до самого собора ехал при звоне колоколов от всех церквей. У собора был встречен протоиерей, который держал крест на блюде, и двумя священниками в облачении. Января 27 в неделю Блаженного сына, Михаил служил в соборе и посвящал во дьякона. Февраля 4 он служил у Средней церкви и посвящал во священника. Февраля 11 отбыл в Иркутск. Во время его проезда по городу звон был в одном только Знаменском монастыре. — Июля 6 выпал град величайшей (матерей) и куряний желтыш. — Октября 25 прибыл в Знаменский монастырь из Кюва архимандрит отец Илья. — Декабри 25 с 1 часу, т.е. в полночь, до самого свету шел дождь.

1775. Мая 24 освящена церковь Апостола-Андреевская. — Мая 14. С этого времени купном может быть тот, у кого есть более 500 рублей. — Мая 20. Соль продавана была по 35 коп. луд. — Августа 5 заложена каменная церковь за валом во имя семи отроков Ефеских*. — Августа на 27 с полуночи пошел снег, а на 28 замерзали все лужи.

1776. Стала строить в Тобольске здания на каменном фундаменте. — Зачата каменная отграда у Благовещенской церкви. — Августа 3 освящена Завальная церковь Семи отроков. — Ноября 12 шел с полчася дождь.

1777. Февраля 12, с 3 го часу пополудни до самого вечера шел дождь. Февраля 28 в 6 часу пополудни шел дождь. — Марта 1 весь день шел дождь.

* В истории об этом и прочем принимал основное участие г-н полк и Д.И. Чечерин.

Тобольский кремль и одна из тайн его

В местном говоре имя «кремль», принадлежащее той части Тобольска, которая, замкнутый на слов красивые утесы назид тому более трех столетий письменного голову Давида Чулкова с горстью стрельцов, являлась местом заложения города, давным-давно уже забыто, и пыльные тоболяки, зная мало свое прошлое, словно совсем не признают у себя существования такой древности.

Но обнятия в памяти своих горожан прошлое Тобольского кремля — той тобольской крепости, с отнятием которой Тобольск походил бы на совсем зуботого исключенного старца, мы должны, однако ж, ознакомиться прежде с общей историей и значением старинных русских кремлей; это необходимо нам и для лучшей передачи той тайны этого кремля, которая составляет главную цель нашей заметки.

В более позднее историческое время многолюдные и важнейшие в стратегическом отношении русские города старинной Руси обносились не одним, а несколькими параллельными рядами укреплений, причем каждому укреплению давалось особое название: так, например, важнейшая центральная или внутренняя часть крепости называлась *днешним городом*, или *денищем*, а последний кремль, или *кремничком*: наружные же, периферические ограждения назывались *окольным городом*, *охабнем*, *городом кремным*, или *кромом*.

Слово «днешний» по объяснению филологов архологов происходит от древнеславянского «дне» — внутри, внутренний, от древнерусского слова «дне» — матка (итерц), внутренность, а это в свою очередь от санскрит. *dha* — доить, питать, *dhenā* — дойный, также сущ. питание, подкрепление. *Днешний* город в этом смысле означает центр,

важнейшую часть подкрепления. То же значение имел и *детинец*. Происхождение этого названия ставят в связь со словом «*дети*» (дети), предполагая, что при осаде городов детинец, как внутренняя, наиболее безопасная часть укрепления, предназначался для охранения детей.

Появление в русских летописях впервые слова «*кремль*» относится к 1331 году: по одной летописи «в лето 6839 же-свия мая 3 был пожар в Москве, погорел город Кремль»; в других же летописных списках город этот называется *Кремник*. Многие думают, что *кремль* — слово татарское. Однако ж, трудно предположить, чтобы наши предки заменили родное слово «*детинец*» татарским названием. Предположение это подкрепляется более тем, что и сами татары в то время еще не строили у себя каменных укреплений. Благодаря этому о значении слова «*кремль*» возникла другая гипотеза. Стало думать, что татарское слово «*кремль*», крепость, наоборот, взято с русского языка. Что же касается того, что ранее 1331 г. оно не встречается в русских летописях, то это обстоятельство объясняется старой привычкой наших предков к названию *детинец*, как синониму *кремля*. По чисто филологическим толкованиям слово «*кремль*» сблизается с церковнославянским *кремы*, *кремыи*, твердый, жесткий камень, кремни. Один из исследователей прошлого славян Миклошич производит древнерусские *кремы* — яшма, диатезель и *кремль*. Другой исследователь Шамкевич по поводу этого слова говорит: «Можно полагать, что было слово «*кремыи*», крепкий и что от него произошло название *кремня*, который, между обыкновенными камнями, отличается своею крепостью. Отсюда же слово «*кремль*», т. е. самая крепкая часть в городе. Оттого, по разности мест, говорили еще *крем* и *кремник*». Этого же мнения держался и наш историк Карамзин.

Таким образом, по приведенным толкованиям *кремлем* должна была называться каменная отграда или стены, сложенные из дикого камня, в отличие от рубленного, деревянного города или земляных валов.

Сооружение Тобольского кремля дословало спустя более столетия по основании Тобольска и относится ко времени пребывания в Сибири алополучного губернатора времён Петра I князя Матвея Петровича Гагарина, или точнее

к 1714—1716 гг. Строителями его были проживавшие тогда в Тобольске военнопленные шведы. Этот кремль, или вернее, массивные каменные стены окружали собою ту местность города, расположенную на двух возвышенных гористых мысах, которая занята в настоящее время зданиями присутственных мест, кафедрального собора, архиерейского дома, Никольской церкви, тюремного замка и спиритического заведения. Стены эти шли от борта Иртыша, начинаясь от громадного адания стоявшей там Приказной палаты в направлении от запада к востоку через все протяжение обоих мысов и круто поворачивая за зданиями архиерейского дома на север, тянулись вдоль Никольского ввоза, за подъемом которого, смыкаясь с аданиями гостиного двора, поворачивали в западную сторону и крутым берегом реки соединялись со своим начальным пунктом; на половине же занятого ими пространства последнее разделялось поперечною стеною на две почти одинаковые части. Стены были зубчатые, с бойницами и имели двой ворота, называвшиеся Троицкими и Воскресенскими; над спуском же в подгорную часть города, или над так называемым Прямским ввозом была сооружена массивная башня с тремя воротами, называвшимися Крестскими. В тех же стенах чрез известные промежутки возвышались круглые башни меньшего размера с фигурными куполообразными крышами и небольшими круглыми окнами.

К сожалению, знаменитые тобольские пожары, не щадившие ни города, ни кремля, не оставили в местных архивах никаких сведений о подробностях шведского сооружения. Благодаря этому мы не можем дать теперь точного описания внутренности кремля, а должны удовлетворять свое любопытство только тем, что оставил нам Миллер.

«Из нижнего города в верхний, — говорит историк в одной из своих рукописей, — исходят тремя дорогами, которые называются ввозы. Первая и самая близкая именуется Прямой, Прямской, или Вазарный ввоз, потому что он весьма прям и внизу под нем находится базар. Второй — Никольский, потому что над ним в верхнем городе на давних лет стояла церковь Николая Чудотворца, но поныне потом построена новая церковь во имя иное, то во имя Святителя и Чудотворца Николая, в память того придеи по-

ставлен. Третий называется Казачий ввоз, потому что вверх оного судной двор тобольских казаков находился. С половины сего последнего ввоза пойдет на правую руку другой малый ввоз, который Малый Казачий ввоз называется. Первый ввоз весьма крут, чего ради с везими и на лошадях ездить по оному трудно. Второй несколько способен, а третий из всех способнейший, чего ради по оному по большей части ездят и ходят.

По первому ввозу ходить иначе в каменную крепость, которой одна сторона стоит почти на самом краю Иртышского берега, а другая к нижнему городу. Она положением своим с нижней стороны городу придает великолепное украшение. Сия крепость перрегулярна, п. ч. заложена она была по рассуждению обстоятельности тамошнего моста, но вместо бастионов и прочих, по правилам фортификационным бываемых укреплений по старинному обыкновению построены стрельными или башни, которые стенам во украшение служат. С северной стороны к южной разделяется она поперешною стеною на две, почти равной величины, части, из которых в каждой, не считая небольших внутри и вне крепости стеновых выступов, по 90 квадратных сажен содержится. Часть с западной стороны к Иртышу составляет подлинную крепость. Во второй, или в восточной части находится архиерейский дом с принадлежащими к тому покоями.

Каменная соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы одною половиною стоит в крепости, а другою в архиерейском доме с двумя приделами — святых апостолов Петра и Павла, Антония и Феодосия Печерских Чудотворцев. Вторая главная церковь Пресвятой и Живоначальной Троицы находится посреди крепости. Большой каменный дом с двух жильях стоит в ряд с крепостною стеною со стороны нижнего, а входит в него изнутри крепости. В верхнем жильях отправляются дела по губернской канцелярии, в нижнем — гарнизонная канцелярия, помещиками кичова и рейтерей. Второй каменный дом находится при первом. Прямом ввозе также рядом с городскою стеною, где губернские доходы, в мехах и других товарах состоящие, до отправления оных в Москву хранятся. Третий, который также в ряд со стеной на Иртыш для жительства тубернаторов

построить надлежало, и окончательно еще не придется, но в стене видны только полые места, которые на окна оставлены были. Между прочим, обретается в крепости еще следующее деревянное строение, а именно: дом под гауптвахтой или главным караулом, находящийся между кашдляршей и Прямским взвасом, потом в ряд с городской стеною на берегу Иртыша находится тюрьма, жилой двор и сарай, в котором стоит домовая пушка. Кроме ворот, от Прямского ввоза находится еще в стене одна на Иртыш, по которому берегу сделана деревянная лестница с 290 ступенях. А прочими двумя ходят в жилище верхнего города. В митропольский дом ходит двумя воротами: одна под соборной церковью, над которой находится каменная церковь Святых Радомирского Чудотворца, в сей вход называется Святые ворота, а другая с сухого пути. Митропольские палаты, которые стоят посреди двора не в дальнем расстоянии от соборной церкви, о двух жилых и построены изразно. При сих находится митропольская домовая церковь Четырехдесяти Мучеников. Высокий каменный дом, в котором спривалются епархиальные дела и притом же находится школа, стоит с сухого пути рядом со стеною подле других ворот. Сверх объявленного дома находится каменная выстая башня. Прочие побочные строения также каменные, а именно: старая и новая ризница, дом, в котором учатся новокрещенные православному исповеданию веры, хлебня, погреб, устанный кирпичом, а над ним нагорбница для сушения платья, два ледника деревянных, латинская школа, товарня, шивоварня, конюшня, беля, два амбара и притом еще несколько особливых покоев. Кроме сего вышеобъявленного, находится колодезь глубиною во столько сажен, во сколько вышины берега от поверхности Иртыша, тавком небольшой сад, который по тамошнему обычаю весьма изрядно убран.

Каменный гостинный двор не в дальном расстоянии дозиди архиерейского дома с сухого пути стоит лицом в крепость, и с явовой стороны с углом его крепостная стена сошнулась. Оный двор четверугольный и в два яруса, длину в 81 сажень, а ширину в 23. По углам находятся четыре круглые башни, а над веретями, которыми ходят из крепости на гостинный двор, стоит часовня. Лавки, как обык-

новенно, лицом стоят внутрь двора. В нижнем ярусе считается 35 лавок, а под ними 27 погребов, в верхнем — 32 лавки и притом 3 палатки с сенями, в которых находится таможня между гостиным двором и архиерейским домом.

При заведении строения остался узкий проход, который потом покрыли лешадью⁶⁴ в сохранение амуниции и разных военных припасов для обретающегося в Тобольске гарнизону.

За крепостью в верхнем городе главные церкви следующие, а именно: 1) церковь каменная Введения Пресвятой Богородицы с двумя приделами — Николая Чудотворца и Великомученика Дмитрия, находящегося у Никольского кладбища, о которой уже упомянуто было; 2) Спаса Нерукотворенного образа с двумя приделами Пресвятой Богородицы всех скорбящих и святого Иоанна Предтечи, каменная же; 3) церковь деревянная святых апостолов Петра и Павла с приделом Нила Столбенского, а понее она ветха, того ради ныне строится новая деревянная же; 4) Рождественский девичий монастырь, называемый по церкви Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, весь деревянный.

Прочие казенные строения находятся следующие, ако: губернаторский двор, который стоит подле крепости, и можно часть его видеть с Иртыша, а другую из нижнего города. Посольский двор, в котором прежде жила вице-губернаторы, а как за несколько лет перед сим определено оным в Тобольске не быть, то помнятый двор проезжим через Тобольск чужестранным послам для постою отводится. Острог, а в нем тюрьма и застенки. Другая тюрьма без острогу. Комисарский двор, учрежденный для сбора казенных доходов с деревень, находящихся в Тобольском дистрикте. Полковой двор обретающийся в Тобольске пехотных полков. Полковой казначей двор. Зависной двор. Казачий двор с принадлежностями к нему амбарами и с двумя пороховыми погребами.

Помнятые казенные строения, кроме пороховых погребов, стоят по разным местам между объявительскими дворами так, как и церкви. Места под оными находятся вниз по Иртышу на 250 сажен, а от Иртыша поперек до буерака, откуда течет Курдюмка на 350 сажен. За поседом, к полюю от Иртыша до Курдюмка сделан земляной вал со ровом и притом поставлены рогатки. На помнятом валу находится двои

верота с поставленными на них небольшими редутами; первые верота от Иртыша стоят на 50 сажен, а другие от верных на 150 сажен и от Курдюмки в таком же отстоянии.

Все строения Тобольского кремля были очень тонкой, искусной работы, из прочного кирпича, но от этих строений к нашим дням уцелела лишь одна, находящаяся теперь в полуразрушенном состоянии и закрытая для прохода по угрожающей от падения опасности, Шведская башня. Куда же исчезло все остальное?

История исчезновения аданий Тобольского кремля тесно связана с теми разгромами, какие наносили старому Тобольску беспощадные пожары. Известно, что этими пожарами с лица земли стиралась без остатка не только деревянные городские постройки, но и строения каменные. Можно бы думать, что старым тоболякам следовало уже научиться оберегать от разрушений хотя бы усиленную от пожара старину, но, к сожалению, этой черты в общественной жизни наших предков незаметно. Благодаря этому некоторые из памятников прежнего каменного зодчества разбирались только по одной непрочности своих фундаментов. В числе таких памятников иногда уничтожались даже церкви, от которых не оставалось не только камня на камне, но и следа, по которому бы теперь можно было знать хотя места, где существовала эта интересная старина.

Лучшим примером бесцеремонного отношения старых людей к таким памятникам прежнего каменного зодчества и полного отсутствия в соображениях их мысли о новом восстановлении разрушаемого могут служить подробности исчезновения Шведских стен Тобольского кремля.

Со времени постройки этого массивного здания очень искусной фигурной работы прошло только около 130 лет. Не подлежит сомнению, что при прочности кирпича, употребленного на это сооружение, что подтверждает нам образец этого материала, сохранившийся до последних дней в остатках полуразрушенной теперь Шведской башни — шведские стены стояли бы без малейших признаков ветривости и до нашего времени, но их разломали. Задумав в начале сороковых годов настоящего столетия приступить к сооружению церквей в Загородной роще, тобольский преосвященный епископ Владимир, чтобы не тратить много денег на

заготовление кирпичца для новой церкви, распорядился разобрать большую часть шведских стен и полученный, таким образом, кирпич перевезти в рощу. Разрешения на это от высшего правительства испрошено не было, и по донесению тогдашнего генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова за неправильные действия енискеона Владимира Святейший Синод в указе 20 мая 1845 г. объявил ему строгий выговор, который и был будто бы причиною смерти его, вызванной аполексическим ударом.

Время шло, и остатки Тобольского кремля от непогод и дождей мало-помалу все разрушались. Общую картину разрушения дополняло унылое состояние обгоревшего в большой пожар 1797 г. генерал-губернаторского дома. В воспоминаниях о тобольской жизни, известной Т.П. Пассек, между прочим, говорится, что «маленькие братья Вадим и Димид Пассеки, иногда кунались, выплывали к крутой горе, на которой стоял обгорелый дом бывших сибирских воевод, влезали на гору, карабкались на окна и сквозь их железные решетки с любопытством рассматривали связки старинных ружей и сабель, или бросали камни в огромный барабан, оббитый медью, и прислушивались, как он издает звук, похожий на стон». Вслушиваясь в этот звук, Вадим думал о расказах, как это барабан своим странным голосом сызвал дружину Ермака, заменяя вестовую пушку за недостатком пороха».

Из дальнейшей хроники разрушений Тобольского кремля мы знаем, что весной 1867 года рухнула одна из башен, увелившая от разрушений 1840-х годов, находившаяся в восточной стороне кремля к Никольскому взвозу. По распоряжению епархиального начальства башня эта была также окончательно разобрана, а кирпичи проданы. Та же участь постигла в весну 1888 года и остатки стены с бойницами, находившейся на той же восточной стороне кремля.

Но не касаясь более грустных подробностей по отношению к Тобольскому кремлю общего местного вандализма, мы посвятим оставшую часть своей короткой заметки упоминанию на то, что до сего времени таится любопытного на месте этого кремля для современного археолога.

Существуют сведения, хотя и довольно отрывочные, что под кремлем находится подземный ход, начинавшийся буд-

то бы от бывшего прежде здания гостиного двора с разветвлениями к домам — архирейскому и генерал-губернаторскому — и выходящий в одну из трех арок существующей и пыльные Шведской башни над спуском с нагорной части города, или Ирмянским вазомом.

Здание не существующего уже ныне Тобольского гостиного двора было построено в 1703—1705 гг., стояло на южной стороне настоящей Соборной площади и представляло как бы преддверие кремля с северной стороны. Гостиный двор представлял в своем роде «подобие крепости» в миниатюре. По описанию летописца, он «обложен был квадратно: вдоль сажених на 30, поперек сажень на 40. На четырех углах того строения поставлены (были) круглые башни, а на двух стенах его как с восточной, так и с западной сторонами, проемные ворота досеты; на западных воротах построены часовня, а на восточных палаты, в которых были таможенные назначены. Меж угольными башнями в стенах, которые на два апартамента водянны, в верхнем апартamente от часовни по полуденной стороне считается пятнадцать палат с наружными разборами, а по северную сторону в том же верхнем апартamente и также между часовней и таможенно столько же пятнадцать палат, только без разборов. В нижнем апартamente от ворот западных и до восточных ворот по поуденную сторону всезнадцать, по северной — семладцать палат, все с разборами. Да притом под каждой палатой построены такие же каменные, или лучше сказать, кирпичные погреба с такими же сводами. А дверьми и разборами все палатой устроены на внутреннюю сторону того строения».

Позднее, начиная с 1796—1798 гг., на месте гостиного двора учреждался артиллерийский арсенал. В это хранилище было собрано как по городам и уездам, так и в крепостях и форпостах, а частью и у частных лиц множество древних помехских принадлежностей. В числе таких принадлежностей, между многим другим, заключались и некоторые вещи от похода Юрмака (кольчуги, пищали и пр.). Но где все это теперь, мы не знаем. Некоторое из тобольского можно еще поместить, как из бывшего арсенала провалилась с аудюиона какие-то старые негодные орудия, как после того исчезли окружающие арсенал чуждые солдаты в треугольных шляпах и обмундировке павловского времени, и как затем разваливалось само здание арсенала.

«Будучи в детстве, — писал покойный Н.А. Абрамов в статье своей «О старинных каменных строениях в Тобольске», — я слышал от стариков, что в некотором отдалении нижнего этажа каменного гостиного двора от зеткости балок провалился пол, и под ним будто бы рабочие, исправляя его, видели в южной стороне железную дверь с очень большими ключами, запертую тяжелосесным железным замком. На двери этой изобразил во весь рост казан в сильной форменной куртке, с пиколо в руке, и будто бы за дверью был подземный ход в камеры с железными дверями. Выход из этого подземелья был в одну из каменных арок волея Пржемыского ввоза, поднявшись на него из-под горы, с правой стороны. Причем старики рассказывали мне некоторые сведения. Не ручаясь за верность этих сведений, не пишу об них».

Некоторое подтверждение приведенного предания о подземелье Тобольского кремля встречается и в малоизвестной теперь книге «Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эврисе (Eugene) и украшенное гравюрами» (перев. Е. Корша. Изд. А.С. Шириева. Т. 1—6. Москва. 1839—1840. 8'), где в томе первом на странице 86 сделано такое замечание: «В Тобольске подъем на гору сделан между двух глубоко обрытых впадов, которые соединяются сверху каменными воротами (арками). Боковые тропинки ведут к глубоким пещерам, которые заперты теперь железными решетками».

Тому же Н.А. Абрамову тобольские старики рассказывали, что эти две по сторонам арки в конце прошлого или в начале настоящего столетия засыпаны землей в отвращение будто бы того, что там, в глубинах, скрывались воры, которые ходили ночью по Пржемыскому ввозу людей тибетии. «Слышал я также от стариков тобольских, — писал тот же Абрамов, — будто бы из прежде бывшего губернаторского дома, на месте которого в 1780-х годах построен наместнический двор (что ныне присутственные места), был подземный ход в подземелье здания гостиного каменного двора».

Не хочется думать, чтоб эта тайна Тобольского кремля веками лежала оставалась тайной.

О хлебной торговле Тобольска в 1744 году

(По бумагам Полицейстерской конторы)

1. Указ Сибирской губернской канцелярии
Тобольской полицмейстерской конторы
от 11 сентября 1744 г. № 11332
об уменьшении цен на хлебные припасы

Указ Её Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, на Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицмейстерскую контору капитану Ивану Новоселову. Понеже по объявленным на Тобольской таможи справкам показано: *в первый*, что-де в летнее сего 744 году время в прилаве в Тобольск в баржах, а дощаниках и на плотах хлебного припасу по досмотру от той таможи явилось муки ржаной 71046 пуд, муки пшенишной — 6477 пуд с полупудом, ржи — 9863 четверти московских, а по сказкам де от мелочных целовальников оные хлебные припасы в продаже были в январе, в феврале, марте и апреле месяцах настоящей деюю, а в мае, июне, июле и в августе весьма дорогою ценою, а *во второй*, показано ж по данным де в реченную таможи из разных таможи выписок выписанному хлебному припасу показана цена, а именно: мука ржаная по 5 и по 6 коп. пуд, рожь — по 40 коп. четверть против объявленной цены чинится здесь продажа выписанному хлебному припасу ценою вдвое и свыше. Того ради в пресечение всех чинимых менорядков в силу губернаторской и полицмейстерской инструкции сего сентября 3 дня, по справкам же Сибирской губернской канцелярии для оных имевшихся в Тобольске в анбарах, в баржах и дощаниках хлебных припасов послан был сибирского гарнизона поручик Ми-

халдо Редриков, и велено ему, Редрикову, объявленные хлебные припасы все, что есть, кои в продажу употребляются, описать и запечатать и до указа оной в продажу употреблять запретить, в чем тех хозяев обязать крепкими подписками, и сколько тех хлебных припасов у кого по описи явятся, о том ему, Редрикову, в Сибирскую губернскую канцелярию подать ведомость в самой крайней скорости, и чтоб он в той описи показал именно, у кого что тех припасов, именно и те хозяева каких чинов люди, и по чем они ныне те хлебные припасы продают ценою, и ту опись подать ему, Редрикову, конечно, сентября 4 числа неотменно. А сего сентября 7 дня, в Сибирскую губернскую канцелярию при дотошении вышеозначенный поручик Редриков объявил ведомость, по которой у разных чинов людей хлебных припасов вышло, а именно: муки ржаной 4030 пуд, муки же пшеницной — 1065 пуд, ржи — 365 четвертей, а оные же припасы в продажу употребляются разных чинов людям: мука ржаная по 13 коп. пуд, мука же пшеницная неравно — по 18 и по 20 коп. пуд, рожь — по 64 и 72 коп. четверть. И тако по обстоятельству сего, следовательно, оказалось, что вышеобъявленные в продаже хлебных припасов беспорядки происходят не от иному чего, точно от несмотрения Тобольской полицмейстерской конторы. А понеже в губернаторской инструкции в 45 главе напечатано: понеже меру и вес содержать велено аеде в лавках орленые, и того ради велеть ратуше смотреть и хранить с прилежаньем, дабы была мера и вес по указу верные и ровные, за орлом, и в несоразные ничего бы не продавали, и в лавках, кроме орленых и равных, иных никаких не держали, также бы и цену хлебным и съестным товарам не возыщали, а ежели где по усмотрению явятся несоразные или фальшивые вес и мера, таковых наказывать и штрафовать по указам управителем по важности тех товаров, которые на тот фальшивый вес продавать будут. Да в инструкции же полицмейстерской, в 24 пункте, написано: з указе де прошлаго, 725 году, гонвара 16 дня, между прочим, напечатано: велено купецким и всякого чина людям, перекупщикам всякого хлеба, рогатой скотины и живности, рыбы, капуста и прочних всяких съестных мелочных припасов, которые обыкновенно привозят из тамошних ближних мест и продаются на рынках возами поседневно, съезжая в уезде и на доро-

гах, кроме указанных мест, у самих продавцов сных не перекупать и вазок, собрався компаниями не чинить, и соглашая, как перекупщиком с продавцами, так и продавцом с перекупщиками, заранее к повышению цен не иметь, а тем продавцом и промышленником самим править на рынках и в другие указанные места, где есть и впредь показаны будут, а сено — на сениную площадку, а в тех указанных местах ставится им, продавцам, распорядочно линиями, а рыба, которую обыкновенно привозится от промышленников в лодках и зимою возами, ставится при рыбных садках и в рядах, где от полиции, по сообщению с ратушею, показано будет, а прозывать им выше означенны, как хлеб, так и прочее все, как вышеписано, настоящею ценю, тамошним обязателем для их нужд до полудни, которым бы обязателем можно ниже перекупщиков цен удовольствоваться, а в лавки и перекупщиков до полудни отнюдь не перекупать, а после полудни в покупке вышеписанного на рынках дается воля всем необразно, чтоб приезжим людям в том простом не было, а буде оные перекупщики и промышленники в вышеозначенныи неуказаные часы покупать и с продавцами согласны и сделки иметь будут, и у таких по помке их взято будет все то, что купил, на которого половину на госпиталь, а другая половина отдана будет дописателю, а буде же оны еще того не купили, а учиня вмешательство в том торгу кушам, которые будут покупать для своих домашних нужд, то такими помещикам учинено будет на рынках наказание: быть будут морскими кошками, смотря по вине, а сено, которое куплено будет от перекупщиков после тех указанных часов для продажи врознь, складывать на сениных площадях и в полях для опасности от пожарных случаев, далее от жилья, и о том о всем публиковать в городе, чтоб в том городе обыватели и купеческие люди, покупщики и маршантыи веддали и чинили по вышеписанному непременно под такими штрафами, как и выше изображено, без всякого послабления: того ради, ежели в таковых продеросах кто явится, таковых иметь и, депрашивая, для учинения указу отсылать в ратушу, а самому полицмейстеру не штрафовать. Того ради в пресечение всех тех чинимых неприяков и силу вышеуказанной губернской и полицмейстерской инструкциии по указу Ее Императорского Величества в Сибирской губернской канцеля-

лдри по довольном рассуждении *определено*: в Тобольскую полицмейстерскую кантору и вам, капитану Новоселову, послать сей Ее Императорского Величества указ с реляментам, что вы, капитан Новоселов, не томо в смотрении, чтоб хлебные и съестные припасы продаваны были порядочно, так как в инструкции полицмейстерской явно изображено выстойною ценою, без нахлобси, по х в прочем во всем, что по должности вашей чинить надлежит, поступавш слабо и нерадетельно, не по силе упомянутой полицмейстерской инструкции и Ее Императорского Величества указов. Того ради дабы вы, капитан Новоселов, оставя всю ту свою оплошность и нерадение, в должности своей поступали по силе Ее Императорского Величества указов и полицмейстерской инструкции во всем непременно: если же впредь Сибирская губернская канцелярия таковые ж ваши попорядки усмотрит, то вы, яко несполнителя Высочайших Ее Императорского Величества указов, всенонечно штрафован будете по государственным правам без всякого помалования. А вышеописанные описные поручником Редриновым хлебные припасы велеть вам, капитану Новоселову, расчитать и приказать тем козевым оные припасы продавать, а именно: муку ржаную — по 9 коп. пуд, муку пшенишную — по 15 коп. пуд, рожь — по 50 коп. четверть, от чего оным продавцам убытка никакого, а народу тлгости не будет, ибо, как в справне из Тобольской таможи показано, что те хлебные припасы покупали она весьма янкою ценою, и для того, у кого по описи вышеописанного поручника Редрикова хлебные припасы явились, о том по данной от оного поручника Редрикова ведомости сообщена при сем указе точная копия. И в Тобольской полицмейстерской канторе капитану Новоселову чинить о вышеписанном по сему Ее Императорского Величества указу. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Весонов.*

II. Переписка Тобольских полицмейстерской канторы и таможи о ходе хлебной торговли

Из Тобольской таможи в Тобольскую полицмейстерскую кантору потребно известие: сего 744 году в разных месяцах и числах коликое число в приходе в Тобольск в до-

цениках, барках и на плотах было хлебного припасу из разных городов и дистриктов, и по каким ценам оные хлебные припасы со всеми расходами в Тобольск в приплыве стали; тако ж и в прошедшем месяце, по каким ценам в продажу употреблялись, и из оных хлебных припасов колдкое число в отпусках из оной таможни в разные места по выпискам отпускано, о том подписать ямянно. Сентября 17-ю дня 1744 года. *Кашпиль Иакои Новооской.*

На сие требование от Тобольской таможни ответствие. По справке в Тобольской таможне сего 744 году в записной таможенной досмотренной книге показано: в приплыве в Тобольск по разным слободским выпискам в барках, в дощаниках и на плотах хлебного припасу, которого и по досмотру от Тобольской таможни явилось, а именно: муки ржаной 71046 пуд, муки пшеничной 64777 пуд с полутоном, ржи — 9863 четверти московских, а в разных слободских выписках означенным хлебным припасам показано цена: муке ржаной до 5, по 6, по $6\frac{1}{2}$, по 7 и по 8 коп. пуд; муке пшеничной — по 8, по 10, по 11 и по 12 коп. пуд, рже — по 25, по 30, по 35, по $37\frac{1}{2}$, по 40, по 45, по 50 и по 75 коп. четверть, а со всеми расходами до Тобольска, по чем оной хлеб им, крестьянам, ставонится, о том от Тобольской таможни показать не из чего, пожеме о дорожных издержках в Тобольской таможне неизвестно. А в Тобольску за время их прибытия хлебной запас употреблялся в продажу, о котором показано сказками целоальническими, а именно: в мае мука ржаная по 10 и по 11, мука пшенишная добрая — по 20, средняя — по 16 и по 18, плохая — по 14 и по 15 коп. пуд; рожь — по 35, по 60 и по 74 коп. четверть; в июне мука ржаная по 9 и по 10, мука пшенишная добрая — по 17 и по 20, средняя — по 15, по 16 и по 17, плохая — по 13 и по 14 коп. пуд; рожь — по 52 и по 60 коп. четверть; в июле мука ржаная по 10 и по 11, мука пшенишная добрая — по 18 и по 20, средняя — по 15 и по 18, плохая — по 12 и по 15 коп. пуд; рожь — по 60 и по 64 коп. четверть, и с вышеназванной продажной цены против слободской оценки надлежаций приценок во взятые пошлин в Тобольской таможне взносилась и в приход записна без упущения. А из Тобольска оного хлебного припасу в отпуск по разным выпискам до Демьянского и Самаровского ямов до Оби-реки,

де Вересаев и до Сургуту, а именно: муки ржаной 17878 пуд, муки пшеничной 357 пуд, ржи 3144 четверти московских. *Вуржистр Иван Оскаков. Ларешной Петр Глазунов. Канцелярист Иван Церков.*

**III. Указ Сибирской губернской канцелярии
Тобольской полицмейстерской канторы
от 26 сентября 1744 года № 11825 об описи,
секвестре и продаже хлебных припасов
от полиции**

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицмейстерскую кантору капитану Новоселову. Сего сентября 21 дня, от Сибирской губернской канцелярии довошением вам, капитан, требовам Ее Императорского Величества указу, не благоволено ли-де будет ныне являе у тобольских разных чинов обывателей хлебные припасы переписать, понеже-де ныне по объявлениям от купцов имеется у многих разных чинов людей хлебных припасов, сверх переписи поручника Редрикова, немалое число, а ежели-де по переписи оных хлебных припасов оные хозяева продавать не будут, то бы те анбары разломать и те припасы продавать. И по Ее Императорского Величества указу в Сибирской губернской канцелярии *определено:* в Тобольскую полицмейстерскую кантору и вам, капитану Новоселову, послав сей Ее Императорского Величества указ, велеть являющиеся в Тобольску, у тобольских разных чинов людей, сверх описи поручника Редрикова, хлебные припасы все, без остатку, переписать и тем хозяевам приказать продавать указанно ценою белогородочно. Ежели же оные хозяева анбаров своих отирать и хлебных припасов упримством своим продавать не будут, то оные анбары велеть от Полицейстерской канторы разломать, продавать, а с теми людьми за ослушание их поступать по силе Ее Императорского Величества указов неотменно и во всем в том поступать вам, капитану Новоселову, по прежде посланному к вам, капитану Новоселову, из Сибирской губернской канцелярии Ее Императорского Величества указу и по данной вам инструкции во всем непременно. И капитану Новоселову читать в том по сему Ее Император-

ского Величества указу и по данной вам инструкции во всем непременно. *Алексей Суворов. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Велюков.*

**IV. Донесение тобольского полицмейстера
Сибирской губернской канцелярии от 28 сентября
1744 года об упрямстве и насилии тобольяков
при требовании законное
продажи хлебных припасов**

В указе Ее Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии, писанном сентября 26, а в Тобольской полицмейстерской канторе полученном того же числа сего 744 года под № 11825, написано о перевесе являющихся в Тобольску, у тобольских разных чинов людей, сверх списи поручника Редрикова, хлебных припасов и о продаже указанною ценою безотговорочно; ежели же оные хозяева анбаров своих отпирать и хлебных припасов упрямством своим продавать не будут, то оные анбары велено от Полицмейстерской канторы выломать, продавать, а с теми людьми за осудание их поступать по силе Ее Императорского Величества указов неотменно. А сего же сентября, 27 дня, определенный при Тобольской полицмейстерской канторе пехотного батальона капитан за сержанта Ефимей Филмонов во оной канторе объявил, что по силе де присланного Ее Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии указу и по давнему ему, Филмонову, наказу посмели он был со определенным от тобольского купечества и от оной полиции андерманом Матвием Зелениным для отпору у тобольских разных чинов людей анбаров с хлебными припасами, которых анбаров оные люди, сверх публичкованных указов, упрямством своим не отпирают, который андерман Матвей Зеленин, пришел в Тобольскую ратушу, и стал говорить тобольским купцам Ивану Налабардину и Авраму Сумжену, чтоб они вместе с своими с хлебом анбары отперли и тот хлеб продали указанною ценою, за которые его, Зеленина, слова оной Налабардин посадил его, Зеленина, в цепь. Того ради Сибирской губернской канцелярии сим объявляю и поворото прошу, чтоб указом Ее Императорского Величества повелено было оным осудившим, ко-

торые имеющихся своих амбаров с хлебными припасы, а именно Ивана Налабардина и Аврама Сумкина, сыскать и допросить, а оного андермана с Тобольской ратуши из-под караула освободить. *Капитан Иван Новоселов.*

**У. Два уцелевших документа
из заключительной переписки
о продаже хлебных припасов от полиции**

1) 1744 году, октября 24 дня. Из Тобольской полицмейстерской канторы отдано денег 16 руб. 44 коп., которые взяты за проданной хлеб Новосерской слободы крестьянина Ивана Григорьева, сына Долгих, тобольскому наследному человеку Семену Бронникову, понеже оной хлеб от него, Долгих, приказан был оному Бронникову. *Подпись Бронникова.*

2) 1744 году, ноября, 29 дня. Из Тобольской полицмейстерской канторы отдано денег 38 руб. 85 коп., которые взяты за проданной хлеб Илтуровского дистрикта Усть-Усерской слободы крестьянина Гаврила Косачева, который был положен в амбаре у дворянина Василья Сыроматникова, а ныне достальные имеющиеся у него хлебные припасы продавать будет по указанной цене, а ежели продавать не будет, то повинен по силе указов на жесточайшего штрафа, в том он, Косачев, и подписан, а цен на те припасы накладывать не будет. *Подпись Косачева.*

Тревога в Сургуте в 1745 г.

Из уцелевших от пожаров бумаг
Тобольской полицмейстерской конторы

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицмейстерскую контору. Сего июля 4 дня, в присланных в Сибирскую губернскую канцелярию доношениях написано, а именно: в первом — от отправленных из Тобольска до Енисейска на двух дощаниках со осьляными колодники капитана Хрушкова и поручика Величина. Его-де 745 году, июня, против 15 дня, будучи в пути от города Сургута, вверх по Оби-реке, отшел от Богоявленского села верстах в 15, а от поманутого порога Сургута всего будет, например, во 100 в 15, по разливе парусной погодой из проточки дощаники — один на правую, а другой по левую стороны — весьма в обширном месте в ночное время на судне капитана Хрушкова из арестантов вора и разбойники при посылке на бечеву, совокулись 50 человек, разбоем, сильною рукою напали перво на часовых и тех человек сбросали в воду (однако ж после сема из воды выскочили), а на его, капитана, и на третичх конвойных напали ж сильно и всех, бив смертельно, перемакали; солдат и казаков сбросали в нос, его, капитана, бросили ж в дощаник и, связав, били всяким орудием. А при воровском своем от судна отвали били его, капитана, батоги смертельно и имеющеся у него, капитана, и у всех конвойных ружье и амуницию, порох и свинец, и у всех этого дощаника конвойных собственнцы пожитки и деньги, обувь и одежду, печеные хлеба и харчевые припасы увезли с собой без остатку и оставили в одних рубашках, в том числе его, капитана, и без портков. Да при том же своем воровском разбойническом отвале дощаничье снасти обрубали, да увезли ж казенную лодку, два топора, кудей рогожных 10. А по прибытии их обратно в Богояз-

ленский погост уведомились, что тот погост весь разбили и разграбили все без остатку, да при том же воровском своем разбое, упоминая разорить и город Сургут — «мы де и не адыки города разбивали», — о чем-де от него, по уезде тех воров, тот же момент в город Сургут посланы с письменным известием на легкой лодке сорами и посторонними протоками два человека. Того ради оные капитан Хрушков и поручик Велянин просили, дабы указом повелено было одного разграбленного дощаника вместо облатки ружья и катушки, пороку и свинцу, портупей и снаг, тако ж и изрубленных сузовых снастей, дву топоров и лодку прислать из Тобольска, или где повелено будет отпустить из городов; да для крепкой предосторожности прибавить конвою на каждое судно по рассмотрению Сибирской губернской канцелярии, дабы от оставших арестантов на малолодный и безоружейный конвой паки не воспоследовало (от чего Боже сохрани) какого бунта, а у него какое казенное ружье и амуницию, порох и свинец, тако ж и собственные какие пожитки грабительски увезли и кто те вору бежали, тому сообщен при том доношении реестр. Во втором — из Сургутской воеводской канцелярии: сего-де 745 году, июня 5 дня, в Сургутскую воеводскую канцелярию следующий из Тобольска на дощанике поручик Велянин ведением объявил: из посланных-де с ним арестантов бежали 14 человек. И потому его, поручика Велянина, велено о сыску тех арестантов в городе Сургуте во всеобщее известие публиковано и в пристойном месте выставлен публичный указ, в котором объявлено: ежели где оные беглецы лягут, таковых ловить и объявлять в Сургутскую воеводскую канцелярию без замедления; также и в Войсковую контору и сотнику Тороченинову с товарищи послан указ же, по которому велено предписавших беглецов сыскивать всякими сысками накрепко, и для того сыску командировать им на каждую ночь вокруг города ходить с ружьем из сургутских служилых людей человек по 10 и более, а буде по сыску лягут, то их, имея, объявлять в Сургутскую воеводскую канцелярию немедленно. И того ж июня, 9-го дня, в Сургутскую канцелярию в репорте сургутских казаков от пятидесятника Илья Кайдалова объявлено: того-де июня 9 дня, по силе указу из Сургутской воеводской канцелярии командированы-де от них в обозижение вокруг города Сургута в ночное время для сыску ушедших с дощани-

ка от поручика Велинина ссыльных колодников 14 человек сургутские казаки Петр Кузников и Иван Кляпиков с товарищи, всего 5 человек, с ружьем, которые вокруг города Сургута и ходили. И во сбежании-де в той яочи, на утренней заре шли вокруг города по лавне и увидели, что где-де из города, от скотского пригову сургутского казака Якова Твритинова незнаемый человек в лес, за котрым-де они и побежали и, сбежавши в лес, увидели ж и других, более 10 человек, которые-де от них и побежали в лес же и уронили сделанное из дерева колье, обожженное огнем, да березовую дубину и худые портяки; и за тем-де лыдьми: нашлись они бором, токмо-де достать не могли. И по тому его, Кайдалова, репорту, того ж числа собраны были все сургутские служилые, оставные и казачьи дети с ружьем, у кого какое имеется, и для сыску вышеписанных беглецов ходили около города Сургута в бор, с которою командою ходил воевода, обще со обретающимися в городе Сургуте у свидетельства мужика полу душ капитаном Булюковым, сыскавал те беглецы военными сыски накрепко, токмо сыскать их не могли. И того ж числа, пополуни в третьем часу, в репорте от него ж, пятидесятника Кайдалова, объявлено: ниже-де города Сургута, верст с 5, на здешней стороне Оби загорелся бор, а кто-де его зажег — неизвестно, и того ж де часа, приехав в город Сургут из Пяндской волости, аскавший остих Никита Евачев объявил, что-де встретил он от того зажженного бору плыкут незнаемые люди утешлюк² протокою на плоту, сделанном из бревен, человек с 10, или более вниз к Оби-реке, которая протока ниже города Сургута в 10 верстах, за которыми беглецами посланы были в погоню показанный пятидесятник Кайдалов и с ним сургутских служилых людей человек с 30 на легких лодках, и он, пятидесятник и служилые люди за теми беглецами и гонялись вниз по Оби верст с 30, токмо найти их нигде не могли. А июня-де 17 дня, поутру, поехал он, воевода Евачин, с людьми своими и денщиками выше города Сургута по Оби-реке на остров для рыбной ловли и имел при себе для птичьей стрельбы два ружья. И как он был на том острове, гребли сверх Оби на пяти лодках, з том же числе на двух лодках по два флага выбойчатые, незнаемо какие люди, человек с 50, из них в красных многи плащах и в немалом убранстве и со многими огненным ружьем и с луками. И увидя их на том острове,

погребли к берегу и стали по ним стрелять из ружей и отбили их от додок, и выскочили на берег с ружьем и с обнаженными палашами, и бросились на них, учили как его, воеводу Ерабкина, так и людей его, бить, с которыми они за малолетством и за неизмением ружья противиться никак не могли, к тому же не ведали таких злодеев и от них печального издедания, Тимого реббо, как Сибирь замалас, не было. Ружья его лежали на ядке, и как его, воеводу, били и говорили: «ты то-де нам и надобен, нам-де про вас сказали зверху рыбаки, что-де ты здесь на острове», а о себе ж сказали, что-де «мы осмелные колодники с судна от капитана Хрушкова и то-де судно разбили и его, капитана, убили и у солдат ружье и палаша отидли и, покаяя от того судна, разбили ж кучецкий лошашик и видите де на нас какое платье», на которых надело на мехи кучецкое платье: богатости сукна кафтаны голевые и разных лярвай какласть, п гтгачи, и потпосады, также чрез плеча перевязаны разных цветов шелковыми парчами. И оные люди и разбойники говорили, что-де «за ними с судна от поручика Беланина спрягаются бежать человек 70». И биз его и людей, положили, стали над ними с ружьями, с обнаженными палашами и пугачежи, и что, левасу, кощадли и легкми расстреливать. И на них же артели человек с 6 или более, видя его, безаконно погибаюца, стали свою братью разговаривать, чтоб его напрасно не губили и между тем много было у них прени, а протчие говорили: «За то-де его надо убить, что-де он огданних наших товарищев шест человек от поручика Беланина держал в крепких закрехах и послал в Тюбольск; к тому же-де он нашу братью беглых колодников сыскивает и посылает в партии, в поточи и высылки». Токмо едва сложились, чтоб его, воеводу, оставить жива и держали его на том острове часа три или четыре. Зав у него вышени-санные две фузы и лядунку⁴⁴, и мешочек кожаный с дробью и оставя его на том острове, погребли на тех же лодках вниз по Оби реке к городу Сургуту, и как стали погребать мимо города, то за оными разбойники капитан Булатов с своей командою и сургутские обыватели бросились в лодки, чтоб их переловить, токмо оные воры и разбойники от них побежали. И гнались за ними вниз по Оби верст с 15, но токмо настичти их не могли. А как ози, воры, от него, воеводу Ерабкина, отъехали, то он сед в свои лодки и поехал в город, и как они

ехали мимо города — не застал. И у тех злодеев огненного ружья более 25 ружей и как их держали на острове, чальба у них была беспрестанная, и говорили, что — де «у нас взятого с дощаников от капитана Хрушкова и от куццов пороку и свинцу довольно». И при отъезде с острова смесли на берег из ограбленных куцевских пожитков зеленого сукна аршин с 5 да свицкого полотно аршин с 10, чинчик железной меди, крест серебряный на цепочке, а собственный его, военный, крест золотой сняли и бросили им и, пришел, сказали — «пот-де ему, военному, за терпенье»; тако ж и сметали с лодок мелочи несколько и сказали ж: «Вот-де людям твоим за терпенье», которое сукно и прочее все взяв, привезли в город, а к поручику Велинину о намерении уйти с судна его осмыслных арестантов посланье известие того ж часа. И того ж 17 июня от следующего из Тобольска на дощанике за осмыслными арестантами капитана Хрушкова получено известие, в котором написано: сего-де 745 году, июня 15 дня, команда его на дощанике присылаемые арестанты, воры и разбойники поутру, по посылке на бечеву караульными солдатами, от погосту Богова-ленского в расстоянии, например, в 15 верстах, который погост выше города Сургута во 100 верстах, разбегом с 50 человек напали безвременю сильною рукою, часовых с дощаника побросали в воду и потом как у тех часовых, так и у караульных солдат, ружье и амуницию, порох и свинец, шпаги и прочее отбили все без остатку, также и каменные лодки, и товар, к тому же и несколько вешеных хлебов, сухарей, круп и соли пограбили ж, и прочий шкарб, и деньги и на лодках бежали. И в вышеперечислом Боговаденском приходе будучи, оные воры, по известию их, пограбили ж все без остатку и как-де будучи оные воры на тех дощаниках učinили разбой, и при битии как его, капитана, так и солдат, упоминали оные воры, что хотят город Сургут разорить и ограбить. Того-де ради дабы в городе Сургуте от тех воров быть во всякой опасности, чтоб граду и обывателям (от чего Боже сохрани) не учинили и пакы разоренья, грабительства и прочего, а поручник Велинин своим дощаником вверх уплыл по левой стороне Оби, а его-де, капитана, отшибло ветром на правую сторону Оби; тако ж де которые имеются при Сургуте куццы из Тобольска, чтоб были во всякой осторожности и у которых имеется ружье, чтоб было запрявлено, а с товарами из доща-

ников для охранения как можно убрались. И того ж числа в вечеру, в первом часу ночи, прибыли в Сургут на дощанике сверх Оби, шедшие прежде мимо Сургута из Тобольска в низовые сибирские города купецкие люди, а именно: города Ирэнска Иван Серебренников, города Тулы Федор Юдин, города Тюмени Петр Зубарев, тюменского посадского Михаила Русилова работник его Степан Накарников, тобольского купца Ивана Осколкова прикащик его Устюжанин Федор Сукозятин, тобольский посадский Афанасий Маремьянин, тобольский посадский же Сава Пленин с тайного действительного советника Демидова Невьянского его заводу житель Филат Самойлов, иркутского купца Алексея Брагина работник его Максим Бобылев, тобольский посадский Иван Чювашев, города Ирэнска посадский Яков Тырин и по припадку в Сургутской воеводской канцелярии дознанием объявили: июня-де 15 дня, в вечеру, не дошед они Сургутского уезду до Богооявленского погосту верст за 10, который-де погост выше города Сургута в 100 верстах, шли завозом и внезапно-де к дощанику их наплыли сверх Оби незнаемые люди на пяти лодках, человек с 60, и, приплыв к дощанику, выпалили по ним из огненного ружья, также и из дуков и от той палбы ранили тюменского купца Петра Зубарева в правую руку, а завет, да одного из работников города Ирэнска жителя Матфея Глушкова убили до смерти, который привезен в Сургут и погребен. И потом спочили все на судно и били всех как купецких, так и работных людей шагами и ефесами смертных, от которых-де злобой имеют они многие язвы, и арестовали всех, и извожх из них, связав, на дощанике поклали, а других выгнали на берег и содержали всех под своим караулом. И притом им сказались, что-де они утекшие с дощаника капитана Хрушкова сельские колодники и, вшедши в судно, у кого сколько имелось денег и из товару и платья ограбили, а именно: денег более 6000 рублей, также и товару тысячи на 3, огненного ружья 6 ружив, пороку 25 фунтов да свинцу пуде с 3, а у кого имели и по скольку чешу денег, товару и платья, тому сообщили они вышесписанные купцы и Сургутскую воеводскую канцелярию за руками роестр. А по грабеже оные денжки и товары положили в свои лодки, также вжали и у них от дощаника две лодки и увезли с собою вниз по Оби. И при отъезде от судна оные воры им, купцам, говорили: «По-

едем-де мы в город Сургут и тот-де город Сургут разорим и воеводу с собою увезем; токмо-де нам Сургут не дорог, дороге нам воевода. А оставшее от показанных разбойников на острове и привезенное в город Сургут сукно зеленое, полотно, чайник, крест и прочая мелочь отданы им, кушам, по прибитии их в Сургут того ж числа по рескрипту с распискою. И о вышеписанном-де Сургутская воеводская канцелярия представляет, что в Сургуте имеет немалое опасение от таких воров и государственных злодеев, как оные союсюются и с прежде ушедшими 14 человеками и тако ж (и от чего Боже сохрани) и от намеренных уйти с судна от поручика Валинина 70 человек, чтоб не разорили городу до основания, понеже-де в том городе пороку не имеется и полуфунта, а пушек — ни одной пушки, по госмо имеется горелые и негодные три затинные пищали⁴⁴, а у служивых ружей, действительных к стрельбе, не имеется ни у десяти человек. Того ради Сургутская воеводская канцелярия требовала для охранения города от таких злодеев пороку и пушек, тако ж и конвоев, понеже-де оные утекшие разбойники в немалом числе огненного ружья и многолюдстве и жели (от чего Боже сохрани) учинят на город нападение, то, кроме стрел, оборотиться ничем, и та защита против огненного ружья недействительна. И ныне-де в Сургуте от таких злодеев почти в осаде как день, так и ночь, не имеют покоя, и за всегда служилые люди стоят по бекетам, к тому же и служивых тех при городе малолюдство, многие из них в разных командировках и более имеют опасение, чтоб не захвати город и в том замешении не учинили какого нападения. В прилож — из Самаровской управительной канцелярии: июня-де 19 дн сего 745 году Самаровского яму ямщик Петр Спиридонов извещал словесно: безмяло-де ссыльных каторжных 66 человек и едут-де они в Самаровский ям в 6 лодках; июня-де 25 дня, Самаровского присутствия Белогорской волости ясачные остяки про сих белых каторжных сказали, что-де проезжали они вниз по Оби к городу Березову. И ради того сего ж июля 4 дня, по указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии велено: и Тобольскую полицмейстерскую контору послать сей Ее Императорского Величества указ и велеть вышеписанных воров и разбойников всякими средствами сыскивать какрешно, и в том прилагать крайнее старание, дабы оные

воры и грабители всемерно были перековлены в самой крайней скорости. И в той поимке, и во искоренении оных воров и разбойников поступать так, как губернаторская инструкция 728 года и опубликованные Ее Императорского Величества печатные указы прошлого 744 году, сентября 8 дня и печатная ж инструкция, состоявшаяся и напечатанная в Прасительствующем Сенате августа 28 числа и посланная из Сибирской губернской канцелярии ноября 1 числа того ж 744 году для исполнения во всем упомянуто, и без таковых заповедей и повелений поиманы будут, о них объявить в Сибирскую губернскую канцелярию за караулом в самой скорости. А для сыску и поимки, и искоренения оных воров и разбойников командирован из Тобольска Сибирского гарнизона секунд-майор Томпсон с командой, с ружьями и амунициею, и дано им каждому человеку по 50 патронов, пуле и картежи, и с ними послано из Тобольского цехаюза 5 пудовек малых, разнокалиберных, чугунных на станках с порошком и с ядрами, и велено им на объявленных водках следовать до Самаровского яму, а прибыв в тот ям, взять от управителя Суздальцева за его рукою письменное известие и чрез областного накрепко изведываться, где вышлеваемые ворами и разбойниками, и по которым рекам имеют около ли города Сургуты, или подлинно проехали к Березову, и наведася о том подлинно и достоверно, следовать за теми ворами и разбойниками со всею командою своею в те места того ж числа и всякими мерами стараться накрепко, и навывалиться о тех водах и разбойниках, и чинить за ними поиски, и как возможно, всех перековать, а в случае противления их стрелять по ним из ружья. И ежели при поимке оных воров и разбойников найдено будет пограбленное ими, ворами, ружье, порох и свинец, и амуниция, также деньги и товары, и прочие всякие вещи, и платье, все оному майору, переписать и перенести, и сколько им воров и разбойников будет поймано за крепким и острожным караулом, оковав их в крепкие кандалы или деревянные смски, и с тем, что найдено у них будет, привезти в Тобольск и объявить в Сибирской губернской канцелярии. А в Сургутскую и Березовскую воеводские канцелярии посланы Ее Императорского Величества указы, и велено оным канцеляриям от изысканных воров и разбойников иметь как в городах, так и во всех уездах крепкую осторожность, и за всеми ворами, где об

них уведают, чинить всевозможные поиски и как возможно старание иметь; ясачным инородцам накрепко приказывать, что их, воров и разбойников, всех переловить, и сколько когда будет переловлено, взять их за крепкий караул, и что при них найдено будет пограбленного, под крепким и осторожным караулом прислать в Сибирскую канцелярию. И для того означенные отравленные из Тобольска пушки, порох и ядра впредь до указа иметь в Сургуте. И Тобольской Полциеместерской конторе о вышеписанном ведать и чинить по сему Её Императорского Величества указу. А кто именно вышеписанные сыздельные белые воры и разбойники, тому при сем реестре. Июля 5 дня 1745 года. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексея Соколова. Подканцелярист Василий Штишмолин.*

По реестру, приложенному к указу, бежавшими колодезниками были: Андрей Москвина, Иван Кувалов, Петр Шипкин, Меластий Грабцов, Марко Тюнин, Семен Смирнов, Роман Соловьев, Осип Черенцов, Еким Ларионов, Кирило Кулюков, Дмитрий Заморин, Алексей Соколов, Кирило Васильев, Степан Хардин, Афанасий Попов, Василий Иванов, Максим Коршенин, Марко Горев, Иван Мамонников, Климентий Костин, Максим Корноухов, Терентий Комнев, Иван Драйнов, Илья Капарев, Петр Колмыков, Панкратий Максимов, Потап Кокаровцов, Степан Курочкин, Леоптий Пермяков, Никита Полтавин, Захар Виноградов, Тимофей Пейкушев, Василий Кузнецов, Алексей Иванов, Максим Очиняников, Иван Везпалов, Василий Смирнов, Федор Кобыakov, Иван Бубников, Яков Чепин, Козма Конев, Ерофей Скатышев, Семен Дмитриев, Фидил Костыгин, Фидил Кушин, Тимофей Волков, Игнатий Вондин, Евсей Кубанков, Павел Бысоковский, Василий Шумков и Дарья Хардина.

Бытовые черты тобояков XVIII столетия

(По архивным документам)

«Для новости... морскими кошками»

В 1735 году по случаю возвышения в Тобольске цен на хлебные припасы, открытой за год иречем (9 апреля 1734 г.) Полцимейстерской канторой с согласия Сибирской губернской канцелярии было установлено, чтобы «ржаной муки продававшаяся пята, а ржи четверть тридцати две копейки в продажу не употреблять». По обыкновению всякое нововедение объявлялось тогда объявляем «с барабанным боем», причем в удобных местах вывешивались были «публичные листы». То же было и в данном случае. Полциния зорко начала следить за торгующими хлебом и на первых же порах обнаружила нарушителей нового распоряжения. Это были последние люди Роман Третьяков и Василий Черепанов, крестьянин Василий Бобылев и последний же Иван Павлов. Началось дознание. Ослушники взяты были «под караул». По дознанию оказалось, что Черепанов и Бобылев продавали скупаемую у приежных крестьян рожь по 36 коп., Третьяков торговал по возвышенной цене мукой, а Павлов, накупили муки с тою же целью, присутствуя к торговле не ушел. По этому случаю полицмейстером Окушковым 27 сентября того же года с разрешения губернской канцелярии дан был следующий приказ: «Для польсти означенным Третьякову, Черепанову и Бобылеву вместо штрафа учинить наказание: бить публично морскими кошками⁴, а Павлова за наивышнее цещи, хотя в народе от (него) продажи не было, однако ж, к тому намерен был, учинить наказание — бить же морскими кошками». Как велось тогда, названных обвиняемых для исполнения над ними наказания из Полцимейстерской канторы следовало препроводить в Тобольскую ратушу, но строгий полицмейстер ст-

ступил от общего порядка. «Ратушские управители Смирных и Кузнецов с товарищи. — говорится в его приказе далее, — по многим указам из Полцимистерской канторы явились преслушны, с чем к ним из Сибирской губернской канцелярии, так же и из Полцимистерской канторы писано указами», а потому наказание обвиняемым исполнено было без всякого ратуши. Приказ полицмейстера закончен следующим предупреждением тобольяков: и ежели впредь кто из тобольских обывателей учинит перекучку и к повышению цены согласно, или связки иметь будут, то будут штрафованы, у которых все будет взято — половина за гошпиталь, а другая довестелю, да и за то же биты будут морскими кошками, как в инструкции в 24-м пункте написано, безо всякого ушущения мимо Тобольской ратуши».

Обиды и разорения «питухов»

На первых порах существования в Тобольске Полцимистерской канторы особенно за время полицмейстеров капитана Михайла Окуныкова, прапорщика Ивана Строева и секунд-майора Петра Тарбева, между канторой и Тобольской ратушей нередко возникали разные пререкания, оканчивавшиеся в большинстве случаев разбирательствами или Главной полицмейстерской канторы, или же Сибирской губернской канцелярии. За то же время под наблюдением ратуши состоялся, между прочим, торговля вином, произошедшая от казны. Между многими другим ратуша 6 февраля 1736 г. жаловалась губернской канцелярии на обиды и разорения Полцимистерской канторой в ущерб виногорю, «питухов». По донесению об этом ратуши, «1736 году, января против 13 числа, в 5 часу ночи в означенную кантору определенный канцелярником Федор Попов с товарищи привезли с нижнего посаду, с кабака званьем «Пряткина» посацкого же Ивана Гаврилова, которым-де усмотрел он на выпявленных кабакех, что сидят в ночное неуказанное время». Лица эти из канторы отведены были в ратушу «для учинения наказания», но ратуша запрестестовала. «Всего, — по тому же донесению, — заходил в Пряткиной кабаке, к брату своему двоюродному Максиму Романову, который

имеется у питейной казенной продажи ценовальником, ужинать», а по приводе в контору «взяли с него приводных денег: тринадцать копеек, да сверх того, сержант Федор Кирилов взял, незедомо за что, пять копеек, да подячичи взяли семь копеек, к тому же опивали вином». Что же касается посадского Гаврилова, оказавшегося торговцем харчевых припасов, то последний в кабаке Кремлеве вовсе не сидел, а уведен оттуда в Полицейстерскую контору в то время, когда заходил в кабак выпить чарку вина, после чего из конторы «тое ночи водили его, Гаврилова, неволюю по разным кабакам и наглостию своею и из-за пристрастия опили рубли на два и, опивши, из-под караулу свободили»; перед отправкой же в ратушу «сею ж гевяря 21 числа, ввечеру оной же Пелицмейстерской канторы подячичей Федор Прокопьев, пришед к лавке его, Гаврилова, и взял у него один рубль, домау, якобы он об отпуске его Гаврилова из-под караулу имел старание». Получив также сведения, губернская канцелярия промерпорною 27 февраля того же года внушила Полицейстерской конторе «дабы в питейных домах пошным временем в питье казенного питья питухам, определеннае от оной Полицейстерской канторы для осмотра и ваятья в драках и прочих непотребных случаях, обид и разорения не чинили».

Побег покойника

Известно, что в царствование Алены Ивановны раскольническими делами заведывали особые следственные комиссии, подчинившиеся Кабинету министров и Тайной канцелярии, в которые, кроме назначаемых от духовенства лиц для деятельности против раскола с целью разведок и розысков раскольничьих, командировались местные команди. Этими командами часто одновременно приводились были в епархиальные города целые раскольнические партии, размещавшиеся под караулом как при духовных консисториях, так и подковых дворах. В такой же партии, содержавшейся в мае 1736 г. при Тобольском полковом дворе, находилась между другими раскольниками и присланная из Екатеринбурга раскольница лавка Епифракия Епурова. По какому обвинению Епурова прислана была з Тобольск, сведений не сохранилось, но уцелел документ, рассказывающий характерный эпизод

из пребывания ее на полковом дворе. Это — явка Полцимейстерской конторе адъютанта Сибирского гарнизона Матвея Иванова, сделанная 23 мая того года, в которой записано: «По репорту от Тобольского полку, с полкового двора, присланная из Екатеринбургa раскольница девица Епраксия Егоровна явилась мертва и положена во гроб, которая из того полкового двора колодниками за караульными солдатами и отнесена в убогий дом, и как те солдаты, цоложа в тот убогий дох, пощли изыскати на дальнойшии дечи и щеле их ухоту замшеозначенная колодница, встав из гробу, и пошла в платье к р. Иртышу по лугу и по лесу, (но) в том лесу поймал оную дежку Сибирской гарнизонной канцелярии школьник Пинаифор Лебедев». Явка, как видно из дальнейшего содержания ее, сделана была Полцимейстерской конторе не для следования Егоровой за смерть и побег ее, что зависело от следственной комиссии, а по другому обстоятельству: на бежавшей при поимке ее «явилось платье екатеринбургского жителя Ивана Степанова сына Асенева», который, находясь в то время в Тобольске с товарным судном, сопровождал Егорову во время побега, но оставался непоиманным. По поводу последнего обстоятельства призывом полицмейстера Окуякова велено было в квартире Асенева, у помещика Мальцова «пожитки, что чего явитца, описать, запечатать и приставить караул до указа, також и на судне перевезенные с квартиры его товары, а самому Асеневу учинить сыски». Дальнейшее — неизвестно.

Третье о дворе канцеляриста

Кроме важных распоряжений правительства, объявляемых «с барабанным боем», в старое время по такой же тревоге барабанами объявлялись в Тобольске и дела иного рода. Такая именно тревога была сделана на обоих посадах города в сентябре 1739 года. Канцелярист свидетельства счетов Савирской губернии Осип Тышви, уезжая куда-то из Тобольска, задумал продать «свой двор», находившийся на верхнем посаде города, и обратился в губернскую канцелярию с «доношением» о содействии. Дело оказалось экстренным. «Доношение» подано 31 августа, а 2 сентября Полцимейстерская контора получила уже и даже за подписью самого губернатора П.И. Вутурлия такую прошение: «Об

означенном его (Тишина) дворе для покупки тобольским обывателем от Сибирской губернской канцелярии публиковать с барабанным боем и в пристойном месте выставить листы, чтобы покупали оной его двор бая всякого опасенья».

«Пять-сот рублевиков» и «мешок песку»

У ворот дома одного из старых богатей Тобольска, подалского человека А.Л. Сумкина, жившего вблизи Боговадской церкви, 12 и 25 декабря 1739 г. подняты были два подметных письма. Первое письмо заключало в себе следующее: «Аврам Леонтьевич, друг наш! Триста рублевиков положи у Богородицкой церкви, по правой стороне по паперти, в уголку, затри снегом тайно, один ночью, сего декабря на 16 число, а не положишь и кому скажешь, то с домом и с родом скоро пропадешь не вшачай, и нигде не уйдешь. Верно! Чти про себя». Другое письмо увеличивало количество рублевиков и давало большие угрозы: «Аврам Сумкин, — говорилось там, — послано к тебе писмо и ты ничего не сделал, однако сего декабря на 26 число, в субботу, в благовест у Богородицы, сполудни, по праву сторону с приходу деревянной паперти, против крылоса, сулицы полочно, вчепку, положи в одном мешке пять-сот рублевиков, а не положишь и кому про то скажешь, на нас не пеней... будет тебе веки друзья, знаем как излучить и дождидай 6-го свиданья; да не уедешь и не увидишь, мало покажешь и весь живот пропадет». После этого письма Сумкин 26 декабря в условленный час, во время благовеста к заутрени, положил на указанное место у Боговадской церкви небольшой холщовый мешок, набив его вместо рублевиков песком; в отдалении же от мешка поставил караул. Во время заутрени к мешку явились два неизвестных человека, из которых один, взяв мешок и сомневался в подлинности содержимого, поспешил для исследования к церковной паперти, а другой остался в ожидании возвращения товарища. Немного спустя были задержаны караульными Сумкина и по отводе в Подпитейстерскую контору оказался канцеляристом губернской канцелярии Филиппом Великовым и присильным человеком Иваном Гневышевым. Оба они с письмами и мешком Конторой при промемории 29 декабря того же года пред-

ставлены были в губернскую канцелярию, по решению последнего истязания.

Прогонки жертвеца

В феврале 1740 года Полицмейстерской конторой было получено сведение, что на нижнем посаде Тобольска по ночам ходит мертвец. При дознании и розысках Конторы сведение подтвердилось: мертвец действительно разгуливал в белом саване и «пужал людей»; из последних нашлись даже и испуганная от него стражи жена Арифья Иванова. По дальнейшим розыскам в мертвце заподозрен был конный казак Лев Сумкин, квартировавший в доме солдатской женщины Пелагеи Студенцовой. На допросе Сумкин в извездимом из него все создавался, в дело же заключившие мстительно ушли к обвинению, конторой представлено было в губернскую канцелярию. Но последняя расследованием конторы не удовлетворилась и, возвращая дело, промеморию 3 марта того же года обязывала контору: «об оном Сумкине, где он жил на подворье, обыскать окольными соседями самую сущую правду в том, что оной Сумкин в белом платье по улице по ночам ходил ли и давно ли и кто из соседей его, Сумкина, в том платье видал ли и кто слышно». О дальнейшем неизвестно.

Как устривались иллюминации

П.А. Словцов, закончившая одну из глав своего «Исторического обозрения Сибири» (Изв. 1. С. 282), говорил: «Сварим эту главу приятным воспоминанием торжественности, с какою вестник замирения с Портою Оттоманскою¹⁷, гвардии капитан Рахманов встречен был в Тобольске в Фомино воскресенье 1740 года высланными конными отрядами при стечении многочисленного народа. Вестник с седоромо ветвью в руке, схавший кинзо Знаменского монастыря, приветствовал от милого духовенства хлебом и солью и проходил церемониальное шествие до Софийского собора, где принесено Богу, подлинно благ, благодарственное молебствие с пущеными выстрелами». По историчку не казался любопытным никеледующий приказ полицмейстера Строева, данный в то время (31 марта) о том, что должны были вылолнить тобольски по случаю заключения мира с Турциею. Приказ этот указывает по-

рядок устройства недельной иллюминации. «В Тобольску, на верхнем и нижнем посадах, — говорится там, — публиковать с барабанным боем и в притойном месте выставить публичные листы, а в сотни солжик и десятиным отдать приказы с крепким подтверждением, чтоб тобольские обыватели, яко-го чина люди апреля 7 дня изготовили и поставили у дворов своих сосны и убрали фонарями, чтоб каждый столб с фонарем от фонаря был в десяти саженьях и с зажжением свечей, также и в окнах, чтоб были свечи по две и по три, и перед каждым двором чтоб висящего видаму не было. И о том всем тобольским обывателям объявить с подтискою, и дабы она, люменация, с вышеписанного апреля 7 дня, чрез целые семь дней была неотменно, и для оного смотрения прислать с Тобольского и Енисейского полков в прибавок к полицейским солдатам с полку по четыре человека солдат; и о том в Тобольской и Енисейской полки послать промемории, также в Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию, а в Тобольскую ратушу послать указ, дабы по силе оного, как в Сибирской губернской канцелярии, так и в Тобольской ратуше были в каждом окне по три свечи и были поставлены сосны с фонарями и со свечами перед окошками». Приказ полицмейстера исполнялся во всех частях городе, по крайней мере, при нем подшито более чем полторы бумаги с расписками обывателей в исполнении требуемого.

Неосторожность с огнем и «кошки»

Несмотря на строгость мер против тайного винокурения, оно имело случаи даже в самой центральной части старого Тобольска. Один из случаев такого винокурения, обнаружившегося случайно по поводу пожара в апреле 1742 года вблизи дома губернатора И. А. Шалова, описан в следующем экстренном дознании последнему полицмейстера Булакова: «Его высокопревосходительству, господину генерал-майору, гвардии мазору, сибирскому губернатору Ивану Афонсевичу репорту. Позже сего апреля, против 10 числа, пополуночи в 3 часу, учинился пожар в Тобольску на верхнем посаде, близ казенного губернаторского дому, у тобольского служилого придельщика Ивана Логгинова от самовольного винного курения, а объявила жена его Ирина Ивановна, дочь с роспросу под кошками, что-де курили оное вино для насту-

пающего праадина святой Пасхи, которого винокурного вина и обсыкано в боченке с небольшим четверть ведра. И о выпечоканном от вапного высокотрепосходительства что со-благоволено будет?». Из этого видно, что неосторожным с огнем, несмотря на под обиваемых, угрожали «кошки», что же «сблагговляемо» было за обнаруживаемое при содействии тех «кошек» винокурение — указаний нет.

Переполох бородачей

Известно, что меры преследования, практикуемые за неисполнение какого-либо нововедения, нередко сохраняют применение только за перлах ворах и с переменной времени и взглядов, если не совершенно прекращаются, то значительно ослабевают. Не то, однако ж, было с нововедениями Петра Великого, или известным указом его «о бородачах». Несмотря на то, что со времени издания указа истекло сорок лет, в Тобольские преследования бородачей продолжались почти с первобытной строгостью. Однако же, как показывает приводимая ниже выдержка из указа Сибирской губернской канцелярии, посланного Полтавской конторе 22 апреля 1745 года, тобольские бородачи должны были испытать следующий переполох. «Сего, 745 году, марта 14 дня, — говорится в указе, — в присутствии в Сибирской губернской канцелярии господина генерал-майора и сибирского губернатора Суварина (и) господина прокурора Елизарова, приехал Тобольской ратуши выборной земской староста, посацкий человек Иван Васильев, сын Турин, у которого явилась в противность... борода не брита, и кафтан на нем верхней, сукошной серой и шит по-русски, а не немецкой, чего было ему, яко избранному из купчества и поверенному в государственных сборах человеку... надлежало бороду брить и платье носить немецкое. Того ради по указу... велено: с названного Тобольской ратуши старосты посацкого человека Турина за презрение указов... и что он до сего числа бороды не брил и за непочтение немецкого платья, не выпускал из Сибирской губернской канцелярии, доплатить штрафу пятьдесят рублей без упущения, которые с него того ж числа, не выслушав из губернской канцелярии, и доставлены, а борода и усы выбриты, и с губернской канцелярии отпущен». Об этом случае Полтавской конторой было объявлено на обоих посадах города и под «варбан-

ным боем» строго внушено обывателям об исполнении старго порядка, чтобы «ясного звания российского народа люди кроме духовных персон и папешных крестьян, носили платье, против чужестранных, немецкое, и бороды и усы брили как в тех указах изображено, неостложно».

Кулачные бои и «плетки»

Кулачные бои были особенно преследуемы во времена Петра. Приводимый ниже указ Сибирской губернской канцелярии, данный Полцимейстерской конторе 19 августа 1741 г., показывает меры против кулачных боев за время инастования Елизаветы Петровны. По этому документу можно заключать, что приверженность к древнейшему обычая была не чужда и тобольщикам: в указанное время кулачные бои в Тобольске имели место даже во время крестовых ходов, позднее же особенно популярные кулачные бои, по местным преданиям, выходили из семинаристов. Упомянутый указ губернской канцелярии, между прочим, послужил для П.А. Словоцова к замечанию, что «правительство и местное начальство, благотворя к уставам православия, строго наблюдали даже за внешними приличиями и преследовали пренежения всякий простуюк, могший оскорбить деликатную набожность христианской души», как это делало, например, с «разночинцами Вурундуковым и Соколовым за то, что во время крестного хода продолжали кулачный бой» («История, обзор Сибири», кн. 2, стр. 19 и 300) но содержание самого указа остается неизвестным. «Сев. 745 году, июля 30 дня, — говорит этот документ, — шрые денгы в Сибирскую губернскую канцелярию тобольский разновичек Петр Вурундуков да ялutorовского дистрикта разновичек же Лев Соколов, в учинении ими между собой в время крестного ходу, кулачного бою, в чем они, Вурундуков и Соколов, в роспросах своих не заперлись, и ради того сего августа 9 дня, по указу Его Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии... приписанным Вурундукову и Соколову за объявленный их кулачный между собою бой, дабы им впрелд того чинить был по повалою, также и в страх другим учинено публичное жестокое наказание — биты плетми на площади, на том месте где они тот кулачной бой чинили нещадно».

Наставления «батожею»

Напомним выше с замечания историка в отношении старинных «прещений»¹⁸ всего оскорбляющего «деликатную набожность», приведем случай таких же «прещений» из другой практики. Дело касается наставлений в вере новокрещеного осылка Григория Иванова и сообщается в указе губернской канцелярии Полцимейстерской котворе, посланном 13 мая 1745 г.: «Сего 745 году, апреля 29 дня, в Сибирскую губернскую канцелярию в промеморию из монастыря просвещенного Автоия, митрополита Тобольского и Сибирского, написано: прошлого-де 744 году, сентября 27 дня, прислан был для наставления и утверждения в православно-восточной кафолической вере из Сибирской губернской канцелярии новокрещеной осылк Григорей Иванов и для того наставления и утверждения отослан был к инокладскому священнику Михаилу Яновому, в 10 числа из дому его бежал, чего для прислана была в Сибирскую губернскую канцелярию о сыску означенного беглеца Иванова промемория, и по той промемории он, Григорей Иванов, по смыслу со учинением ему в оной губернской канцелярии ближайшего батожею наказания, пакы послан для совершенного веры православно-восточной утверждения и наставления при промемории, а в апреле месяце оной осылк Иванов незлоду куда бежал же безызвестно. Губернская канцелярия объявляла Полцимейстерскую котвору «сыскивать (Иванова) всякими сыски накрепко и, сыскав, предьявить его (в канцелярию) под крепким караулом». Выходит, что применявшиеся к кулачным бойцам «плетки» для новокрещеных заменяю «битцы».

Залог дочерей «в пятнадцать рублей»

В июле 1746 года Полцимейстерской котворой получен был от священника Пельмского заказа Михаила Степанова следующий «визнет»: «В прошлом 741-м году Сатыгинской волости¹⁹ роспон Егор Миронов, сын Рычков, авложил мне, нижайшему, двух дочерей в пятнадцать рублей вперед до выкупу, а именно: Анну четырнадцати (и) Федосью четырнадцати, из которых послал я, нижайший, сюда, в Тобольск, во услужение к дочери моей родной, Знаменского монастыря пономарской жене Федосье Михайловной, Анну четырнадцатилетнюю, которая у оной дочери моей жила в услужение года с три, а потом от нее, не хотя ко отцу своему в дом

ехать, предшедшего мал месяца сего 746 году бежала, для того, что инане отец их выкупает, и по побеге живет она, Анна, в Архангельском приходе, в доме солдатской жены Гликерии Леонтьевской дочери Каргаевой. Того ради покорно прошу, чтоб соблаговолено было по сему моему извету оную закладную ко мне девуку для отдачи помянутому отцу ее, росполу Егору Ралчкову, на выкуп, учинить резолюцию». Характерны, вероятно, были и обязательства между заимодавцем и плательщиком, но как об этом, так и о распоряжении Полимейстерской конторы по «извету» первого свидений не найдено.

Теленок и невзгода лекаря

Вдова сержанта Тобольского полка Елена Нефедова подала в Полимейстерскую контору «извет», жалужь в нем на соседа своего, лекаря Антона Смерть, что он увел к себе на огороде ее с привязи принадлежащего ей теленка, а когда она «пошла к дому его лекарьскому и стала ему говорить, то окош лекаря, ухватя палку свою камышевую, ее бил, которую (палку) об нее и изломал, и от того его бою значат у нее, Алены, на теле пятна, тако ж и на голове валдыри». Приглашенный в контору, Смерть отказался, что прежде всего сама Нефедова самовольно отогнала привязанного им по соседству к огороду ее теленка его, чем и выудала его взамен убежавшего унести к себе бывшего тут же ее теленка, но когда его теленок был приведен, а теленок Нефедовой возвращен, то, ведя последнего со двора, Нефедова «стала бранить его вясчески и жему его»; он же, Смерть, «не стерпел тех ее бранных речей, вышел из двора своего на улицу и оную просителыницу камышевою трескою небольшою бил». Дело происходило в июне 1746 г., и полицмейстер Вязановский, не считая лекарей себе подсудными, не заведил доности о поступке Смерти губернатору Сухареву. Было ли сделано по «репорту» полицмейстера какое-либо распоряжение — неизвестно, но последовавший почти через полгода от губернской канцелярии Полимейстерской конторе указа 19 декабря того же года показывает, что приведенное событие с теленком было как бы прологом ожидавшей Смерть невзгоды. Из указа канцелярии видно, что Смерть, будучи уроженцем Венгрии и служя на руднике в лекарьских учениках, прибыл в Россию с целью поступить

полковым лекарем, но за неизменном вакансий воспользовался предложением отбывавшего в 1744 г. из Москвы в Сибирь с пехотными и драгунскими полками генерал-майора Киндермана следовать при нем в качестве домашнего врача. Прибыл в Тобольск, Смерть обратился из католина в православие. Но при Киндермане привлекло ему оставшихся подолго. Выданный вскоре после того на допросы в губернскую канцелярию Смерти, представив в удостоверение своей личности аттестат Киндермана и «три аттестата, данные на немецком языке из Прусской земли, к Кенигсбергу, в таковой силе, что будучи он в лекарских учениках к лекарству (был) искусен», отговаривался, что «как из военной Коллегии, так и ни откуль указу и паспорту не писает». Поэтому канцелярия упомянутым указом обила Палимейстерскую контору «временно венгерской нации бывшего лекаря Антона Смерти из Тобольска выслать на прежнее жилище, откуда он без указу и без паспорту съехал, в самой скорости». Однако ж такой эпизод Смерти удалось обойти: с разрешения Антония, митрополита Тобольского и Сибирского, он «за искусством его в лечении находящихся при доме его пресвященства служителей и школьных студентов» от невольного путешествия в Венгрия был избавлен. Переписка тянулась до конца 1748 г., и 7 октября Палимейстерской конторой была получена промемория той же губернской канцелярии, но уже с другим требованием: «иногда Антона Смерти за восприятием его веры греческого исповедания из Тобольска на прежнее место в венгерскую землю не высылать для того, что она венгерская вера католическая, а не кафедральная, к тому ж оной Смерти православную веру восприял добровольно, и быть ему при доме его пресвященства по искусству его для пользования и лечения домашних служителей и школьных студентов».

Вылазка ширванцев

Кроме тех бед, какие выше описано было вынесито Тобольску в прошлом своем от частых пожаров и наводнений, время прошедшего столетия иногда омрачалось здесь и другими не стихийными невзгодами. Таким временем были особенно ороковые и частью пятидесятые года того столетия, или губернаторство генерал-майора Сухарева — те именно года, в которые Тобольск был местом стояния Ширванского полка.

Дерзости ширванцев распространились не только на тобояков, содержащих для этих постояльцев 638 квартиры, но даже и полицию. Однажды ширванцами устроена была вылазка и против тогдашнего полицмейстера, капитана Новоожотного батальона Бабановского, состоявшая, по донесению последнего в Главную полицмейстерскую канцелярию в следующем. В 1 число марта 1747 года, часа в четыре дня Бабановский, разгуливая по городу и встретившись вблизи Знаменского монастыря с знакомыми своими, поручиками полков лейб-гвардии Имайловского Иваном Толстым и Енисейского Петром Мадзининым, секретарем губернской канцелярии Иваном Борасовым и дворянином Александром Нефедьевым, поехал с ними в гости к разъяну Тобольского магистрата Дмитрию Круеникину. В это время по случаю масленицы ширванцы были в полном разгуле. На перекрестках около Пятницкой и Рождественской церквей и вблизи домов посадского Романа Третьякова и упомянутого Круеникина их столпилось человек по сто и более, так что, по словам Бабановского, он со своими знакомыми мог проехать к Круеникину «с великою нуждою и опасностью». Но едва лишь гости зашли в дом разъяна, как с улицы послышался отчаянный крик. Оказалось, что ширванцы потянулись от двора Круеникина, пришедшего к Бабановскому с жалобой избитого ими же тобояковского казака Григория Вишнякова и стоявшего у ворот человека Бабановского Родлона Иванова. На крик этот выскочил Бабановский с поручиком Мадзининым за ворота. Но там, по упомянутому донесению, «многолюдственное число (ширванцев) скопом приступали к нему, Бабановскому, с великим невежеством и валам криком и бранями всякою непотребкою матерною бранью, из которых солдат некоторая часть, влезши из стожка у двора реченного Круеникина костровых смышлых дров, кои рубятся на три поляна, весьма умашленно бросалась на него, Бабановского, и хотела тем смертным орудием бить. И вида он, Бабановский, смертельный от них страх, принужден бежать во двор реченного Круеникина, за коим опыте солдаты к тому двору нагло гнались и к воротам уславно приступали, которые все их нагло уславлено по двору того Круеникина приступание и крик, стоящий в том Круеникина доме на квартире Нансбургского пехотного полку капитан Безалов, услышав, выгшел из горницы на двор и тех солдат от того Круеникина ворот отогнал прочь, кои тогда от

тех ворот и отошла нещадь и осталась близ двора одного же Крутеникова». Непуганный Бабановский послал известить о происшедшем майора Ширвакского полка Меньшикова и мог выехать от Крутеникова только тогда, когда Меньшиковым послан был для охраны его сержант 8-й роты того полка Иван Голубятников. Однако ж, несмотря и на эту охрану, ширванцы, вооруженные стягами, пугались за Бабановским, но он успел от них скрыться. Описывая вылазку ширванцев, Бабановский в донесении своем приводит и решение по этому делу, состоявшееся в военно-походной канцелярии Ширванского полка, которое, умалчивая о поступке ширванцев, обвиняет его же, Бабановского, в исключительном оскорблении взятых ширванцами под караул свой Вишнякова и Иванова. Решением было заключено: «В Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию и притом сообщить производимое в Ширванском пехотном полку того полку над служителями следствие и требовать, чтоб она Сибирская губернская канцелярия с показавшим капитаном Бабановским, капитаном Вишняковым и его, Бабановского, человеком Родионом Ивановичем за вышесказанные, как в том следствии именно значится, непорядочные поступки и порицания Ширванского полку соудит, учинить по силе Ее Императорского Величества указа и воинских регулов, дабы впредь таких же непорядочных поступков чинить было не повадно».

Протезе полицмейстера

В упомянутом выше «Историческом обозрении Сибири» (кн. II, стр. 10) есть замечание, что «от тобольского полицмейстера Бабановского дважды приносились жалобы Сенату на губернатора Сухарева, которому и насылались из Севаста выговоры». Но самих жалоб не приведено. Ниже передается выдержка одной из этих жалоб, представляющая характерную черту из быта «тогдашней тобольской аристократии и объясняющая, между прочим, курьезное мнение Сухарева о том, кто был протезе, или виновниками полицмейстерства Бабановского. «1748 году, июня 30 дня, — говорится в жалобе, — приглашен был он (Бабановский) генерал-мазором и кавалером Киндермазом с прочими штаб и обер-офицерами и прочими чинами в дом его, Киндермана, обедать, где был же генерал-мазор и сибирский губер-

натор Сухарев с фамилиею, и по окончании обеда оной губернатор, между прочими разговорами, оварто кричал на него с великою яростью и бражью, употребляя при том весьма непринадлежащие речи, яко бы он в тобольскую полицию написан за осетры и дядек всех, кем он в полицию определен, он знает, и будтобы он по следствию написан следствием, и притом неоднократно подтверждал, что он следует, а не капитан и полицеймейстер». Жалоба была представлена Главной полицеймейстерской канцелярией на рассмотрение Сената, откуда 20 марта 1749 г. последовал в Сибирскую губернскую канцелярию указ, чтобы «той (Сибирской) губернии губернатор впрямь обретающемуся в той губернии полицмейстеру Бабановскому никаких обид и притеснений не чинил и ни в какие полицейские дела не вступал под опасением, ежели впрямь о таких же оного губернатора поступках от Главной полицеймейстерской канцелярии представления чинены будут, взятия штрафа».

Трехдневная тревога «о свиньях»

Известно, что первые города Сибири строились «без раскопки домов, без линий, без всякого понятия о порядке и чистоте»; что их составляли «лачужки, землянки и набы, обнесенные тыном» и что «городские улицы были затоплены грязью, завалены навозом и падалью». Такие, по крайней мере, отзывы дают знатоки сибирской старины Словцов, Небольсин и Шашков. Нетъяс, разумеется, сказать этого вполне о старом Тобольске как бывшей столице Сибири, но и здесь, даже еще в половине прошлого столетия, свободно разгуливали, превращая городские улицы в огородные гряды, целые табуны свиней. Очевидно дошло до того, что в городе по три дня били тревогу барабанами, сзывая обывателей к угону тех табунов. Вот что говорит об этом про memoria губернской канцелярии, посланная за подписом губернатора Сухарева в Полицеймейстерскую контору 10 июля 1749 г.:

«Понеже уморено шло от губернской канцелярии, что в городе Тобольску не только по улицам, но и в самом каменном городе обывательские свиньи и прочий скот бродит, а паче свиньи весьма роют на площади и на улицах землю и оттого делают рытвины и ямы, а обыватели того скота, а паче свиней, в дымах не запирают и в удобных местах за

пасьюбу оных не пасут. Того ради сего июля 5 дня, по указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии в Тобольску на верхнем и нижнем посадах публиковано Ее Императорского Величества указом с барбанных бож по три дни, и в пристойных местах оные указы выставляены, в которых написано, дабы тобольские всякие чина обыватели сего числа всякой свой скот имели за пасьюбу в удобных местах, а по приходе табунов имел бы всякой хозяин свою скотину встречать и чрез город, дабы оные илишно по городу не шатались, препровождать до своих квартир, а паче свиней, дабы оные по улицам и по городу потому ж не бродили, а ежели оные свиньи с сего числа усмотрены будут, что бродят по городу, а обыватели оных заирать у себя в домах, или за пасьюбу содержать не будут, и таких свиней определено будет караульным солдатам стрелять, и те застреленные свиньи отдаваны будут в лазарет для больных в пищу».

«Великое затруднение» полицмейстера

В 1749 году всевним радным Иргыша в Тобольские бы, между прочим, разрушен Абрамов мост, соединяющий с городом прибрежную часть его, расположенную за речной Абрамовкой, или Монастырской, где (на Пиляцкой) улице в это время имел свой дом полицмейстер Вабанковский. Немедленная постройка нового моста для горожан представлялась крайнею необходимою, и Полицейстерская которая принимала успешные ходатайства о том прея губернской канцелярии, но последняя в этом случае совершенно бездействовала. Спустя более полутода, полицмейстер Вабанковский решился возбудить ходатайство о мосте пред Главной полицмейстерской канцелярией и в «доношении» 15 июля 1750 года высылает действительную причту жителям Губернской канцелярии на его ходатайства. «...Будет ли построен (мост), — писал он в этом «доношении», — о том неизвестно, ибо сибирский губернатор, господин генерал-майор Сухарев на тобольского полицмейстера Вабановского имеет неукротимую злобу: парвое — за подавшую на него челобитную в брани и безчестии и в прочем [и] второе — за представленные на него вступавши им, губернатором, не по своей должности в полицейские дела, к которой злобе мнissime его

возбудили присланные запретительные о том из Правительствующего Сената Ее Императорского Величества указы, а более, как видно, он, губернатор, того мосту строить не определе(е)т за тем, что собственной мой дом имеется за тою речкою Моисейстерскою, дабы мне и тем в последственных переездах причинять обиду». «И читавши, — говорилося Бабановским далее, — великое затруднение, препятствие и судна остановка, ибо приезжающие принуждены чрез тою речку переезжать в лодках и на сделанном собственном от полицмейстера Бабановского для крайней необходимости небольшом плоту и то пешие, а обыватели на лодках переезжают за плату». Ответ на жалобу не найден.

Что иногда бывало на «распрасах»

В ночь на 3 число, ноября 1749 г., у посадского Семена Украинцева из арендуемого на берегу Иртыша амбара украдено было раного имущества и денег на 360 р. 72 к., о чем потерпевшим и подан в Полицмейстерскую контору «извеш», чрез день же после того другой посадский Третьяк Романов зъявил конторе, что в пустом погребу при спящих доме им усмотрены неизвестно кому принадлежащие вещи. На предварительном дознании конторы упомянутые вещи Украинцев признал за покраденные у него, и в краже последних сознался сын Романова посадский Матвей Романов же, объяснив, что в том участвовали с ним драгуны Сибирского драгунского полка Иван Коробейников, тобольский разночинец Иван Кытммов и туринский посадский Никита Оксолов. Романов сознавался, что «разломав у амбара висечей замок, они то воровство учинили, и покравши, он, Романов, с драгуном Коробейниковым, разломав сундук на лугу, те ложитки привезли в дом к нему, Романову, и сложили в пустой погреб, а домашние же о тех покраденных пожитках никто не знали». Ескоре сознался в краже и соучастник Романова, причем один из них, Кытммов, объяснил, что из числа покраденного явля лисица он передал гатлангеру тобольской артиллерийской команды Алексею Красилянникову. Все эти лица конторой представлены были в губернскую канцелярию, где «секретарскую пометого» было определено: «Взявша, взяты по помытъя, а воров Романова с товарищи отдать под крепской караул и в выписанном их причинником воровстве

распрашивать накрепко с пристрастием». Дела по этому предмету в полном виде не сохранилось, но уцелело из него «предложение» губернского прокурора, данное губернской канцелярии 30 января 1750 г. Из этого интересного документа и видно, что иногда бывало на «роспросах» упомянутой канцелярии. В данном случае «роспросы» начались 15 ноября и, продолжаясь почти до конца декабря, в отношении определенного секретарем «пристрастия» дошли до того, что вынудили прокурора предложить канцелярии «срочное решение и решение вышписанного дела вести по Ее Императорского Величества указом и государственным правам», а не «противно соборному уложению». Из обвиняемых в краже у Укранищева лиц в канцелярии, как говорится в предложении прокурора, были «в разные числа при роспросах биты, Иван Батышов батожем дважды, Матвей Романов плетми дважды, батожем троекратно, да палькою, драгуи Иван Коробейников палькою по два дни, отчего и голове пробита, гатлангер Красильников батожем троекратно»; в отношении последнего прокурором дополнено, что он «бит в роспросе жестоко, от которых роспросов просил священника, и потом от тяжких побоев и язык отяглся». Но, кроме обвиняемых в краже и укрывательстве пограбленного, губернской канцелярией по дальнейшему объяснению прокурора призвано было к следствию еще несколько лиц, к делу не причастных, как, например, обнаруживший покраденное посадский Трофим Романов с дочерью и жена гатлангера Красильникова. Последнее, по словам прокурора, «распрашиваны же и притом Романов бит плетми дважды, дочь его девка Офимья бита ж плетми пять раз да батожем дважды, от которых нестерпимых побоев, как видно, сидь под караулом, резалась ножом, (а) гатлангера Красильникова жена Андотья Михайлова бита батожем двоекратно и притом выбит из утробы младенец». Такие пытки допрашиваемых показывают, что ответы их должны были иметь в деле важное значение, но «что оные забранные, — говорит далее прокурор, — а особливо донощель на воров Романов при таких роспросах и мучениях показали, того в деле ничего не явствует и были ли такие записки, о том я неизвестен». И только 23 декабря в губернской канцелярии состоялось определение «о допросах выше упомянутых всех, в чем принадлежит, а особливо девку Офи-

млю Ромашову, отчето она поном рязалась в присутствии», но по заявлению прокурора, что лица эти «в разные времена с немалым мучением уже распрашиваны, а Трофима Ромашова, яко на тех воров доносителя, забирать и под караулом держать и под битием плетми распрашивать весьма не надлежало», упомянутое определение не состоялось, и дело, благодаря прокурору, получило более законное направление.

«Смертельный бой» полцимрейстера

Чем далее продолжалось пребывание Ширванского полка в Тобольске, тем более дераостей от ширванцев испытывали обыватели.

Пребывание здесь этого полка вызвано было слухами о намерении джунгарского владетеля Гялдан-Черина открыть против Сибири военные действия. По повелению об этом сенату Сибирской губернской канцелярии 17 сентября 1744 г. было постановлено немедленно перевести в Сибирь в дополнение к местным войскам три драгунских полка в 1000 ящичных казаков и овиять ими форпосты по рекам Тоболу и Ишиму. В мае 1745 г. под начальством генерал-майора Киндермана двинуты были в Сибирь из крепости св. Анны полки Нотебургский и Ширванский, из Казанской губернии драгунские полки Волоцкий и Луцкий и из Нижегородской губернии драгунский же полк Оловецкий. Между тем в начале следующего года до Тобольска дошло известие о смерти Гялдан-Черина, и натянутые отношения к Джунгарии изменились. Однако ж командированные полки продолжали оставаться в Сибири по разным местам и оставались без особой в том надобности. Для полной характеристики деяний ширванцев в Тобольске здесь приводится деловое объявление полцимрейстера капитана Вабановского о «смертельном бое» его ширванцами, случившемся в апреле 1750 г. «Как сего апреля, 23 числа, — пишет Вабановский, — «взидл я в городе Тобольску по улицам по должности моей в силу Его Императорского Величества указом для розыску и всякого смотрения, и во исходе шестого часа пополудни, будучи на нижнем посаде, в Христорождественском приходе, у Приятного мосту, где имеется ротатка и определенный при ней обывательский караул — четыре человека, притом же ямса в близости от команды Ширванского пехотного полку

плет, и, не дожидая выпеноканного пекета и ротатки, в пример, расстоянием сажених двух, повстречася со мной означенного Ширванского полку солдат, а как его зовут и по прозванию не знаю, токмо в лицо признать могу, и подошед к моей коласке, остановя, назвал меня именем и по отчеству и притом говорил: «Христос воскрес», против чего и я ему отвечивал, что «вонистину воскрес», и по обычаю христиавскому с ним поделовася, а потом едой солдат пошел за коласкою моею. И минуя мало с того места, повстречался мне того ж полку еще солдат тленой, а как его зовут и прозванием, тако ж и в лицо — знать уже не могу, и жезнаемо за что, стал меня бранить матерно и ругал всячески неподобными словами. И для того я бывшему на пекете часовому солдату стал говорить, за что меня такой солдат бранит безвинно, и, напротива того, означенной часовой, неведомо за что, избрания меня матерно ж и говорила: «У меня де некетных солдат никого нет». Притом же случилось быть реченного Ширванского полку солдат еще человек до пятидесяти и более, в коем их собрании несколько тех солдат было пьяных, и многие из них бранили меня всякими же непотребными словами и, оставя коласку мою, не пропуская. И видя я их умалшленное на меня злодейское нападенье, вступил из коласки своей, усмотря, что идет мне встречу того ж полку унтер-офицер без штатга, который мне весьма знаем, точно об имени его и о прозвании сказать не могу, которому я стал говорить, что за что из предписанных солдат часовой и прочие напрасно бранят меня и поносят честь офицерскую исподобными словами, ибо таковых ругательных слов глупо не токмо офицеру, но и рядовому солдату несстерпимо слышать, а я им никакого злобления и обид не показал. И говорил я тому уряднику, чтобы их от злого намерения как всаможно унял, на что оной унтер-офицер мне объявил: «Я-де нахожусь за болезнью в госпитале», однако ж предписанным солдатам он воспрещал, говори им, что де «вы делаете нехорошо», токмо они от шальчивости сердца своего в каком азарте (а за что — не знаю) навальще меня бранили и порицали «вором». А я со вступления в службу Ее Императорского Величества от солдатства даже до обер-офицетства и ямзашнего времени ни в каких штрафах и подосрениках не бывал и в роте ни по чему приличен не был же и продолжаю службу

Ее Императорского Величества по присяжной моей должности, как честному и верному офицеру подлежат. И в нашем, со упомянутым унтер-офицером разговоре незнаю азруг наглым и разбойничьим образом предписанные солдаты и напали на меня, и я было кинулся от них в коляску свою, хотя ускакивать трудною она, не допусети меня сесть, иже дошлаем моим титьтеть вперед, выгаша меня из коляски злодейски и броси об землю, били смертельным боем, без всякия жалости, нво гирьками, шлемкаж а шпанжыками ефесами, в котором бою имеющей на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали во фалду прочь оторвали, и изодрали ж, и в гряди вымерали во многих местах. А бывшие при мне разьездные казаки, три человека, и собственный мой человек, который земля в коляске на колесах, от их многолюдного самого сильного нападения, не токмо ко удержанию подать помочи, но сами тако ж жестоким боем уязвлены. А имевшие при рогатке караульные обыватели начинали в таком случае бить в трещетки тревогу, токмо от их усудия не допущены. И хотя я в то время несколько раз по крайней моей возможности, ибегая себе от них еще нападения, и вставал на ноги вторично, и бросался в коляску свою, точно они, не удовольствуя свое злое умышление, наки сбивали меня с ног неоднократно и из коляски вытаскивали, и били ж смертно, и притом у меня голову просекли шпагою, в другом месте проломили ефесом, да пересекли шпагою ж левую руку взавити, и в левом боку переломили два ребра, и проточия тяжкия мне раны доны, в чем свидетельствуюсь на лекарское свидетельство. И оное их нагное и тиранское нападение находящийся здесь в Тобольске у ружейного дела чехмастер Прокопей Мичков, бывшей из квартиры своей на улице, код имеется во близости того мосту, стал от того бою унимать и всячески отвращать, то предеченные солдаты меня отпустили прочь и бить порастали. И оной Мичков взял меня в свой двор амертва, для зина, без всякого чувствия, в чем реченным чехмастером Мичковым и свидетельствуюсь, тако ж и случившимися при мне тремя теловеки казаками, а имянно: Степаном Ярковым, Степаном Ушаровым, Афанасием Смолишиновым и рогаточным караулом; в коем их напросном на меня нагдом нападени и злодейском бою чех я уязвлен, действительно явствует в поманутом лекарском сви-

детельстве. И по взятии меня к упоминаемому сехвастеру Миткову в квартиру я положен был среди двора и исповедован церкви Рождества Христова священником Симеоном Афанасьевым, где принужден был и ночевать, а потом принесен в дом мой. А тех солдат, кои в том нападении и бою были, призвать не могу и более унтер-офицера и капитана не видал. К тому ж от такого их нападения я приполз и тогда в некакую робость: точно предвечного солдата, который со мной христосоваясь, усмотрел в бою, что имелось у него в руках круглое березовое полено, а вышеупомянуемого унтер-офицера, как то нападение на меня от тех солдат началось, более уже не видал, и куда он удалился — не знаю. И от такого их вышеописанного уменьшению смертельного боя и разбойничьего нападения как-тожусь имел весьма в тяжелой болезни, почти при смерти и на получение вперед своего здоровья безнадежен». Объявление Бабиновского послано было «ко учрежденному следствию» 27 апреля, т. е. после случившегося с ним на пятый день, но чем кончилось это дело — неизвестно. Чьей-то нескромной рукой конец столбца Бумаги Полцимерстерской конторы, из которого заключен важнейший документ, оборван. На воскресных уцелевших бумагах заключаются указания лишь на то, что делу не придавалось особого значения: оно танулось, переходя от одного следователя к другому, а виновные содержась под арестом на частных квартирах, пляцтовали, сопровождая попойки свои пляской, картежными играми и проч.

Похороны раскольников

По требованию Тобольской духовной консистории, адресованному в октябре 1750 г. в губернскую канцелярию, Полцимерстерская контора должна была предать земле без христианского обряда двух раскольниц, умерших в пути при следствии на суд консистории из Невьянской заводской конторы. Иначеца об этом, губернская канцелярия проэкзорной 27 октября объявила контору «нотисельных раскольников» девок Марфы и Дары Бархатовых мертвые нечестивые грешница чрез полицейских служителей прикаать обде при посланном от реченной консистории раскольниц выволочь за город и врипуть вне города в ров, или во иное какое отдаленное и безчестное место, где оною Полицимерстерскую конто-

рою раскулачить без всякого погребения». Но исполнение этого требования через своих служителей Полцимейстерская контора нашла незаконным. Полцимейстер Бабановский в ответной промемории разъяснил губернской канцелярии, что «в военном артикуле, в девятой на десять главе, во сто шестьдесят четвертом артикуле напечатано: ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в беззачетное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам, а раскольники Бархатых признаваются мангровые самоубийцы», почему и необходимо «для выволочки несчастных их мертвых трупов прислать палачей и профосов». Указания полцимейстера губернской канцелярией найдено основательным: палачи и профосы были командированы, и 29 того же октября похороны раскольниц закончились следующим донесением Полцимейстерской конторы губернской канцелярии: «Мертвые несчастные тринадцати девок, Марфы и Дары Бархатовых из дому демядовского дворянина Вороничного вывезы и вынесенными профосами и палачами от того двора демядовского водонены за ноги чрез город и брошены на верхнем посаде за городом в отдалении от убогова дому в ров, называемый Глубокий баярак, при присланном от консистории его преосвященства Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского розсыльщике».

«Лакомство» караульных солдат

По поводу весьма частых побегов из тобольских тюрем колодников, размеры которых составляли тяжелое бремя для Полцимейстерской конторы, доследняя однажды пришла к заключению, что одною из главных причин тех побегов следует признать часторемненную неровность колодников, составляющую «лакомство» караульных. В посланной по этому предмету промемории 15 марта 1756 г. контора извещала Сибирскую гарнизоную канцелярию, что «колодников караульные солдаты каждоедельно приводят в кузешной ряд и того ряду старосту и кузнецов бьют по идеям и сильно велит перекалывать и перекалывают из своего лакомства: всяко у которого арестанта железа тесные, то велит делать тонкие и пространные, чтоб с ног слизались, и оттого те колодники побег чинят». Поэтому контора просила канцелярию «стоящим на гобвахте обер-офицерам подтвердить, чтобы они за караульными унтер-офицерами и солдатами смот-

рели никропо, дабы те караульные из своего любопытства для переклада жезла колодников в кузнецкой ряд не приводили и кузнецов не принуждали, а заковывали бы в полковых кузницах». Ответ канцелярии неизвестен.

Строгости против «нечистоты»

Время губернаторства Д.И. Чичерина памятно для тобольяков теми ужасающими строгостями, какие применялись вообще для установления городского домостроя. Для примера приводим дословно объявление Полицейстерской канторы о мерах против нечистоты, датное 27 января 1771 г.: «По присланному от его превосходительства, господина генерал-майора, лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина приказу велено за всеми учиненными от его превосходительства строжайшими подтвержденками, чтоб в городе нечистоты никакой не имели — навоз и прочее вывозить на реку, на пустыря, а на озерах и речках Курдюмке и Монастырской не класть во избежание тем заразительного веново воздуха. Но невазя на то, что сие учреждено в пользу общую всем жителям, безрассудные и привычки к упрямству многие жители, хотя равный труд имеют, что на проезд вывозить, или на пустыря зашвыривать, но единственно по злощраию своему стремятся противоборствовать учреждениям и поныне вывозят в запрещенные места. Неудивительно, что злощраивые бездельники, каков есть Шишмолин и тому подобные, которым все полезныя учреждения противны, привычки только к самодлюбью и убожатию своим нравам, но тем шаче презрительно, что многие благородные, которые и самим того надбодать и пресекать должно было, напротив, и сами тем бездельникам и ослушникам последуют во вредность себе и всему обществу. И для того Тобольской полицмейстерской канторе сей приказ чрез десятских по всех командах объявить с подписками, чтоб никто неведением не отговаривался, с таким притом подтверждением: 1-е. Чтобы отвые никто в жили навозу не клял в никакой нечистоты не метал, живущим под горою вывозить на Иртыш, и те собранные подписки представить в губернаторскую канцелярию при репорте. 2-е. В ведомство Полицейстерской

канторы командировать 24 конных гусаров и 24 человека пехоты гренадер, из которых уредить денной и ночной разведки и дворы с таким подтверждением, чтоб накрепчайше наблюдать таковых ослушников присматривать и ловить, а когда оные в Полицмейстерскую кантору приведены будут, то таковым, не представляя, чинить публичное жестокое наказание плетью, записывая их имена в журнал. 3-е. Ежели кто в другой раз пойман будет, таковы в полиции наказания не чинить, а репортовать в губернаторскую канцелярию, которым наказанию учинено будет кнутом, и эти ослушники посланы будут в Нарышкис в работу. Того ради в слышании во исполнение вышесказанного приказу всем живущим в городе Тобольске обывателям, объявить с подписками.

Применение «цени»

В ряду ксеногов, составлявшего своеобразный доместрой Чичерина, было, между прочим, установление, по которому никто из обывателей Тобольска не должен был принимать к себе для квартирования приезжих лиц, не заявив об этом полиции, причем всякий хозяин обязывался представить в последнюю налицо и самого приезжего. В октябре 1773 года в дом одного из тобольских коммерсантов прибыл из Ялуторовского дистрикта канцелярист. Хозяин дома, быть может, и не связавший об этом госте, не заявил о приезде последнего полиции, и сведения об этом дошло до губернатора. Коммерсант немедленно был схвачен, а обывателям пришлось давать подписки в объявлении следующего приказа Полицмейстерской канторы: «Многократно приказами его превосходительства, господина генерал-поручика, лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина чрез Тобольскую полицмейстерскую кантору всем живущим в городе обывателям подтверждаемо было, дабы с приезжающих разного звания людях, коих без отводу в полицию хозяева сами собою в дом пускают — одни по знакомству, другие по найму — того ж часу давать знать в полицию, в чем все жители и подписками были обязаны. Но, к большому неудовольствию, его превосходительству сведомо, что приказан-

ший из Исецка канцелярист Василий Карагаев стал в доме у тобыльского купца Григорья Масайлова, который о приезде упомянутого канцеляриста не дал знать в полицию, за что приказавши изволил его пресоксодительство купца Масайлова, яко ослушника приказов и ненаблюдающего полезных распоряжений, взять в полицию под караул, посадить в (на) цепь на три дня и давать хлеб и воду, а по прошествии трех дней доложить, а дабы вперед никто того отважиться делать не смел, то о том настрожайше в последний раз подтвердить приказами».

Меры к ремонту «мостовой»

За время строгостей Чернына наряду с обычными мерами к исполнению тех или других распоряжений в виде плетей или кнута тобылжам приходилось иногда выносить более тяжкие взыскания при совершенно мало-важных случаях. Такие взыскания, как видно из объявления Полицейстерской канторы, публиковавшегося по городу 29 января 1774 г., налагались и в случае виновности городской «мостовой». «Наслиным его высокопресоксодительством, — говорится в этом документе, — господия генерал-поручик, лейб-гвардии пример-майор, сибирский губернатор и кавалер Денис Иванович Чернын в Тобыльскую Полицейстерскую кантору приказом повелевать изволил, дабы отныне вперед живущие в городе Тобыльске обыватели порядочным образом, где следуют на мостовой выбоины и скавзинки, то б вставлять в тех поврежденных местах целые доски, а не мелкими вставками, отчего проезжающим как людям, так и лошадям происходит вред, как и то и сего числа воспоследовало: во время проезду господина полковника Булгакова дугоняя лошадь проломилась ногою на мостовой и ногу з дробные части изломала, а сидевший на ней фарафор, дети с нее стремглав, поднят помертвый. Почему его высокопресоксодительство, господия губернатор приказавши изволил: хозяина того дому, против которого сие несчастье приключилось, высечь на рынке с барабанным боем нещадно плетьюми и, избивя голову, употребить для мещца в каторжную работу, а протчим всем обывателям

накрепко подтвердить, дабы против каждого дому мостовые были в хорошей исправности, и обязать всех подвизками».

Приказ о «тараканах»

В то же памятное время по домам обих посадов города разносился в копиях следующий приказ Полицейстерской канторы, последовавший за собственноручной подписью Д.И. Черныга 22 октября 1776 г. за № 1145: «Как ныне наступило время колодной, то за первое предлагать во всех харчевнях и где хлеб и кашки пекут, выморозивать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске демах от полиции о том же объявить». Любопытно, какая кара ожидала неисполнителей этого распоряжения.

Кладовские и предания о кладях в Западной Сибири

I

Начинающему говорить о чем-либо на сибирской жани нередко приходится начинать дого от времени блаженной памяти Ермака, но для повествователя о сибирских кладях и кладовских преданиях представляется необходимою более отдаленная экскурсия: в последнем случае в интересах подвоты он должен остановить внимание читателя и на тех отголосках седой древности, которые касаются уже сферы чисто мифических представлений.

Известно, что вера простого народа в клады, как плод мифического мировоззрения, зародилась в наших предках с незапамятных времен. Перехода от темной народной массы в высшие сословия, она постепенно окрепла и развила в своих последователях ту любовь к кладовскому, которая жива в русском народе до наших дней. Благодаря этому, в истории кладовского Древей Руси следуют различать два периода — языческий и христианский. Материалом для ознакомления с первыми проявлениями верований в клады остаются пока одни упоминания русских былий и сказок о несметных богатствах, сокрытых в лесах, горах, пещерах, т.е. такой материал, полной оценки которого у нас еще не сделано. Называя охрмителями этих богатств го бессмертных Коцеев, то разных Змеев Туркышчей да Туркышов Змеевичей², народная фантазия довела сказания о кладях до пределов беснования, в котором назван-

² В заметках о собственных именах в энциклопедических словарях А. Соболевского сказано, что имя Бирей, как, вероятно, из ассирийского Ян-Ирема и деривирован, в XVI веке отдалось за имя нарицательное, в доселе сохранило «врань»; да собственное имя оно встречается в одном летописце 1459 г.; имя же Туркыш не было редким в употреблении, как имя собственное в XVI—XVII вв. — Жит. старина. Вып. II. 1890. С. 105.

ные мифические существа, выступавшие обыкновенно в роли врагов старых богатырей, считались нередко ужасом целой земли: так, например, на мрачном лесистом Севере в одной из пещер отдаленных Печорских гор жила крылатая змея с птичьим носом и двумя хоботами, которая известна была под именем Аспиды, никогда не садилась на землю, а всегда на камень, и куда бы полетела, могла все опустошить; на пустынных же берегах Волги славилась Змиева гора; там обитал дракон с шестью головами, долго летавший на Русь и делавший опустошения, пока один из богатырей не убил его и он не превратился в камень*. Несмотря, однако ж, на страхи, внушаемые охранителями кладов, языческая теория в общем не отвергала возможности добычи клада, считая орудием к тому физическую силу своих богатырей. Этот взгляд изменило уже христианство. Вместо мифического существа обладателем клада, скрытого в земле, по понятиям христиан является дьявол и даровым богатством соблазняет неопытных и корыстолюбивых людей на погибель души, требуя от них за это или живой головы, или же какой-либо другой дани: «аще бо или серебро, или золото сокровенно будет под землею, — говорится в «Сказании о Борисе и Глебе», — то мнози видят огонь горящ на том месте, то дьяволу показующу сребролюбивых ради»**. Тем не менее в народных понятиях клад представляется как бы живым существом, легко поддающимся на освобождение себя от опеки дьявола и охотно отдающим свои богатства всякому, кто только сумеет найти для этого какие-либо средства. На отыскание таких средств выступило во всеоружии древнее колдовство. Колдуньи доскались, что в добыче клада имеют большую силу разные травы. Благодаря этому, старые травники содержат немало указаний на средства для отыскания кладов. Более всего рекомендуются травы: плакун, петров крест, иванова глава, спорынь, бел-кормолец, обьяр, шапеч и другие. По записи одного из упомянутых травников премудрость разыскания клада рассказана так: «Если хочешь о кладе доподлинно изведать есть или нет, и где положен, и на что, и кем, и как его взять — возьми

* *Костомаров.* XXI. С. 266, 267.

** *Витевский.* Клады и кладоискание на Руси//Извест. общ. арх. ист. и этногр. при Казанском университете. Т. XI: Вып. 5. 1893. С. 411.

шапцев корень да (от) воскресенской (свечи) воск и раздели надвое, и одное половину, очертя воском, положи на кладовое место, а с кладового места возьми земли и с оставшейся у тебя половиной опять раздели надвое и будет три части, одна в земле на кладе, а другую на ночь в головы клади, а третью под бок себе или чистым платом у сердца привяжывай на ночь, то в тое же ночь придет клад и будет во сне с тобой говорить, как положен и на что положен, на худо или добро, и сколь давно, и как лежит, в том ли месте, где свеча воскресенска да шапец или дале, и в которой стороне, и как взять, и доподлинно тебе все расскажет и взять велит. Сия трава и спорышева, и обьярева, и кормолцева испытаны. А сие делать по три ночи, то все изведашь*». В некоторых местностях убеждение народа в силу трав при добыче кладов создало удивительные рассказы. По одному из таких рассказов, записанному В.Н. Витевским в Симбирской губернии, крестьянка села Подваляя Сянгилеевского уезда Абрамова-Азовская, жившая в шестидесятых годах, узнав об одном кладе, скрытом в деревне Матюниной того же уезда, несколько лет разыскивала для добычи клада траву разрушевку. «На дворе Филипа Самсонова, — говорила Абрамова, — положен клад во 104 миллиона рублей. Там находится жестяная таблица, прибитая к матице из черного дуба. В выходе стоит стол, на столе лежит Евангельска книга, тут же стоит и блюдо, а на блюде лежит камень-самоцвет весом в полтора фунта. В углу выхода поставлены 42 ружья, вокруг их — медная шпонишка, или кольцо, блестящее, как золото. В выходе же находится часовня, а в ней стоит животворящий крест, да тут же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; пред их иконами горит большая неугасимая свеча. В кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчуг и медные деньги, все с конями. Около клада стоит пристав (черт) и никому не дает денег; внезапно, говорит, трава найдется с восхода, и казна туда пойдет; есть подвал, туда и пойдет казна. Кто возьмет этот клад, тому построить собор-церковь и поставить в ней животворящий крест, находящийся в выходе, а икону Арсидимы Божией Матери отнести в Соловецкий монастырь, где она была раньше и откуда вывез ее какой-то разбойник,

* Забелли. Истор. русск. жизни. Ч. II. 1879. С. 377, 513. Прим. 181.

побратавшийся с царем Ивапом Васильевичем Грозным. Однажды, когда царь проходил по одной из московских улиц, навстречу ему попался разбойник. «Кто ты?» — спрашивает царь. «Разбойник», — отвечает тот. «А ты кто?» — любопытствует разбойник. «И я разбойник!» — отвечал Грозный и сказал: «Пойдем исхичивать царя!». Тогда разбойник ударил его в щеку и сказал: «Разве можно исхичивать⁵⁰ белого царя?». Узнав потом при содействии своей хитрой жены, что он ударил царя, разбойник закручинился, что царь прикажет снести ему голову за обиду, но жена успокоила его, что царь этого не сделает, потому что он не ведал, что бьет царя, а ударил разбойника и стоит за царя же. В другой раз тот же разбойник узнал, что царю хотят поднести после обедни просфору с ядом, он пришел к царю и сказал, чтобы он не брал просфоры. Иван Васильевич обнял разбойника, поцеловал и назвал его меньшим братом. Видя скудость своего брата, разбойник задумал поживиться царской казной и стал молиться: «Помоги мне, Никола Милостивый, увести у своего брата названного банк с казной и положить его на 42 человека бедных!». Никола Милостивый и помог ему: на семнадцать тройках разбойник увез царскую казну и зарыл ее в Митюнинском лесу. Огромный ларь с двойным золотом подперт железной рогатиной, вроде ухвата. Казна положена ни кунцу, ни боярину, а на бедных 42 человека. Кто подымет этот клад, тот должен камень-самоцвет и камень невидимый отослать к царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а в зень (карман) его не класть. От невидимого камня много пользы: если белый царь объедет с ним Расею, она делается невидимою для ее неприятелей; а кто найдет и достает замочную траву, тому двойного золота гарнец. Трава нужна для того, чтобы сшибить замок у сундука, в коем хранятся планы, а замок весом 16 фунтов. В выходе слышится иной раз слабый женский голос: не усилился, раб Божий, своей силой поднять казну, найди траву разрушевку и выручи Божью Матерь из неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будет царство небесное». Случайное созвучие слов «подвал», куда пойдет клад или казна, и Подвалье, где жила Абрамова, усиливали в ней уверенность, что клад должен достаться непременно кому-либо из жителей села Подвалья. Она

истратила все свое состояние на отыскание заветной травы, но не могла найти ее и умерла с глубоким убеждением в существование этого клада*. Иногда розыски трав легковерными представляли для хитрых людей легкий способ наживы: так, в сороковых годах в Орле жил крестьянин Милютин, который уверял, что у него под избугой находится клад; он спаивал многих дурманом и уводил в подполье, где они в подробности видели клад и давали ему деньги, чтобы достать разрыв-траву, без которой клад не давался**.

Таким образом, представляясь в народных понятиях живым существом, клады вместе с тем кажутся как бы и одаренными волею и даже капризами. На это в любопытном труде покойного профессора Н.Я. Аристова «Предания о кладах», касающемся преимущественно Симбирской губернии, приводится несколько примеров. Так, в 1752 году священник села Помаева Буинского уезда Кирилл Михайлов решил во что бы то ни стало добыть клад, зарытый в овраге между селом Помаевым и деревней Атяшкиной. Вооружившись крестом и Евангелием от бесовского наваждения, о. Кирилл, отличавшийся необыкновенной смелостью, отправился на место клада и принялся отрывать его, но страшные привидения до того перепугали его, что он бежал со страху, оставив на месте крест и Евангелие. В селе Елшанке Сенгилеевского уезда дьячок стал рыть яму, чтобы поставить воротную веревку; вырыв яму не более аршина в глубину, он наткнулся на громадную корчагу, наполненную доверху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, он от радости и удивления выронил из уст неприличное слово, и корчага с деньгами провалилась в землю***.

Насколько была распространена у старых людей вера в клады, показывает приверженность к ней русских князей, царей, духовенства. Но и в высших сословиях дела о кладах не обходились без дьявола. Так, по свидетельству одной из рукописей Румянцевского музея, однажды бес, желая нанести неприятность Авраамии Ростовскому, преобразился в воина и, явившись к великому князю Владимирскому, доложил ему, что Авраамий «налез в земли сосуд медян, в

* Витевский. Клады и кладоскопание на Руси. С. 414-416.

** Труды Орловск. учен. архивн. Комиссии. 1889. С. 10-11.

*** Упомянутая статья Н.Я. Аристова. С. 718.

нем же множество сосудов золотых и поясов золотых» и что на это сокровище, которому «не мощно и цены уставити», Авраамий и монастырь устроил. Поверивши бесовской выдумке, князь приказал схватить подвижника, но у него оказалась лишь одна власяница³¹. В Печорском патерике приводится рассказ, как великий князь Мстислав мучил двух монахов, пытая, куда они спрятали клад, будто бы найденный ими в одной пещере*. Из русских царей кладоискательством занимался царь Иван Грозный. Одна из летописей половины XVI века передает рассказ о том, как Иван Васильевич открыл клад в новгородской Софийской церкви: «Приехав ноцию и начать пытати про казну ключаря софейского и пономари и много мучив и не допытався, понеже не ведаху; и прииде... на восход, где восхождаху на церковныя палаты и на самом восходе, на правой стороне, повеле стену ломати, и просыпая велие сокровище, древняя слитки в гривну и в полтину и в рубль, и насыпав возы, посла к Москве!»**. Во времена Петра Великого кладоискательству страстно предана была одна из сестер Петра — Екатерина Алексеевна. Царевна завела сношения с костромским попом Григорьем Елисеевым и призналась брату, что поп Гришка был у нее для того, будто он по планетамклады узнает; последний же чистосердечно поведал, что говорил так царевце «обманом для взятку». Несмотря на это, из головы царевны не выходило кладоискательство, и она посылала своих слуг на кладбища разрывать могилы и вообще проведывать, нет ли где кладов. Узнав, что в 220 верстах от Москвы на дворе у мужика в хлеве под гнилыми досками стоит котел денег, царевна послала туда «для взятья кладу» дворцового сторожа, но клада не найдено; липа же, указывавшие на этот клад, по розыску Петра оказались также «обмадами»***.

* *Витевский.* Клады и кладоискание на Руси. С. 412.

** *Карамзин.* История государ. Российского. Т. VII. Прим. 153. По другому известно, подобный же клад («сребра древних рублей новгородских литых 170, а полтин 44») найден был ранее, в 1524 году, и земле при поновлении новгородской Питишской церкви; чрез четыре года (в 1528 г.) летописец прибавил к этому известно такую подробность: «28 октября, в час обедни, в церкви Питишцы опустился помост у левого крыльца, где прежде нашли клад; народ бросился из церкви, и множество людей задавили, 80 женщин и 4 мужчии...» (*Карамзин.* VII. Прим. 383).

*** *Соловьев.* История России. Т. XV. С. 138-139. Т. XIV. С. 283-284.

Благодаря таким устоям народных верований в клады, первые русские поселенцы Сибири вслед за походами Ермака начали выдвигать на пространные дебри завоеванных земель целые партии кладоискателей. Баснословные сказания о сибирских богатствах вообще и особенное изобилие в Сибири древних городищ, могил и курганов на первых же порах русской колонизации обратили сибирское кладоискательство в особый промысел, заманчивость которого развивалась и усиливалась местными преданиями о кладах.

К сожалению, литература сибирского кладоискательства весьма бедна и отрывочна: сибирские летописи не дают по этому предмету никаких указаний, а труды двух-трех сибирских историков заключают весьма немногие, при том как бы случайные, замечания, вытекающие уже из популяризации других сторон сибирской жизни.

Не располагая вообще достаточным материалом, мы не можем обещать многого по исследованию сибирского кладоискательства и в предлагаемой статье. Задача ее — передать в одном цельном изложении те отрывки, какие дает для ознакомления с одной из любопытных сторон сибирской жизни общая история Сибири, и вместе представить по другим источникам такую же группировку народных преданий о кладах в отношении Западной Сибири*.

II

Первые сведения о сибирском кладоискательстве встречаются в замечаниях иностранцев, бывавших в старой Сибири в половине XVII и начале XVIII столетий. Весьма образованный по своему времени ученый серб Юрий Крижанич, проживший в Сибири пятнадцать лет (с 1659 г.) в одном из своих сочинений о сибирских царствах говорит: «В Сибири есть неизвестные могилы древних скифов, на которых уже выросли кустарники или лес, разыскать их можно не иначе,

* О кладах Восточной Сибири в свое время печатались статьи в «Северной Пчеле», 1857 г. (*Н.С. Шукль*, Клады Восточной Сибири // № 222), «Записках Сибирского отдела Имп. Русск. геогр. общ.» 1864 г. (*П. Кельберг*, Клады за Байкалом, /Кн. 7. С. 89—91) и «Живописи. Обзорени» 1874 г. (Клады в Восточной Сибири // № 22. С. 342—344); о кладах же Западной Сибири, если не считать найденной по смерти известного по разнородным сочинениям о Сибири С.И. Гуляева в рукописи любопытной статьи «Бутровщики», остающейся неизвестно почему до сего времени неизданный, мы подобных трудов не знаем.

как при помощи колдовства. С этой целью некоторые люди отдаются чернокнижию и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра. Я сам видел серебряные сосуды, вырытые таким образом*». Известный географ Витзеи, имевший в своем музее некоторые сибирские древности, в сочинении «Северная и Восточная Татария» (Noord en Oost-Tartarie), изданном в 1692 году в Амстердаме, говорит, что «недалеко от Тоболя встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима металлическая утварь из серебра, меди и железа». Подобные сведения встречаются и в сочинениях других ученых, путешествовавших по Сибири и обращавших внимание на культурные остатки древних сибирских народов, как, например, Штраленберга (1730 г.), Гмелина³² (1751), Палласа³⁴ (1771—1776), Георги³⁴ (1772—1774), Сиверса (1796) и других. Но первым ученым, обратившим большое внимание на расхищение кладоискателями сибирских древностей, был доктор Мессершмидт³⁵, пробывший в Сибири по поручению Петра Великого около семи (1720—1727) лет. В обширном дневнике его о современных ему кладоискателях, или «бугровщиках»³⁶ встречаются, между прочими, следующие замечания.

«25 марта 1721 г. русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме, откуда они подвигались все далее и далее, пока в своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тары, Нарыма, Тобольска, Казани, Соликамска и других местностей, называют ишимцами и ишимскими. В этой Чаусской слободе около 150 жителей, занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20—30 дней езды в степи, собираются со всех окрестных деревень в числе 200—300 и более человек и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расхо-

* История о Сибири/Сибирь в XVII веке: Сборник старин. русских статей. Изд. Г. Юдина. 1890. С. 191.

дятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и в случае прихода калмыков или казаков быть в состоянии защищаться; им нередко приходится с ними драться, а иным и платиться жизнью. Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разныя железныя и медныя вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей — фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов*.

31 октября 1724 г. древние скифские могилы, какие я во множестве встретил 28 октября между Malakannah-chadda на реке Ylach и Baldshinah-amüth, забыв только отметить их в своем месте, были и здесь — при впадении Катанды в Туру, но в меньшем количестве. По-видимому, они уже давно были разграблены русскими, живущими на реке Ингоде и приходящими сюда отовсюду «гуляшниками» или бродягами, и древностей, требуемых его превосходительством г. президентом Блюментростом по высочайшему Его Величества повелению, здесь нельзя отыскать, потому что оне либо законно (по особому указу) сдаются бугровщиками в кассы и приказы, либо незаконно раздариваются воеводам и приказным за угощения пивом и водкой, устраиваемые с этою или подобною же целью под пазванием празднований тезоименитств и дней рождения, либо иногда продаются другим богатым русским. Сами же бугровщики или могилыщики всегда бедняки и себе таких древностей не оставляют.

28 ноября 1725 г. поручик Рудольфи сообщил мне, что несколько лет тому назад по берегам Оби находилось много языческих могил, наполненных множеством золота и серебра, но что в настоящее время оне разрыты русскими бугровщиками так, что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно пасть еще на что-нибудь, да притом весьма неважно.*.

По словам первого историка Сибири Миллера, численность сибирских кладовискателей не уступала партиям охот-

* Материалы по археологии России. № 3; Сибирские древности. 1888. Т. I. Вып. 1. Прилож. С. 10, 19.

ников на соболиный промысел, а этот промысел доходил в Сибири до того, что «языческие народы ходили в соболих шубах, да и лыжи подбивали соболями»*. Повторяя первое замечание историка, путешествовавшего по Сибири с 1732 года, известный любитель сибирской старины Спасский в статье «О сибирских древних курганах» говорит, что редкие из замечательных памятников давно прошедшего «до нынешнего времени (1812 г.) остались не разрытыми, золото и серебро побудило корыстолюбивых нарушить и в самых сих пустынях мирное убежище покойников»**.

Начальные отдельные случаи кладоискательства в старой Сибири следует относить к первым годам XVII столетия; с половины же столетия, когда русские пасельники, считавшие в первоначальный звероловный и бродячий период колонизации края главной прибыльной статьей звероловство, с уменьшением улова пушного зверя и удалением инородцев в степи, горы и леса приступили к хлебопашеству и скотоводству, сибирское кладоискание дошло до размеров общего, весьма распространенного промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых «бугровщиков» устремили свою деятельность на разрытие их и добычу сокрытых в них сокровищ. Многие из этих могил или курганов были до того богаты находящимися в них золотыми вещами, что заслужили от кладоискателей название «золотарей». Находки в курганах и могилах золотых и других вещей были весьма нередки. Из множества примеров укажем на некоторые. В одном из курганов, находящегося на левом берегу реки Алей, впадающего в Иртыш, в два поиска*** кладоискателями найдено было в разных изделиях до 60 фунтов золота. Доктор Бел, бывший в свите посланника в Китай капитана гвардии Измайлова (1719—1720), между прочими редкостями, вырытыми из могил кузнецких, видел конного истукана, искусно отлитого из металла, и несколько зверьков из золота. По рассказу тому же Белю одного из кладоискателей, он дорылся однажды до свода, под которым лежал

* Ежемесичн. сочин. и изв. о учен. делах. 1764, март. С. 220.

** Сибирск. вест. 1818. Ч. 2. С. 28.

*** Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томск. губ. 1876. С. 42.

остов человека на серебряной доске с доспехами: луком, стрелами и колчаном*.

Развившееся кладоискательство и расспросы ученых путешественников о местных древностях возбудили к ним внимание и некоторых более образованных по тому времени сибиряков, особенно же из лиц, облеченных властью. Последние стали составлять у себя коллекции этих древностей, которые, несомненно, терялись для науки, так как собиратели смотрели на них, как на курьезы, и раздаривали их разным лицам, по смерти которых вещи мало-помалу совершенно исчезали. Существует предание, что много таких древностей, полученных от сибирских воевод, погибло в общем богатстве известного губернатора Гагарина. Не так давно (в 1883 г.) сибирские кладоискатели почему-то вообразили, что князь Гагарин, возвращаясь из Тобольска в Петербург, зарыл свои сокровища в одном древнем городке, следы которого находятся против татарской деревни Мулаши по правому берегу р. Пышмы, и принялись разрывать неповинный городок; немного же позднее тюменский купец Т. ради тех же воображаемых сокровищ, разнес, можно сказать, городок до основания и испортил лежащие близ него высочайшие курганы, не найдя, разумеется, княжеских сокровищ**. Что старые сибирские власти присваивали себе значительную часть вырываемых кладоискателями вещей, мы это видели уже из дневника Мессершмидта. В том же дневнике 4 мая 1723 г. рассказывается, что у красноярского воеводы Д.Б. Зубова, «могильного золота, по словам золотых дел мастеров, очивавших это золото, было более чем на несколько тысяч рублей», благодаря чему доктору «не удалось добыть там ничего курьезного»; тот же путешественник в другом месте дневника замечает, что из могильных древностей ему весьма хотелось приобрести красивого шайтана из желтой меди в виде полузверя и полчеловека, бывшего во владении нарымского воеводы Ф.Е. Кашинского, но после разных отговорок воевода сказал, что «он сам хочет послать его в Тобольск к

* *Словесог. Истор. обзор. Сибири.* I. 1886. С. 304.

** Записки Зап.-сибир. отд. Русск. Геогр. общ. Кн. VII. 1885. С. 10-11. Вообще народная фантазия присваивает князю Гагарину владение огромными богатствами, о которых, между прочим, поется в одной из бывших песен, записанной в Камышловском уезде А.Я. Кокосовым (Чтен. в общ. истор. и древн. Кн. З. 1877. С. 104-105).

князю Гагарину*^{*}. По замечанию путешественника Гмелина (в 1735 г.), в числе могильных редкостей другого Красноярского воеводы был вырытый из кургана род подноса и небольшой горшок из серебра под золотом; на подносе были изображены разные фигуры**^{*}. В нашей столетии случаи обладания подобными могильными находками встречались между полицейскими чинами, которые иногда даже сами разрывали курганы. По рассказам покойного Н.А. Абрамова, один из бывших заседателей Кокчетинского округа (нынешней Семипалатинской области), разрывая древний курган, открыл в нем могилу, которая была выложена из глинистого сланцевого камня, покрыта внутри алой краской и закрыта плитами из того же камня; в могиле найдено было мелких золотых украшений 19 золотников. В 1853 г. в Туринском округе одним заседателем также в кургане найдено несколько серебряных вещей***^{*}. Подобные случаи обладания чипов полиции могильными находками, часто даже весьма значительными (как, например, целыми коллекциями вещей каменного века), были сравнительно и в недавнее время — 60—70-х годах****^{*}.

Многочисленные случаи кладоискательства подали правительству повод к некоторым особым распоряжениям относительно кладов. Случаи преследования сибирских кладоискателей встречаются еще за время царя Алексея Михайловича. Упоминаемый выше Крижанич из своего житья-бытья в Тобольске рассказывает такой случай: «У сибирских татар есть обычай погребать с знатыми людьми их оружие, серебряные сосуды и конские украшения, а иногда и деньги. Во время моего (там) пребывания умер один бухарец по имени Мурат. Молва говорила, что с ним было зарыто восемь тысяч рублей золотом. Некоторые из московских стрельцов сделали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутом*****^{*}. В 1669 году до Москвы дошло известие, что в Тобольском уезде около реки Исети и в окрестностях ее кладоискатели выкапывают из татарских могил золотые и серебряные вещи, почему правительство и задалось вопросом: от*

* Материалы по археол. России. С. 18, 10 и 12.

** *Словно*. I. С. 304.

*** Извест. Археол. общ. 1861. Т. II. Вып. 4. С. 225.

**** Тоб. губ. вед. 1892. №№ 37, 42; Сиб. Лист. 1892. № 80.

***** История о Сибири. Изд. Юдина. С. 190—191.

куда татары могли иметь золото и серебро? Ответом на вопрос послужил следующий любопытный, основанный будто бы на башкирских известиях, рассказ старца Далматовского монастыря Лота: «В уездоме де дистрикте за каменными горами при устьях рек Уфы, Талия и Яйла в горах бесчисленное количество золотых и серебряных руд обретается, и в прежние времена старинные сибирские татары и калмаки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавляли, что де и ныне те признаки плавильных печей и копаных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины, которая была в полону в уезде царевича Ручюка и оной от року имелось более ста лет, уведомились, что в древних летах оные люди, которые в тех местах жили, оленную руду копали и плавляли». По рассказу Лота, в укзанные им местности были командированы из Тобольска «служилые люди», по расследованию которых приведенные сведения будто бы и подтвердились; оказалось, что вблизи горы, лежащей около реки Тасми, впадающей в Вай, находится башкирское копанье, жигели которого добывают в горе руду, выжлавая из нее золото и серебро и «таинным образом продают российскому народу по 12 рублей пуд»².

Это темное дело разъясняет нам рассказ того же серба Крижанча, где упомянутый старец Лот является действующим лицом под именем Иова. По этому рассказу, проживая в одном монастыре, лежащем на реке Иогги, Иов стал известен тем, что вылавлял из руды, добываемой им из соседней горы, серебро и продавал его по частям и слитках; в действительности же находил его при помощи колдовства в древних могилках. Прибывший в то время в Тобольск воевода, как говорят, носил кольцо, в котором заключалась дьявольская сила. Получив сведение о руде, добываемой Иовом, воевода не замедлил дойти на монастырскую гору большое количество камней, которые действительно биселли, как серебро, но в сущности были простым «талыком». Дело дошло до царя, которому воевода донес, что в Сибири есть гора, где много камней, имеющих вид серебра, и что некоторый монах многократно вылавлял из них серебро. «Узнав об этом, — говорится далее в рассказе, — царь немедленно послал гонца в Саксоинию и велел пригласить оттуда какого-нибудь искусного рудокопа. Таким образом,

² Известия Археолог. общ. Т. V. Вып. I. 1865. С. 38–40.

прибыл некоторый тайный чернокнижник из числа тех, которые называют себя братьями розенкрейцерами. Немного спустя был выслан в Москву и сам воевода: ему было приказано представить хваленый камень, чтобы рудознатец в присутствии царя испытал его добротность. Воевода для каменья тот взял его, положил в огонь, растолок, подверг действию огня и расплавил. При опыте присутствовали царь и первый из его советников; они, не спуская глаз, наблюдали за тем, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатец представил им две три, найденные на дне, унции серебра. Но все это произошло благодаря обману, заранее условленному между двумя вышеописанными чернокнижниками: воевода преследовал и проделывал этот зловещий камушек буравчиком, а соседкину наполнил серебряным песком и искусно прикрыл ее тем же камнем; рудознатец же, будучи соучастником в обмане (и ему было выгодно обмануть царя, чтобы таким образом далее пользоваться щедрым жалованием), никак не осмотрев камня, поспешил его растолок, чтобы нельзя было заметить скважины и обшаружить обман. Итак, царь послал этого самого рудознатца к вышеупомянутой сибирской горе, дав ему в помощь других товарищей того же ремесла в два отряда по два человека*. Пробыл там в течение года или более, они перекопали всю руду, плавляли ее и переплавляли, но не выплавляли серебра ни капли. Итак, до смерти записки плетью вышеупомянутого обманщика монаха (так как и он по приказанию находился при них), они возвратились в Москву. Воевода же вскоре погиб, убитый разбойниками, а рудознатец был лишен жалования и некоторое время во всеобщем презрении проживал в Немецкой слободе**.

* Д. Тызиков. Обзор иностран. известий о Сибири XVI в. // Сибирь. Сбор. 1887. С. 116. — Автор предполагает, что этот рассказ касается неудачно окончившихся в 1672—1674 гг. разведок руды в Сибири посланцами из Москвы дружка дьяконом Яковом Тем. Хатрово.

** История о Сибири (см. список * на С. 176 настоящего издания). С. 180—191, 193—194. Известный Сибирский помещик в свое время эту «историю» в «Сиб. вестн.» отнес к рассказу Козьмыича сиверцакича. Но его словам, в отсылках дрявах сибирских могли (курсивом) кладовщики не могли встретить матушкиной, так как на некоторых местах заключены воеводы некие, а в чистке была выделана орошение камня, для наложения груды камней, на многих же росла дрява и кустарники, хотя последние могли находиться часто в бесплодных пустынях, не произраставших ничего, кроме сухой оловянной травы. * Но в отсылках богатых могла от бедных, гробоводцев имела пос.

Обращаясь к колдовству сибирских кладоискателей, мы должны, однако ж, заметить, что старая Сибирь была известна вообще за страну, сильно зараженную суевением, тем не менее сведений о приемах, употреблявшихся сибирскими колдунами при отыскании кладов, до нас дошло весьма немного. С этим, впрочем, мы еще посполохоемся, и теперь продолжим перечисление тех мероприятий правительства, какие касались сокращения хищнического кладоискательства.

При Петре Первом правительство смотрело на клады, как на богатство, ему принадлежащее. В 1721 году, когда последовало от сибирского губернатора князя Черкасского дописание о золоте, найденном в могилах, издан был известный указ: «Курioзные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящую ценою и, не переплачивая, присылать в Берг и Мануфактур-коллегию»⁸. Сообразно взглядам великого преобразователя, принимала равные меры к уменьшению самовольного кладоискательства и местная сибирская администрация. В апреле 1727 года одна артель кладоискателей в числе восьми человек крестьян Малышевской слободы (Кузнецкого округа) «пошла на степь бугровать и бугровала до июня месяца, и пошла назад в оную слободу, и будучи у озера Горшкова, искала уток лесных и разошлась в рощи; и наехала на них на том озере казачья орда киргизов и взяла их в потов всех 8 человек, и повелел и Шуртышу; и один из них ушел с дороги ночью, и четырех человек оная казачья орда на степи убила до смерти; и с того места разъехались, и их Ямышевской крепости солдаты и служилые люди отбили». По этому делу Сибирской губернской канцелярией 27 сентября того же года было определено: трем отбитым у киргизов кузнецким крестьянам, «которые были на бугрованье, учинить наказанье, бить батоги нещадно за то, что они ездил в степь без отпуска, и по учинении наказания выслать в Кузнецк, а в Кузнецке и в уезде о том публиковать, дабы никто под жестоким наказаньем в степь для бугрованья не ездил»^{8А}. Позднее, за время императри-

⁸ *Вещи курioзные и курioщты... Дожить дожить, а что болванить, а что естеством народомъ...* — Сиб. вестн. 1822. Кн. 3. С. 55-56.

^{8А} Полн. Собр. Зак. VI, № 2738.

^{8Б} *Доктрин. Юридическое объявл...* С. 42.

цы Екатерины II, 3 июля 1764 г. последовал особый указ сената о запрещении выходить за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов⁸, но взгляды правительства на принадлежность ему кладов изменились: на клады, как и все богатства, сокрытые в недрах земли, распространяется право собственности владельца земли, что было особо подтверждено и жалованною грамотою дворянству⁹. В 1803 г. 7 октября был издан указ, в котором сенат изъяснял, что клад без позволения владельца земли не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может¹⁰. В десятом томе свода гражданских законов по изданию 1832 года сказано, что «клад принадлежит владельцу земли», и при том объявлено, что «клад есть сокрытое в земле или строении сокровище»¹¹. В издании того же свода законов 1842 г., т.е. чрез десять лет, повторена снова эта статья о праве владения кладом, но из определения понятия «клад» опущены слова «или строении»¹². Этот же закон о праве владения кладом вошел и в издание свода 1857 года.

Но для сибирских кладоскателей, за редкими исключениями, приведенные распоряжения оставались, видимо, мертвыми: среди бесчисленного множества древних могил или курганов, разных городищ или древних укрепленных пунктов и, наконец, следов древних рудных разработок им казалось выгоднее прислушиваться к местным преданиям об этих богатых памятниках неопамятных времен, чем исполнять требования закона.

III

Народные предания Сибири за хранилища кладов считают больше всего «чуждые могилы». Главное предание в этом случае сводится к тому, что в Сибиря золото до прихода русских жила белоглазая чужд¹³. Она занималась в горах добычею золота и серебра. Перед походом Ермака в чуждской земле стала расти береза, которая до того времени была неизвестна. Шаманы объяснили это явление тем, что скоро придет воины белого царя и покорят чужд. Она испугалась

⁸ Полн. собр. зак. XVI. М. 12195.

⁹ Полн. собр. зак. XXI. № 15441.

¹⁰ Полн. собр. зак. XXV. № 20958.

¹¹ См. ст. 369.

¹² См. ст. 398.

и зарыл себя живою со всеми своими сокровищами». Благодаря этому о некоторых сибирских курганах, имеющих наверху ямы, в народе существует убеждение, что такие курганы осели вследствие подгнивших внутри их стоек⁶⁶. Приведенное предание особенно распространено в Западной Сибири, в Восточной же Сибири оно встречается между некоторыми племенами изородцев: тулусы, например, рассказывал о похоронах их русскими, прибавляют, что многие из предков их сделали род навета, на который насыпали земли и камней, затем собрались под навес, подрубили столбы и живою потребли себя⁶⁷.

Несомненно, что рассказанное предание пережило несколько редакций, и две приведенные из них, по упоминаниям «Брмана» и «русских», можно отнести к числу более поздних. В соседнем Пермском крае предание это варьируется несколько иначе, и терские редакции его во всяком случае древнее редакций сибирских. Ни Брмана, ни березы в последних не упоминается. По записи А.Е. Теплоухова, князя и начальника чуди, жившей на западных предгорьях Урала, тесняемые русскими миссионерами и поселенцами, предпочли, — чтобы спасти свою языческую религию и умереть, как мученикам в стране своих отцов, — прокопать подземные ходы, куда они скрылись со своими семействами и окрившими, и, наконец, сняв деревянные подпорки, зарыл себя живыми⁶⁸. По другому варианту предания, в чудеских ямах при появлении в Пермской стране Свещи-угодника (св. Стефана)⁶⁹ чужд погибла не вся: «много тоже ее в лес убежало, — говорят пермяки, — мы вот теперь от этой чуди и народились»⁷⁰. В чудских ямах, по другим рассказам, скрыты великие богатства, клады, так как в чуди все были большие разбойники, которые целыми ватагами нападали на деревни и города и грабили, а

⁶⁶ Костром. Юридические обычаи... С. 42. В «Записках об Енисейск. губернии» И. Пестова 1853. С. 294—297 помещена, между прочим, сводка татарского бытания о чудских металлах в Мануйловском округе, представляющая совет великих чуди — закопаться в землю.

⁶⁷ Из донес. «Историч. сообщен. Казанскому университету», — В.И. Филаретский. Топограф. сведения о курганах Запад. Сибири. 1859. С. 31.

⁶⁸ Известия Восток. Сибир. отв. Голубицковск. области. Т. XXI. № 2. С. 11.

⁶⁹ О древне-славянских жертвенниках здесь см. «Историч. сообщен. Импер. Уральского общ. любителей естествозн. 1859. Т. VI. Вып. I. С. 28.

⁷⁰ Вестн. Европ. 1853, март. С. 235—236.

потому донег у них было видимо-невидимо. Многие обогатились от этих кладов⁸⁷. В Чердынском уезде, например, найдется два огромных массива — Золотая гора у села Аччима и Говорливая склада у села Говорливого. Обе эти возвышенности являются доминирующими над окрестностями и служат предметами многих сказаний и легенд о чужде; в Золотой горе будто бы скрыты многие чудскиеклады и сокровища, и можно слушать даже, как звенит золото, которое пересыпают духи горы в часы полнечной тишины⁸⁸.

Сооставляя приведенное предание с тем материалом, которым старается осветить туманный доисторический период древних народов Сибири наша историческая наука, и задаться вместе вопросом, кого именно разумет то предание под именем чужды, мы встречаемся с массой разнохарактерных обобщений. Заметим, что чуждь упоминается в наших летописях как многочисленный народ. По словам Миллера, «чуждь именуется на русском языке вообще первобытных жителей, ибо ежови вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, вида какое-нибудь укрепление, козину, древнее жилище, строения у жилищ, кто соорудил их, то они вам ответствуют: «Чуждь — народ, который обитал здесь прежде русских». Но к этому замечанию относился скептически уже Карамзин⁸⁹, а за ним и позднейшие историки. Не входя в оценку образовавшихся по этому поводу весьма разнородных теорий, как не относящихся к задаче настоящей статьи, мы коснемся лишь того обобщения, которое, благодаря китайским указаниям, в связи с успехами современной археологии, представляется как бы канвой, в которой можно находить узор, послуживший зародышем упомянутого предания.

Известно, что древняя Сибирь, как и все восточно-азиатское плоскогорье, была великим, редко затихавшим трак-

⁸⁷ По летописанию П. Добрытского, отъ съобьдъи състалиють, съкомъшии чючюи на р. Обьскъ, стгои делати финские племена і рогити в XIII—XV стол. — Там же, С. 296.

⁸⁸ А. В. Лавров По белу свету 1803, С. 123.

⁸⁹ Копышевъ, Истор. оуд. Россіи, т. 1. Путь, 76. Тамбовъ. И историка Филера (Сибирь, историка. 1774, С. 78 и 80) слову «чуждь» дает такое объяснение: «Финляндъ» иуд, или инъ глгоуи ильзидикъ и по явию, ко е всех народовъ, говорившихъ финскимъ языкомъ; по общему смыслу слово «чуждъ» значило у русскихъ иностранцами образомъ чуждо, или чужбому, котороу и жилище именовъи създествомъ, долже такъ же, какъ гласитъ: гори югоуи в бароу, или выше тельменъ.

ток народных эмиграции, направившихся от востока к западу. По сведениям китайских историков, самыми отдаленными от нас во времени были перекочевки с востока разных народов тюркского происхождения, а именно: хунну, следовавшие могущественными в III веке до Р.Х., затем жуэнь, позднее Туэю, Хойхой и, наконец, Хагас. Начало таяния перекочевки относится к IV веку после Р.Х. Направившись к западу, эти народы в большей части своей, естественно, должны были сталкиваться с аборигенами Сибири, положение которых объясняется до некоторой степени теми же историками. В северной истории (Вэй-Ши) говорится, что в 492 году уйгурский царь Афуджило докинул с 100000 своего народа Селенту, направив на запад и основал на верховьях Иртыша самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Иан-Хан-Тумын, царь восточных туэю, попал с севера (Алтая) на перелитавшихся к Иртышу телесов (уЙгуров) и подчинил себе Аймак, состоявший из 60000 кибиток. Под влиянием победы Тумын отправил к Анахулу, главе народа жуэнь, предложение брачного союза с его домом, но Анахун, разгневанный такою дерзостью, ответил: «Как смеявшийся ты, мой дважельный (т.е. занимающийся обработкой металлов), дерзать мне такое предложение?». Впоследствии Тумын, породившись с китайской династией Вэй, в 552 году послал войско против жуэнь и одержал над ними победу. Затем, по другой истории (династия Тжэн), между уйгурами и народом хагас велись продолжительные войны. Государство Хагас, жители которого по новейшим китайским писателям называют килкиси (киргизы), было весьма могущественно, имело до 80000 строевого войска и простиралось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея, занимая собственно Алтай.

Однако ж, владычество тюркских племен в Сибири, особенно процветавшее в IV—VII столетиях, вследствие внутренней борьбы населения постепенно слабело, пока, наконец, в XIII веке не было извергнуто стремившимися с востока народами монгольского происхождения под предводительством Чингисхана.

Таким образом, приведенные сведения указывают нам время, когда тюркские и монгольские народные волны попали в Северную Азию; по географическому же расположе-

нию туземцев на севере Сибири можно думать, что до этого времени две упомянутые волны таким же образом вторглись с юга на Алтай. Это племена енисейцев и угро-самоедов⁹. «Так как последние, — говорит автор любознательной статьи «Аборигены Сибири» В.В. Радлов⁸, — принадлежат по языку к семейству урало-алтайских народов, то угро-самоеды в прошлом времени жили, без сомнения, близко от тюрко-монголов, и не без основания можно полагать, что они принадлежали к тому племени, которое до тюркских племен удалилось с древнего местожительства урало-алтайцев. Из этого следует, что енисейцы, совершенно отличающиеся по языку от урало-алтайских племен, собственно самые древние жители Сибири. Это доказывает в малой степени енисейцев, которые собою совершенно исчезнут. За енисейцами же, может быть, во времена народа Хунну, т.е. до начала пятого доисторического исследования племена угро-самоедские. Что самоеды действительно перешли через Алтайский хребет, доказывают уже издавнашние, живущие на правом берегу Енисея; койбалы, которые только в начале прошлого столетия переселились с Саянских гор в покинутую киргизами Абаканскую долину, и, наконец, некоторые племена саянцев, которые все без сомнения, сямоедского происхождения». Многочисленные археологические исследования, произведенные в Сибири в 1860-х годах и позднее, особенно же исследования тех копеек, которые упростили за собою название «чужеских», оставили В.В. Радлова на мысли, что угро-самоеды во время переселения в упомянутые местности знали уже употребление металлов, благодаря чему этот же народ оставил нам и все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовому периоду, т.е. тому времени, когда еще не было известно употребление железа. «Разрабатывая землю, — говорит академик в другом месте упомянутой статьи, — глубина этих шток следовала за направлением геологических шток, которые поднимаются из глубины к поверхности земли. Все штоки наверху шире чем внизу; недостаток в инструментах заставлял работать большую частью на поверхности земли. Глубина штоков нигде не превышает 7 сажень. Хотя угро-самоеды и умели подрезать свои копья (и кинжалы на яма

⁹ *Известия* России. 1864. Т. XI. С. 1, 8 и 9.

находились деревянные крепи в потолках камер), но они все-таки, как кажется, не были опыты в искусстве установления крепей, так как нередко их столбы проваливались и работники погибали, что доказывают нам встречающиеся в коих скелеты и сукки с рудой. Громадное количество чуждских копей свидетельствует о значительном распространении горного дела, так что угро-самоеды добывали не только необходимые для своего употребления металлы, но и вели ими обширную торговлю. Для расплавления медной и железной руды угро-самоеды имели в разных местах Алтая и Саянских гор плавильные печи. Следы таких печей приходилось встретить очень много, особенно при устье реки Шулбы, впадающей в Иртыш*.

Легко может быть, что скелеты древних сибирских плавильщиков, мирно почивавших в своих случайных мстилах на пластах богатой руды, послужили в приведенном выше предании олицетворением той белоглазой чуди, которая в испуге от неприятеля зарыла себя живую. Нелишне заметить, что во народных понятиях эта белоглазая чуди, или те «чудики», которые хранят свои клады, всегдажно оживают, лишь только кто нибудь приблизится к их сокровищам. Последнее подробностью упомянутое предание дополняется в Томской губернии, там говорят еще, что вид этих чудиков до того ужасен, что некоторые смельчаки, разрывавшие могилы их, выходили оттуда совершенно помешанными и не могли поправиться во всю жизнь**.

Наряду с общераспространенным преданием о кладах, оставшихся чуди, в Западной Сибири существует немало преданий о кладах, относящихся ко временам татарского владычества. Подобно «чуждским миглякам», большинство кур-

* Там же. С. 11 и 12. По словам А. Е. Тешенкова (Вятские Уральские общества любителей естествозн. Т. VI. Вып. 1. С. 29), до сих пор и безымянный река Камы не открыто ни одного кладовища с кладами, и вышеупомянутое предание о чуди, быть может, зиждется на том, что в Алтаеиных горах, в окрестности на Уральских, найдены при раскопках серебряные и медные рудники. Они были давно известны местным жителям под именем «чуждских» копей и во время заселения страна русскими служили поводом к заговору «чуждских толков» чуди. В этом отношении особенно замечательна на Урале Гумашевский рудник, в 53 в. в югу от Екатеринбург, описанный Чупыным (Географ и статист. словарь Перм. губ. С. 417—423).

** История Юрлявских обычаев, С. 48.

ганов, скрывающих эти клады, давным-давно и в некоторых местностях даже по несколько раз были разрываемы кладоискателями. Приведем из этих преданий более любопытные.

В восьми верстах от нынешнего г. Кургана на живописном левом берегу р. Тобола, там, где до города была первоначально, около 1863 года, основана слобода Царев горюхице, выделяется искусство местных, азымаемых чыжыми Алгинским, или Знаменным яром. Здесь в древности имел свою юрту один знаменитый из татарских или нагайских ханов. В семействе отличался необыкновенною красотой дочь. Судьбе угодно было прекратить ее жизнь в летах расцветавшей молодости. По смерти родители похоронили малое дитя вблизи своего жилища и над могилой приказали насыпать высокий земляной курган. Курган этот известен под именем Царева. В первый раз русские кладоискатели разрыли его еще до водворения своего в Сибири, и в нем найдены были серебряные сосуды, дорогие украшения и разные вещи. При таких поисках будто бы погребенная под курганом царевна, не могшая выносить нарушения покоя, принуждена была оставить свою колыбель. В одну легкую ночь, когда кладоискатели разрывали курган, вздрог из глубины его на окованной серебром колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, показалась юная девица-красавица с распущенными волосами, в блестящем разном камешьями головном уборе и богатейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницею утонула в глубине Чулымского озера, находящегося в незначительном расстоянии от кургана*. Есть сведения, что в XVIII столетии до открытия в Тобольске наместничества, когда Курганский округ подчинен был Оренбургской губернии, оренбургский комендант Меццкерский, начиная с Царева кургана, разрыл еще несколько курганов, но что попал в них ^{ничего не нашел}²⁷.

В двадцати верстах от Тюмени, кругом Андреевского озера (влево от тракта на Омск), до сего времени сохраня-

* Имя Царевки. Археологическое общество. Т. II. Вып. 4. 1863. С. 224 и 226.

²⁷ Там же. С. 224; Тоб. губ. вел., 1864. № 5. — Курганский округ вообще изобилует курганами. Они описаны в ст. Р. Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе», помещенной в Тоб. губ. вел., (1873, №№ 18—22, 24 и 25). Царев-курган еще после раскопки Митревского описан был и Паллаком в его «Путешествии по России».

ются следы находившихся тут когда-то древних городков⁹⁹, где также хранятся клады. Местные татары относят эти городки к глубокой древности, а сооружения их приписывают какому-то дьяволу-Фурьям. Считают, если внутри какого-то городка идут по числу этих фурей. «Здесь жило сорок злых духов», — говорил И.И. Слопцову, осматривавшему следы одного из этих городков местный татарин Урман, — а вот на Пышме против Мулаши — там много, старики называют, семьдесят семь». Воображение татар, вероятно, и в настоящее время населяет эти городища сонмом злых духов, так как после каждого посещения их они окуливаются. Окуливание делается женщинами с той целью, чтобы злой дух не проникся в комнату вместе с хозяйкой¹⁰⁰.

На месте старой татарской столицы Сибири Искера вблизи Тобольска сохраняются будто бы клады известного сибирского хана Кучума, бросившего здесь часть своего богатства. Миллер говорит, что «окольные российские жители, идущие пахать в земле пожитков, вдед глубокие дыры пополати, из которых некоторые изаодом трудилсь»¹⁰¹; то же подтверждает и другой сибирский историк Фишер¹⁰². Позднее любитель-археолог М.С. Знаменский между следами старого Кучумова жилья видел, между прочим, колодезь, который некоторые считают подземным ходом; тут-то, говорит предание, и спрятаны ханом некоторые из своих пожитков. По словам одного старика, этот колодезь сверху обложен был каменными плитами. «На моих памятях, — говорил этот старик в 1880 г., — эти плиты алямовские крестьяне разобрали себе в печи, да, видно, зарок был у татар палсжеи: все перемерзли, которые плиты-то взяли... не приведи Бог и богатство его искать»¹⁰³.

По преданиям тобольских татар, немало дорогого имущества Кучума сохранило в местах старых городков, находившихся в ближайших к Тобольску окрестностях, где жили некоторые из жев хана. На одном из этих городков, следы которого находятся на крутом обрывистом берегу Иртыша в 7 верстах от Тобольска, где жила царина-красавица Суз-

⁹⁹ Занин Зен. Сиб. оя. Рязк. Гезр. обш. Кв. VII. 1885. С. 32.

¹⁰⁰ Миллер. Отч. Сибир. царства. 1760. С. 133-136.

¹⁰¹ Фишер. Сибир. ист. 1774. С. 132.

¹⁰² М. Знаменский. Исслер. Тоб., 1891. С. 8.

го, в темные ночи нередко видится огонек; по другим же рассказам — над обрывом горы видали даже всадника на отпущенном коне⁵.

Но самая значительная часть богатств Кучума заключается в кладках, хранящихся в могиле его. Предание об этом записано в 1862 году в Кузнецком округе Томской губернии со слов крещеного татарина Алексея Малькова, считающего себя потомком Кучума. По словам предания, когда Кучума вытеснили из Искура, то хан поселился на реке, называемой ныне Кучу-Мында (Кузнецкого округа в Алтайском крае). Кучу-Мында течет из высокой горы Абат и впадает с правой стороны в реку Тайдаи, а эта последняя с правой же стороны в реку Тохь. Здесь-то и окончил свои тревожные дни побежденный русскими удалыми хан и похоронен с женой девцой, а над его женой насыпаны три кургана (пирами). Средний пирам больше остальных: под ним находится самая могила Кучума, под двумя же боковыми зарыто его имущество. Эти курганы местные ясачные (Алтайской инородной управы) инородцы хотели было разрыть, но побоялись^{6, 7}.

К северу Западной Сибири татарские предания о кладках сменяются русскими. Эту преданий немного. В большинстве случаев старые владельцы богатств, заключающихся в этих кладках, русскому человеку неизвестны: он знает одно, что кладки эти есть, но добыть их никак-то — мешае «мечистая сила». Таково, например, предание о кладке, хранящемся на старом городище села Самаровского, в 500 верстах к северу от Тобольска.

«Давно это было, если верить старикам, очень давно. Был самаровец на одождерке, кадык, с покоса. Глядит наверху того, эвои, что белеет Городищенского мыса, горит матеря (большая) свеча. Испугался он. Что за напасть! Докуль (пока) живу, экого дива не видывал! Приехал в село, скликал народ, рассказав. Покачали головами самаровцы:

⁵ Тоб. губ. вед. 1882. № 34. — Горкии жон Кучума описаны в ст. П. Абрамова «Альрейская гора», помещенной в «Тоб. губ. вед.» (1862. №№ 21—22). Обширны и довольно подробно описаны с точки зрения местных татар в городском переносе Сузга рассказан много недавно в стихотворении «Учи Сузга», помещенном в газете «Восток» (1896. № 188).

^{6, 7} Ф. Гудков. Могила Кучума. (Из рассказов старожилов). Сибир. вест. 1889. № 79.

дивья бы (будь бы) он пьли был, баот, а то мужик тверезый, основательный! Побежали на гору — там ничего нет; вернулись назад, посмотрели с реки — в сам деле (действительно) свеча горит; овать на гору — там овать ничего, и так кож-ный раз. Прошло ни много ни мало, деп восемь, ехал другой самаровец с переметов (рыболовные довшушки), глядь — на Городищенском мысу, на том самом месте, где видели свечу, белая девка на золотом коне ездит. Он даже перекрестился со страху. Приехал в село: так и так, ребята! «Да ты не врешь, парень, взыболъ (в самом деле)?» — «Что вы, братцы, зачем вреть! И не таковский». — «Эка ваха (беда)! Не к добру это... право слово, не к добру!». Пошлидеи с реки — и алрхъ девка ездит, побежали на гору — ничего нет. Ну, шрамо ска-зать, то же, что со свечой выходит. Смекнули они, что дело нечисто; думали да думали, судили да рядили и порешили миром: зарыт этта-ка (здесь) клад, и клад очень большой! Но клад, известно дело, просто не дается. Послали за знахарем: как быть, что делать? Тот поащад-поворожил. «Надо, — баот (говорит), — выкоп белей делье дити — али девчонку голову, али копанью». Самаровец предпочел отдаленной копанью головой. Убили на том самом месте под заклинатня анхаара кошку и принялись отрывать клад. Много дней копали они яму (а копать, по словам знахаря, можно было только днем, до заката салища) и зыкопали яму глубокую-преглубокую. «Ну, — сказал однажды знахарь, — сегодня больше работи, медься — нора и поппабить (закончить). А завтра придете и копните, теперь всего какой-нибудь аршин доковыя оста-лось». И попутай в эту ночь «нечистый» одного на копан-ных кладах... «Если дождусь до утра, — подумал, — мне дос-танется одна тольто петь (най, часть), а пойду сейчас — за-получу весь клад... неужто за ночь аршин земли не доко-паю!». Пошел он на Городищенский мыс, спустился в яму и принялся за работу. Умаялся парень копать, но и отдыхать не думал, тем более что лопата уже звенела о что-то металли-ческое. В ту же минуту ная головой его раздался громовой удар, он поднял голову и обомлел, выгустив из руж лопату: белая девка на золотом коне стояла над ямой, зноеще свер-кая очами; конь ударил копытом в верхний край ямы, и на голову аляного ослушника обрушились глыбы земля... Ког-да поутро самаровцы пришли докапывать яму, она оказа-

лась засыпанной, и знажары, рассказав о гибели товарища, закрили им, что беляя девка теперь осерчала и потому вторично копнуть клад бесполезно: он не дастся в руки. Много спустя лет, почтвая (пожалуй), шестьдесят тому назад пробовали самаронцы еще раз копнуть горющенский клад, но и на этот раз как-то не пофартило»².

В Кетской волости Томского округа, саженях в 40 от выселка Курино, находится курган вышиною до 1½ сажен, в окружности около 40 сажен. Местные крестьяне уверяют, что если ударить по кургану чем-либо тяжелым, то по звуку кажется, что внутри его существует пустота. Здесь будто бы похоронен был заколдованный богатырь и вместе с ним клад. Лет 30 тому назад они пробовали раскопать курган, но во время этой попытки у них вышло градом весь хлеб, после чего никто уже не рещался снова прнятья за расколку из суеверного страха**.

Оставляя север Западной Сибири, послушаем преданий о кладах в южных степных ее окраинах. Это предания, которые оберегла нам память киргизов.

² Сибирск. вестн. 1898. № 126 (статья «По Оби и по Иртышу»). — Некоторое количество деталей, особенно в отношении выкупки самаронцами горющенского клада, содержится в одном летописном издании, принадлежащем в Омске. губернии. Одному чернорабочему, шедшему поздно вечером вблизи урды, в таком месте приселелось, куда не может ступить человек: земля была ему прически необъясненно алыгата дик, номакыла шитт поаодая бажия, он заметил на воде огромный плавающий сундук, крышка которого быстрее открывалась, и сундуку оказалась маленькая черепашка; на самом же издании сундука сидела дика в распухших златообразных и скоро принялась чистить их, а на другом конце сидя прекрасный юноша с мечом. Сундук поднялся в предложаему так бажия, что он мог достать его былыми у него совком. Оробев сначала, черепашечный споро, однако же, оправдался, захватил совком несколько черепашек и выбросил их во берег. Тут дика вступила с ним в разговор и сказала, что можно залая дичь и целым кладом, но надо лавить, для этого 12 суток. Изловить это рыбачему вышавалось невозможным и, на третий вечер, он сел на претепел и с сундуку совком, но юпола удадил по нему мечом и отрубил конец совка. «Рауны! — сказала дика. — Много ли труда стоило тебе лавить двенадцать кур, воробья или даже мух, вот бы и залаяла мясом, уже столько отчитай на берегах его, но ни слова не написано покорногого!». С этими словами стало темнеть, сундук с большим шумом закрылся и исчез в воде. Работник от испуга бросил и с распухшим концом с женой своим спрыскался на это место. И что же? Нуду как был заросший травом, так и есть, но вода плазает отрубанный конец совка, а на берегу в траве лежит несколько черепашек. Место это диковацы считают заколдованным — Жив. Стор. 1890. Вып. I. Сибирск. С. 16-17.

** В.М. Флоринский. Топограф. свед. о курганах. С. 69.

По одному из таких преданий, в 10 верстах от устья реки Калмыра, текущей большими водопадками из озера Марки, около вытекающей из нее речки Карамодона есть довольно обширное укрепление, обнесенное стеной, сложенной из нежженого кирпича. От этого укрепления в 20 верстах, в обрывистой высокоими стремнинами камешной горе сохранилась закладенная в пещеру «калмыцкая поклажа», состоящая из дорогих металлов и камней на большую сумму, которая похищена была калмаками в то время, когда по возмущению против китайского правительства джунгарского князя Амурсацы они бежали в русские пределы. Место это называется «кайма», т. е. поклажа⁹⁷.

По другим преданиям, вблизи калмыцкого клада при речке Тарыке, впадающей справа в Иртыш, в высокой и крутой горе Бокорбае находится три пещеры, одна над другой. В нижней пещере когда-то найдена была каменная доска с высеченными на ней монгольскими буквами. По этим буквам догадывались, что около тех мест в древности жил монгольский князь, по смерти которого тело сожжено, и прах его положен в чугунную большую чашу, причем тут же положено было на большую сумму из его имущества дорогих металлов и камней. Впоследствии эта чаша занесена в верхнюю пещеру, до которой будто бы некоторые из смельчаков выускались на веревках. Железы воспользовались склдом, но по суеверию и предрассудкам удерживались от похищения⁹⁸.

Некоторые заметили, что киргизы так же, как и другие инородцы Сибири, преданы знахарству и чародейству. В преданиях о сибирских кладовых местах упоминаются, между прочим, и киргизские знахари. Так, в 1850 г. один из таких знахарей, оказавшийся киргизом Кокбектинского округа Манжором Елемесовым, проезжая по деревням Чарышской волости Бийского округа, вывалялся пошаманить крестьянам деревень Пустьмики, Чагырки и других, не скрыто ли клада в большом кургане, находящемся вблизи этих деревень. Местные крестьяне обрадовались, напоили киргиза вином, дали ему денег, и он стал шаманить. Невидимые духи передали

⁹⁷ И. Абдулов. Озеро Нур-Забеган с его окрестностями, /Тобольск. губ. вед. 1860. № 21. С. 159.

⁹⁸ Там же.

шаману, что в кургане лежит несметное количество золота. Крестьяне оставили все домашние работы и принялись за разрытие кургана, но были остановлены местным начальством: их едва было не превратили суду за преступление против веры, так как они участвовали в шаманстве⁴.

Любопытны также предания о кладках, существующие в Барабинской степи. Об одном (Маслихинском) кургане рассказывают, например, что какие-то приезжие люди копали его и откопали золотую телегу, но она ушла в землю. Передается также рассказ, что одному крестьянину-рыбаку во сне явился старец и приказал копать курган, где он за тремя чугунными дверями должен был увидеть красавицу и забрать золота и серебра сколько угодно. Когда рыбак начал копать курган, то действительно встретил в подземелье красавицу, окруженную сокровищами; красавица велела ему отыскать трех Иванов Ивановичей, детей одного отца, принести голову одного из Иванов⁵, и тогда только доставит ему виденные им сокровища. Рассказывают еще и так: девушку-наревну, окружив сокровищами, схоронил ее отец-хан. Она сидит на богатом стуле с распущенными волосами и с золотым гребнем в руках. Она так прекрасна, что увидевший ее не может устоять, чтобы не подкапывать, а подкапывая, не косячит себе ногу или попорочит в отчаянии и злобе себя его гибелью. А если он дотронется до гребня или до кольца, то раздастся гром, и каждаоскателю по-прежнему очутится на поверхности кургана с заступом в руках⁶.

Но едва ли не самая большая коллекция преданий о сибирских кладах распространена на время походов в Сибирь старшего разбойника Ермака и удалых его подвизников. Последние предания тем любопытнее, что находят себе подтверждение в трудах первых сибирских историков. Послушаем и этих преданий.

⁴ Кюльдер, *Этнографическое описание*, С. 48-49.

⁵ Истории удалось добыть только быльезе еще издатель: Там, в Вологодской губернии (в Грохне Кашинской уез. Кашинского уезда) в местности «Повалия» урочище существует село — воеводское село не имевшее никакого особого имени — для содержания государственных крестьян. И в этом, не упоминаем ни урочище, ни подурочище, и время того, на каком именно году, и в каком году воевода Соборный дворянин не указали. — *Журнал Губерн. 1857*: Вып. II, с. 118.

⁶ *Т.И. Пашков, Барановский летописец*, Т. XI, С. 131.

IV

Раздольное Поволжье с его темпыми лесами, высокими горами и глубокими оврагами, где когда-то проходили свои пику шли бы смелых русских разбойников, как известно, жоспитало в той же среде разлукамой волыжцы и будущего лавоенателя Сибири. Там, по многоводным притокам Волги, представлявшим удобные притоки беглецов, по довольным господствовавшим порядком дел старой Руси, жива и доселе еще память об атамане Ермаке Тимофеевиче и есауле его Иване Кольцо: в нынешнем Сызранском уезде Симбирской губернии, при так называемой Самарской тупе, память эта увековечена называнием двух сел — Ермакова и Кольцова, а других же местах ее передает ипотомству в приотковине украшенной форме, народные предания о кладах Ермака.

Продолжение подобных преданий, служивших часто приманкой к местам кладов славного Ермака сибирских кладовискателей, мы находим как на местах столиц удалого атамана во время передвижения его с ратьей на Сибирь в нынешнем Пермском крае, так и в бывших владениях сибирского хана Кучума, или нынешней Западной Сибири.

По реке Чусовой, в 34-х верстах ниже Кыновского завода, при устье речки Ермаковки, возвышается и доныне известняковая скала около 25 сажень высотой и 30 сажень длиной. Эта скала называется «Ермак-камень» и заключает в себе обширную пещеру, разветвленную на множество гротов. Предание говорит, что во время своего похода в Сибирь Ермак зимовал в этой пещере и похоронил в ней свои сокровища. По поводу этого предания в истории Миллера встречается такое замечание: «Если словесному преданию тамошних жителей верить, то Ермак до походу своего в Сибирь уже так богат был, что он заботливо не рассудил все свои сокровища с собою вести, но омые сохранил в пещере, которая в камне при реке Чусовой около лозовины вышлены его находится, в том намерении, что он возьмет оныя, когда из Сибири возвратится. Сей камень и поныне для памяти того дела называется Ермаков камень». Во времена Миллера в 7 верстах от этого камня была деревня Коцкия, которую населили крестьяне Строгановых и вогулы, приписанные к Верхотурскому уезду, между которыми написаны

люди, бывавшие в упомянутой пещере. По рассказам историка оказалось, однако ж, что эти удальцы, «помеже камень стоит утесом, а отверстие пещеры есть от реки, то они сверху того камня до самого отверстия на веревках спустились и, вопреки, нашли пещеру весьма пространу, токмо следы находившестся там окрившца ниваных де вдалы»⁶¹. Очевидно, расклевачики не были уже первыми посетителями заманчивой пещеры, скрывавшей в себе, по предположению Миллера, пожитки Ермака «от повольских разбоев» и частью «от первого зимнего похода».

Кроме «Ермак-камени», в Пермском крае находится несколько «Ермаковых городищ», из которых в двух ирландская Флоренция считает также «нахождение дорогих кладов».

Первое городище⁶² находилось в северо-восточной части Кузнецкого уезда, на реке Серебрянке, при впадении в нее р. Кокуя. Тут была стоянка Ермака с казаками в течение зимы 1579—1580 гг., по окончании которой с наступлением весны он перешел Урал и, идя далее берегом реки Журавлинка, достиг до речки Баранчи, по которой плыл уже на плотах в реку Тагил. В екатеринбургском горном архиве имеется дело 1708 г. по делу «о Кузнецкий завод бергмейстера Клеопина», горного офицера, из дневника которого видно, что упомянутая стоянка Ермака была «в крепком месте, между двух рек в мысу, и от свободной стороны было два рва, кои (и) ныне значат, шириною не меньше 3 аршин, глубину 1½ аршина; внутри их и по всему мысу великий ельщик и березник вырос, и тут же копыа былили ямы, зинто для каких посылка»⁶³.

Второе городище⁶⁴ находится в Верхотурском уезде, в 16 верстах от Нижнетагильского завода и в 4 верстах ниже впадения в Тагил реки Баранчи, при устье реки Медведки. Тут виден ров, который тянется параллельно с рекою на 36 аршин, а потом поворачивает под прямым углом и идет в том направлении на 24 аршина. Внутри находится пять ям. По преданию, тут было укрепление, построенное Ермаком с дружиною после того, как он, перейдя через Урал, поднял на плотах по Баранче и достиг Тагила. Академик

⁶¹ Миллер. *Опис. Сибир.*, изв. 1756. С. 101.

⁶² Чудинов И.К. *Географ. и статистич. словарь Пермской губ.* 1873. С. 481—486.

Паллас, осматривавший это городище в июле 1770 г., между прочим, говорит: «Внутри рва выкопана четырехугольная двухсаженная яма полутора аршина глубиною, а две, кажется, наподобие погребов или подземных жилищ, вырыты одна базис самого рва, а другая саженью в 25 от ручья Медведки и саженью в 40 от Тагала; последняя саженью три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовым погребом служила, в коем при отъезде прятали добычу и тяжелые припасы»³.

Из кладов, оставшихся после военных схваток Ермака с татарами, предания считают более богатыми клады, зарытые около устья Туры и где-то вблизи Бегичевского озера.

Плывя весной 1581 г. устьем Туры, Ермак при впадении этой реки в Тобол имел жестокое сражение с шестью татарскими князьями, продолжавшееся несколько дней. Главными из этих князьев были Кашкара, Варвара и Майтмас⁴, имена которых сохранились и до настоящего времени в названии трех татарских селений, расположенных в Интуровском округе по тракту на Тобольск. Здесь побито было множество татар, одержав полную победу. Ермак «столько получил добычи, что не можно было всею с собою в судах везти, по некоторую часть принужден был закопать в землю»⁵.

В незаполучный поход из Искера вверх по Иртышу, окончившийся смертью Ермака, храбрый атаман имел кровопролитную битву с татарским князем Вегичном. Место это находится в нынешней Бегичевской волости Тобольского округа. Здесь Ермак также «получил в добычу множество богатства и великое число всяких съестных припасов, которые он до своего (несостоявшегося) возвращения приказал накопить в землях»⁶.

Подобные же предания не оставляют без кладов и некоторых других мест, иногда даже и таких, в которых Ермак вовсе не бывал. Так, около деревни Новофилипповой, в 52 верстах от Тобольска по тракту на Березов, на возвышенности до 5 сажень вышины видны следы укрепления, внутри

³ Там же. См. также заметку П. Калашникова «Память о Ермаке в Пермском крае» (Истор. вестн. 1881, вып. С. 210—212).

⁴ Миллер Опис. Сибир. царства. С. 111; Филлер. Сибир. истор. С. 122—123.

⁵ Миллер. С. 183.

которого находится несколько ям, вблизи же укрепления видны два кургана. Последние не были оставлены без внимания со стороны кладовскателей, и в них находили жемчужные шары, утюжки и кузнечные слитки и другие вещи из чугуна с изображением человеческих и птичьих голов⁴⁴. Народ считает эти курганы чудесными, а укрепление татарским, сделанным для защиты от нападения Ермака. В 50 верстах от Тобольска, вверх по Иртышу к Омску, на бугре, близ так называемой «Ермаковой перекоси», также видны остатки укрепления, называемого Кысым-тура (девичий город)⁴⁵. Говорят, что место это названо так в воспоминание подвига тех татарок, которые во время поражения мужей их Ермаком выносили сюда землю и сделали ямы, да мочерам и спалили себе и спор имущество. Ближе к Тобольску, в 25 верстах от него и в 1 $\frac{1}{2}$ версте от деревни Пичнеярковой, при речке Козловке видны следы валов и рвов; по преданию, здесь таилась со своими детьми и сокровищами по время приближения Ермака к Искеру жена сибирского хана Кучума Сямбула. Такие же следы валов существуют в 29 верстах от Тобольска между речками Аславиной и Белкиной, вблизи деревни Загавайной и во многих других местах, особенно в Тобольском округе⁴⁶.

Кроме приведенных преданий, между простонародьем Западной Сибири существуют еще предания о так называемых «рабобичих» кладах, отличающихся часто полумифическим и легендарным характером, но имеющим в основе своей какой-либо действительный факт, осколок правды.

В Тутальской волости Томского округа, в деревне Растияны от деревни Митрофановой, за рекою Тоью, находится конусообразный курган с ямою на вершине. С северо-

⁴⁴ Сибир. вестн. 1818. Ч. I. С. 30, 82 и др. — В статье Р.Г. Игнатьева «Памятник древностей в Курганском округе», упомянутой выше (см. список ** на с. 160 настоящего издания), между прочим, сказано несколько курганов, находящихся в Усть-суерской волости незнаменитого округа, между которыми проходы дороги, называемые Калачей. Так, между проходами сказано: «здесь, по преданию, спалили Ермак с татарами, и курганы христианские «взрешивши с татарскими». Вещь подобная тем упомянутым на суровщине, упомянутой во многих выдержках книги Ермака с кучумовцами, где даныны краткие татарские описания, и в ст. с. Головадинова о сибирских курганах, помещенной в «Тоб. губ. вед.» 1878 г. (№№ 39 41, 44, 46-47) и 1879 г. (№№ 2 и 3). Приводить все эти упоминания нам не позволяют размеры настоящей статьи.

западной его стороны протекает река Тотьма, а с прочих сторон местность холмистая. По преданию, здесь жили двенадцать разбойников, которые зарыли в кургине дна медных котла, наполненных золотом и серебром, покрыв их каменной плитой. Это же предание распространено и на другой подобный же курган, находящийся в гористой местности около той же деревни. Говорят, что крестьяне когда-то, очень давно, пробовали раскопать этот клад, но ничего не нашли⁴.

Из кладов алтайских разбойников, грабивших когда-то караваны, проходившие из Джунгарской Урги на Томск, народное предание называет клад разбойника Селезнева. Это был весьма популярный разбойник, часто укравшийся в вершинах небольшой речки, в 4 верстах от устья Бухтармы. В народе он известен был более под именем Селезня, так как, попадая часто в тюрьмы, всегда, лишь только наступала весна, доставал ложку воды и угля, черпил последние на тюремном полу лодку, садился на нее и выплывал из тюрьмы на реку уже в настоящей лодке⁵, а то иногда и просто, превратившись в селезня, плыл открыто по реке, не стесняясь глазамити с берегу народа. Предание, занесенное в Бухтарминской степи, прибавляет, что это, где стояла заблудка Селезня, заметна еще и теперь. «Главный склад его имущества был на речке Черновой, впадающей в Иртыш против Бухтармы со степной стороны. Он хотел открыть его конвойным, которые в последний раз вели его и лодки по Иртышу в Устькаменгорскую крепость, прося их воротиться к Черновой, но конвойные не согласились. Так имущество его и доселе лежит неоткрытым и должно превратиться в клад»⁶.

Клады сибирских разбойников упоминаются даже и в отдаленных от Сибири русских губерниях. Так, например,

⁴ В. М. Флеринский. Топограф. свед. о курганах. С. 69.

⁵ Подобное искусство вытаскивать из тюрьмы на лодке, начерченной углем, народная фантазия приписывала также другому разбойнику — лавику Толкинову. Последний разбегивал около Омска и сбегавшись оттуда в Оренбургскую губернию, служил там на гражданской службе. (Тоб. губ. вед. 1858. № 15. С. 311). Такая же легенда существует и с другим сибирским разбойником Карамеем, скрывшим в начале 50-х годов столетия в тобольской тюрьме на пени (С. Мамельов. Сибирь и митропол. П. СПб., 1891. С. 20-21).

⁶ Архангельский. Селезня, разбойник. Тоб. губ. вед. 1858. № 16.

по преданию, записанному в Астраханской губернии, селе Ремонтном*, к одному пастуху явился как-то утром неизданный старик и спросил, хочет ли он, пастух, сделаться богатым; последний, конечно, отвечал утвердительно, и старик ему признался, что он — вернувшийся теперь из Сибири разбойник и что из-за клятвы он сам не может воспользоваться кладом и при этом указал место, где находится клад — порядочный котелок с драгоценностями; пастух отправился и начал копать, но вдруг на него напал сильный страх, и он убежал, бросив все, а впоследствии даже и совсем удалялся из этих мест; ходили потом туда же разывать клад и другие, но ничего не находили.

Некоторые следы кладов в Западной Сибири, или точнее в юго-западных округах Тобольской губернии оставила и пугачевщина. В 1869 году некоторыми сибирскими газетами, об одном из таких кладов передавалась следующая мудреная история. В марте месяце этого года в Тобольске в числе вещественных доказательств по разным делам, хранившихся при местном окружном полицейском управлении, найден был «каменный крест, вершков шести» с следующею надписью: «Сей крест заветный кладенная сия поклажа сибирским пугачевским воинами двадцати пяти человеками, ссаулом Зисколовым свидетелем: двена казен и положена в сундук счедем. инверматами сто тысяч, полуинверматами пятьдесят тысяч, монетами тоже пятьдесят тысяч, да кто сей крест заветный счастливым рабом найдет тот и казну нашу возмет. — нашу казну возмите и поспеб делите друг друга не обитте. — но зместо нашей казны по завету нашему положите и ту яму двух младенцев, то во избавления их положите за каждую голову по двести монетов, но не звонкой, а бумажной царской для вочной потехи стражам нашим, а без исправного завета и к казне к нашей не приступайте, ибо даши стражи страшны и люты, чего делают рабам противно их не видно, а за все будут стоять крепко; но вынятии сего заветного креста и завета готового ищите отговорщика, а отговорщик должен знать как показано на семи главах сего креста, как сделать завет, потом заповеданий, и как нашим сторожам управляетси, по зделанию завету к вынятию поклажи приступать в шестую по-»

* Жив. старика. 1891. Вып. III. С. 232.

ночь, а когда казну нашу вымие, то сей крест... и засыпте свой завет, слушатеся отговорщика как сказано выполните и казну нашу получите. Аминь». По дальнейшим сообщениям корреспондентов «на семи главах креста находитея, должно быть, завет, следующие буквы со многими точками, поставленными то пооди Бука, то впереди, то по обеим сторонам; буквы следующие: К, В, П, Н, Ц, О, М, В тексте вместо буквы и пишется славянский малый юс, знаков препинания нет, за исключением точек, которые автор ставит где попало; буква е не употребляется». Загадочный крест передан был бывшему хранителю тобольского музея (Н.А. Лыткину). По рассказу одного из тобольских старожилов (М.С. Зваменского) оказалось, что крест этот найден был крестьянином какой-то деревни на меже, отделяющей ту деревню от деревни соседней, и что на ириво владения крестом предъявляли свои требования крестьяне этой последней деревни, но возник спор, дошедший до дубинки; по этому поводу возникло дело, вещественным доказательством к которому и был представлен упомянутый крест⁴. Несомненно, что спор и дубинки вызваны были желанием крестьян на завладение богатым кладом.

Но возвратимся к кладовисательству.

V

Старая Сибирь, как уже замечено нами, была известна вообще за страну, сильно зараженную суеверием, по справедливость требует заметить, что наш крестьянин-сибиряк далеко еще не так суеверен, как крестьянин-исколкарец, и часто относится совершенно скептически к тому, что для последнего составляет неоспоримую истину. Этому скептицизму, несомненно, и должно быть присисано то обстоятельство, что колдуны и знахари в Сибири вообще явление редкое, и всякая деятельность их в сфере чудесного прекращается большею частью в самом начале. Тем не менее сибирское кладовисательство, исключая, разумеется, случаи, где оно явилось открытым промыслом, в котором принимали участие многочисленные артели, составлявшиеся,⁵ Девос, корреспондент. 1889. №№ 50 и 57. Тоб. губ. вед. № 43 и другие места. Аккуратно бы было иметь. Но все подробное сообщенье по тому предмету от бывшего хранителя Тобольского музея Н.А. Лыткина; упомянутого креста мы в музее не нашли.

по замечанию Мессершмюта, в размере 200—300 и более человек⁸⁷, не обходилось без участия колдовства. Практика колдунов касалась тех кладов, известность которых составляла каким-либо образом сокровенную тайну немногих лиц, или же кладов, места которых еще нужно было размыслить. Последнее подтверждается в знакомом уже нам замечанием ученого серба Крижанича о том, что в Сибири «некоторые люди отдаются чернокнижию», при помощи которого находят и разрабатывают «неизвестные могилы древних скифов»⁸⁸. В этом случае представляется особенно любопытным вопрос о средствах колдовства, но для разъяснения этих средств за отсутствием фактических указаний можно сделать лишь некоторые догадки, основу коих могут составить те же взгляды на клады, которые были неконной принадлежностью великороссов, явившихся главными колонизаторами Сибири.

Очутившись на сибирских пустырях, русские колонизаторы, разумеется, не забыли того, чему учили их на родине, и свято верили, что в деле освобождения клада от опеки дьявола и добычи скрытого в нем богатства имеют большую силу разные травы. Такая вера, по нашему мнению, могла развиться в новопоселенной стране еще более прочные устои, так как Сибирь того времени считалась страной, где произрастали и «сибирские травы» и «вонючие вороньки коренья», чем особенно интересовалась Москва. Это подтверждают и некоторые из царских грамот. Так, из грамоты верховотурскому воеводе князю Пожарскому от 13 октября 1625 г. видно, что он, Пожарский, нашел у прозвищного протопопа Ликина в коробе «траву багровую, да трои коренья, да комок пучечват бел, и того протопопа расспрашивал:

⁸⁷ См. список ⁸⁶ на С. 178 наст. изд.

⁸⁸ См. список ⁸⁶ на С. 178 наст. изд. Крижаничи предположили, будто бы «они не знали ни о нем, ни о месте его обитания» (Крижаничи, *История древних Славянов*, т. I, стр. 106). В то же время, однако, один из исследователей (по крайней мере один из исследователей), упомянутый в сноске на стр. 106, упоминает о том, что «в Сибири и в настоящее время еще встречаются люди, которые верят в колдовство и в то, что некоторые люди обладают способностью находить клад». См. *История в Сибири*, т. I, изд. УИИИИ, С. 100.

какая трава и корень, и какое уголье». Оказалось, что протопую дал эти подробности и вместо подзорных локт вени тобольский казак Степанко Козы-ноги, и ководе предписывалось «того протопона Янова и коробыа, что у него вылята, с воронским кореньем прислать к Москве с приста-вом»*. Другую грамотою (в октябре 1675 г.), не один раз повторившеюся, требовалось из сибирских трав «строить лекаветно и водни», прислать «к Москве»**. Из многих трав, рекомендовывавшихся для отыскания кладов, у сибирских кладовскоателей считалась лучшею разрыв-трава, называвшаяся иначе — сирмы-трава. Выше мы уже видели***, что для хитрых людей, попавших в круг кладовскоателей, эта трава служила легким способом паживы. К сказанному ранее недлише прибавить, что, пользуясь неискжством простого народа, такие мудрецы за чудесное действие сильной будто бы в добыче кладов разрыв-травы выдавали иногда действителное известное «гремучее серебро» (argentalium oxidatum fulphurans), В. И. Витевский, статья которого о кладах была уже цитирована выше, приводит, между протим, следующий случай, имевший место в Орловской губернии. Крестьянин графа Шереметова Леоптий Алуффриев, имея только для виду какую-то травку в пузырке, при помощи «гремучего серебра», производил в кузнице в присутствии кладовскоателей омут действия муженной травы над железом, и опыт вполне удался; полоса железа почти в четверть аршина длиной и в ширину толдиной, положенная на наковальню, от одного прикосновения чудесной травы разлеталась на четыре части с треском нанодобие выстрела, причём Алуффриев, производивший опыт своими руками, уверял, что без особенной сноровки и знания начево не сделались, если даже и будешь иметь эту траву****. Сибирские эдакари утверждают, что найти эту траву чрезвычайно трудно. Корень ее в отдельных его побегах представляет будто бы вполне человеческий образ, т. е. если собрать все отрывки

* Историч. акты. III. 1841. № 137.

** Историч. акты. IV. 1842. № 256. — Остальные документы, касающиеся глады и Гад, р. 3 лж. и р. 4 лж. см. в кн. Пискачев и др. Орч. архивам. Уг. 1837. С. 305-304, 315-316; Уг. 1850. С. 329-330.

*** См. свеску ** на С. 173 вст. иза.

**** Клады... на Русс. С. 410; осыла на «Журн. М. им. деп. 1843. IX. С. 318 и след.), в осыла заметку к статье «Происхождение клады». Л. Мейеров.

корня и сложить, то составится подобие человеческого тела в уменьшенном виде⁴. Между сибиряками недавно еще распространено было предание, что разрыв-траву умел находить известный разбойник Коренев, искал он ее «по крупным росам, по ярким звездам». С помощью этой чудодейственной травы ему никакие кандалы были не страшны, перед ним ни один замок не стоял, всякие двери и ворота отпирались⁴.

Упомянув выше о проделке с воображаемою разрыв-травою в Орловской губернии, считаем не лишним привести еще рассказ, показывающий, как простодушные кладочискатели попадались в обман, перенося напрасно значительные издержки, в соседнем нашему району Пермском крае.

Дело происходило в 1851 году в Оханском уезде, у крепостных людей гр. Строгановых. Один крестьянин рассказал секретно трем человекам из мастеровых, что он знает место, где скрыт клад на сумму до 70 тысяч рублей по старому курсу, и что к этому окованцу приставлен караульным лесной, который за выдачу клада требует 1½ тысяч рублей легкой монетой, ведро хлебного вина и рыбный пирог в 10 фунтов. Чтобы проверить этот рассказ, двое мастеровых отправившись с указателем клада на место и действительно в лесном колоде близ муравейника и большой ели увидели в земле на незначительной глубине окопанный желток глины, но и то самое время, когда хотели вскрыть его, они услышали из леса грозный голос, запрещающий им под опасением смерти делать это и вещавший, что если кто хочет получить клад, то приносит бы в полночь помянутое выше вознаграждение, а теперь ему, кармульцику, выдать клад некогда — он идет на войну. Через несколько времени кладочискатели со знаком клада уехали и оставили около него 447 рублей ассигновками, рыбный пирог и ведро вина и, отойдя от клада, услышали тот же голос: принесенное-де принято, но кли-

⁴ Разрыв-траву сибирскими знахарками рекомендуется и в других случаях. Если беременная женщина будет пить настой ее, то плод в утробе ее разорвется на части и выйдет в виде крошек. Но так как разрыв-травы в действительности не существует, то вод именем ее знахарки в мужских случаях дает земляничный корень, журавлиный перья, пшеничный змея, корень шаски, серу и порок, которые будто бы действуют с пылкими успехом, открывая весьма сильные регулы. — Костром. Юридические обычаи... С. 70.

⁴⁴ С. Максимов. Сибирь и каторга. II. С. 21.

да теперь они не получат: месяц молодой — будет им сильное увечье. Через две недели кладоскатели еще унесли 38 рублей, прог и 1/2 в. вина, но неизвестный голос объявил, что клад выдает тогда, когда получит остальную (до 1 1/2 тысячи) сумку. Попрямив немного, кладоскатели решились осмотреть место, где видела ящик, но последнего уже не нашли, и обман обнаружился.

Подобные обманы в Пермском крае повторялись не один раз. Случалось и так, что в вырытых из земли ящиках находили вместо денег мелкие камни или разбитые стекла. Обманы выполнялись столь хитро, что кладоскатели редко уверялись в них и чаще относили свои неудачи к тому, что при вскрытии клада не соблюли сами какого-либо условия: например, усумнились в действительности клада, или не выдержали испытания, и оттого деньги превратились в камни или стекла*.

В заключение своей статьи нам остается коснуться еще одного вопроса: в чем именно заключались те действительные причины, которые породили в нашем народе веру в клады вообще и развили в последователей ее любовь к кладоскательству? Причины эти, по нашему мнению, совершенно одинаковы как для различных местностей нашего обширного отечества, так и для взятого нами района — Западной Сибири.

В старину, как известно, ни банков, ни сберегательных касс не было, а держать дома трудом нажитое добро было рискованно, и еще более было опасно прокутить капитал в оборот при внутреннем неустройстве общества, при постоянных нападениях неприятелей. «Сильные притесняли слабых, — замечает по этому поводу Н. Я. Аристов, — и отнимали их собственность; вора и разбойника нередко похищали имущество других, самовластные служители правосудия доходило до того, что они вытаскивали последнюю копейку с подудимых. Поэтому умные люди старое время считали самым практическим делом прижать деньги и ценные вещи как можно дальше от завистливого взгляда. Чтобы же подвергнуться неожиданному разорению, личным оскорблением и преследованиям, чтобы обезопасить свое семейство на всякий случай и сохранить милую толку на черный день, они зарывали в землю имущество, нажитое потом и кровью.

* Пермский край. Т. III. Пермь, 1855. С. 215—216.

Припоминая постоянную борьбу русских с финскими, татарскими и немецкими племенами, затем внутренние междоусобия и неустойчивость общественных порядков, каждый теоретически может сделать вывод, что кладов, зарытых в древнее время, должно быть громадное количество⁸.

В Сибири походы к сокрытию имущества, кроме илаложных причин, уславлять еще и особенностью юридических отношений между собой членов семьи. Здесь в мужестве, составляющем обща достояние семьи, полным его хозяином считается обыкновенно старший в семействе хозяин — неограниченный повелитель в доме. Он распоряжается всем общим достоянием семьи, как ему угодно. Отдельная собственность членов семьи, за исключением приданого жены, может существовать не иначе, как с согласия этого старшего члена. Всякий заработок того или другого младшего члена семьи идет в общую массу имущества — одно целое достояние семьи. При таких условиях семейного домохозяйства каждый член семьи старается скрыть часть своего приобретения или заработка ни тот же черный день, а сам домохозяин прятает от домашних своих приобретаемые общими силами деньги то в чулок, то в перчатку, то в трубу, чтобы никто не знал. Иногда место сокрытия денег не объявляется даже при смерти, и спрятанное так и пропадает без всякой пользы для кого бы то ни было.

Несмотря на это, в Сибири весьма не редки случаи находок подобных кладов. Чаще всего такие клады обнаруживаются в подпольях, вышках и других темных местах жилых строений. Такие же клады встречаются иногда и на патках. Промысловые упоминаемые кладов можно объяснить не чем другим, как привнесенными семейными условиями сибирского простонародья. В большинстве случаев старые люди любили класть деньги в глиняные корчаги и зарывать их в землю. Подполья домов в этом случае представляли самые удобные места: так, например, в 1858 году в Пановской волости бывшего Омского округа крестьянин Василий Кашников при перестройке дома вырыл под полом из земли две огромные корчаги, в которых оказалось 2505 пятикопеечных монет времен Екатерины и Павла. Клепи-

⁸ Упомянутая мысль (смиску *** на С. 178 неогр. изд.) ст. профес. Артева «Предания о кладах», С. 711.

ков был уверен, что клад этот зарыл его отец⁴. Иногда же клад, находимый кем-либо из потомков спрятавшего и представлявший особую ценность, снова перепрыгивал нашедшим в другое место. Подобный перепрыгивавший клад найден недавно (28 июня 1893 г.) в Логиновской волости Тарского округа. Крестьянка деревни Тереховой Акулина Полыкина, спустившись с горы аблмзи деревни, заметила в склопо горы точивший на землю черенок, потянула его и вытарагла вместе с ним следующие серебряные вещи: 1) два сосуда в форме гладких полукруглых чаш или ковшей без ручек весом каждый в 34 золотника; 2) два сосуда в форме ковшей с рельефными на дне изображениями неизвестного зверя весом каждый сосуд по 33 золотника; 3) два слитка в виде продолговатых полос весом оба в 92 золотника и 4) двадцать мелких серебряных бухарских монет. Положения вещей, едва прикрытых землею, ясно намекало на то, что первоначальная находка их была сделана в другом месте⁵.

Таковы в общих чертах причины, вызвавшие в наших предках верования в клады и любовь к кладискательству, так сказать, с житейской, обыденной стороны; с научной же точки зрения дело представляет некоторые другие особенности.

Если современная раскопки археологами сибирских курганов и сообщения о находимом в них дают для науки много богатого материала, то не менее ценного материала для нее может представлять и изучение местного кладискательства. С этой точки зрения особый интерес сосредоточивается на народных преданиях. При изучении духовной жизни народа эти предания несколько ценны для историка, настолько же ценны и для психолога и поэта. Некоторые исследователи не без основания в преданиях о кладах видят позитивно-экономический смысл русского народа. «Предание, — по замечанию Т. Н. Грановского, — не заботится о верности, но в нем есть истина другого рода: в нем высказываются любовь и ненависть народа, его нравственные понятия, его взгляд на собственную старину». Мы знаем, что русское простонародье не может вспомнить своего предшешего сложной материальной обеспеченностью, и поэтому нет ничего странного в том, что наш крестьянин и до последней поры мало верит, чтобы можно было

⁴ Тобольск. губ. вед. 1868. № 32.

⁵ Введенские Тоб. губ. музеи. Выд. I. 1889. — (Зам. в гекци. хронике).

скоро разбогатеть своим трудом: «от трудов праведных не наживешь палат каменных», — говорит он в пословице своей. У сибиряка так же, как и у всякого русского человека, мнения о собрате своем, нажившем богатство, чаще всего сводятся к тому, что последнему посчастливилось найти клад; в других же случаях он относит это к какому-нибудь нечестному делу. В упоминаемом нами труде «О кладах» В. Н. Витковского встречается, между прочим, такое замечание: «Особенно любопытно обстоятельство, что все предания о кладах под влиянием христианства получили легендарный характер чисто в русском духе. Степка Разин, Кудеяр, брат Разина Иван и другие разбойники, зарывая клад, оставляют в местах сокрытия клада или святые иконы, или милостыню нищим, и самый клад по большей части зарывают не для куша, ни для боярши, а для людей бедных, простых, исповитских, для детей и тех, которые гонимы другими и претерпевают напрасно побои и притеснения, словом, в преданиях о кладах отражается тот же взгляд народа, что и в его бытовых сказках о богатстве и бедности, о правде и кривде, о трех братьях, о трех сестрах и снохах, о мачехе и падчерице и других, где бедные и правдивые, гонимые братьями и притесняемые кривоудными, младшими, преследуемые старшими, слабые — сильными, и конце концов торжествуют и выходят победителями»⁴.

⁴ Витковский. «Клады...», С. 422. — В «Жизни старине» (1890. Вып. II. С. 139) Ив. Мамонтов рассказывает, между прочим, следующее предание о Степке Разине, записанное им в «Дружеском уезде Нижегородской губернии». «В «Одичавшем уезде» обитала вдовушка Марья Фоминична, а в «Бурлаках» жила Степан Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марья со Степком жила в замкновении, и вот когда Марья вздумает со Степком похозяйничать, то идет в ствол и выкопывает на шесте, как и он отвечает: «Кудеяр», и несет в ней товар. Марья эта была у него первой наложницей, а прочих до 500 и триста женой. И не могла Степко поймают. Поблизости, посадит в острог, в не острог и казнили бы записки погубит, нехотел угодное слово, и не вступил — и пожелал жак охоту. Это пожелание не было исполнено и разгневался, а он сам ушел и спрятался на берегу между Оной и Волгой, и не так еще так живет, еще охоту похотел, не имеет ни руб, ни копей. Не умирает же он от того, что его мать-железа не шинял. И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берез зарыл его. А узнал про это как: сидел один человек в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему: «Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чужд, что его выкопает на воляхый свет, а может быть, раскается и дал зарок. Вышел этот мужик из острога, пошел на

Любопытен также в этом отношении рассказ, записанный Н. Я. Аристовым. В одном доме была женщина в загоне, нелюбимая в семье; ей не позволяли даже участвовать в общех деревенском веселье и играх, и потому она больше сидела дома. Как только останется она наедине, вдруг завоет в трубе ветер и послышится голос: «Упаду — расшибусь!»... Когда она рассказывала о том родным, те подняли ее на смех и обругали. Схрам одолев несчастную женщину, и она рассказывала о том своей соседке, которая научила ее, как пособить горю. «Ты возьми, — говорит, — белую скатерть, расстели около печки, поставь хлеба-соли, и как только заговорит в трубе голос, ты скажи: «Упеди-расшибись на хлеб да на соль, да на добрые годы!». Пришла все это молодуха, сидит одна-одинешенька по-прежнему, а клад не является, перестал совсем голосить в трубе, так что она о нем и забывать стала. Сидит она однажды вечером, задумавшись, вдруг завылло в трубе сильнее прежнего. «Упаду — расшибусь!»... Сначала молодуха оробела, потом оправилась и тотчас растопила скатерть и проговорила по совету соседки немудрые слова. Клад рассыпался из трубы серебром прямо на скатерть⁶.

Нельзя, однако ж, не заметить, что в русском народе, особенно же в сибиряках, вера вклады начинает слабеть. Признаки этого мы видим в позднейших рассказах о находках кладов. Не далее, как в прошлом году, одна из сибирских газет передавала следующий случай.

«Недавно в селе Ладейках, около Красноярска, умер крестьянин, оставив большие деньги. О том, как достались они ему, рассказывают странную историю. Крестьянин этот несколько лет тому назад увидел во сне какого-то старика, который три раза снился мужику и каждый раз говорил ему, чтобы он шел в соседнюю деревню Ботой и там бы нашел коньек подвал, где найдет клад, который он советовал влечь ночью. Мужик долго не верил этому и не поддавался на внушения сна, но после третьего появления загадочного старика он не выдержал и пошел в Ботой, где действительно ему удалось наняться за 2 рубля коньек подвал.

⁶ Указанное место, в березу уже срублены и корни не влезть; рассказав он про это всему селу, подвалили шумы, однако клада не нашли, а кладов, конечно, меж ними до грядки — няма блочек.

⁷ Упомянутая выше ст. Аристов, С. 127.

Долго рыл мужик этот подвал, но никакого клада не находил; наконец подвал был вырыт, оставалось только выбросить лопаты три земли, которая, как на грех, не поддавалась на лопату, но два-три усилия — и звук металла возвестил мужику, что здесь-то и лежит так долго ожидаемый клад. Мужик, конечно, бросил лопату и стал действовать руками и действительно обрел котелок с золотыми. После настаивания старика, являющегося ему во сне, не брать клад днем, он снова зарыл его в землю, а ночью взял его и вот это-то золото послужило основанием к богатству мужика, который с тех пор и зажил со своею старушкою в довольстве⁴.

По времени это одно из преданий более позднего происхождения и, как видим, во многом уже лишено той мифической окраски, каких придавался подобным преданиям нашими предками: в нем уже не упоминается ни приставника и анда дьявола, ни разрыл-травы, ни воскресенской свечи, а дело обходится проще — одним только сновидением счастливица, которому клад отдается добровольно.

Очевидно, русский человек начинает дожидаться до той поры, когда и вера вклады, и предания о них будут считаться лишь характерной чертой былого времени...

⁴ Тобольск, губ. вед. 1895. № 6. С. 91. — (Известие о кладе вынужденном из галеты «Ванской»).

Монахиня Прокля

Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова
(Новые материалы для биографии)

С именем монахини Проклы в прошедшем столетии томила в заточении при одном из старых сибирских монастырей дочь известного любимица Петра Великого, «генерал-аншефа, сенатора и первоначальствующего члена государственной военной коллегии», князя Григория Дмитриевича Юсупова, молодая княжна Прасковья Григорьевна.

Ссылка в Сибирь княжны не была, однако ж, прямой перемены для нее блеска и роскоши родных палат на мрачную келью монастырской «колодницы»: судьба определила ей испытать прежде заключение в Тихвинском девичьем монастыре Новгородской епархии. Это заключение продолжалось более четырех лет и закончилось тем, что княжна увезена была в Петербург, чтобы через короткое время выступить в Канцелярии тайных розыскных дел последнее грозное решение императрицы Анны о наказании ее «вешками», пострижении в монахини и повой отправке уже «в дальний, крепкий девичий монастырь до кончины жизни неисходно».

Таким монастырем избран был Введенский девичий монастырь, состоявший при Далматовском Успенском мужском монастыре Тобольской епархии.

Пребывание княжны Юсуповой в Тихвинском монастыре давно уже известно из очерка Г. В. Есмнова⁴, но полной биографии ее до сего времени не существует^{5*}. В известном «Собрании жизнеописаний Юсуповых», изданном од-

⁴ Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова / Русск. слово. 1862. № 3. С. 1—30; Подвиг старого века. Сиб., 1880. С. 432—478.

^{5*} Кроме упомянутого очерка, известны еще статьи: Д. Мордвинцев. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, в монахиня Прокля / Русская жемчужина старого времени. Сиб., 1874. С. 259—216. — Этой статье мы не видим.

лим из потомков этого рода⁶, судьба несчастной княжны передается всего двумя тремя характерно-отрывочными замечаниями. Между прочим говорится:

«...Единственная дочь княгини Анны Никитичны, княжна Прасковья Григорьевна, некогда в детстве даскеем Петром Великим, увлекалась пылностью нрава, выказывала легкомыслие в разговорах, и з крутое Вироново время навлекла на себя негодование императрицы за несколько неосторожных слов, может быть, перетолкованных и преувеличенных наговорам...»⁷.

«...Княжна Прасковья Григорьевна по кончине матери (в 1735 г.) приняла пострижение в монастыре с именем Мавры и чрез три года скончалась, не дожив до царствования императрицы Елизаветы Петровны...»⁸.

Быть может, память несчастной княжны передается забвению родственным ей автором приведенных строк с невыяснимым желанием не дать потомкам повода к смутным мыслям и тяжким воспоминаниям о своих предках, но история не всем беспристрастна: род князей Юсуповых принимал участие в событиях, утверждавших Россию более трех веков, и имена их, несомненно, найдут для себя оценку как по замечательным подвигам мужества, так и по многим блистательным свидетельствам гражданской деятельности, которыми они знаменовали себя, но это не даст историю повода замалчивать прошлое тех лиц знаменитого рода, жизнь которых сложилась неудачно.

Благодаря, однако ж, очерку Г.В. Есипова, составленному по архивному делу Канцелярии розможских дел, при бывании княжны Юсуповой в Тихвинском монастыре и походы семлки в Далматов монастырь раскрыты герардо рипес издания упомянутых «жизнеописаний», не жизнь княж

⁶ О роде князей Юсуповых: Собрание князеописаний их, грамот и писем в трех томах: как описано с XVI до жезежени XVIII века и другие фамильных бумаг с присвокуплением покойной родоски предков князей Юсуповых с XIV века. Ч. 1. СПб., 1856. 101+2 прил.; Ч. II. СПб., 1867. XII+431+IV с. — Это издание сочетает тавра библиографическую редкость, и нам стоило большах хлопот добыть его у одного из московских антикваров.

⁷ О роде князей Юсуповых. I. С. 103, 104.

⁸ Там же. I. С. 106-107. — В другом месте (С. 112) временем смерти княжны княжна 1743 в том, что, она — поспешившей возвращении цесаревны Елизаветы Петровны (25 нояб. 1741).

ны в Сибири остается малоизвестной. Очерк Есипова, упомянутая распоряжение Тройной канцелярии, последовавшее на первых порах дипломатического заключения, о выдании княжны «пеленками»⁶ и содержании «в кожаных жезлах» заканчивается лишь одним замечанием: «кончила ли жизнь княжна Прасковья Григорьевна в том монастыре, или была освобождена — из следственного дела не видно».

Не раскрывает, к сожалению, этой тайны и сибирская архивная старина, сокращенная, как известно, в значительной степени беспощадными пожарами, но недавно в одном из тобольских архивов — именно архиве местной духовной консистории — нами найдено не лишенное высокого исторического интереса дело 1737 года, посвящее заглавие: «О бывшей княжне Прасковье Юсуповой, которая в монастыре наречена Прокляой и послана в Дюмитовский монастырь за важное преступление».

Дело это не комаровало, но по архивной описи в нем оказалось 154 листа; то же число листов означено и на оторванной обложке его; в самом же деле сохранилось только 122 листа: середина и конец этой драгоценности утрачены, а с ними затеряны и следы многого из любопытных подробностей — как дальнейших страданий, так и последнего исхода, закончившего мучения несчастной княжны. Тем не менее и в настоящем виде дело дополняет грустную биографию: небольшой монахини новыми материалами, которые навсегда снимают с нее неправильно приданное и никогда не носимое ею имя Мавры, считая ее в живых, вопреки заверения «жизнеописаний» Юсуповых, более почти на двадцать лет — до последнего времени царствования императрицы Елизаветы.

Долгая непопота дела лишает нас возможности дать полный очерк долговременного пребывания Юсуповой в Сибири⁶, а потому, напомнив в общих чертах, что известно о родословной княжны и событиях, предшествовавших сибирской ссылке, мы приведем здесь эти отрывочные мате-

⁶ Впервые статья наша, состоящий из статьи невестки князя Николая Павловича князя А. А. Дмитриев-Лебедев сообщил нам, что о сыновьях княжны Юсуповой, в числе «детей Петра», в Петербурге, убого, однако, давно была напечатана статья протоиер. Гр. Платоновова (покойного) — «Ссылка в Дюмитовском монастыре» (1869. ММ 38—39 и 39), где говорилось также и о сыновьях графа Петра Андреевича. На эту берд. ведом. за 1869-й год, — прибавил Алекс. Алекс., — в Петри

риалы в том неприкосновенном виде, какой дан им полтора века назад их жестокими авторами.

I

Род князей Юсуповых ведет начало от Юсуфа, владетельного князя Ногайской орды, отца казанской царицы Сумбеки или Сююнбеки, бывшего в постоянных дружеских отношениях с царем Иоанном Грозным.

По грамотам Иоанна к Юсуфу и Юсуфа к Иоанну, хранящимся в Московском государственном архиве, видно, что Юсуф был прямой потомок знаменитого Тамерлана полководца Эдигей Мангита — вояка и князя Ордынского. В одном древнем родословном свитке конца XVII века указание предков Юсуфа восходит до Абубекира, правившего после Магомета всем мусульманским родом, хотя по другим известиям² это был не Абубекир, тесть Магомета, а соименный ему чрез три века Абубекир бен-Раюк, также правивший всеми мусульманами с титулом Эмира аль-Оира, князя князей и султана султанов. Потомки последнего были правителями, султанами с царской властью в разных местах: в Дамаске, Антиохии и др. Один из них Термес, теснимый враждебными обстоятельствами, переселился на север от Аравии к берегам Азовского и Каспийского морей, где, по преданию, между Волгой и Яиком была его родина, и был основателем сильной Ногайской орды. Что же касается прямого предка Юсуфа, полководца Эдигея, то последний при возникших междоусобицах в Большой Орде, сохраняя независимость, отклонился к югу и при Черном море занял земли, еще с XIII века заселенные ногайскими татарами, где и положил основание Крымской орды. Правнук Эдигей Муса-Мурад, сделавшись верховным правителем сильной Ногайской орды, начал постоянные сношения с российскими

²читать невозможно. Я лично об этой работе узнал по указаниям Д.Д. Самойлова, из которого нельзя видеть даже времена ссылки упомянутых лиц, на которых уже в каких-либо подробностях. Упомянутые статьи теперь составляют большую редкость и известия лишь австрийским быблиофилам, почему удалось и в своем издании князя Удальцова об Юсуповой весьма интересно».

Кроме упомянутого выше издания «О роде князей Юсуповых», немало сведений для этнологии на эту тему изложить и изложить чрез моего ориенталиста В.В. Вельяминова-Фермана «Исследование о Каспийских татарах и черкесах» (Спб., 1864), в «Прологе» древней России: Вавлифф.» (ЧЧ. VIII—X) и др. изд.

шлов, следовавших за гробом государя пред императрицею. По воцелении на престол Екатерины I, в самый день учреждения ордена св. Александра Невского, Г.Д. был одним из первых, пожалованных государнею, кавалеров. По кончине Екатерины Юсупов пользовался таким благоволением якого императора Петра Второго, что получил от него в подарок обширный дом в Москве, пожалован в подполковники Преображенского полка, в котором сам государь считался полковником, и получил же в потомственное владение многие из отписанных в казну деревень Меншикова в Белгородской губернии. При воцелении на престол императрицы Анны, князь Г.Д. исполнил многие важнейшие поручения императрицы, был пожалован в генерал-ашефы и утверждён сенатором, состоя с 1727 года первенствующим членом государственной военной коллегии.

Так же мало биографии преданного слуги Петра Великого и основателя колоссального впоследствии богатства рода князей Юсуповых наряду с подвигами не лишена и мрачных эпизодов, говорящих за то, что Григорий Дмитриевич был человеком сурового характера и заботился прежде всего о своем благосостоянии. Так, например, в 1717 году он обвинял в различных злоупотреблениях князя Колдова-Масальского⁸⁸ и этим путем после казни последнего Петром получил себе часть имения князя; веда же провиантские и иконтдантские дела, не упускал случаев увеличивать свое и без того огромное состояние, к которому при Петре II были добавлены еще многие из отписанных в казну имений князей Прозоровских⁸⁹.

Князь Григорий Дмитриевич скончался 2 сентября 1730 года в Москве среди своего семейства: супруги Анны Никитичны, сыноией Бориса, Григория и Сергея Григорьевичей и дочери княжны Прасковьи Григорьевны. В духовном завещании своем, подписанном в самый день кончины, представлял трем сыновьям разделить недвижимое его имение по равной части и движимое полюбовию, он писал: «А жене моей княжне Анне Николаевне из недвижимого моего имения подмосковная вотчина селъцо Толбино да при-

⁸⁸ Родословие князей Колдовых-Масальских // Вестн. Иллюстр. 1880. Т. XXIV, № 609.

⁸⁹ Родословие князей Прозоровских // Вестн. Иллюстр. 1877. Т. XVII, № 40.

давшие ее вотчинам, тако ж, которые по резолюции правительствующего сената отданы ей по наследству после племянника ее Федра Акинфова и которые на имя ее докупаны, в котором недвижимом учинить ей наследницею дочь нашу княжну Прасковью, или кого она похочет... а ежели жена моя, или кто из детей моих совет мой презрит, и в чем-либо будет кто прекословить, да будет мой отеческая хлестава*.

Умирающий отец словно предвидел, что последнее завещание его в отношении единственной дочери не сбудется никогда: не прошло и сорока дней по смерти его, как княжна Прасковья Григорьевна увезена была за коновое солдат в Тихвинский девичий монастырь и при посредстве тихвинского архимандрита Феофосия, под начальством которого состоял монастырь, сдана на руки игуменье Доросее со строгим наказом держать накрепко и никого не допускать**.

Но родословная несчастной княжны выйдет неполною, если мы не коенемся сведений о других современных ей родственниках.

Старший брат княжны князь Борис Григорьевич, имея 22 года, по повелению Петра I был отправлен в 1717 году во Францию для обучения в Тулонском училище гардемарин, хотя приобретенное там образование и не открыло для него морской службы. По возвращении из-за границы князь Б.Г. в 1730 г., незадолго пред смертью отца, пожалован был императрицею Анною Иоановною «чином действительного камергера с рангом действительного генерал-майора», а в начале 1736 года назначен московским губернатором. В начале 1742 г. князь Б.Г. переселился в Петербург, где в 1744 г. был пожалован в действительные тайные советники и вскоре назначен президентом коммерц-коллегии. Вообще царствование Елизаветы Петровны было для князя порою быстрого служебного возвышения и вместе исполнения важнейших поручений***. В 1748 г., когда по случаю отъезда императрицы в Москву, позволено было следовать туда же сенату и синоду, а в Петербурге быть сенатской коллегией, то главным начальником последней до возвращения императ-

* О роде их. Кюпулова. II, т. 367-368.

** Дядя старого века. С. 332.

*** Арх. кн. Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 103, 175, 272, 319.

рины наручено быть князю Борису Григорьевичу. В 1750 г. на него возложено было главное начальство над сухопутным кадетским корпусом. Управление этим главнейшим рассадником военного образования, притоговишным России героев Кагула и Рымника, оставалось за Юсуповым почти до самой смерти (1 марта 1759 г.). Состоя в браке с дочерью стольника И. М. Зиновьевой, князь В. Г. составил после себя сына Николая Борисовича, дожившего до царствования императора Николая Павловича и бывшего одним из образованных людей своего времени⁸, и четырех дочерей, из которых младшая Евдокия Борисовна была в супружестве с Петром Вирролом, владетельным герцогом Курляндским**.

Два других брата князья жили недолго: младший брат Сергей Григорьевич скончался в цветущих летах в 1734 году, средний же брат Григорий Григорьевич, будучи полковни-

⁸ Князь Н. В. до службы по министерству иностранн. дел много путешествовал по Европе, заключил обширные сношения и знакомился с тогдашними европейскими знаменитостями. Во времена Екатерины II он снискал необыкновенно имя милого дипломата, диплом. В 1781 году ему поручено было управление театрами. В царствование императора Павла он состоял в чине дест. тайн. советника и был председателем мануфактур-коллегии и вместе министром департамента уделов. Замечательно, что князь Н. В. замечания был герцогским маршалом при трех европейских императорах: Павла, Александра I и Николая I. О деятельности Н. В. по управлению театрами изложено в некоторых сведениях в ст. «Историчес. вестник» за 1890 г. (LXXIX, С. 612—624). Князь был женою из одной из патриархиц великого Потемкина Таврического Татьяна Валуевне Звездкаеве, общество которой состояло из таких знаменитостей, каковы были Державин, Крылов, Жуковский, Пушкин; и нем же вышла в свое время женою и дочь сибирского купчинина Прасковья Луизовна, известная Лароша Сибирячкия, прибывшая в 1804 году в Петербург для испрошения помолвочнаго сему отцу. (О родах кн. Юсупова. I, С. 173—174). Известное стихотворение Пушкина «К мельмоту» (1830) посвящено по адресу князя Н. В. В объявлении кн. Н. С. Румянцева, между прочим, говорится: «Во время коронации Николая Павловича, князь Н. В. был одним из немногих тогда старинных русских немцев, представителем князя Екаутинна, и одним из парней богатей России. Сын его, князь Борис Николаевич, женился, как в это время писался, сам был довольно 17-летней княгиней (Евдодия Карашинной, впоследствии по смерти его во втором браке графиню Шовале-Стер. Бал, дивный Н. В. Юсуповым, был богат, как он, но и еще более — оригиналом, иде и сам он» (Русск. Стар. 1893, т. XXV, июл., С. 38—39).

⁹ Старшая княгиня Евдокия Борисовна была в 1764 г. выдана в замужество за генерал-майора кн. Памфила вторая кн. Александра Борисовна в том же году — за генерала Иванова и третья кн. Анна Борисовна в 1771 г. — за камергера Протасова.

ком Олонецкого полка и неся труды походной жизни, умер в 1734 году.

И никто не знал причины ссылки княжны; но было объявлено ее и в указе сената, при котором привезена княжна в Тихвинский монастырь. В Москве по этому поводу передавались разные сведения: одни говорили, что княжна, похвалившая суровостью характера на покойного отца, послана за то, что открыто интриговала за возведение на престол цесаревны Елисаветы Петровны; другие же объясняли ссылку ее виновото отца, который будто бы был в числе лиц, искавших ограничения самодержавия императрицы Анны Иоанновны. Но все это были слухи, к которым многие прибавляли еще семейную интригу старшего брата княжны Бориса Григорьевича, ненавидевшего сестру и хотевшего воспользоваться всем именем. Против первых сведений существуют, однако ж, опровержения: известно, что при восшествии на престол императрицы Анны некоторые из членов верховного совета заманули ограничить самодержавие, но князь Г.Д. Юсупов не только не принадлежал к числу последних, но выступил, напротив, одним из главных защитников самодержавия; когда же всецельные князья Долгоруковы подверглись опале, князю Юсупову было поручено следствие о казенных вещах, захваченных бывшею невесткою Петра Второго, вскоре после чего он по особенному благоволению к нему императрицы возведен был дворян, как замечено выше, в звание генерал-аншефа*. Что же касается до интриг княжны за возведение на престол Елисаветы Петровны, то это сведение заслуживает большего вероятия, хотя по вступлении на престол Елисаветы, снявшей кару страданий и ссылке большинства жертв прошедших партисований, милости новой императрицы и не коснулись несчастной Прасковьи Григорьевны. Можно думать, что невнятной княжну Брат Борис Григорьевич, достигший в партисование Елисаветы Петровны положения одного из знатнейших русских вельмож, имел полную возможность отстранить от своей сестры все возможные для нее со стороны императрицы милости.

В Тихвинском монастыре княжна принята была, как простая колдунья. На первый раз нумужья Дорощев поме-

* О роде кн. Юсуповых. I. С. 94-95, 105.

стала ее у себя в келье, отвела угол за занавеской у Белая кровати, деревянный стол и стул составляли в затейливую обстановку невольного новоселья княжны. Тут же уродливой по наружности крепостной калмычки Марьи, привезенной с княжкою для услуг в стире, дополнило украшение ее нового жилища. Осмотр убогую келью, княжна горько зарыдала и, не говоря ни слова, закуталась в одеяло, предостая спать кат. Но вскоре обстановка княжны несколько изменилась. Познакомившись ближе с игуменьей и узнав, что в келье есть отдельная келья, где жила ранее какая-то княжна Калдушкина, вызванная недавно императрицею в Петербург, княжна, чтобы избавиться от постоянного надзора, стала просить последнюю поместить ее в ту же келью, если можно, то и продать ей. Игуменья съездила для этого в Новгород, и келья уступлена была за 30 рублей.

Уезжая в Новгород, игуменья представила к себе на рассмотрение некую Анну Юленеву. По тем сведениям, рассказанным Г.В. Воеиновым с подлинного делной канцелярии⁴, этой Юленевой пришлось впоследствии иметь важную роль в дальнейшей участи княжны, которую о жизни последней в Тихвинском монастыре нельзя не ознакомиться и с биографией Юленевой.

Юленева была дочь кузнеца, проживавшего в Тихвинском посаде и умершего в 1700 году. Мать ее, по смерти оставшись владелицею дома и имущества, заняла место вдовьями причислами, приучив к тому же и свою Анну. В 1716 году вдова кузнеца умерла, Юленева осталась полною хозяйкою. Главный обитательница Тихвинского монастыря была в Введенском монастыре, Анна пользовалась особенным доверием монахинь. Игуменья монастыря, у которой бывали нередко тайные приемы, весьма часто нуждалась в содействии Анны при стире пиршеских, и благодаря этому Анна посвящена была в тайны закулисной монастырской жизни, та же была приглашена была игуменьею и для присмотра за кельями. — Не бойся, Аннушка, — говорила ей игуменья, — твои труды твои не пропадут: смышленая — важная персона,

⁴ Летопись старого вева. С. 384-337, 341, 344, 345 и др.

на Юсупова. Она послана к нам под начал, мне нужно смотреть за ней, ты девушка верная... Потрудись для меня!

— Да как же, матушка, дом-то покинуть, чем кормить-ся-то? — возразила Анна.

— Ничего твоего, Аннушка, не пропадет; чем кормишься — не тужи! Княжна богата, у нее свои харчи, княжеские. Мать недавно послала ей целый дом всякой всячины: и муки, и круп, и миндальных ядер, иному, черносливу, орехов, пряников, масла орехового, масла макового, да, не при ком будь сказано, и полотков гусиных и ветчина — всего не перескажешь, полно амбер навалили... Есть хорошо будешь... А послужишь мне службу, я дам тебе десять рублей.

Бояная и сметливая Юленева согласилась, перейдя на время отлучки игуменя в Повгород в келью княжны и, как посторонний человек, в котором княжна не подозревала монастырской онеки, скоро сблизилась с Юсуповой. Будучи хитрою и прощарливую, Юленева скоро поняла, что княжна характера своерванного, гордая, вспыльчивая и любит женскую болтовню. Она познакомила княжну со всеми монастырскими тайнами; рассказала, как игуменя иногда кутил, как подчас поливает монахини, как принимает гостей, как и она сама, будучи молодою, одевалась мужчиною да ходила по кабакам.

В особой келье княжна устроилась, как в своем доме, хотя, к огорчению ее, игуменя для присмотра за ней встали приставил к ней старицу Иринушку. Зато с ней перешла юркая, столь понравившаяся ей Юленева; кроме того, в ее распоряжение была дана ей при отъезде из Москвы для услуг крепостная калмычка Марья, а потом вскоре прислано было и еще две служанки и довар. Келья княжны была меблирована. Мать ее княжна Анна Никитична беспрестанно посылала дочери всевозможных припасов и изобилии. Княжна устраивала обеды и ужины, на которых бывали игуменя Дорофей, тихвинский архимандрит Феодосий, монастырский старчий Шныркин и монахини. Ту-лет княжна многоюгу услужала прежней роскоши. Игуменя и архимандрит смотрели на княжну, на паряды, пировали и слушали ее рассказы о дворцовом житье-бытье, хотя княжна никогда не договаривала, за что ее сослали. Откровение она была с Юленевой.

— Трещущий Ушakov, — говорила она Юленевой, — напал на ковы в саду... А я все-таки не повинилась!

— Для чего же не повинилась? — спрашивала Юленева, ничего не понимая в рассказываемом княжжой.

— Не повинилась, жалел Доктурову да Мельгнуову. Они и ворожейку-то подвели... Сплошь делаги...

Но этим откровенность заканчивалась.

Упоминание княжжой ворожейки, а главное — сада, отсюда, как видно, поверженным вех придворных тайн и начальником Тайной канцелярии Андреем Ивановичем Ушаковым значит она была на неожиданный вопрос, дает место предположению, что к числу причин постигшей княжжю кары вряд ли не была приращена еще и какая-либо любовная интрига. Если тесные комнаты летнего, зимнего и других домов государевых были не всегда удобны для интимных встреч, то некоторые сады, например, сад летний, сад у инженерного парка и другие со своими гротами, беседками, рощами и аллеями, представляли в летние месяцы прекрасное место для интимных бесед. Существуют указания, что кроме несчастной фрейлины Гамилтон, устраивавшей свидания с любовником своим Орловым в первом саду, там же происходили встречи и известного В.И. Моисея, тайные беседы красавца А.И. Шубина и других.

В откровенных беседах с Юленевой княжжю упоминала иногда и этого Шубина, оказавшегося жертвою любовных интриг⁸.

— Можно бы мне исхат милости и у цесаревны Елисаветы, — говорила она, — да нет... нечего и об этом думать, на что уж Шубин, и тут сослан...

⁸ Шубин, сержант Семеновского полка, первое лицо при дворе цесаревны Елисаветы Петровны, за то, что был любимцем царицы. Был сослан в 1723 году, пытки, заключен в каменный замок, помещен в тюрьму и сослан в Камчатку; пред облылой ему вырвал 1/2 волос, а в Камчатке придуванья жеваться не касался. По смерти Анны Иоанновны Елисавета, будучи еще камерной, стал стараться об его освобождении, и по ее настоянию последовало о том дело Указа: один от крестного чина-а и другой же князь эта Елисавета, другой ст подданным в. Гривалги жила, вымогать само толще и по третьему указу, подписанному Минихом. За несколько лет жила в камчатской тюрьме он отдал, хотя и сохранил еще следы прежней красоты. Но при дворе он оставался уже вдовой, покровитель княжжой, перешел на по добая в сад... на жестокость и по смерти 1 в. И описан год 1725. — Историческое Описание Елисаветы Петровны/Вестн. Евр. 1887, кн. С. 61-62; С. Максимов. Сибирь в царств. Ч. 4. С. 119.

Но дим шли за плями. Игуменья, завешая княжну, старалась развлекать ее от грусти и однажды принесла с собой кости и гадала.

— А ведь скоро, княжна, о свободе твоей указ получишь, — говорила она, смотря на разложенные кости.

Кроме игуменьи, к княжне ходили ворожить костями еще две монахини и также предвещали указ и скорую свободу, но желанного указа все-таки не получалось.

Княжна часто плакала, проклинала Ушковых и для развлечения поила и кормила своих монастырских приятелей.

На первых порах пребывания в монастыре ее посетили старые знакомые — дядя братя Корсаковых, а вскоре и еще один знакомый, Корсаков же, сержант Преображенского полка, проезжавший из своей деревни в Москву с затем своим Скобельцыным. Последний, имевший свою деревню около Тихвина, нередко навещал княжну и в последующее время, выезжая в монастырь со своими родственниками. Княжна всегда была несказанно рада этим посетителям и однажды во время утешения их, показывая роспись своего приданого, дошла до откровенности...

— Было время, что я была над братьями болючою... Отец любил меня и оставил мне много доброго... За это теперь и страдаю!

Прошел год. Знакомец княжн, тихвинский архимандрит Феодосий был ненадолго в Петербурге, с ним же ездил и монастырский студий Шпилкина. Когда они возвратились в Тихвин, княжна послала за Шпилкиным и спросила, не видел ли архимандрит с братом ее Ворсином.

— Как же! Отец архимандрит нарочно к нему ездил на поклон с монастырским хлебом... — начал Шпилкина.

— Это к супостату-то? — вскричала, прерывая Шпилкина, княжна. — Из-за него я и привезена сюда! Вины я за собой никакой не знаю. Цесаревна Елизавета во мне милостива. Милостива была и матушка государыня Екатерина Алексеевна. А нынешняя императрица до меня не милостива, без вины сослала! Брат с Остермаком меня и допрашивали. Я стала без памяти и не знаю, что говорила художнику Остерману. «Сто ти скодаряца! Вудет играть нами. Ти сюда пришла не на итране, о цем спресишь, то-де и отве-

пей!*». Знаю, что спрашивали о письмах, о бабе, но что говорила им — не помню. Государыне бы можно было сослать меня в хороший монастырь, поближе к Москве, а не сюда!.. У вас ведь не монастырь, а пиннок...

Шпилькин столбел от удивления. Как княжна знает о монастырских грешках — было первой его мыслью.

Княжна говорила далее, что в монастыре торгуют вином и в конце воскликнула:

— О, когда бы мне услышать, что цесаревна Елисавета императрицею!

Слова эти, означавшие, по тогдашним понятиям, ужасное «слово и дело», поразили Шпилькина, и он, как сумасшедший, выбежал из кельи. Княжна, увидев сменившую фигуру его, расхохоталась и рассказывала об этом Юленовой.

Этот случай, рассказанный Шпилькиным игумене, сразу же охладил отношение последней к княжне. Игуменя начала намекать княжне, что у нее мвото прислуги, что Юленова для нее совершенно лишняя и заводит только сплетни. Княжна выходила из себя и не хотела слышать об уменьшении прислуги, а тем более о разлуке с Юленовой.

Вскоре после этого по совету святок игуменя устроила у себя вечеринку, на которую приглашена была и княжна с Юленовой. Игуменя сидела с княжной за столом, а Юленова села между монахинями. Когда компания была уже завесела, игуменя подала знак, и в келью вбежали три маски в страшных нарядах и с кнутами в руках. Вбежав с пронзительным свистом, они начали петь песни и плясать. В это время Юленова поджалась с места и хотела выйти, но одна из масок бросилась на нее и повалила на пол, а другое две, продолжая петь песни, нанесли ей несколько ударов кнутами.

Сцена эта оскорбила княжну, и она оставила довольную компанию. Вскоре прибежала за ней и плачущая Юленова...

Княжна пожаловалась на игуменью архимандриту, и с этого дня между ними началась ожесточенная война. Кончилось тем, что по истринским игуменьям Юленова была выдворена из монастыря вместе с остальной прислугой, приплатившей

* Это был граф Андрей Иванович Остерман, который императрицею Екатериною II при поддержке брата воеводы с дочерью государя-отца батальона в Березово. Изученный жемчужной подругой, старик Остерман привезли бы в Березово с женой и тремя детьми (в 1747 г.) умер... Сибирь и матерья. Ч. 3. С. 137.

из Москвы. Несмотря на это, Юленева продолжала посещать княжну по ночам, но понимавший ее монастырский бобыль снял с нее шубу, посок шитью и вытолкал из монастыря. После этого случая княжна решила жаловаться на игуменью и отправила Юленеву в Петербург к Скобелыным, научив ее скрыть пред митрополитом поведение игуменья.

Но получив долго известия от Юленевой, княжна послала ей письмо, но игуменья перекрестила его, сыла копию и написала в свою очередь письмо секретарю Феофана Прокоповича Вухвостову, прося защитит ее от клеветы княжны и Юленевой.

Это было в конце 1784 года, а в январе следующего года в Тайной канцеляриишло уже дело о тихвинской затворнице...

Начало дела было несложно.

23 января Юленева пришла к секретарю Феофана Прокоповича и подала жалобу на игуменью. По дружбе с игуменей секретарь жалобу уничтожил, а Юленеву арестовал, доложив имевшейся уже у него письму игуменья⁸ митрополиту. Последний**⁹ отвез письмо императрице, которая передала его для исследования А.И. Ушакову.

* Письмо это введено в очередь Ешипова. Игуменья, между прочим, писала: «Благородный и пречестнейший господин Козма Родионович, мой благовольный отец и добрый благовольитель... Известно у нас у обители княжна Юсупова по учавию в подохорении и бываю быть при ней одной себя, а других, особливо в часов не выпускаю, а в часе оных неслила два или три раза... предвсего возможна неприятельности и злоле: митрополиту и архиепископу написать с просьбою: гласно Тихвинского путиа употреблено митрополитом, архиепископом, и прочими именами, и переводит здесь даже и мать, к-ромая, бывши при нем и похоронена, и выдана из обители и ни одна не была митрополиту, и никому и кому не известно, ни княжна не имела с обителем, и не протренила за себя: ждети оные письма по согласию с ней, священником, и прочими в С.-Петербурге ведомо с волею митрополита и архиепископа и т.д. — *Тогда стар. вера. Ч. 301.

** Функцию эту сменявшиеся главно: тем во времена императрицы Анны делательница Феофана Прокоповича. Миса поспособово Гибель в монастырях, и этот митрополит содействовал незаконно и гибели весьма многих душ. Благодаря этой деятельности, ему оставалось выбирать одно из двух: или погибнуть самому, или обороняться тем же оружием, с которым стоял вытравив его противника. Он выбрал последнее, и на этом основании случилось задушить государями братами и родственниками, уведомилши при том: вельмож и удельных и прочих и еще, пожить вельмож всех министров. Владельцы его вятргов, были сосланы в удаленный Гурский Пашонок (в Иерусалиме), сыновья Рована (в Соловьев монастыря), братья Никитича с женою и детьми (туда же), Яковлев, пещерный ступен Илья, располь Николай, Морозов (в Олонецкой парти), Горбунов (в серебряные заводы), трех Серафим Ардон (в Охотской остров) и другие. — Сибирь в каторга. Ч. 3. С. 120-121.

Важность дела заключалась не в беспорядках по монастырю, а в поведении там княжны Юсуповой. Императрицу и Андрея Ивановича занимало более всего одно: не разболтала ли княжна каких-либо дворцовых тайн, которые ей могли быть известны.

На первом допросе Юлиена старалась, как умела, обвинить влчуженью в преследовании княжым и, несмотря на опытность Андрея Ивановича, ни в чем не проговорилась о болтовне княжны про императрицу, брата Бориса и проч.

Последствием показания Юлиеной был арест некоторых из упомянутых ею лиц и в том числе бывавших у княжны в монастыре Скобелевских. Скобелевским проговорилась, что княжна мало знала им на братья своих. Это дело Ушакову повод считать, что кляпина болтала о своей сестре.

30 января Юлиена приведена была в застенок, где, по словам архивного документа, «с подлинной проважд: поднята на дыбу и реестраивана с пристрастием». Но несмотря и на ужасы пыток, она объявила, что о сестре княжны от нее ничего не слыхала, и приехала в Петербург желоветь на плугуменью.

Казалось бы, дело не могло принять для княжым дурного оборота, но странный случай изменил направление следствия. Содержавшаяся в Петропавловской крепости Юлиена 10 марта объявила дежурному офицеру, что караульные солдаты устранивали ее, Анну, что ее казнят смертью и что они просят сбавить о том генералу Ушакову. Дежурный донес об этом обстоятельстве Тайной канцелярии, и Юлиена под страхом воображаемой казни рассказала Андрею Ивановичу во всей подробности о болтовне княжны архимандриту Тихвинскому, страпичему Шпилкину и ей, Юлиеной.

В тот же день об изменившемся ходе дела Ушаковым деломо было императрице, и княжжю, и Шпилкина приказано немедленно привести в Петербург; случай же ареста их держат в секрете и посланному за ними привести их в Петербург, безусловно, «в ночных часах».

Привезенная в ночь на 19 марта прямо в Тайную канцелярию княжжа наутро же увидел пред собой ненавистного ей Ушакова, пред которым должна была оправдываться в том, что показала на нее Юлиена. Княжна открывала выводимые на нее Юлиеной разговоры с архимандритом и Шпилкиным, а если что из них и сознавала, то, как видно

из дела Тайной канцелярии, давала своим словам другое значение. Любопытны некоторые места показания княжны, передаваемые записью канцеляриста.

— Батюшка мой, — говорила, между прочим, княжна, — служил Ее Императорскому Величеству верою и правдою и с самоотверженностию ей, государыне, трудился и чело- битную подавал, и коли бы батюшка жив был, он бы стал просить у ее императорского величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де в ссылке не была.

В обвинениях Юсуповой княжны были упомянуты дерзкие статьи ее о власти при дворе иноземцев, и княжна продолжала:

— Ныне при дворе Ее Императорского Величества имеются многие иноземцы и русские мужского и женского пола, и то она говорила, ведая о том, что при дворе Ее Императорского Величества имеются обер-камергер господин фон-Вирро, да обер-гофмаршал господин фон-Левенвольд и другие, как иностранцы, так и русские мужского и женского пола, а не в другой манер сие.

В числе обвинений Юсуповой особенно внимание предусмотрительного Ушакова останавливали статьи княжны своим монастырским знакомцам о первом аресте и допросе ее, а также упоминание Шубина, доходящее, быть может, и до неосторожной болтовни о дворцовых тайнах. Между тем по делу оказывалось, что княжна никому не говорила, за что она сослана в монастырь, виче Юсупова не скрала бы этого важного сведения. В последнем случае, кроме значающего упоминания сада, названного на этот раз «Измайловским», раскрытие тайны со стороны Юсуповой далее не шло; княжна же говорила:

— Слова такие, что генерал Ушаков взял допрашивать меня в саду, я, Прасковья, армияндиту Федосию и стрип- чому Шпилькину говорил: когда они спрашивали меня о деле, за что де в монастырь прислана, где была допраши- вана? И на то де сказала я, что де не в Канцелярии допраши- вана и притом де объявила об означенном, имевшем меня, Прасковье, в саду допросе... И это я говорила потому, что действительно, когда я по известному делу, по которому сослана в означенный монастырь, из дому отца взята и от- везена в Измайлов сад и в том-де саду допрашивана была

генералом Ушаковым, да графом фон Ловенвольдом, а в какой-де матери прежнее мое, Прасковья, дело имелось, в том архимандриту Феодосию и стряпчему Шилкину в означенной давке и никому д. Прасковья, не говорила.

Таким образом, важная тайна осталась навсегда тайной — одною из тех неразгаданных дворцовых тайн, которыми обидно XVIII столетия.

Покончив с главным обвинением, княжна с той же уклончивостью объявила Ушакову и свое упоминание о Шубине.

— Я говорила такие слова: что-де был в гвардии сержант Шубин и собою-де хорош и пригож был, и потом-де имелся у государыни цесаревны ездовым, и как-де еще в монастырь я прислана не была, то-де оный Шубин послав в ссылку; и эти слова я говорила так, запросто, зная того Шубина, что он лицом пригож был и что был он ездовым у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а от кого, не упомяну, что оный Шубин послан в ссылку, а куда и за что, того я не знаю и ни от кого о том не слыхала.

На одной ставке княжны с Юленовой последняя прибавила еще несколько новых обвинений об оскорблении княжнюю во время разговоров с ней «чести и персям ее величества».

Спустя дня четыре после допроса, Ушаков вошел к княжне в тюрьму в сопровождении секретаря и подъячего Тайной канцелярии и объявил следующее:

— Я докладывал о тебе, княжна Прасковья Григорьевна, императрице; она очень гневна, что ты болтала Анне Юленовой и другим. Императрица приказала объявить тебе, чтобы ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всем объявляешь, то можешь ожидать всемилостивейшего от Ее Императорского Величества милосердия; буде же и ныне по объявлении тебе, Прасковья, Ее Императорского Величества высокого милосердия, о вышесказанном истину не покажешь, то вперед от Ее Императорского Величества милосердия к тебе, Прасковья, показано не будет, а поступлено будет с тобою, как по таким важным делам с преступными поступившее⁴.

После этой прелюдии секретарь Тайной канцелярии вновь прочел княжне показание Юленовой, а Ушаков приступил к новому допросу. Но на этот раз, вероятно, в страхе предстоящих пыток княжна изменила тон своих возраже-

⁴ Летопись старого века. С. 362—366.

ний против выводов Юленевой. Она сказала, что разговор, о которых показывают Юленева, «не упомянут, а если, быть может, и говорила, то под влиянием горести и печали, от которых доходила до бессмысленства».

В это самое время в Тайную канцелярию привезли в ружьях и показав железных стражничо Шпилкина. Последний подтвердил буквально разговор княжны, и его заперли в крепость; на очной же ставке с ним княжна созналась, что действительно говорила Шпилкину все так, как он показал.

Дело шло к концу. Недоставало только тихвинского архимандрита. 17 апреля Феофан Прокопович прислал и его. Хотя допросы архимандрита не дали для дела ничего нового, но заперли в крепость и его.

На следующий день после доклада Ушаковым пела императрице княжне объявлено было в Канцелярии следующее грозное решение: «За злодейственные и непристойные слова по силе государственных прав, хотя княжна и подложит смертной казни, но ее императорское величество, милосердием к Юсуповой за службу ее отца, соизволила от смертной казни ее освободить и объявить ей, Юсуповой, что по упущается ей не по силе государственных прав, только из особой ее императорского величества милости».

Затем княжне велено «учинить наказание: быть кошкями и постричь в монахини, а по пострижении из Тайной канцелярии послать княжну под караулом в дальний, крепкий девичий монастырь, который, по усмотрению Феофана, архиепископа новгородского, имеет быть избретен, и быть оной, Юсуповой, в том монастыре до кончины жизни ее неосходно».

Избегая разглашения, императрица приказала постричь княжну в Тайной канцелярии. Это был первый случай пострижения там колодников, который поставил Ушакова в затруднение: в Петербурге женских монастырей не было, не было и готовой монашеской одежды, почему последняя чрез нарочного куплена в Новгороде⁸.

⁸ Добытались шерстяной оладки, в альбионах в окладку не выделаны: — 2 к., тонкая по выстойланку — 10 к., берет — 4 к., парамок — 2 к., намотка февраль — 50 к., рева нижняя с узкими рукавами — 90 к., намотка матерья — 8 к., манты Большая, рева верхняя с широкими рукавами — 3 р., платья розовые с правкою — 3 к., чепки — 1 р., сукна белого повода — 10 к., всего на 5 р. 80 к. — Люди старого века. С. 372.

30 апреля княжна была наказана گوشками, а вытребованный из синода архимандрит Чудова монастыря Аарон исполнил над нею постройка в монастыре, дав имя Проклы*.

Затем княжне было объявлено, что императрица приказала отобрать у нее все золотые, бриллиантовые и другие вещи и со всем оставшимся в монастыре имуществом отдать брату ее, камергеру Юсупову, а от него потребовать 300 рублей на дорогу княжны в Сибирь и прощитание ее до места ссылки. Вместе с тем княжне объявлено, чтобы она до смерти ни с кем ни тайно, ни явно и ни под каким видом не имела разговоров о производившемся в Тайной канцелярии деле ее, в противном случае угрожалась смертной казнью.

Участь других лиц была решена по-иному: Кюлевна отослана в какой-то девичий монастырь, Шлисска бит клетями, архимандрит по старости прощен, а об итумьене первадан на усмотрение Феодана.

4 мая 1735 года княжна отправлена в Сибирь.

Лишне говорить, что приглашенный по распоряжению императрицы к участию в отправке княжны из Петербурга в Сибирь старший брат ее, камергер Борис Григорьевич Юсупов прекрвно был осведомлен о подробностях нового злополучия ненавистной ему сестры. Но ничего этого не знала престарелая мать Прасковья Григорьевна княгиня Анна Никитична, проживавшая в Москве и продолжавшая считать дочь свою в Тельвинском монастыре. За год до ссылки княжны в Сибирь княгине пришлось понести такую потерю в лице маленького своего сына Сергея Григорьевича, скон-

* В Триглавовой городской галерее в Москве, между прочим, есть картина художника И.В. Неврева «Княжна Прасковья Григорьевна Кюлевна перед настоятельницами». Кругом эти были «важные исторические лица» («Искусство», № 2, с. 53) по словам Шабали, причем ей предоплачено такое объяснение: «Воспринимаясь нами картина изображает княжну, которая в момент расставания с сестрами княжескими Прасковья Григорьевна. Умисленная у отца суровый характер, она не плачет и не жалует, отол между двумя наводился, и когда с глухой немнестно смотрит в упор на бестрепное лицо главного исполнителя сурового приговора (Станислав). Даже оживленности, при княжне совершить постражидеи, взыднотс з вершнствлности з непомощи осужденне, еда ни ксидлс точно ситт, который исследовало переносит на естие премежт лодст ташин. Но востане нмостотнши четверть в вескод ртно — и ое ксидлс от все действующе лядо шлобременной трагедии. → (Тем же. Л. 64).

читалась в чин в подполковника Бутырского полка; 17 же лет в 1735 году, т.е. когда княжна была уже в пути в Сибирь, достигла семилетия и имя ее и двух сыновей своих — Бориса и Григория Григорьевичей — подробное духовное завещание на свое громадное имение и вскоре скончалась. Любопытен этот акт в отношении княжны Прасковьи Григорьевны:

«... За благословением отца нашего и моих, ежели не пожелаете жить и одержать дом отца вашего внаем, то отца вашего вотчины и поместья родовые в выслуженные, и купленные в разных городах, все, кроме церковной моей вотчины Толбина, что куплена на имя оти и вощего на маму дельчи, которую и в духовной он, отец ваш, подарил мне, также кроме приданных моих и данных мне деревень и людей, разделенных вам как с вдовыми моими, помещен, так же в конюшенный, и санктпетербургские дворы и в них святые иконы, и суды серебряные, и фарфоровые, и медные, и оловянную посуду, и конские уборы, и всякой домовый завод, и из того отца вашего движимого имущества немало подлежало по указу мне и сестре вашей указные части, и я того указанного себе движимого и недвижимого имущества у вас не беру, а вы то же и не делайте, и дочери моей завещаю с помещением, дабы и она не делала на то же оловянного движимого и недвижимого у вас, братья своих, имения; все же оставлено, к: Я, дочери своей, за благословением мой с отдаю в наследие вместо указанной из отцовского имения части купленную мною подмосковную вотчину село Толбино, да приданные мои и данные мне деревни все, в разных городах, с людьми и со крестьянами, и со всеми угодьями, также ей, дочери моей, даю приданных людей своих, а именно: Федора Прокофьева, Василия Прокофьева, Михайлу Прокофьева и Никиту Прокофьева, Константина Прокофьева, Афанасья Шербачева, Емельяна Богданова, Герасима Калинин, Ивана Петрова, Ивана Зачетова, Андрея Курицына, Григория Тарасова, Никиту Исаева, Михайлу Говданова, Ивана Тарасовича с шашкинымском и в землеман, и с детьми, и вдову Акулину Хохлякову с ее детьми, вдову Софию, девушку Наталью Прокофьеву, также что есть в готовности данное ей от отца вашего и от меня приданое, алмазные и жемчужные, и изумрудные вещи, и жемчуг, и слезы, и прочий убор, то все ее да будет; ей же, дочери моей, вам, сыновьям моим, доделана она в вышесказанном: данное мною недвижимое во владение вступит,

давать ей, собирая с тех деревень, определенно, что мне вы порекли, без затруднения, а именно: с обих в один год триста рублей, одна простого по сту зерн, шестьдесят баранов да девять быков на год, а как ода, дочь моя, в то вышесказанное, определенное мной недвижимое во владение по милосердому Ее Императорского Величества указу самовластно вступит, то ей довольствоваться из того своего недвижимого самой, а с вас того уже ни требовать...»⁴.

Ведая мать все еще ласкала себя надеждою на скорое возвращение дочери из Тихвина и не предвидела, что предложенные ей при завещании сыновьями («что мне вы порекли») 300 рублей были тогда потребны уже не для будущих расходов княжны, а для возврата издержек ее по Невольному путешествию в далекую Сибирь, принятых Борисом Тряпцовым на свой счет. Из гражданского капитала, оставленного княгиней, камергер Юсупов не хотел пожертвовать для несчастной сестры даже и этой единственной подачкой, а постарался возратить ее, употребив пред умирающею матерью наглаый обман; до того иногда доходит на белом свете братская злоба...

III

26 июня 1735 года к Далматову Успенскому монастырю, расположенному при живописной реке Исети, неожиданно подкатило пять подвод, на которых помещались четверо мужчин и две женщины.

Последний в настоятельские толпы с первой подводой военный человек был сержант Измайловского полка Алексей Гурьев. Встретив настоятеля, архимандрита Сильвестра, он подал ему конверт Канцелярии тайных российских дел, при котором препровождалась в девичий монастырь, состоявший под управлением архимандрита, «колониата монахиня Прохла».

В действительности в старое время появления подобных Гурьеву шестипалых повозку энтузиало робость и страх, и лишие

⁴ О расе кн. Дурновож. II. С. 39 — 386; по поводу названного распоряжения существует об этом же времени на кав. фронте и баранов и зерно — в числе удельного капитала, действительности же оно принадлежало не им, а тем же лицам (именно — завещание последовало 17 мая 1735 г. документально, хранится в Псковском Епархиальном архиве), по с. князя князя — и в целом — «всего» о ч. 204. Также отнесена монахиня князь до не пр. возводилось (Там же. I. С. 105).

говорить, что приезд сержанта возбудил в монастыре смутные и суеты... Спутником Гурьева, в которых, кроме трех конвоиров-солдат, была под именем Прохлы княжна Прасковья Григорьевна Юсупова и неразлучная с ней крепостная девка, калмычка Марья, не пришлось долго ожидать сержанта. Через несколько минут поезд в сопровождении архимандрита и монастырского стряпчего передвигался уже от кельи настоятеля в близлежащий девичий монастырь.

Смутные перешло туда. Неграмотной начальнице монастыря, монахине Тарсиле, архимандритом был прочитан и растолкован указ Канцелярии тайных розыскных дел, причем сержантом передано 130 руб. 94 коп., оставшихся от путевых расходов на издержки колодницы, «сверх монастырской пищи». Княжна Юсупова в сопровождении урожденной Марьи и приставленной к ней коихини Сусанны снова считалась в мрачной убогой монастырской келье, но на этот раз уже далеко-далеко от родимой Москвы...

С этой-то поры и начинаются многолетние страдания княжны Юсуповой в Сибири, отрывочные эпизоды которых передают помещаемые ниже архивные документы.

Документы эти относятся к 1735, 1737, 1738, 1743, 1744, 1745, 1754, 1756 и 1757 годам и составляют один указ Святейшего синода, два указа Канцелярии тайных розыскных дел, три бумаги из переписки тобольского митрополита Антония и консистории его, четыре промемории Сибирской губернской канцелярии и пять донесений начальствующих лиц Далматовского монастыря.

В настоящей главе приводятся документы за первое во семилет пребывания княжны Прасковьи Григорьевны в Далматовском монастыре (1735—1743 гг.). Первая подробность тяжелых условий, которыми Тайная канцелярия умела обставить сибирское заточение княжны, документы эти дают наглядное свидетельство тех нравственных потрясений, до каких могло доводить это заточение несчастную колодницу.

Документы излагаются в хронологическом порядке.

1. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Санктпетербурга, из Канцелярии тайных розыскных дел, Тобольской епархии, Успенского Далматова монастыря архимандриту Сильвестру. По именовану Е.И.В. указу велено: содержащуюся в Тайной канцелярии монахи-

ню Проклу, которая явилась в важной вине, из Тайной канцелярии послать под караулом в обретающийся при означенном Успенском Далматовом монастыре⁶ Введенский девичий монастырь и быть ей в том монастыре^{6*} до кончины жизни ее неисходя и того монастыря итуменья смотреть издретельно, чтоб она жителювство имела благоугодно и, кроме дозволенной в том монастыре работы, никуда б она отлучившаяся не была, так же посторонних ни токмо до каких разговоров, но и ни для чего никого к ней допущено не было, и ни к кому ни о чем писать ей не давать, и содержать ее против прочих монахинь, а ежели, паче чаяния, она монахиня тайно станет писать к кому какие письма, или словесно чрез кого что сообщать, и об оном таку монастыря итуменья великими мерами неослабно смотреть и, проведая, какими способами оное читается, писать о том, тако же и зная, отыскав, прислать в Тайную канцелярию в самой скорости, а тех людей, кто в означенном со оною монахиню в согласии прили-

⁶ Далматовский Успенский мужской монастырь основан в конце первой половины XVII века иноком Далматом, присоединившим во вологодских землях Иоханновский. Инок Далмат, известный в миру как Петр Иванович, был ранее жезит, имел детей и дом в Тобольске, но, оставив, уврадован с дозволения Богородицкинского монастыря (основан в 1623 г.), при вступил в монашество. Здесь он сохранился до 1654 г. В этот год он тайно ушел из монастыря и, выбрав крайнюю бесплодность на правом берегу реки Ишты, выкопав у колодезя чашу в овчарке с северозападной стороны ошхеру и поводелся. К нему начали стекаться землетряса еликовия люди и, когда иконою стала тучна, построили часовню. В 1661 г. во время чумы казньюю вступил Далмат с часонною была ожежана, и многие путчипицы убиты. Связавшись же Далмат при волегии пришедшего к нему из Тобольска сына его инокса же Иларию около 1665 г. по чести бабьей чашею построил деревянную монастырскую церковь во имя Успения Божьей Матери. Пред тем же временем около монастыря поволилась и первая поволилась — Служба свободна и в означенных селех оскорыты и Бенсал, ожежана, а затем в г. Тельчатов. — В. Шишонко. Пармс. летописи с 1268—1881 г. 1882. II. С. 427, 428 и 430 и др.

^{6*} Когда была учреждена при Далматовском монастыре женский монастырь, по означенной указавшей, связать ни можно; причины же возмужания женского монастыря при монастыре мужского изволевы в соборном определении 1681 года, где говорится: «А женскаго цолю, которая бочичино инстингидов вне монастыря, в домах своих, и явное ходит по мирским домам и садится по улицам и по иверовским, пролетт жидковичья, и 2^я «свяха гварис, божьего ошотвещиваща, инакже ошхерою во своей области прислать мужские монастыри с почтительности во оному раскорривено (потому что девичьеск монастырей мало с почтительности и оропораться без чотчия и монастыря неч) и устроит монастыри старшим». — Акты историч. Т. V. С. 113.

чится и могут быть в том монастыре смеканы, содержать под христианским караулом, а для услужения при оной монахини в том монастыре велено быть одной ее девке и дядьку той девку от оной монахини не отлучать, токмо смотреть за нею, дабы чрез ее каких письменных или словесных от той монахини к кому сообщений не могло происходить. И по силе вышеупомянутого Е.И.В. имянского указа как помянутая монахиня Прокля, так и имеющаяся при ней во услужении девка ее Мария, Иванова дочь, во оной монастырь посланы с лейб-гвардии Измайловского полку сержантом Алексеем Гурьевым и с солдатами тремя человеками, и при отпращивании означенной монахини Проклы с девкою ее дано на Тайной канцелярии денег триста рублей: и для отвозу оной монахини Проклы с девкою ее велено от Санктпетербурга до означенного Введенского девичья монастыря давать ямских, а где ямских нет, то уездных, по пяти подвод, а на возвращение оному сержанту с солдатами до Санктпетербурга по три подводы и за ямские прогоны деньги, а за уездные подводы поверстаные по плакату ж деньги давать оному сержанту из вышеобъявленных денег трехсот рублей с запискою; тако ж, будучи в пути, оной монахини Прокле обще с означенною при ней девкою из оных же денег давать на пропитание по двадцати по пяти копеек на день с запискою⁴³. А как оные монахиня и девка помянутым сержантом в объявленной монастырь привезены будут, то у оного сержанта принять их объявленной изюбкой и о содержании их в том монастыре, и о прочем исполнении чинить против вышепомянутого Е.И.В. имянского указа неотменно. А по приеме оной монахини Проклы с девкою, оставшие за вышепоказанным расходом деньги у помянутого сержанта взять и из тех денег на возвращение оному сержанту от того монастыря до Санктпетербурга на три ямские, а где ямских нет, то за уездные подводы прогоны и поверстаные деньги дать оной изюбке надлежащее число⁴⁴, и затем оставшие хранить той изюбке и из них оной монахини Прокле с девкою ее давать, сверх

⁴³ История отлучка этих денег уже рассказана.

⁴⁴ Гурьев возвращался в Декретный д'ю вступил. С охранением довел его в Тайную канцелярию с путешествиие с изюбкой, извездное в смысле Епифана. В конспирации повелось, что княжна одна в монастыре была похитри, но она чини неустойчивости, заны вкляды, пажайшему, чего не пришлось». сержант возвращает: «Дорогою княж-

монастырской нищизны, на пропитание по рассмотрению той игуменши, без нищизны, но токмо б не имела в пропитании какой нужды*, а коликое число у оного сержанта вышесказанных денег оною игуменьею принято и тому сержанту на возращение на прогоню отдано будет, о том тако ж и о приезде в тот монастырь поминутых монахини и девицы для ведомо со оными же сержантом в Тайную канцелярию писать. И понеже, по сношению Тайной канцелярии с Святейшим Синодом в указе Е.И.В. на Святейшего Правительствующего Синода в Тайную канцелярию показано, чтоб о содержании оной монахини в том монастыре и о прочем чинить крепкое наблюдательство и вам, архимандриту Сильвестру, обще с поминутую игуменью того ради для исполнения против в спешившемой сей Е.И.В. из Тайной канцелярии указы к вам исполнять, писал ж об оном на Святейшего Синода Е.И.В. указы в дачегах на печатью к вам и к преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, для немедленной отсылки от вас посылаются при сем. И Успенского Долматовского монастыря архимандриту Сильвестру о вышеписанном о всем учинить по Е.И.В. указу, а означенного Введенского девичья монастыря игуменью из Тайной канцелярии указы посылал. Мона 4 дня, 1735 года. *Генерал Ушаков. Секретарь Николай Хрущов. Под канцеляриет Степан Андреа.*

2. Великому господину преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. По Е.И.В.

на недопорокно бранца Ушакова и дочь его, а также и секретари Тайной канцелярии Хрущова и не один раз просила его, Гурьева, дать ей какому-либо казенному, но оному-то означенному, что монастырь несть слышать, — «Ди и несть на сему, — означил означен, — ДОСМОТРИ ТОБЯКО и не оныи бысть. Ни отнимати ни по не дол. Тем аксептире и выгавиватися. — Поди стар. вола. С. 374—375.

* Отчет в этих деньгах (130 р. 94 к.) был представлен наместником архимандритом Гимназическим митрополиту Антонову 22 1743 году, по истребованию, что расказано ниже, происшедшее извещение, были следующие: в 1735 г. — 11 р. 78 к., 1736 г. — 10 р. 46 к., 1737 г. — 18 р. 89 к., 1738 г. — 17 р. 98 к., 1739 г. — 16 р. 85 к., 1740 г. — 10 р. 94 к., 1741 г. — 19 р. 66 к., 1742 г. — 4 р. 74 к., 1743 г. — 19 р. 95 к. При этом перечислен был расказов ба вороски и жальней гряди, и 1782 г.: поворку 2 рубля — 4 р., далее двести червонцев — 4 р., далее оловя — 1 р. 13 к., далее Митрополиту казенно 24 руб. — 90 к., далее баи казен — 25 к., и же ту луд — 1 р. 80 к., и 1748 г.: сахару 6 ф. — 1 р. 13 к., кофе 4 ф. — 2 р. 14 к., вино 3 ф. — 21 к., стирания луд — 78 к., шенины 4 ф. — 40 к., мыла червонцакого — 20 к., халата поногого 2 рубль — 2 р. 40 к., илану червонца 3 руб. — 3 р. 20 к. белая — 4 р. 36 к.

указу, присланному из Канцелярии тайных розыскных дел в Далматов Введенский девичь монастырь прошлого, 1735, года, июня 26 дня, повелено мне присланную во означенной девичь монастырь под караулом монахиню Проклу, которая-де явилась в ажитой вине, содержать до окончания жития ее поисходно и смотреть мне нарочно, чтоб она жителство имела благочинно, и, кроме имеющейся в том монастыре пержи, нигде б она отпускала не была, тако ж посторонних не токмо до каких разговоров, но и ни для чего зикого к ней доускаю не было, и ни к кому и ни о чем писать ей не давать, и содержать ее противя прочих монахинь. А по приказу вашего преосвященства велено мне, оже, паче чаяния, оная монахиня Прокла будет житие свое препроводять неблагочинно, или з противность, от оного Е.И.В. указу продержко, что чинить начнет, то, не упуская времени, доносить вашему преосвященству письменно. Того ради, следуя вышеописанному Е.И.В. присланному ко мне из Канцелярии тайных розыскных дел указу и приказанию преосвященства вашего, покорно доношу, что оная монахиня Прокла в житии своем стала являться весьма безчинна: первое — в церковь Божию ни на какое славословие Божие ходить не стала; второе — монашеское одеяние с себя сбросила и не носит; третье — монашеским именовем, то есть Проклою, себя не называет и звать не велит, а называться и велит именовать Парасковью Григорьевною; четвертое — расквиздена, учинилась монашескому обыкновению противна и ни в чем по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую к ней из келарской кельи пищу не приемлет, а временем и бросает на пол и, ругаясь, говорит: «У меня-де лучше того едали щи», — и просит себе в съезд излишних припасов, чтоб всегда было свежее и живое. Слезно прошу вашего преосвященства учинить по сему моему доношению милостивое решение, понеже не донести того весьма я, раба ваша, боюсь, дабы впредь мне не прийти от этого во исгнание. О сем доносит вашему преосвященству всеижайшая раба Успенского Далматова монастыря начальница Тарсилла. 1737 года, декабря дня. К сему доношению вместо начальницы Тарсиллы по ее прошению Успенского Далматова монастыря служитель Семен Васильев руку приложил.

«Писать о сем в Святейшей Правительствующей Синод немедленно, а монахию Прокле велеть по силе объявленного Е.И.В. указу содержать во оном девичь монастыре под крепким караулом, в особой келье, заперев в поземные двери. И быть тому караулу без перемены по указу, чтоб она, Прокля, по покаянным своим проделанам, паче чаяния, утечки из монастыря учинить не могла. И о том подтвердить указом А.М.Т.» (*Резолюция Антония, митрополита Тобольского*).

3. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Санктпитебурха, из Канцелярии тайных розметных дел преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. По указу Е.И.В., по слушании указу Е.И.В., присланного из Святейшего Правительствующего Синода в Тайную канцелярию о осельмой из Тайной канцелярии Тобольской епархии в Введенский девичь монастырь, за вины монахине Прокле определено: оной монахине Прокле за учиненные ею проделаности и неблагочинные поступки, о чем по доношению к вашему преосвященству помянутого монастыря от начальницы Теремзлы, а от вашего преосвященства Святейшему Синоду в доношении показавно, как о том о всем в вышеупомянутом Е.И.В. из Святейшего Синода указе явствует именно: учинять в означенном монастыре наказания шлепками и объявить ей, монахине Прокле, ежели впредь таковые проделаности и неблагочинные поступки, неприличные к монашескому чину, происходить от нее будут, то жесточайше иметь быть наказана и содержать ее во всем против протчих оного монастыря монахинь неотменно, и поступать, как по силе Е.И.В. указу, в посланном из Тайной канцелярии в 1735 году, мая 4 дня, означенного монастыря к глумелье указу, полагано непременно. И об оном к вашему преосвященству послать из Тайной канцелярии Е.И.В. указ, о чем и Святейшему Синоду из Тайной канцелярии сообщить. И преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, учинить о том по сему Е.И.В. указу, а о вышеозначенном Святейшему Правительствующему Синоду доношение подать. *Марта 14 дня, 1738 года. Генерал Ушаков. Секретарь Никита Хрущов. Канцелярист Федор Митрофанов.*

4. Великому государю, преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. Сего,

1743 года, во дних июля и августа месяцев, пришел ко мне, нижайшему, Далматова Введенского девичья монастыря начальница монахиня Тарсизла с сестрами объявляя словесно неоднократно, что содержащаяся-де у них в девичьем монастыре под караулом монахиня Прокла являлась пегма им противна: к церкви Божией не ходит, зоншицкого по обычаю платья не носит и имею каждаждешим не өзвется; и просила оца, начальница Тарсизла с сестрами, чтоб об том предложить вашему просвещенству. Того ради, сии покорным доношением почтенно я, нижайший, репортую. Августа 25 дня, 1743 года. Вашего просвещенства *нижайший вомолец Успенского Далматова монастыря архимандрит Силвестр.*

5. 1743 года, сентября 30 дня. В Тобольской Архиререйской консистории присутствующи, слушав... из полученных Е.И.В. из Святейшего Правительствующего Синода 735 и из Канцелярии тайных розыскных дел 738-го годов указов о содержании в Далматове в Введенском девичьем монастыре монахини Проклы выписки и доношения, присланного от архимандрита Силвестра о продерзостных ее поступках, что она является ко яма противна, к церкви Божией не ходит, жедобного по обычаю платья не носит и именом казначиским не өзвется; приговорили: писать о том в Святейший Правительствующий Синод доношением со внесенем в оное всемиростившийся Е.И.В. о генеральном отлучении вии указа, состоявшегося декабря 15 дня прошлого, 1741, года и указа ж о присылке в Святый Синод Правительствующий Синод ведомостей о неизвестно содержащихся колодниках и требовать от Святейшего Правительствующего Синода определения: оная монахиня Прокла, понеже вии ее, за что она в поминутой монастыре послана, закрыта по состоянию вышеобъявленных Е.И.В. всемиростившийся о генеральном отлучении вии указов, может ли сподоблена быть от поминутого Далматова девичья монастыря свободною, или вперед неотменно надлежит ее в монастыре содержать по указу, полученному из Тайной канцелярии в 735 году; а донесе резолюции из Святейшего Правительствующего Синода на оное не воспоследует, велеть ее, монахиню Проклу, содержать во оном девичьем монастыре во всем против прочих оного монастыря монахинь неотменно и поступать, как по силе

имянные блаженные и вечнодостойные памяти Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссийской указу в посланном из Тайной канцелярии в оном 1744 году, мая 4 дня, означенного монастыря к игуменье узнице показано непременно. И о том к архимандриту Сильвестру послать указ. И сей приговор предложить его преосвященству к слушанию. *Знаменский архимандрит Порфирий. Дому архиерейского аноном и казначей протопоп Иоанн Сергеев. Успенского собора протопоп Алексей Михайлов.*

Таким образом, после наложения «железных» и наказания «шелепами» на восьмой год мучительного пребывания в Далматове для Прасковьи Григорьевны проглядывает светлый луч надежды на возвращение в клязю Москву: Архиерейская консистория, как видно из последнего документа, возбуждает пред Святейшим Синодом вопрос о применении к именной узнице тех милостей, которые были даны всем опальным людям прошлых царствований по манифесту 1741 года вступившей на престол цесаревны Елизаветы Петровны.

Не подлежало никакому сомнению, что милость новой императрицы колжны были иметь безусловное применение и к княжне Юсуповой: наряду с важными государственными преступлениями должна была возвратиться из ссылки и столь много настрадавшаяся бессильная жертва придворных интриг. Это сознала вполне Сибирская губернская канцелярия, деятельно занимающаяся приведением в исполнение манифеста, и благодаря распоряжению ее, 14 марта 1744 года княжна привезена была в Тобольск с целью немедленной отправки ее в Москву, но духовные власти «страха ради», признали безопаснее прежде сождать распоряжение Святейшего Синода по возбужденному пред последним вопросу о применении к княжне «генерального отпущения вин». Кончилось, однако ж, тем, что бедная Прасковья Григорьевна в конце июня того же года за конвоем солдат Сибирского гвардейского полка увезена в Далматовский монастырь. Следующие документы рассказывают нам «железную» процедуру возбужденной по этому поводу переписки.

6. Великому господину преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. Сего, 1744 года, февраля 11 дня, из Исецкой Провинциальной Канце-

ларин в Успенском Далматовом монастыре получена промемория и при ней с присланной того же февраля, 10 числа, по оную Иевскую канцелярию из Сибирской губернской канцелярии промемория с изображением земолостнейших Е.И.В. указов, состоявшихся сентября 24-го 1742 и ноября 9-го 1743 годов об освобождении пашаных в бытность прежде Е.И.В. правления ссылки в разные отдаленные места государства* сообщена точная копия. А вожде Иевской провинциальной канцелярии известно, что в Далматовском Введенском девичьем монастыре в ссылке имеется княжна Юсупова, того ради она Иевская канцелярия требовала, чтоб по силе изображенного в присланной из Сибирской губернской канцелярии промемории вышеописанного земолостнейшего Е.И.В. указа о свободе вышеописанной княжны Юсуповой учинить, как оной всемплеившей указ повелевает, опасась-де за малое неисполнение показанного в том указе штрафа, как губернаторам и воеводам объявлено**⁸³. И как де она княжна Юсупова по силе означенного указа отпустится, или в Сибирскую губернскую канцелярию отошлется, о том де помянутую Иевскую провинциальную канцелярию умова-

* За это время были возвращены освобожденные по патриту всеволодцы Меншикова Агатовой Девиги, Тютчевой с сыном, Григорий Скорняков-Пицера и граф де Сентен, заключенные в монастырях князюм Долгоруковым, князю Рабину Павлу и князю Сибирскому, бывшей княгини-государыни императрицы губернатором, дочери Волынского и многие другие. Дать на сумму их приказания новые ордера: в Берков — граф Остерман, в Палем — фельдмаршал Миних, в Сибирской готторг — кабинет-министр Потоцкий, в Нижнеискольск — президент коммерц-коллегии барон Мендзин и другие, все по обыкновению в управление княжества от престона. Последнему, пришедшему с женою, дочерью и сыновьями, пришлось, между прочим, посетить монастырскую Сибиря трави наивышнейшими службами, из которых одна состояла в отражении небага князь учения, другая — в заведение неопытных слуг и азиатской в податном соборном и описании в третья — в торговле, кои рено назначались Меншигов, назначенные товарищи из Якутска для отражения и потребностей бывшего destinato неопытного — Сибиря в казны, ч. 2, с. 118, 121, 124, 129, 142 и др.

** О исполнении повеления княжества Иевской канцелярии о ссылке княжны Юсуповой в монастырь в оном указе сказано: «как в том указе повелевается, опасаясь-де за малое неисполнение показанного в том указе штрафа, как губернаторам и воеводам объявлено». И как де она княжна Юсупова по силе означенного указа отпустится, или в Сибирскую губернскую канцелярию отошлется, о том де помянутую Иевскую провинциальную канцелярию умова-

мить. И сего же февраля 14 дня, — по силе изображенного из преданной губернской канцелярии в промеморию вышесказанного всеимператорского Е. И. В. указа, как в том указе показано, где кто (кроме содержащихся в Сибири бля Тобольска и в Тобольске под смотрением Преображенского полка прагоришка Колобова людей) поныне еще неосвобожденные и неотпущенные содержатся, немедленно освободить и отпустить под опасением изображенного во оном Е. И. В. высочайшем указе губернаторам и воеводам, и прочим управителям осужденны и ссылки — вышеупомянутое, содержащиеся в Далматовском Введенском девичьем монастыре княжну Юсупову, которая в указе блаженные и вечной памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны из Санктпетербурга, на Канцелярии тайных розыскных дел от 4 мая 1735 года показана монахиней Проклой, послал я, нижайший, к вашему преосвященству и со служащей ей девицей Марьей Ивандовой для представления в Сибирскую губерскую канцелярию с монастырскими служителями Савой Иванчиковым с товарищем; при ней же, княжне, для провожания до Тобольска послана Далматова девица монашери одна монахиня Епихария, которая определена была при ней, княжне ее, для караула... И ваше преосвященство о вышеписанном что соболаговолит. Февраля 14 дня, 1744 года. Вашего преосвященства нижайший *благочинный Успенского Далматова монастыря архимандрит Силвестр*.

7. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. Сего марта, 13 числа в Сибирскую губерскую канцелярию промемориею от вашего преосвященства представлено: что-де о содержащейся в Далматове монастыре девичье монашине княжне Проксе Юсуповой прошедшего 743 года, октября, 11 дня, представлено от вашего преосвященства в Святтейший Правительствующий Синод именно с требованием указной резолюции соболаговолено ли будет по силе Е. И. В. указов освободить ее, или ей быть в монастыре по-прежнему, на которое-де вашего преосвященства представление еще и донные указной резолюции не получено, и по представлению-де Сибирской губернской канцелярии до получения указной резолюции отлучить собою ваше преосвященство имеет опасение, дониме-де удобнее бы было

вашему просящему не учинить без представления за-
шего просящего, ежели по представлении, хотя бы-
де и опасность какая была, да не там бы могла быть сильна,
какова состоит ныне; что же-де об ней Сибирская губер-
нская канцелярия, когда и откуда и по какой вине она при-
слана — неизвестна, то о том для уведомления и лучшего
рассмотрения сообщены при той промемории с указу на Свя-
тейшего Правительствующего Синода и на Канцелярию тай-
ных розыскных дел, точные копии, которые-де рассмотрити и
обстоятельно о всем рассудит, может Сибирская губернская
канцелярия удобнее признать: надлежит ли ныне оной мо-
нахии Юсуповой до получения на представление вашего
просящего указной резолюции, учинить отпуск, или
не надлежит, и буде по довольном разсуждении несумни-
тельно признается, что отпустить ее, Юсупову, и до получе-
ния резолюции возможно, и оной отпуск Сибирская губер-
нская канцелярия на себя воспримет и чрез премероваль-
ное сношение от вашего просящего ее, Юсупову, к себе
для того отпуску требовать соизволит, то-де по такому сно-
шении она монахиня Юсупова в Сибирскую губернскую
канцелярию от вашего просящего отослана будет. А
позже по присланному Е.И.В. из Правительствующего
Сената октября 18-го, а в Сибирской губернской канце-
лярии полученному ноября 2 числа 1742-го года указу, в
котором объявлен именной Е.И.В. высочайший указ, пове-
лено неведомо содержащихся людей, которые посланы в
бывшее прежде Е.И.В. правление, прислать изю всех мест,
где Е.И.В. обретаться будет, в Правительствующий Сенат;
а января 3 числа сего, 1744 года по присланному же Е.И.В.
из Правительствующего Сената вторичному указу, в кото-
ром объявлен именной Е.И.В. высочайший указ, повелено
объявленных, неведомо содержащихся людей с подробны-
ми ведомостями немедленно свободить и прислать в Прави-
тельствующий Сенат под опасением изображенного по оном
Е.И.В. высочайшем указе губернаторам и воеводам, и протчим
управителям суждения в ссылке. И ради того по Е.И.В.
указу в Сибирской губернской канцелярии определено: к
вашему просящему послать сию промеморию, объяв,
что Сибирская губернская канцелярия, разсуждая объяв-
ленные именные Е.И.В. высочайшие всемогущественные ука-

ам, огласи о определяет: оную княжну Юсупову доставят из Тобольска за надлежащим присмотром в Москву в Правительствующий Сенат в немедленном времени, а за опычи Е.И.В. высочайшими всемогуществейшими указами тое княжну Юсупову в Тобольске более удерживать весьма опасно. Того ради, ваше преосвященство, благоволите означенную монахиню княжну Юсупову для отсылки ее в Правительствующий Сенат прислать в Сибирскую губернскую и исполнительную в немедленном времени, которая по присылке от вашего преосвященства в Правительствующий Сенат отправлена быть имеет немедленно. И преосвященный Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский, да благополит учинить по Е.И.В. указу. Марта 18 дня 1744 года. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. Канцелярист Сергей Везюсов.*

8. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Святейшого Правительствующего Синода преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. По указу Е.И.В. Святейший Правительствующий Синод по присланному вашему преосвященства прошлого, 1743 года октября от 11 дня доношению приказали: о содержащейся епархии вашего преосвященства в Далматове Введенском девичьем монастыре ссыльной монахини Прокле, что по содержанию Е.И.В. всемогуществейших указов может ли она свободлена быть от того содержания свободно, или и впрямь неотменно надлежит ее в том монастыре по-прежнему содержать для надлежащего о том рассмотрения в Канцелярию тайных розыскных дел послать указ (и послать), а что оная же монахиня Прокла является весьма противна, к церкви Божией не ходит, монашеского по обыкновению платья не носит и имеет женшескими изысканиями, и за то смирить ее по монастырскому обыкновению и содержать ко указу, никуда, кроме церкви и монастыря, отнюдь не исходу. И преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, о том ведать и чинить, как преждепосланным о ней, так и по сему Е.И.В. указам повелено во всем непременно. Апреля 17 дня 1744 года. *Обер-секретарь Савва Левашидов. Секретарь Никифор Слопцов. Канцелярист Евдоким Черновский.*

9. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Си-

бирскому. Сего июня 1 дня присланною в Сибирскую губернскую канцелярию от вашего преосвященства проеморной требовано, чтоб по силе прописанного в той проемории Е.И.В. из Святтейшего Правительствующаго Синода указа княжню князю Проклу Юсупову послать от Сибирской губернской канцелярии за подлежащим караулом в Далматов Введенский девич монастырь. И на оное по указу Е.И.В. в Сибирской губернской канцелярии определено: вышеписанную княжню Проклу за караулом прежде определенных к ней для отвозу в Москву солдат Семена Щукина и Матвея Дуднева⁴ послать из Тобольска в вышепоказанной Далматов Введенский девич монастырь в неслухомое до указа содержания по-прежнему, которая Прокля сего же июня 5 числа и послана на ее конте. А чтоб она Прокля в объявленной Далматов Введенский девич монастырь везена была в монашеском платье непременно, о том, также и о содержании ее в пути, и об отдаче в покаанном монастыре с распискою предписанным солдатам двна из Сибирской губернской канцелярии пристойная инструкция, а правящему ныне дежур-майорскую должность сибирского гарнизона капитану Нелидову дана инструкция же, по которой велено ему у вышебъявленной Проклы Юсуповой имеющееся у нее немонашеское, но светское платье, все, что есть, отобрать и, описав каждую вещь порознь, запечатать и объявить при той описи с допощением в Сибирскую губернскую канцелярию в скорости, которое по объявлении имеет быть содержано во тобольской ротпаре до указа под охранением. И прощенный Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский, о вышепереченом да благоволит быть известен. Июня 5 дня 1744 года. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Веселов.*

Но на обратном пути в Далматов монастырь бедную княжню постигла новая беда...

IV

На одной из станций за Тюменью главный конвоир княжны солдат Еписейского полка Иван Парамонов между вещами Прасковьи Григорьевны увидел берестяной коробок.

⁴ Первый, как видно из последующих документов, заменен был солдатом Еписейского полка Иваном Парамоновым.

— Коробейка-то с чем? — спросил он князю.

— С суехой... — сказала княжна.

— Да откуда у тебя взялась она?

— Да все от монахинь... Принимались лечить зубы да чуть и не отравили. Хотела, было, показать митрополиту, да не успела...

Последний слез убитой горем монастырской затворницы было вполне достаточно, чтобы дать Парамонову повод отобрать коробок и представить по начальству.

Из пустяка вышла целая история, усиленная раздражительностью нервной Прасковьи Григорьевны до последнего предела; доехав до монастыря, она решительно заявила, что без военного караула не останется: монахини отравят ее... Подробности этой истории рассказывают три приводимых ниже документа.

10. Великому господину, преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. По Е.И.В. указу из Консистории вашего преосвященства, пущенному от 5 июня под № 913, а здесь чрез тобольского гарнизона Енисейского полку, пятой роты солдата Ивана Парамонова явил 26 числа сего года полусонному, зелено мне, шивайшему, посланную при оном указе от Сибирской губернской канцелярии монахиню Проклу, которая наперед сего была в Далматове Введенском девичьем монастыре в ссылке, наки принять у посланных за ней от помянутой губернской канцелярии солдат оного Ивана Парамонова с товарищами и содержать в речном Введенском девичьем монастыре до указа, явкуда, кроме церкви, не исходит, и иметь мне над ней шол лашыским мезамат и чины, а по выплотеку шит и смертной казни крепкое надсмотрение. А доложить вам о ж июля 26 числа выписанный солдат Парамонов по прибытии в Успенский Далматов монастырь и при подаче вышесказанно о Е.И.В. указе мне, шивайшему, при жей братии писавшею о продолжал, что сого де 744 года, июля 5 дня, отправлен он, Парамонов, от Сибирской губернской канцелярии при подорожной за посланной от оной Канцелярии в Далматов Введенский девичь монастырь арестанткой, предпомянутой монахиней Проклей и, едучи дорогою и проездом город Тюмень, на ставке в деревне, а в которой и шьяма, того он не усомнит, обшьял у помянутой арестантки в ко-

Монахиня Прокля: Кизкина Прасковья Григорьевна Ксупова. 251

робейте ее отравного зелья, судемы кусок небольшой, например, близ золотника, которую судему ок. Парамонов, притом мне, низайшему, я всей братии и объявил и по объявлении взял ок, Парамонов, оную судему к себе. А как де оной, Парамонов, тое судему сыскал, то она арестантка сказывала ему: такое отравное зелье дали ей в бытность ее в поминутком Далматове девичье монастыре того монастыря монахини на лечение зубной болезни, а имянно Тарсылла больша прислала чрез Тарсыллу малую; и тою судемскою мазала во рту ее монахиня Суанна, и хотела де она, Прокля, то зелье судему объявить вашему преосвященству при поезде своем в Москву, но ныне де за скорою и печалиною из Тобольска посылкою вашему преосвященству того зелья судемы объявить ей время не допустило. И поминутая монахиня Прокля того ж 28 числа, пришла в церковь святую, говорила мне, низайшему, и всему братству, что предомынутая де судема оным солдатом Парамоновым подлинно у ней сыскана и за такою де отравою в девичье монастырь, дабы ее тамо монахини смертно не отравили, не едет и без солдатского караулу здесь не остается, «а ежели поважете сильно, то де закричу государеву дело», а что кричать хочет, тоя «я не слышу и с тем никак не вникну невольни, дабы от того обгасли нашей напрасного разорение, так же и нам, низайшим, истязания не учинилось. Того ради вашего преосвященства покорно просим, дабы поминутым солдатам Ивану Парамонову с товарищем или другим быть при ней, Прокле, для караула. Чего ради от них солдат Ивана Парамонова и с рук ее, Проклу, еще не принял, а обретаются они ныне при ней, Прокле, до указу вашего преосвященства. И о том, что ваше преосвященство соблаговолит? Июли 27 дня, 1744 года. Вашего преосвященства низайший богомолец Успенского Далматова монастыря архимандрит Сиваостр.

11. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Консенатории преосвященного Антония, митрополита Тобольского и Сибирского в Успенский Далматов монастырь архимандриту Сиваостру. Сего августа 29 дня, по указу Е.И.В. и по определению его преосвященства, а по сообщенной к его преосвященству из Сибирской губернской канцелярии прошения велево отправленную из оной губер-

иской канцелярии и ныне при оном Далматове монастыре за караулом сибирского гарнизона дву человек, солдат Ивана Парамонова с товарищем, содержащуюся колодницу, монахию Прокля, за теми же солдаты и за нарочно-отравленным ныне из Тобольска оного Далматова монастыря служителем Савой Иванчиковым по силе, данной ему от Консистории его прощениями инструкции, прада потребное число от монастыря служителей, послать в Далматов же Венедский девич монастырь в самой крайней скорости, невзирая ни на какие той колодницы отговорки и представления. И по приезде ее, колодницы монахини Прокля, во означенный девич монастырь, ежель, паче чаяния, находится она ныне не в монашеском платье, но в светском, оное от нее отобрать, а дать ей монашеское и содержать в том монастыре по-прежнему в всем попременно и без всякого послабления. А ежель она, Прокля, по приезде ее во оной девич монастырь по-прежнему монашеского платья на себя принять не дохнет или употребит какие продрозостные слова и ненормальные поступки, то притом же, не отгибая, учинить ей по монастырскому обыкновению наказание тюремной заключенью. А какие издевательств от нее снова или сумасбродств произойдут, о том ведать нарочно отправленным за нею для охраны вышепомянутым солдатам Парамонову с товарищем объявить в Сибирскую губернскую канцелярию репортом. И тем солдатам в приеме оной колодницы в девич монастырь, когда они туда придут, дать расписку и о том о всем обстоятельно репортовать его пресвителю. А буде в выезде в каких продрозостках оная колодница являться будет, поступать с нею против вышеписанного и, несмотря ни на какие ее представления, содержать ее по указам, понеже за слабое ее содержание показано тебе, архимандриту, лишение имения и чина и смертная казнь, из чего следует тебе крайнюю предосторожность иметь, или за неисполнение по указам опасение смертной казни, или продрозостных и бесстыдных колодницы слушать представлений, которым ежель впрямь паче чаяния будешь последовать и слабое ее содержать, то неотменно попадешь, как выше написано, за слабое той колодницы содержание лишению имения и чина, а по важности вины и смертной казни. Вуде же монастырские служители, коим приказано будет, с покаянным Иванчиковым и солдаты означенную колодницу до девич монастыря

проводить, являясь в том ослушны, то арестовать и, заковав в ножные железа, велеть вести к его преосвященству под крепким караулом, а вместо их дать другое потребное число служителей, а с нимом Исыакиюска и исцелением вышешезачивного вянта подвига под жесточайшим за неисполнение наказанием. Что же по присланному в Сибирскую губернскую канцелярию от поминутаго солдата Пармонова доношению явилось у оной монахини Проклы ядовитое зелье-сулема, о которой она показала, якоб дано ей во оном девиче монастыре монахинями, того для по отправлении оной колодницы ехать тебе, архимандриту, в тот девич монастырь немедленно самому, заче в собор подычего, и о том исследовать накрепко со всяким обстоятельством, и по подлинном следствии для сообщения в Сибирскую губернскую канцелярию прислать к его преосвященству в крайней скорости. И архимандриту Сальвестру о выписанном чинить по сему и по прежде посланном Е.И.В. указам нестложно. 1744 г., августа 20 дня. *Подпись нет.*

12. Святейшему Правительствующему Синоду доношение. Прошлою, 1744 года, поборя от 6 числа в посланном в Святейший Правительствующий Синод от моего смирения доношении о содержащейся в Далматове Введенском девиче монастыре монахини Прокле, между прочим, представлено о сысканной у нее посланным за нею караульным солдатом сулеме, о которой она, Прокля, сказывала, что дана ей та сулема оного девиче монастыря монахинями, якоб на дочке зубной болезни, и от того-де лекарства ездя она, Прокля, смерти не приняла, и хотя то ее показание за правильно причесть было невозможно, ибо как из всего ее состояния и непорядочного тогда жития оказывалось, что то затеяно напрасно, для единого только того, чтобы более не быть ей в помянутом Далматове девиче монастыре под началом, однако ж, об оном следовало, а по следствию в вышеизложенном показании явилась она, Прокля, подлинно виновата. За которую ее вину, хотя по силе полученных Е.И.В. прошлого, 738 году, марта от 14 из Канцелярии тайных розских дел, 1744 году, апреля от 14 числа из Святейшего Правительствующего Синода о наказании за непорядочные ее поступки указов и надлежало учинить ей наказание шеледами по монастырскому обыкновению, однако ж,

в рассуждения того, что сняя монахиня Прокла, будучи обличена, уже скривилась и в покинутом девичьем монастыре пребывает в монашеском одеянии и в надлежащей покорности и послушании, того для до усмотрения о ее впрямь состоянии оное ей наказание ныне оставлено³. И с следствия с всем вышеписанном для известия Святейшему Правительствующему Синоду, приобщив при сем моем доношении краткий экстракт, остаюсь при всегдашней покорности моей. (30 марта 1745 года). Святейшего Правительствующего Синода *нижеписый посрещник Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский*.

Ни в одном из приведенных выше документов о пребывании княжны Юсуповой в Далматовском монастыре не упоминается о том, в каком именно положении содержалась там Прасковья Григорьевна. В этом отношении можно сделать лишь один догадки.

Известно, что до Петра I тюрьмами для государственных заключенных в Сибири служили остроги и острожки, как, например, селенгинский и кузнецкий, где уже содержались малороссийский гетман Демьян Многогрешный, немчинский полковник Матвей Твинтовка и другие. В начале XVII века таких острогов в Сибири было уже много: на «великой реке Лене» стоял острог якутский; в дальних Даурах — нерчинский и селенгинский и даже «на великой реке Амуре» — аблазинский, где под первый молебень государственный съезжал протопол Аввакум Петрович⁴. Сверх того, такие же тюрьмы и тамные тюрьмы стояли готовыми и в монастырях Туруканском, Киренском, Иркутском, Селенгинском, Нарчинском и даже в Якутском. Для женщин выстроены были особые тюрьмы — с железными решетками в некоторых из женских монастырей, а именно: Тобольском и Енисейском Рождественских, Иркутском Знаменском и Далматовском Успенском⁵. При той строгости условий, какую придавали

³ Чрез семь лет дело «о сукее» еще не было забыто: Сибирская гарнизонная канцелярия, производя расследование по жалобе Сенату известного географа Василия Шидлово на сибирского губернатора Сухарова, прокомандирован от 3 сентября 1752 года, требовала от консистории некоторые справки и «об обыскаемой у Юсуповой в коробье сукее», (О Шидлово см. в «Слов. русск. писателей» змрт. Евгении. Т. 2. 1844. С. 294).

⁴ Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 106–107.

зачеточно Юсуповой, помещенные выше указы Тайной канцелярии и Синода, последней тайными не могла, разумеется, миновать и княжна Прасковья Григорьевна.

V

Прошло около девяти лет. Что происходило с княжной за это долгое время монастырского заточения — неизвестно. Последующие документы рассмотренного нами дела акцентируют в себе сведения уже о новой, по счету третьей, ссылке Прасковьи Григорьевны в тот же Далматовский женский монастырь.

Это было в 1754 году. Оказывается, что тогда княжна снова пребывала в Тобольске, где обвинена была в сношениях с находившимся в ссылке по обвинению в числе других лиц в устраниении от престола цесаревны Кавасаветы, д.с.с. Иваном Темиразевым*. Дело дошло до Тайной канцелярии и по распоряжению ее** Прасковью Григорьевну снова уведли за коном в Далматовский монастырь. Документы говорят:

13. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии просвещенному Сильвестру, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. В указе Е.И.В. из Канцелярии тайных розыскных дел марта от 28, а в Сибирской губернской канцелярии, полученном сего мая 16 числа, написано: по указу де Е.И.В. и по определению Тайной канцелярии по оному Губернскую Канцелярию послать Е.И.В. указ, чтоб находившаяся в Тобольске ссылка, бывшая княжна Прасковья Юсупова (которая с находившимся во оном же городе Тобольске в ссылке, бывшим статским действительным советником Иваном Темиразевым имела письменные переписку и сообщение), впрямь таковых же ссылочными переписок не чинила, велеть ее содержать по прежнему посланным из Тайной канцелярии в Сибирскую губернскую канцелярию указам при Успенском Далматове монастыре, в Введенском

* Темиразов арестован был в ночь вступления на престол Елизаветы (25 ноября 1741 г.) вместе с Степановым, Минихом, Митеневым и другими лицами и заключен в крепость, а затем сослан. Для угождающих лиц, как уже и замечено выше (см. 36), при ссылке в Сибирь была указана определенная земля, но для Темиразова этого сведения не было. — *Космопоров*. Императрица Елизавета Петровна // *Вест. Евр.* 1887. кн. С. 78, 83.

** Мы должны заметить, что неважно, кем из А.И. Ушакова в это время уже не было на свете; он умер в 1746 г.; но Тайной же канцелярией он заменен был Александром Шуваловым.

девич монастыре во всем непременно и ни до каких продержностей ее отнюдь не допускать и писем ни где ни о чем писать ей не давать, тако ж и с посторонними ни с кем видаться ее отнюдь же не допускать. И на оное по Е.И.В. указу и по определению Сибирской губернской канцелярии вышеписанна княжна Прасковья Юсупова по силе оного Е.И.В. из Канцелярии тайных роумских дел указа посылается из Тобольска для содержания в вышеписанный Далматов Введенский девич монастырь за караулом Сибирского гарнизона на дву человек солдат на одной ямской и уездной подводе с выдачею указанного числа прогонных денег. А каким образом объявленную Юсупову тем солдатам, будучи в пути, также и по приезде в Далматово девичьем монастыре содержать и смотренке иметь, о сем дана им из Сибирской губернской канцелярии с должным наставлением секретная инструкция, по которой велено по прибытии в оной Далматов Введенский девич монастырь явиться им того монастыря архимандриту того же числа и, истребовав для содержания ее, Юсупову, в том Далматове девичьем монастыре удобные ложи, где и содержать ее, Юсупову, против вышеписанного. И о том к вилку просвещенству определено послать сия прокомарную и требовать, чтобы благоволено было в силу означенного Тайной канцелярии указа в реченной Далматов монастырь к архимандриту письменно предложить, дабы он, архимандрит, когда реченные солдаты с тою княжною Юсуповою в тот Далматов монастырь прибудут, то по требованию их к содержанию ее, Юсуповой, определено было в том Далматове Введенском девичьем монастыре отставить удобные поски⁴, и что будет учинено, Сибирскую губернскую канцелярию уведомить. И просвещенный Сильвестр, митрополит Тобольский и Сибирский, о вышеписанном благоволил учинить по Е.И.В. указу. Мая 18 дня, 1754 года. *Василий Матвеев. Алексей Соколов. В должности секретаря с приписью Иван Борисов. Подканцелярист Степан Тецкой.*

⁴ Из рукописи видно, что в начале июня 1754 г. архимандрит Мисаидин из 20 сентября заявил, что Юсупова привезена в Далматово и что на монастырь 27 августа 1754 г. в нем содержится оной сестрой удобные поски отставлены; уведомляя же об этом Сибирскую канцелярию, Конскастрия просила, чтобы для содержания оной сестрой определены были карачульные помещения и обеспечены доброе и покоевоем богослужением и постоянные, ибо монастырь не мужской, но девичья...

14. Промемории. Из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую духовную консисторию. В указе Е.И.В. из Канцелярии тайных розыскных дел от 21 ноября 756 года, а в Сибирской губернской канцелярии, полученном гевари 3 числа 757 года, вышеле: по указу де Е.И.В. в Тайной канцелярии по слушанию присланного в Тайную канцелярию из оной губернской канцелярии сентября от 17 числа 756 г. допущения о содержащейся по посланному из Тайной канцелярии в ту губернскую канцелярию мая от 18 числа прошлого, 754 года (указу) в Введенском Далматове монастыре бывшей княжне Прасковье Юсуповой определено: оной Юсуповой для пропитания из оной губернской канцелярии производить в день по 5 копеек, в церковь Божию для слушания литургии, утрени и вечерни допускать, токмо накрепко смотреть, чтоб она каким-либо образом из того монастыря не могла учинить утечки, чего ради в ту церковь ее отпускать за караулом, также исповедываться, и ежели по совету духовника ее достойна будет к приобщению святых тайн, то и в том ей позволить; окроме же церкви Божией, как из монастыря, так и вкуде отъезд не выпускать и в содержании ее поступать так, как означенным 754 года, мая, 18 числа указом повелено. И на оное по Е.И.В. указу в Сибирской губернской канцелярии определено: во оную Тобольскую духовную консисторию послать сию промеморию и требовать, чтоб она благоволила в силу того указа находящемуся в Введенском Далматовом монастыре архимандриту предложить, чтоб оной упомянутой содержащейся там колдидно, бывшей княжне Юсуповой, кормовые деньги по пяти копеек на день имел отдавать в прием обретающемуся при ней на карауле солдату Кузнецову с товарищем по третям года, которые по требованию Тобольской Духовной Консистории отдаваны быть имеют из Тобольской рейтерен безударно, о чем для ведома и исполнения к тому солдату Кузнецову с товарищем послан Е.И.В. указ, делено объявлено бывшей княжне Юсуповой кормовые деньги на каждый день по пяти копеек, что принадлежать будет по третям года требовать и принимать той Далматова монастыря от архимандрита, и по приеме оных той Юсуповой производить без удержания, и сколько когда оных кормовых денег от монастыря принято будет, в скорости

репортовать. И Тобольская Духовная Консистория с вышеизложенном благоволил чинить по Е.И.В. указам. Генваря 20 дня, 1757 года. *Иван Грабленов. Степан Уримов. Алексей Соколов. В должности секретаря с приписью Андрей Назаряков. Канцелярист Степан Тецкий.*

По этому и другим документам можно думать, что за все время заточения княжны в Сибири звание покойной матери ее, княгини Анны Никитичны, об ежегодном отпуске Прасковье Григорьевне 300 рублей и хлебных припасов со стороны брата ее Бориса оставалось без всякого исполнения. Княжна все время пребывала на скудном монастырском пропитании. До назначения Тайной канцелярией отпуску кормовых денег в январе 1755 года далматовский архимандрит Матрфей доносил Консистории, что княжна пробует себе особото от монахинь отпуску «хлебных и харчевных всяких припасов, также и свеч». На это архимандриту предписано было «давать ей против соборной старицы вдвое щорции в день, что в монастыре имеется», «а чтоб давать мукою и другими припасами особото, — говорилось далее в консисторском указе, — то уже возлюбится особливая поварня и другие к тому надобности, как то поваренные служители, посуда всякая, поваренная и хлебная, и прочее, чего в присланном об ней... указе чинить не объявлено, а повелено токмо дать удобные покой и житие...». Что же касается кормовых денег, то отпуск их Сибирской канцелярией производился крайне исправно; на побудительные требования Консистории упомянутого Канцелярия отзывалась обыкновенно «неимением для пересылки их из Тобольска в Далматов монастырь оказии», почему и просила выдавать те деньги из монастырских сумм замесобразно. Но пока все это писалось и пересылалось, проходили целые месяцы томительного ожидания княжной этой убогой подачки.

Несетра на все это, в последнюю ссылку в Далматовский монастырь положенне Прасковьи Григорьевны было несколько улучшено: ни Сибирская канцелярия, ни Тобольская Консистория ненавистным ей именем монахини Проклы ее уже не называли и в монастыре ей велено было дать «удобные покои». Зато бедная княжна должна была выносить постоянные оскорбления от приставленного к ней пы-

ных, а другую келью, где живут монашки, дверей, кои укреплены были железными гвоздями, и сиде, солдат Кузнецов, закричал на нее, начальницу, с матерною бранью и говорил так, что-де «я тебе руку и ногу переломлю», что-де она по старости своей стала быть весьма опасна; оныя-де солдат, хдя по тому монастырю, поет с власяною и со шелками песню такую: «кожу я по отраде, песенки поюваю и в шелки шелкаю, и подласываю, не боюсь никого». А тем доношением просила сла, начальница Тарсилла, с сестрами, чтоб о вышеписанных солдата Кузнецова нападениях и пылостных непотребных поступках в оборону и для зашщипения, чтобы-де он, солдат Кузнецов, будучи в том своем пьиметве, лате чинаши не мог какого кому из монашествовающих, а еще по разным делам присылным женкам дурна учинить и тому монастырю непотребного поряничана нанести, представить в Тобольскую Духовную Консисторию*. Того ради о вышеписанных его, солдата, непотребных поступках Тобольской Духовной Консистории на рассмотрение почтено и представляю. 1736 года, ноября, 28 дня. Тобольской Духовной Консистории послушник Успенского Далматово монастыря архимандрит Митрофан.

Этими сведениями архивные материалы для истории пребывания княжны Юсуповой в Далматовском монастыре в деле Тобольской Консистории прерываются, и нам остается только с сожалением повторить приведенное в начале статьи замечание Г. В. Есипова: «Кочыла ли жизнь княжна Прасковья Григорьевна в том монастыре, или была освобождена, из дела не видно».

* В другом отчете от 13 февраля 1737 г. архимандрит Митрофан доносит Консисторию, что солдат Василий Кузнецов, приходя пьиметвенным случаем к себе в келью, между собою читает с товарищем своим, солдатом лее, дряк с помянутою матерною бранью, и сповлет он, Кузнецов, себе труд, и в той своей келье держит с пьиметвенными песенками; на цюмочерию же Сибирской губернской конноколони: в консисторию от 5 мая 1741 г. видно, что вместе Кузнецова «для награды колоколицы Юсуповой 20 черт» вписана на Сибирского гарнизона другой солдат Иафез Глашников, а Кузнецова определенно в таких немирных случаях военная служба.

Первые кабаки в Сибири

Небольшое число лиц, писавших о старинной Сибири, не исключая, к сожалению, и первых компетентных ее историков, некоторые отчасти справедливо называют сибирефилами. Из той массы архивных материалов, какими располагали основатели сибирской истории, у них во многом выпали лишь сухие параграфы сибирских событий и часто без малейшего освещения тех или других сторон начального быта русских поселенцев. В отношении, например, былого сибирского пьянства, подтверждаемого свидетельствами царских грамот и писем, отписками воевод, а позднее и записками кнгохранителей-путешественников, вы не найдете у тех историков никаких упоминаний. Перейдете к более поздним трудам по истории Сибири, но и в них скорее ознакомитесь разве с той силой старой риторики, какая продолжала еще истощаться на ослабление мнения потомков о пирочности предков, чем найдете сведения хотя бы только об общем ходе у предков тех винного дела. «Если употребление вина, — говорит, например, один историк тридцатых годов, ценность труда которого во всяком случае неоспорима, — есть народная необходимость для здоровья, для ободрения среди забот житейских и для льготы мыслей, если справедливо, что после чарки отдаёт от сердца, и язык катаётся, как по маслу, то необходимость сия тем ощутительнее в стране холодной и лишённой психической жизни. Выгляните на труженика после осушения чепарухи — не шире ли, не смелее ли глаза его? Выгляните на откатыльницу — не пышет ли вино? Стыжи вина поэтому — огонь и одушевление, что такое жизнь во времени, как не горение? Не награждайте галса кабацких за излишнюю продажу, преследуйте пьянство строгостью полицейскою, жаднее о пьянстве, внимайте изнеурочим постановлениям о трезвости, но запасайте вино в своей стране, чтобы отрада народная, потребность физико-нравственная была

недорога. Вы слышите историю!». Только с наметленным шестидесятих годов, когда под общим освещением русской мысли несколько о лиц, остановившихся на тощей истории Сибири, в нескольких очерках осветили некоторые стороны старого сибиряка о быта, сухие параграфы писателей-сибиряков пополнили из сведений о тех былых временах, выточившись, абсолютности в других пороках, какие проходили почти через все фазы и окрестности на новой земле русского владения. Тут только вы встретите упоминания и о той воспевавшейся ранее «потребности физико-нравственной», которая представляется едва ли уже не заурядным пьянством. Но нельзя не заметить, что некоторыми и из этих очерков русские поселенцы Сибири уже чрез меру, а часто без достаточных оснований выносятся на последние ступени порочающей порочности, по которой существование в них каких-либо нравственных начал представляется уже маловероятным. А между тем все эти очерки тоже не представляют ни одного труда, который бы целью посвящен был ходу в Сибири винного дела собственно с исторической стороны. Хотя за последнее время несколько любительских сведений по этому делу, извлеченных из сенатского архива, и помещено в «Исторических очерках Сибири» Андрианова (т. IV, гл. VIII, стр. 163—181), но сведения эти касаются исключительно уже второй половины XVIII в. или екатерининского периода. Поэтому для ознакомления с ходом этого дела мы находим небезопасными предлагаемые заметки о первых сибирских кабаках.

I

До того времени, пока по следам Ермака в Сибирь не явились хозяевами русские, инородческое население ее ни кабаков, ни пагубного продукта последних не знало: между сибирскими татарами русскую водку заменяли свои одуряющие изделия, из которых более распространенным была *буза*, приготовлявшаяся из проса, в остальном, самоды и другие северные племена употребляли любимый у аштарок *жз мухомора*⁸⁹. Но по позднейшим исследованиям быта этих

⁸⁹ Путь в историю не входи у сибирских татар подпольное вино и спиртовое изделие, иными словами, при каких-либо обстоятельствах, например, в 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809, 1810, 1811, 1812, 1813, 1814, 1815, 1816, 1817, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1832, 1833, 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 2680, 2681, 2682, 2683, 2684, 2685, 2686, 2687, 2688, 2689, 2690, 2691, 2692, 2693, 2694, 2695, 2696, 2697, 2698, 2699, 2700, 2701, 2702, 2703, 2704, 2705, 2706, 2707, 2708, 2709, 2710, 2711, 2712, 2713, 2714, 2715, 2716, 2717, 2718, 2719, 2720, 2721, 2722, 2723, 2724, 2725, 2726, 2727, 2728, 2729, 2730, 2731, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2739, 2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2745, 2746, 2747, 2748, 2749, 2750, 2751, 2752, 2753, 2754, 2755, 2756, 2757, 2758, 2759, 2760, 2761, 2762, 2763, 2764, 2765, 2766, 2767, 2768, 2769, 2770, 2771, 2772, 2773, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 2780, 2781, 2782, 2783, 2784, 2785, 2786, 2787, 2788, 2789, 2790, 2791, 2792, 2793, 2794, 2795, 2796, 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814, 2815, 2816, 2817, 2818, 2819, 2820, 2821, 2822, 2823, 2824, 2825, 2826, 2827, 2828, 2829, 2830, 2831, 2832, 2833, 2834, 2835, 2836, 2837, 2838, 2839, 2840, 2841, 2842, 2843, 2844, 2845, 2846, 2847, 2848, 2849, 2850, 2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2857, 2858, 2859, 2860, 2861, 2862, 2863, 2864, 2865, 2866, 2867, 2868, 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874, 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 2886, 2887, 2888, 2889, 2890, 2891, 2892, 2893, 2894, 2895, 2896, 2897, 2898, 2899, 2900, 2901, 2902, 2903, 2904, 2905, 2906, 2907, 2908, 2909, 2910, 2911, 2912, 2913, 2914, 2915, 2916, 2917, 2918, 2919, 2920, 2921, 2922, 2923, 2924, 2925, 2926, 2927, 2928, 2929, 2930, 2931, 2932, 2933, 2934, 2935, 2936, 2937, 2938, 2939, 2940, 2941, 2942, 2943, 2944, 2945, 2946, 2947, 2948, 2949, 2950, 2951, 2952, 2953, 2954, 2955, 2956, 2957, 2958, 2959, 2960, 2961, 2962, 2963, 2964, 2965, 2966, 2967, 2968, 2969, 2970, 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991, 2992, 2993, 2994, 2995, 2996, 2997, 2998, 2999, 3000, 3001, 3002, 3003, 3004, 3005, 3006, 3007, 3008, 3009, 3010, 3011, 3012, 3013, 3014, 3015, 3016, 3017, 3018, 3019, 3020, 3021, 3022, 3023, 3024, 3025, 3026, 3027, 3028, 3029, 3030, 3031, 3032, 3033, 3034, 3035, 3036, 3037, 3038, 3039, 3040, 3041, 3042, 3043, 3044, 3045, 3046, 3047, 3048, 3049, 3050, 3051, 3052, 3053, 3054, 3055, 3056, 3057, 3058, 3059, 3060, 3061, 3062, 3063, 3064, 3065, 3066, 3067, 3068, 3069, 3070, 3071, 3072, 3073, 3074, 3075, 3076, 3077, 3078, 3079, 3080, 3081, 3082, 3083, 3084, 3085, 3086, 3087, 3088, 3089, 3090, 3091, 3092, 3093, 3094, 3095, 3096, 3097, 3098, 3099, 3100, 3101, 3102, 3103, 3104, 3105, 3106, 3107, 3108, 3109, 3110, 3111, 3112, 3113, 3114, 3115, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3122, 3123, 3124, 3125, 3126, 3127, 3128, 3129, 3130, 3131, 3132, 3133, 3134, 3135, 3136, 3137, 3138, 3139, 3140, 3141, 3142, 3143, 3144, 3145, 3146, 3147, 3148, 3149, 3150, 3151, 3152, 3153, 3154, 3155, 3156, 3157, 3158, 3159, 3160, 3161, 3162, 3163, 3164, 3165, 3166, 3167, 3168, 3169, 3170, 3171, 3172, 3173, 3174, 3175, 3176, 3177, 3178, 3179, 3180, 3181, 3182, 3183, 3184, 3185, 3186, 3187, 3188, 3189, 3190, 3191, 3192, 3193, 3194, 3195, 3196, 3197, 3198, 3199, 3200, 3201, 3202, 3203, 3204, 3205, 3206, 3207, 3208, 3209, 3210, 3211, 3212, 3213, 3214, 3215, 3216, 3217, 3218, 3219, 3220, 3221, 3222, 3223, 3224, 3225, 3226, 3227, 3228, 3229, 3230, 3231, 3232, 3233, 3234, 3235, 3236, 3237, 3238, 3239, 3240, 3241, 3242, 3243, 3244, 3245, 3246, 3247, 3248, 3249, 3250, 3251, 3252, 3253, 3254, 3255, 3256, 3257, 3258, 3259, 3260, 3261, 3262, 3263, 3264, 3265, 3266, 3267, 3268, 3269, 3270, 3271, 3272, 3273, 3274, 3275, 3276, 3277, 3278, 3279, 3280, 3281, 3282, 3283, 3284, 3285, 3286, 3287, 3288, 3289, 3290, 3291, 3292, 3293, 3294, 3295, 3296, 3297, 3298, 3299, 3300, 3301, 3302, 3303, 3304, 3305, 3306, 3307, 3308, 3309, 3310, 3311, 3312, 3313, 3314, 3315, 3316, 3317, 3318, 3319, 3320, 3321, 3322, 3323, 3324, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 3330, 3331, 3332, 3333, 3334, 3335, 3336, 3337, 3338, 3339, 3340, 3341, 3342, 3343, 3344, 3345, 3346, 3347, 3348, 3349, 3350, 3351, 3352, 3353, 3354, 3355, 3356, 3357, 3358, 3359, 3360, 3361, 3362, 3363, 3364, 3365, 3366, 3367, 3368, 3369, 3370, 3371, 3372, 3373, 3374, 3375, 3376, 3377, 3378, 3379, 3380, 3381, 3382, 3383, 3384, 3385, 3386, 3387, 3388, 3389, 3390, 3391, 3392, 3393, 3394, 3395, 3396, 3397, 3398, 3399, 3400, 3401, 3402, 3403, 3404, 3405, 3406, 3407, 3408, 3409, 3410, 3411, 3412, 3413, 3414, 3415, 3416, 3417, 3418, 3419, 3420, 3421, 3422, 3423, 3424, 3425, 3426, 3427, 3428, 3429, 3430, 3431, 3432, 3433, 3434, 3435, 3436, 3437, 3438, 3439, 3440, 3441, 3442, 3443, 3444, 3445, 3446, 3447, 3448, 3449, 3450, 3451, 3452, 3453, 3454, 3455, 3456, 3457, 3458, 3459, 3460, 3461, 3462, 3463, 3464, 3465, 3466, 3467, 3468, 3469, 3470, 3471, 3472, 3473, 3474, 3475, 3476, 3477, 3478, 3479, 3480, 3481, 3482, 3483, 3484, 3485, 3486, 3487, 3488, 3489, 3490, 3491, 3492, 3493, 3494, 3495, 3496, 3497, 3498, 3499, 3500, 3501, 3502, 3503, 3504, 3505, 3506, 3507, 3508, 3509, 3510, 3511, 3512, 3513, 3514, 3515, 3516, 3517, 3518, 3519, 3520, 3521, 3522, 3523, 3524, 3525, 3526, 3527, 3528, 3529, 3530, 3531, 3532, 3533, 3534, 3535, 3536, 3537, 3538, 3539, 3540, 3541, 3542, 3543, 3544, 3545, 3546, 3547, 3548, 3549, 3550, 3551, 3552, 3553, 3554, 3555, 3556, 3557, 3558, 3559, 3560, 3561, 3562, 3563, 3564, 3565, 3566, 3567, 3568, 3569, 3570, 3571, 3572, 3573, 3574, 3575, 3576, 3577, 3578, 3579, 3580, 3581, 3582, 3583, 3584, 3585, 3586, 3587, 3588, 3589, 3590, 3591, 3592, 3593, 3594, 3595, 3596, 3597, 3598, 3599, 3600, 3601, 3602, 3603, 3604, 3605, 3606, 3607, 3608, 3609, 3610, 3611, 3612, 3613, 3614, 3615, 3616, 3617, 3618, 3619, 3620, 3621, 3622, 3623, 3624, 3625, 3626, 3627, 3628, 3629, 3630, 3631, 3632, 3633, 3634, 3635, 3636, 3637, 3638, 3639, 3640, 3641, 3642, 3643, 3644, 3645, 3646, 3647, 3648, 3649, 3650, 3651, 3652, 3653, 3654, 3655, 3656, 3657, 3658, 3659, 3660, 3661, 3662, 3663, 3664, 3665, 3666, 3667, 3668, 3669, 3670, 3671, 3672, 3673, 3674, 3675, 3676, 3677, 3678, 3679, 3680, 3681, 3682, 3683, 3684, 3685, 3686, 3687, 3688, 3689, 3690, 3691, 3692, 3693, 3694, 3695, 3696, 3697, 3698, 3699, 3700, 3701, 3702, 3703, 3704, 3705, 3706, 3707, 3708, 3709, 3710, 3711, 3712, 3713, 3714, 3715, 3716, 3717, 3718, 3719, 3720, 3721, 3722, 3723, 3724, 3725, 3726, 3727, 3728, 3729, 3730, 3731, 3732, 3733,

аборигенов Сибири весьма часто приходится встречать один и тот же упоминания, что русские кабаки и водка губили судьбу этих жалких племен, вымирающих теперь на наших глазах. А между тем припомним, что русский кабак, сменивший древнюю корму, ведет свое происхождение от инородцев же, ближайший сосед сибирских татар — татар казанских, можно невольно остановиться на обратной ошибочной мысли о влиянии на развитие винного дела в старинной Сибири кабака татарского. Поэтому, не ознакомившись с ходом этого дела на Древней Руси, т.е. у предков сибирских завоевателей, трудно говорить и о развитии его по отношению к Сибири.

Древняя славянская Русь вынесла из своей арийской прародины и в течение длинного ряда веков пила истаринные ячменные и меляные питья: брагу, мед, пиво и квас; брага называлась хмельной, пиво бархатным, меду столыками, квасы медвяными. Среди этих напитков летописи упоминают и вино, относил первое появление его к 907 году, когда Олег по возвращении из похода константинопольского пришел к Киеву, дая «злато, паволоки, ошочи, вина и всякое зорочье»³⁰. С этого времени упоминается об употреблении вина на Руси, по летописям, встречаются уже нередко: так, например, Ольга, замыслив расправу свою с древлянами за смерть Игоря, прежде напоила их пьяными; Святослав, намереваясь в 969 году перейти из Киева в Переяслав, говорил: «Тот город есть середя в моей земле, туда сходитесь все добро: от греков золото, паволоки³¹, вина...»; набояный Владимир в 986 году, когда послы болгар³², предлагали ему принять магометанство, объяснили учение Магомета не пить вина, нарек ламитное слово: «Руси есть веселые пити, не можем без того быти»³³; князь Всеволод в 1128 году, пируя с боярами, приказал выставить для народа вина, меду, первару, опощей и всякого кушанья³⁴. В слове XII века старинная зажиточная жизнь описывалась так: «Питие же многое, мед и квас, вино, мед пьларный, питья обочная с гусльми и свирельми, веселие многое». Но какое это было

³⁰ летописи р. или укажи же в 1864 . оставалась в руках русского купца К. (Сибирск. вестн. 1866. № 13).

³¹ Лавалем. История русск. жизни. 1879. П. 121, 142, 173, 214 и 414.

³² Речешенко. Быт русск. народа. 1846. I. 207.

ми. Но время ознакомило русский народ с простотой и дешевой приготвления этого напитка, дозы приема его скоро изменились, и в половине XV века жизненная вода продолжалась и пилась уже по всей Руси.

За всем тем пьянства на Древней Руси в домословский ее период не было. Питье составляло веселье, удовольствие. Около питья братски сходил человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и скрепленная весельем и любовью двигалась вперед социальная жизнь народа. Питье, подкрепляя физические силы человека, оказывали благотворное влияние и на духовную природу его. Строй жизни проявлялся в том веселом единении народа и князя-государя, которое сопровождало, например, пиры Киевской Руси. Общины и марты, города и села сходились на игрища собирались на братчины, пиры и беседы, которые по старой народной памяти и доселе еще именуются почетными и честными. Питейные заведения тех времен, известные под именем корчем, служили местами общественных сборищ, куда народ сходилась для питья и еды, для бесед и игрищ, а иногда представляли места объявления народу княжеских распоряжений; в них часто творился даже суд и разбирательства дел между приезжими.

Но века чистоты нравов миновали. Жизненная вода, превратившись в водку, стала предметом широкой торговли и зародила в народе пьянство. Общественное значение корчем пало, и начались меры к сокращению их: так, по исконной грамоте, на посковском вече еще в 1397 году было решено: «княжым людем корчмы по дворам не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведре, ни в корей, ни бочкою меду не продавать»⁸. Корчмы сделались местами тайных сборищ, и звание корчемника стало постыдным: в одной, например, летописи под 1399 г. говорится: «Во дни убо княже-ние его (кн. Мих. тверского) разбойницы и тати изчезоша, и мытари и корчемники». Кирилл же белозерский около 1408—1414 гг. писал московскому князю Андрею: «И ты, господине, знимай себе, чтобы корчмы и твоей отчине не было, зная же, господине, то велика глупба душка; крестьяне си, господине, пропьявают, а души гибнут»⁹. С целью прекращения

⁸ Карамзин, V. Прим. 404.

⁹ Никол. Лет. IV. С. 288; Акты истор. I. 16.

пьянства, продажа водки, близкая волюнто Великим Князем Иваном III Васильевичем предоставляется одной казне; московскому народу дозволяется пить вино только в некоторые дни. Те же меры продолжают и при князе Василии Ивановиче⁸. Но во второй четверти XVI века водка снова распространяется, и кормы, первоначально кормовыми дворами, умножаются. По одной летописи, в 1543 году на Введенский день прислал Князь Великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривоного, и он поставил в городе «восемь корчменных дворов». С этого времени там началось страшное пьянство, и новгородский архиепископ Феодосий решил ходатайствовать за народ: «Бога ради, государь, — писал он царю, — потщися и помысли о своей отчизне, о Великом Новгороде, что с ныне в ней чинят. В корчмах беспрестанно души похищают без покаяния и причастия, в домах и на путех и торжищих убийства и грабленія в граде и погостом великия учинилися, прохода и прохода нет». По этому ходатайству корчменные дворы в Новгороде были закрыты, но вслед за тем пьянство нашло другие пути: появилась тайная продажа вина, и приехавшие из Москвы «вельки овертливые», как говорит другая летопись, «завывали зыщником ие торговати... а побываву зыщника с вином, или пьяного человека, а ни (и они) велят бити кнутом, да и в воду мечут с великого мосту»⁹. Но в других местах корчменные дворы продолжали свое существование, и пьянство, не уменьшаясь в народе, появилось даже между духовенством и дворянами: в 1551 г. на церковном соборе царь подал священникам список беспорядков, где, между прочим, значилось, что «...старцы на аску келью поставят, или церковь срубят, до поидет ко миру с иконою просить на сооружениа у царя земли и руги просить, а что соберет, то пролет...»¹⁰; а выписи 1552 г., данной по приказу Ивана IV Васильевича и Хованскому, велено было строго наблюдать по всей Москве, чтоб «священнический и иноческий чины в корчмах не вядили»¹¹; «пьянстве не учивались, не правдословили и не дятели»¹²; дворяне же и боярские дети спускали свои поме-

⁸ Каргаллин. VI. Прим. 614; VII. Прим. 112.

⁹ Полн. собр. летопис. III. С. 200, 158, 166; Допол. к акт. летописч. I. С. 41.

¹⁰ Соловьев. Истор. Рос. 1881. VII. С. 100–101.

¹¹ Акт. истерия. I. С. 154.

ты и пропивались донага⁸. Почти одновременно с распоряжением, данным Версенову и Хованскому, воротились из-под Казани, Иван Грозный совершенно запретил в Москве продавать водку, позволив пить ее лишь одним опричникам, для попой которых велел устроить на Валцуге особый дом, названный по-татарски кабаком⁹. Это был первый русский кабак, с появлением которого из Москвы вскоре же начали посылаться наместникам грамоты, приказывавшие уничтожать корчменные двory и заводить «царевы кабаки». Разница кормы от кабака состояла в том, что в первой народ и пил, и корчился, а в последнем дозволилось только пить. По некоторым местам корчменные двory продолжали еще вольную торговлю вином, а с появлением кабаков торговля эта уже всецело принадлежала казне и только со временем была иногда отдаваема на откуп; нередко кабаками владели также духовенство и бояре.

Спустя после открытия первого кабака на Валцуге около тридцати лет, когда царевы кабаки появились уже на северо-восточной окраине Руси, Ерман покорил нашу Сибирь.

II

Первые вести о покорении Сибири, принесенные в Москву в 1583 году посланным Ермана атаманом Кольцо с товарищами, как известно, застали царя Ивана IV почти на краю могилы. Измученный болезнями, Грозный, проговорив прощание спящим завоевателем, но вынул достаточно в трудность положения оставшейся в Сибири дружины Ермана, но не забыл послать последнему серебряный кубок¹⁰. Этот кубок был как бы прообразом сибирского виночерпия. Хотя покоритель Сибири, привыкший с юности к разгульной жизни на судах и обильно снабженный Строгановыми перед походом в Сибирь запасами всякого продовольствия, не мог не иметь и запасов вина и оставлять

⁸ Достопамог. XIX. С. 197.

⁹ Терещенко. I. С. 215. Кабаком у татар назывался постоялый двор, где продавались кушумы и жалити. В 1545 г. царское войско сошло в планку «подле» казны, скупоме з летошней вышней «царемств», где жити Казань Грозным там была между прочим, кабатчи врата.

¹⁰ Кубок того времени по величине был разном: кубок, падринер, омого Пезило, приходясь в Оубежской Палате, имеет весу I п. 8 ф., а вышним — саженя. — Достопамог. XIX. С. 81.

потому царского подарка без употребления, но последнее во всяком случае не выходило за пределы той строгости правды, к какой отягчались вообще первые сибирские завоеватели. По истории Сибири мы знаем, как дружиной Ермака преследовалась, например, предубеждение: виновного садили в оковы и, наполнив песком платки, ставили по горло в воду и обмывали; знаем также, что перед некоторыми из битв Ермак полагал на дружину свою обеты воздержания, какими был, например, сорокдневный пост, исполненный перед битвой с Мамыткульом в городке Карачи². По этим примерам несомненно, что в дружине Ермака не могло быть допущено ничего подобного тому, что происходило в старорусской корме, сменявшейся новым кабаком. Но славный победитель погиб, и о строгости нравов времени его в нахлынувших в Сибирь отрядах разных людей, набравшихся второпля и большей частью из ливий туляцких, не имеющих определенных заветов и толпящихся с утра до ночи около попутных кабаков, остались лишь одни воспоминания. По всей неполноте исторических сказаний о быте первых сибирских насельников, там встречаются по местам упоминания, по которым нельзя не заключать, что употребление вина на новой земле началось одновременно с поселением первых родов и стая русских городов. Не говоря уже о самых строениях этих городов, к употреблению вина на первых же порах приучались и сибирские эносорцы, которых постоянно наказывалось из Москвы «поть и кормить, как мочно», приучались даже татарские князья, жены и дети их; так, например, вскоре по основании Тобольска летом 1588 г. строитель его писменный голова Чулков, намереваясь захватить в плен проемника Кучума Сейбана с товарищами его Карачей и Уразмахметом, заманил уже напоить их прежде пьаними, но хитрые татары, упрям на учение Магомета, не поддались³; зато по явности в августе 1598 г. татарским воеводой Войсковым в плен семь Кучума, состоявшей из 8 царей, 5 цариц, 5 цариц, 8 царев и 12 князей и мурз — дальних родственников Кучума, от царя Бориса Голунова получено было несколько указов, повелевавших поть пленников «вином и медом», а если бы во

² Миллер. Описание Сибир. царств. 1760. (Гл. II, § 30, 76).

³ Там же. (Гл. IV, §§ 12-13).

время следования их в Москву случилось, что по дороге не было кабаков, то брать эти припасы в монастырях. Чрезмерное употребление вина самими ратными людьми скоро дошло до того, что приставленные к той же семье Кучума царские пристава жаловались Годунову, что сибирские казаки «ходят всегда пьяны, берут немедо откуды», вообще же, прибавляли пристава, «татарам чинят тесноту великую, да и нас-то, колоней твоих государевых, вовсе не слушают, говорят: мы-де вам не приказаны, таковы же-де и мы, что и вы!»⁸. Стало быть, недостатка в вине на новой земле уже не было, хотя виноторговля пока еще не открывалась. Но прошло немного лет со времени основания здесь первых русских городов, и появление в последних царских кабаков не замедлило.

В 1598 году построено Верхотурье, первыми обитателями которого были жители закрытого города Лозвы: двое боярских детей, сорок шесть стрельцов и казаков, двое подьячих, вогульский толмач, мельник, кирпичник, банник и несколько сторожей, к ним тогда же из Перми Великой прислали пол Лаврентий, из Тобольска — казачий атаман Пинай Степанов, а в двух следующих годах перевезены из Вятки два торговых человека — Терентьев и Лашкин, 50 ямщиков и 80 плотников. Благодаря относительной близости этого сибирского города и положению его на большой торговый дороге, в нем поддается только «тополклетно» «включу гулящих людей», что уже в 1604 году верхотурскому воеводе приказывается набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество отправить в Томск⁹. Здесь-то вскоре по основания города вьет себе гнездо и первый сибирский кабак.

Сведений о времени постройки этого кабака не сохранилось, но в одном документе, относящемся к 1623 году, говорится, что он построен еще «до московского разоренья», т. е. при царе Борисе Годунов¹⁰; по грамоте же Годунова, данной верхотурскому воеводе Неудаче Плещеву 24 апреля 1604 г., постройку этого кабака можно точнее отнести к 1602 или 1603 гг.: в последнем документе к данному ра-

⁸ Небольсин. Повороты Сибири. 1849. XI. С. 128.

⁹ Буцицкий. Записки Сибири. 1889. II. С. 21-22.

¹⁰ Акты историч. III. № 122.

нее распоряжению приводится наказ царя относительно приготовления в Верхотурье для местного винокурения хмелью⁸, а если шло винокурение, то представляется вероятным и существование кабака.

Кабаки, как и другие каменные здания того времени, имели постройку, приспособленную к их назначению. Во дворе возвышался деревянный дом, под которым был повал для хранения вина и пива, а обок его охмашник с печью, где ставили питье, печь была, вероятно, для того, чтобы иметь горячую воду для разведения вошки; на дворе же устраивались ледник, над которым делалось сушило, поварня, где производились работы и стояли инструменты, и столовая изба со стойкой, за которую сидели продавцы вина^{8*}. Так как кабацкие питье приготавливались казенно или на поварнях, находившихся при кабаках же, или вставлялись в последние от подрядчиков, или же шли от откупщика, ввавшего кабак на откуп, то поэтому в одних кабаках его продавали верные целовальники, а в других — откупщики; главный же надзор и управление кабаками возлагался на кабацких голов. Головы и целовальники ступали по выбору и при вступлении в управление кабаками выполняли известные условия: представляли записи о благодежности за подмешью избирателей, давали присягу, обязываясь собрать не только положенный кабацкий доход, но еще непременно и с прибылью, а затем уже принимали от своих преемственников по описи все кабацкие записи: покладу, питья, поварню и самый кабак. В указах, посылавших обыкновенно в конце года об отлаке кабацких сборов на следующий год, воеводам предоставлялась полная власть отдать кабаки на зеру, или же на откуп, а потому и действовала то одна форма управления, то другая^{8**}.

⁸ *Шихово «Периодическое летопись» 1881. I. С. 164.* По этим сведениям кабак, помещенный в «Дневной росписи: Валафонов: Поволок, (1788. Ч. III. С. 132) о том, что «в Сибири и Тобольску первые посылки быть куржачные двори и продажа государственного горячего вина» только с 1671 г., не имеет никакого основания; оно же, вероятно, шло в «...набег о милиция Сметова» упоминаемого, что и Сибирь комендант винокурения не было до 1698 г., и хлебное вино шло сюда из-за Урала (Историч. обзор. Сибиря. 1886. I. VI. С. 101), а ранее Шешова, Тянь-шань-яны и прочее. довадывает пишет: «Ура и др. в каз. акто в Сибири в 1617 г. (Хронолог. очерк. казенных данных из восток. Сибири. 1883. С. 74; Тобол. губ. ведом. 1863. № 20. С. 317).

^{8*} *Достояров. XIX. С. 67.*

^{8**} *Пржемыс. Истор. казенок в России. 1868. VII. С. 66, 73 и 75.*

Таково было общее устройство паревых кабаков, со-временных появлению кабака верховотурского. Но в первое время существования этого кабака дела его от общих кабацких порядков представляли значительную разницу: поварни, например, — необходимой принадлежности всякого кабака, при нем не было; заготовление же вина представляло свои особенности. Одновременно с основаниям Верховотурь правительство поселило около городского острога несколько крестьянских и посадских дворов, которые образовали так называемую «Жилецкую слободу», составившую вскоре особую подгородную волость пашенных крестьян. Кроме этой волости, распространившей свои небольшие поселки по берегам рек Туры, Салды и Пива, с 1612 года появлялись поселения по рекам Тагилу и Нелье, образовавшие другие две волости — Тагильскую и Нельяскую. Как служилые и посадские люди самого города, так и жители названных волостей, по большей части пашенные крестьяне, кроме главной своей обязанности обрабатывать государеву пашню, находившуюся под городом, должны были, по тогдашнему выражению, делать «разные изделия»: приготавливать муку, крупу, солоно, делать венчики для бань, строить суда и проч.⁴ К числу таких же изделий отнесено было и приготовление запасов для вина и пива, т.е. муки, хмелю, солоду, дров и проч., а затем и самое винокурение и пивоварение, и доставка изделий в кабак. Так, по крайней мере, можно заключать о ходе этого дела по одному документу, относящемуся к 1629 г., из которого видно, что «в прошлых годах... на верховотурском кабаке вино куряли и пиво варили уговорщиками, верховотурские служилые люди и пашенные крестьяне, и ямские охотники, а сидели-де то вино на... кабаке всякие люди в розни, у себя по домам, в деревнях и по селам на Тагиле и на Неве сьвоими котляцки»⁵.

Из указанных изделий парекое казкою оплачиваемы были только некоторые, большая же часть выходила в кругу натуральных повинностей, ложившихся тяжелым бременем как на посадских, так и крестьян. Нелегко было выполнение разных воеводских требований и по винному делу. Тре-

⁴ Временный, II. С. 27, 34 и 39.

⁵ Азты историч. III. № 153.

воеводами были во вражде и в переживке», и Годунов, и Волконский присылали для этого дела из Тобольска «худых тамошних людей». После этого кабацких голов в Верхотурье начали присылать из Казани и Чебоксар «выборных лучших людей»⁶. С этого же времени расходы вина по верхотурскому кабаку начали значительно увеличиваться, а с тем вместе стала возрастать и глгозть виной повинности посадских и крестьян, продолжавшейся в прежнем порядке. Кроме продажи вина за деньги, из кабака велено было производить значительные отпуски вина в Тобольск и другие города: так, например, грамотою Михаила Федоровича от 15 февраля 1621 г. верхотурским воеводам Ишну Пушкину и Дмитрию Зубову наказывалось отправлять в Тобольск первому сибирскому архиепископу Каприану «жалованья, на его обиход, по сту ведр вина горючего на год»⁷.

По общим порядкам кабаков того времени на них полагался оклад, определяемый доходами предыдущих лет, откупными суммами и другими обстоятельствами. Непременным правилом было то, что головы и целовальники должны были собрать кабацкие деньги с прибылью против прошлых лет. Для этого целовальникам позволялось действовать «бестрашно», за правый окладить «государеву милости», причем «никакого себе опасения не держать», а гласное — «питухов не отгонять». Целовальники так и поступали. «Я, государь, — доносил, например, Михаилу Федоровичу Андрей Образцов, — никому не норовил, правил твоим государевым доходам нещадно, побивал насмерть». При недоборах казла не принимала никаких оправданий ни того, что народ пить не хочет, ни того, что пить ему не на что, и настоятельно требовала веლობорной сумми: «а о недоборе пишеш зворовством, хочеш зворовать — велим недобор допирать вдвое»⁸.

Последние порядки оказались и на первом сибирском кабаке. Воеводы Никита Варятинский и Максим Лызков 7 августа 1623 года доносили в Москву, что с тех пор, как устроен верхотурский кабак, многие из служилых людей, стрельцов, казаков, именных охотников и напешных крестьян

⁶ Акты иудинцы. III. № 122.

⁷ Шаховоко. II. С. 167.

⁸ Приказов. VII. С. 79 и 80.

ли «пропились» — первые бросили службу и «разбрелись», а последние «одождали, обнищали», до они, воеводы, боясь денежного кабацкого ведебора, без царского указа унимать их от пьянства не смеют. Но та это донесение 20 того же августа, т.е. без малейшего по получении донесения закладения, отпразднена воеводам строгая царская грамота. «И вы пишете к нам, — говорилось в этой грамоте, — не радея о нашем деле, что кабак хотите оставити, а кабак заведен в Верхотурье давно, до московского разоренья задолго, и преже вас многие наши воеводы на Верхотурье бывали, а о том кабаке к нам не писывали, а важ где было нам исказити перед прежним во всем прибыли, а вы старое хотите расторгать... На верхотурском кабаке не одни верхотурские служилые люди и ямские охотники, и дащенные крестьяне пьют, да много на Верхотурье и приезжих всяких людей ежесгод живет, больше всех сибирских городов, потому верхотурский кабак и заведен в прежних давних letech, а не вновь и ныне ему быти по-прежнему ж». Далее по обыкновению грамота наказывала, чтобы воеводы «презирали по часту, чтоб на верхотурском кабаке кабацких денежных доходов пред прежними годами собрати с прибылью»².

Проходит несколько времени. Воевод, хлопотавших о закрытии кабака, смеяют князья Дмитрий Пожарский-Лопата и Никита Барятинский, а этих князь же Семен Гагарин. Последний повел дело иначе и вместо закрытия кабака, отобрав от всех служилых людей и крестьян, занимавшихся приготовлением вина и пива, заведенные ими на свой счет котлы, кубы, трубы и прот., открыл лаварню при самом кабаке. Это было в 1628 году. Устроив лаварню, Гагарин 12 декабря дописал в Москву, что при существующих порядках винокурения для верхотурского кабака «уговорщиками» по своим домам происходили злоупотребления: винокуры эти, «свара вино, выпивали сами, и в том-де вино многие служилые и посадские люди и ямские охотники, и нашенские крестьяне стоят на правее»; с открытием же лаварни при кабаке «казне будет прибыльнее». Распоряжения эти были одобрены, и новой грамотой воеводе велено за отобранные у прежних винокуров винные инструменты выдать им плату по местной «прямой» цене и затем продолжать дальнейшее отбирание тех инстру-

² Акты историч. III. № 122.

менгов по городу, селам и деревням, где они могут еще оказаться, чтоб верхотурскому кабаку «никакие порухи», а казие «недобору» не было. Грамота эта послана была с тобольским казаком Ивашком Кузюмаку, но казак этот куда-то исчез, и воевода, прождав отъезда до июля следующего года, снова пишет в Москву об устройстве им поварни: отуда же с повторением вышеприведенного, вновь наказывают «беречи накрепко, чтоб однолично... винных судов ни у кого не было», напоминают о тех же «порухе» и «недоборе» и велят казаку Ивашку «сыскаив... бити батоги нещадно»⁴.

Получив последнюю грамоту, Гагарин немедленно принялся за дело; котлы ведае отобраны, курить вино и варить пиво повсюду запрещено, и велено всем пить «на кабаке». Новоустроенная поварня легла новой тягостью на верхотурцев и з отравленной царю челобитной они жалуются, что от кабацкой поварни им невмочь стало жить. «Папем мы, — говорила эта челобитная, — на казну десятинные пашни, ставим казенные албары на свои деньги, возим дрова на винокурню по полтора рубля, а нам платят по 20 алтын, да нас еще выбирают в целовальники к винокурне, и мы в конец погубли и зинутели»^{5,6}.

С устройством поварни верхотурский кабак начал составлять очень важную статью казенных доходов. Из списка с сметных книг денежных доходов и расходов Верхотурья за 1628 г. видно, что в год же устройства поварни с «государева кабака» поступило 1071 руб. — сумма, по тогдашнему времени довольно значительная, свидетельствующая о таком же развитии и пьянства. Независимо этого кабака, в год открытия при нем поварни в Верхотурье появился и другой «откупной кабак», с которого на первый раз по тому же документу взято было годового оброка 13 руб.^{6,6*}

III

Москва всегда избирала для кабаков места бойкие и торговые. Поэтому иона верхотурцы безуспешно испытывали средства к избавлению себя от кабацких невзгод, неожиданно появились новый кабак уже в самом передовом городе

⁴ Там же, № 163.

⁵ Там же, № 184.

⁶ Вуджский, П. С. 58 и 59.

тогдашней Сибири. Это был второй сибирский кабак, открытый в Тобольске. К сожалению, сведений о времени появления этого кабака так же, как и дальнейшей истории его, при крайней скудости вообще материалов о тобольской старине до нас не сохранилось. Можно только полагать, что он открыт не ранее первых лет царствования Михаила Федоровича, так как в период смутного времени распространение кабаков должно было притихнуть. «Для смутного времени, писали в 1611 г. в Пермь казанские воеводы, — кабаки заперты были по многое время». Кончилось это время, земским собором в 1613 г. избран был новый царь и по городам снова пошли приказания, кроме государева кабака, питья никому не держать. Кабацкая прибыль сделалась источником для удовлетворения разных государственных нужд: по смерти, например, в 1615 г. в Суздаль царныя старицы Александры указом царя велено было на погребение ее взять 50 рублей из кабацких доходов; в 1620 году, собран московских гостей для переговоров о торговле с Джоном Мериком, царь и патриарх откровенно объявляли, что нет других доходов, как от таможи и кабака: «Ведомо вам всем, что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость, и государственной казны нет нисколько; кроме таможенных пошлин и кабацких денег, государыным деньгам сбору нет»*. Немудрено поэтому, что в числе посылаемых в то время наказов об умиротворении царевых кабаков последовал наказ об открытии кабака и в Тобольске.

На таком предположении нельзя не остановиться потому, что в указываемое время Тобольск считался уже бойким и торговым городом. Хорошо понимая стратегическое значение этого города в новопокоренном крае, правительство с самого основания его содержало там всегда значительное войско и постепенно населяло его и посадскими, и пашенными людьми. Зависев короткое время от Тюмени, Тобольск скоро стал не только самостоятельным, но и главою сибирских городов. С 1590-х годов сюда назначались воеводами люди знавшие — хивы, степляки и даже более, аменьше широкие полномочия. Скоро город стал главным торговым центром русских, татар, бухарцев, коганцев, калмыков и ногайцев. Торговые обороты особенно бухар-

* Лрыжов ХИ. С. 126—128.

ция, завезших торговлю еще с «Ермакова взятая», производилась на значительные суммы: иногда в один месяц бухарцы распределяли своих товаров более чем на 10000 рублей — сумму по тому времени громадную. Несмотря на то, что самый город смотрел еще большой деревней, имевшей с небольшим 300 дворов, в нем по дозорной книге 1624 года был уже гостиный двор и 52 торговые лавки⁸. Торговля его процветала, а с нею увеличивались и денежные доходы города, так что в 1624 г. одних таможенных пошлин взято 3182 руб., в 1625 г. — 4118 руб. 91 коп. и в 1640 г. — 5692 руб.; общая же цифра всех пошлинных сборов за последний год, не считая сбора ясака с тобольских инородцев, полученного в этом году на 1997 руб., достигла почти 8000 рублей. По этим цифрам можно заключить, что к концу царствования Михаила Федоровича в Тобольске была торговля «миллионная», ибо тогдашняя ценность денег по крайней мере в десять раз превосходила нынешнюю⁹.

Но возвратимся к предмету статьи. Появившись в таком бойком месте, कैसे представлял собою Тобольск, новый кабак мог давать казне значительные доходы, но в то же время приносить как населению города, так и торговле его громадное зло. Выше мы видели, что еще в первые года царствования Годунова служилые люди Тобольска, не имевшего виноторговли, навести уже были царю своим пьянством. Теперь же, когда здесь раскрылись двери кабака, пьянство это должно было усилиться, тем более, что самый состав населения Тобольска, против всех сибирских городов, представлял самую разнохарактерную смесь народов: кроме преобладающего элемента русских и татар, в состав населения его входили немцы, шведы, поляки, литовцы, мордва, черемисы и даже французы. Зло это вскоре же и обнаружилось, и дошло до таких размеров, что правительство решило кабак закрыть. Так, по крайней мере, свидетельствует одна из приводимых уже нами ранее грамот Михаила Федоровича, посланная 20 августа 1623 г. верхо-турским воеводам Барятинскому и Языкову, в которой на допесение воевод о тягостях верхотурского кабака царь, между прочим, говорил: «И вы, деля лепостью своею и зло

⁸ Материалы для истории Тобольска XVII и XVIII ст. 1885. С. 1-10.

⁹ Вранский. V. С. 165, 141 и 142.

хотя нам служить, пишете к нам не делом, или на то смотрите, что в Тобольску велено кабак снести и то нам не образец: в Тобольску кабацк заводен был недавно, а Тобольск в Сибири первый город, а тобольские служилые и всякие жилищные люди учали на кабаке пить беспрестанно, а зимы и пропались... велено снести, чтоб от кабака тобольские служилые люди нашей службы, а торговые и всякие люди промыслов своих не отбыли»*.

С закрытием кабака тобольяки надолго лишены были винных запасов. Частное винокурение строго преследовалось, потому кабаки не открывали, и заветные питеи стали прибегать к особенному способу опьянения. Хотелось, чтобы хотя что-нибудь да заменило отбитый кабацкий продукт. На помощь явились присоюже калмыки. В числе калмыцких товаров нашлась подходящая для этого дела неизвестная трава, носившая название «шара» и семена этой травы. Каков назначение имела эта трава в действительности — неизвестно, но по одному документу оказывается следующее: в 1640 г. какой-то крестьянин заявил тобольскому воеводе на многих жителей, что траву эту они «пьют вместо табаку для ныяства дымом рогами», т. е. курят, ибо тогда и относительно курения выражались «пьют табак», «пьянстауют табачным дымом», а курищих называли «питухами» и «пропойщиками». По извету крестьянина были сделаны обыски: у одного боярского сына и нескольких казаков оказалось этой травы посеянной несколько гряд, а в одном доме трава найдена и сушена, и толчена. На допросе виновные утверждали, что траву этой они не пьют, а держат для лечения — присыпают в толченом виде к ранам. Очень может быть, что трава эта употреблялась как и лекарство, но шла и для курения вместо табаку, за который, как известно, при Михайле Федоровиче резаки носы. И, таким образом, за невозможностью иметь других разжоченый, отуманивающих голову, тобольяки начали курить шар; если только «пьянствовать вином» или «пьянствовать табачком», то им казалось, что, может быть, правительством будет снисходительнее к «пьянству шаром». Чем, однако ж, кончилось это дело по розыскам воеводы — неизвестно**.

* Акты истор. III, № 122.

** Душинский. V. С. 140 и 141.

Само собой разумеется, что замена вина шаром могла иметь распространение только между завязатыми пингухами — людьми гулящими, словом, беднотой; по некоторым же актам гораздо ранее появления этого шара Тобольск имел уже себе известность тайноу виноторговлей, главными деятелями которой были люди высшего служилого класса. Хотя запасы вина доставлялись сюда и из верховтурского кабака и с поварней зауральских городов³⁶, но запасы эти всегда имели свое определенное назначение, как, например, для угощения ясачных инородцев³⁷, на отпуска Тобольскому софийскому дому и других надобностей. Поэтому названный служилый класс в лице воевод и других начальствующих лиц, следуя на службу в Сибирь, или лично, или чрез своих агентов, и тайно, и явно привозил сюда вино целыми оболами. Об этом говорят многие из царских грамот того времени, из которых в одной, посланной тобольскому воеводе в 1636 году, царь писал: «Веломо нам стало, что сибирские воеводы и дьяки, и письменные головы возят с Москвы и с иных городов многие меры и вина и всякие запасы, и товары сверх своих обычаев для торговли и для бедельных своих прибитков, а будучи в сибирских городах продают те товары на деньги или меняют на соболы, на лицензии и иную мягкую рухлядь»³⁸. Тайная виноторговля, начинаясь в Тобольске, распространялась и на другие места: в хранящихся в одном московском архиве сибирских делах есть, например, одно дело, относящееся к 1634 году, с таким содержанием: «Смекное дело Павла Хмельовского о том, что в 1633 году, судни из Тобольска на Турухан, мед бочками, а вино в склянницах и в чарки продавал»³⁹. Поэтому можно полагать, что вместо закрытого в Тобольске царева кабака тут нарождались и пускались в путешествие по далекой Сибири кабаки иного рода — воеводские и, так сказать, плавучие.

За все это время дальнейшего появления в Сибири государственных кабаков до начала царствования Алексея Михайловича, по крайней мере по тем скудным материалам, какими мы пользовались при составлении настоящей статьи,

³⁶ Словцов, I, VI, С. 161.

³⁷ Там же, I, С. 31 и 37.

³⁸ Вулицкий, УИП, С. 247.

³⁹ Прицалю, Указн. дел. и рукопис., относящ. до Сибири, 1879, С. 23.

мают, что исполняют божью и царскую заповедь». Коснувшись далее дозволения, даваемого некоторым лицам на приготовление напитков по особым торжественным случаям, Крижанич видит в этом средство приучения народа к пьянству и продолжает: «Хозяин только о том и хлопочет, чтобы поскорее напоить гостей и обратить их в свиней. Посадит гостей сколое пустого стола, сидят три—четыре часа без хлеба и без всякой пищи, а между тем чарка идет кругом, и многие, вышавши натошак, охляеют и уже не думают о пище. Нигде — ни у немцев, ни у других славян — нет такого гадкого пьянства, нигде не видно, чтобы в грязи по улицам валялись мужчины и женщины и умирали от пьянства»*. К сокращению пьянства принимались различные меры. Так, например, в 1688 г. сибирским воеводам дано было такое наставление: «а которые литухи, пришед, озадорятся и выхваются пьянством безобразным, и учнут все при себе везтище денати, плетью и товары или какую митку рухлядь своего промыслу в аклад ичи в мему пропивать... и таких унимать и, обрав его всего, в особый чулдан, чтоб проспаяся, положить, и как проспится, во вине смотря, наказав его словами, или высечь батожем, все ему назад имянно отдать в целости, а взять только по правде, сколько он пропил»**. Но меры эти пьянства не уменьшали. По словам одного сибирского писателя, оно было «всеобщим пороком и имело самые огромные размеры. Пили же: старики и молодые, женщины и дети. Пили дома, пили в кабаке, пили в дороге, пили до положения риз в гостях, пили в поле, куда горожане еще до сих пор выезжают по предникам для гулянья. Аббат Шапи свидетельствует о жестоком пьянстве по Тобольской губернии. Паллас замечает о Томске, что он еще не встречал в своей жизни такого места, в котором было бы такое всеобщее пьянство и в столь высокой степени, как здесь. Тот же Паллас свидетельствует о неуправляемом пьянстве Кяхты и Иркутска. И не только европейских путешественников, но даже соседней-азиатцев возмущало это безмерное пьянство сибиряков. В XVIII веке сибирские купцы, торговавшие с Джунгарским ханством, забравшись туда, часто пропивали и проигрывали все свои

* Каспаровое Рус. вст. в известие. 1874. Вып. V. С. 443 и 444.

** Полн. собр. зак. III. № 1656.

товары и, пьянствуя там, и другие непотребные дела чинили. В то же время китайцы жаловались на безобразное пьянство русских купцов и однажды даже запретили им въезжать в Китай ради их безмерного пьянства. Китайцев также сильно беспокоило в XVIII веке пьянство пекинских миссионеров, проматывавших и свое жалованье, и церковную казну, и нановивших китайцам жестоко обиды. Один из них, священник Филимонов, затесался однажды пьяный даже во дворец богдыхана и поколотив там китайских министров, за что и был закован в кандалы и выслан в Селенгинск при письме такого содержания: «Великого Тайцзы государства из посольского мунгалского приказа послано письмо в российское государство, в сент на житье нашего государства попы и школьнички подано на письмо нашего: по имених Иван Антония попа наколол ножем, ваши попы и школьнички промежу себя не в совете, супостатно, никак и однок *желе* жить владимирски, палад *желе*ть, тех *желе*дно; затем попа Ивана в ваще к пограничному правителю отвезли, того ради послали прохладное письмо». Филимонов долго после шатался по Иркутску под именем странника канского государства и забавляя обывателей рассказами о своих пекинских похождениях»⁸. Но не лучшее для Сибири представляло и последующее время, особенно исход прошедшего и начало настоящего столетия. Времена искусственно созданного владычества, убитого новой системой питейного сбора, времена всемирных Походоштинских, Кремлевских, Передовиковых и Почуковских, созданных эти чужного сибирского кулака-монополиста, *желе*е — времен откупа живо еще памятна и напоминать об их по отношению к дальнейшему развитию сибирского пьянства излишне. Довольно заметить, что за это время ежедневная выручка одного кабака считалась часто тысячами. Кастрен, например, путешествуя по Сибири в сороковых годах, 5 марта 1846 года писал из Томска: «Маслянку я провел в деревне Молчановой, где меня поместили в избушке *желе*е обыкновенного кабака. Здесь в продолжение всей разгульной недели я ни днем, ни ночью не имел покоя от шумливых пьяниц. Молчанова — небольшая деревня, окрестная страна бедна и редко заселена... но несмотря на то, продажа вина

⁸ Печников, *желе*е. 1867, X, с. 894 и 992.

производилась в таких огромных размерах, что кабак в один день выручал почти 1800 р. Поэтому можно составить себе понятие о вынуждене в Сибири*. Прибавим к этому, что в некоторые года сибирские губернии в потреблении пагубного напитка превосходили даже губернии великороссийские: так, например, в последних губерниях вместо выпитого в 1862 г. 7218191 ведра безводного алкоголя в следующем, 1863 году, выпито было того же алкоголя 14881714 ведер, т.е. более на 101%; сторона же наша за то время вместо 500000 ведер в 1862 г. выпила в 1863 г. того же алкоголя 1170000 ведер, т.е. более на 134%*. Недаром же поэтому сглаголется в полове аршинами: не алкае, лива и чы свелит же дивизи.

* Восток. Известия. 1887. II. II стр. 42.

Воздушные страхи Тобольска в старину

В старину отдаленные страны весьма часто служили для воображения местопребыванием фантастических существ и сценою чудесных событий. Говорили, что на печерских горах жила в пещере «змея-аспида» — змея крылатая, с птичьим носом и с двумя хоботами, что на берегу Волги, где-то около нынешнего Саратова, обитал «шестиглавый дракон»; что на низовьях этой реки растет животное-растение «баранец», приносящее плод, похожий на ягненок, и т.п. Такие известия по народной фантазии дополнились и различными подробностями: печерская асида могла, например, опустошить всю землю, а дракон на Волге, налетая на Русь, не раз делал погромы; о волжском же баранце уверяли, что стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди, ноги у него мохнатые, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя — совершенное мясо, и что живет он, не сходя с места до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу.

Но едва ли столько фантастического и чудесного могло воспроизводить воображение, сколько того и другого породили писания старых книжников и начетчиков. По отношению к нашей Сибири были времена, когда упомянутые писания не находили здесь никого, кроме людей зверообразных, замерзавших и оживших, свирепых пситоловцев, ужасных великанов и т.п. Даже городок поднее, когда эти биесловия уже заблывали и «страна мряков» покрывалась русским населением, старые грамоты все еще продолжали придавать многому из описываемых событий характер таинственности.

Из рода таких писаний нельзя исключить и приводимые ниже записи тобольского книжника и начетчика Черепанова, заключающиеся в составленной им «Летописи Сибирской» и передающие сведения о разных физических яв-

лениях, бывших в Тобольске в старину. По той окраске, какая дается обыкновенным явлениям природы в этих записях, они представляют любопытный перечень воздушных страхов старого Тобольска.

Нелишне заметить, что по поводу появления в 1858 г. кометы, виденной и в Тобольске, покойный собиратель сибирской старины Н. А. Абрамов в одной из статей своих приводил уже упомянутые записи, но со значительными пропусками и изменениями подлинной редакции. Здесь эти записи приводятся дословно и согласно первоначальной своей точности по списку названной Летописи, принадлежащему библиотеке Тобольского губернского музея. Для удобства при чтении мы оозвучили в этом напечатанной старине означать только знаки препинания.

Е. К.

Лета: от сотворения мира 7164.

От Рожд. Христова 1656

1. § 4. Августа 2 дня явилась в Тобольску звезда погоннак: стояла на полудни и вскочила с места своего, побежала по небу на запад и стала мала, и поблистала весьма, и опять побежала по небу, и того ее бегу с полудни чрез запад было шесть раз, и после того потухла. Проявляла неистоянную войну.

7167 (1659)

2. § 4. Мая в 23 день в Тобольску под горою Знаменский монастырь ввечеру от молнии весь погорел.

7173 (1665)

3. § 4. В городе Тобольску и во всех окрестных местах Божиим попущением за грехи людские быху дождю мому в несбычцу, яко быху второму потопу. От наводнения и во отчаянии надежды спасения людие быша.

7185 (1677)

4. § 8. Месца генваря, 8 дня, в Тобольску на последнем часу дня солнце стояло на самом западе в светлом столбе, тако же и луна вошла на востоке, была уже в полюсте и против солнца в таком же столбе. И велии свет их был блистателен и светел.

5. § 9. Месяца апреля 22 дня, со дня, на самом полудни сходила звезда с лучом кошведным, визг светлицим, и стояла на месте три часа и потухла.

6. § 1. Месяца мая 29 дня, в Тобольску во вторник, в 13 м часу дни, неокрещенными судьями Боживид от зодни под горою в Знаменском монастыре сгорели три церкви, а на горе того ж часу от молнии ж сгорели четыре церкви, да церковь соборная и Софийский дом весь без остатку выгорели, тако ж и город — Приказная изба и гостиний двор, и боярской дом, а на посаде у жительствовавших людей домов соте с пять и больше выгорело.

7188 (1680)

7. § 8. Месяца декабря 13 дня, в первый день рождения, в 1 часу ноци, явилась звезда-комета с великим лучом, вверх идущим, и ходила два месяца, и подымалась вверх даже до среди неба, и шестине свое с проточими вокруг не имела; ход же — с самого западу даже до самого востоку, невидима стала. Сия же звезда сходила августа 15 числа, с полудни, течение свое имела к северу до востоку, и видима была пять дней.

8. Месяца сентября, с 23 числа явились в шестии две звезды — звезда над звездою: нижняя велика и светла весьма, луч от нее к верхней, а верхняя помене и потемпее; посреди их луч, яко с деревякою, и от верхней тако ж вверх лучи же, исплывающе по горах. И тако четвие тако змели до лета 7189 и марта во 2-м числе невидими стали быти.

7190 (1682)

9. § 6. Месяца августа, в 19 день, явилась комета, а течение ее было с самого севера до востока, глава ее к северу, а хвост или луч склонен весьма к востоку; а луч был от главы широк, к концу же продолговат и собою счелся тако ж. Явилась в апрелс и мае по трои сутки. Проименование китайского походу.

7191 (1683)

10. § 10. Месяца марта 1 числа, в седмий час ноци, луна меркнула: над нею была дуга, а на дуге крест четвероконечный по концам, под луною же венец и сквозь венец висящий меч; по обе же стороны луны два креста осмико-

нечные. Луна же точно меркула, а кресты, дуга и меч были весьма светлы, но — чисто и светло, в зенитах.

11. § 10. Месяца октября, в 4 дня, явилась звезда дружественная, или с двойным лучом, немного покрывавшая на размете, то есть один луч к востоку, а другой к западу. Немного постояв, переменялась: оба луча на одну сторону к западу поворотились. И так явилась ночью с двадцать и престала.

12. § 10. Месяца ноября 4 дни воздушное явление в Тобольску ж: на западе на востоке взлетну, аки топть великан затопилась, и светлость, и теплота, яко от солнца, зрящим людям лицо грели. И тако явилось с четвертого часа до шестого ночи. И вдруг разделилось надвое, и прежде полуденная половина меньше стала ставать да и исчезла, потом и северная невидима быть стала.

13. § 10. Ноября 20 числа, в Тобольском, в 7-м часу ночи явилось явление на небеси: две звезды с лучами великими; одна главою на восток, а другая на запад; лучи же их простирахуся вверх и склонением друг друга пресекаху крестовидно.

14. § 10. Декабря 3 числа, на западе видение воздушное во звезде: возшла она весьма светла, а посреди ее темно было; и немч различиваться, как похс, в длину, растапливалася и свивалася аки хобот; и по сем началу от нее брызгаться, аки искры от кузницы, или когда лучиною с огнем мажут, тако и она махала прежде на север, а потом к востоку, и льжи гнече: не хити влех и вилл. или от таку пламя. И того видения было с 3 часа полнолуночи. И появилася на четверть часа будто рыба и вдруг на землю упала. И осталася на том месте аки звезда и вскоре ж за нею пламя. И тако исчезла.

15. § 10. Того ж декабря 4 числа, ночи в 3 часу, воздушное явление было: над домом воеводским явилася столб светел, а посреди его звезда, а от нее, висящи явилася концами, два меча по обе стороны столба того. И видимо было пять часов а шестым.

7204 (1696)

16. § 1. Месяца ноября 25 дни, в день недельный, в 2 часа дни, в Тобольску явилось знамение в солнце: оно яко разверсталось на четыре части, и лучи от солнца светлы, а в

середине темно было; и посреди оных частей в темноте видно подобие человека, распростерты руки имуща.

17. § 1. Того же ноября 28 числа в ночи, в пятом часу, было знамение воздушное на востоке: из темной тучи выплещало пламя; возмывше отсех видящих и во всю светлю сияющим, и спускающимся вниз даже до земли. И вскоре потухло.

7208 (1700)

18. § 2. Месяца сентября в 13 день, в Тобольску знамение в воздухе: в третий час дни внезапно с полудни набежало тихим ветром миглу, как туман густой огненный, и солнце с небеси в тумане разлилось, и друг с другом люди во храмах будто в огне выделялись; и той мглой все небо как померкло, а сажени в две человека видеть было, а подлинно распознать кто — не можно, отчего люди пришли в такой страх, думали, что конец свету наступил и все, как возможно, побегли в церковь на молитву ко всепедрому Богу. И по молитве не оставя Господь, яко отец сирых детей в напастах, во исходе нитого часа прогнаша оная солнечно пламенная мгла южным ветром на самый север, и бысть страх приемшим радость и благодарение Богу.

7209 (1701)

19. § 3. Месяца июня 9 числа в Тобольску воздушное явление: в седмом часу дни зявила громовая туча; стоящие люди при берегу реки Иртыша, где рыбой торгуют, и рыбные прасолы видели, летел оттуда же долгой и великий змей, весь черной, без крыл, будто великое бревно нагибаеся, и на пролете города на низ грашул великий гром с молниею — звук же аки бы посредствен — и отшибло у змея прежде главу, а потом и хвост пополам разшибло; и так пал хвост за рекою, пониже города, а голова пала по конец яру, а пяти верстах ниже города находится, а середку его бурей с ветром пронесло на Кутаевское озеро.

20. § 3. Того ж июня, в отдачу часов дневных, а в начале ночного часа, как бы небо вдруг растворилось, и хивлась огненная густая туча посреди самого востока и меч велик кровавой, обуюду остр, ясно, отчего тобольские жители бьста в сомнении и несмелом ужасе.

21. § 2. Месяца ноября с 8 числа явилась комета в Тобольску: на верхнем западе две звезды, будто с перьячкою, и вокруг с прочими звездами не ходили; исподина велика и темна, простертый луч от себя имела к верхней, а верхняя звезда мала и светла, и свет ее был и ее луч вверх же; склонность была их лучей на запад. И являлась на одном месте два года.

7210 (1702)

22. § 3. Месяца февраля 18 дня знамение воздушное было в Тобольску: на среднем западе в самом пережое луны, на воздухе в 3 м часу поше будто крововидные люди бегуще от месяца и к месашу и мимо его в части бродяща. И было сего видения с час. Во исходе же 4-го часу начало толким облаком, аки жидким дымом, заносить и стало невидимо.

23. § 2. Месяца октября 6 дня видены в Тобольску две звезды, восходящие с зорнице вместе, на верхнем полудни, и поблизости друг с другом имелись: нижняя — велика, темная, а верхняя мала видом, а светлее, склонностью же на полдень; и вместе идуще до третьего часа пощи, а в четвертом между собою развивающиеся на нижнем полудни, то есть верхняя малая звезда на полуденную сторону вниз опрокидывая, тако течение свое имела и до шестого часа к самому западу; малая уже будет впереди внизу, а большая вверху — назад к полудню. И тако, дошедше до среднего запада, вдруг исчезла. Ходили до 20 числа января — малая угасла, а большая сгибла в марте.

7211 (1703)

24. § 1. Месяца января с 1-го числа являющиеся звезды две с перьячкою в Тобольску на верхнем западе изменились: темная и большая с лучом вверху стала лучом вниз, а малая светлая сверху вниз опрокинулась, склонностью стала к полдню.

7212 (1704)

25. § 2. Января 17 дня являющиеся звезды с перьячкою в Тобольску на верхнем западе стали быть невидимы.

7213 (1705)

26. § 4. Мая 8 числа, в день Иоанна Богослова, в Тобольску во время итрании комедии зюста с тучю буря жестокая и сломило над олтарем Соборной церкви крест, также и с Сергиевской церкви верх весь с маквицею и крестом (подле оной церкви употребили действие комедии), прозваному Всемогущий Господь Бог гнев свой на творящих игралица козмовивския; в той же час на звезде блаарном сажани с три горы сползло с места глади.

27. § 2. Месяца августа в 16 день в Тобольску явление звезды-кометы: в заре с вечера стояла между полуднем и верхним западом, блистала велими светло, и луч ее виден был кошкею зело мал. и являлся, отпыхивая пыхоты.

28. § 3. Сентября 6 числа видена была комета звезда на нижнем востоке, копиевана зраком, распыхивалась изподтиха.

29. § 3. Тако ж декабря 6 дня, которая уже во многие годы являлась звезда брызгальная, в заре, с вечера поянлась, во все стороны растагивалась, так и потухла. Все сие прознаменовало в Сибири неустойство и войну настоящую через полдень под верхним западом солнца со Скифами, при камене, у порубежной линии⁷.

7214 (1706)

30. § 1. Месяца июля 8 дня, в Тобольску видена была гибель: затмение солнца и в нем подобие человека явлено: затмение солнца и в нем подобие человека явлено: затмение солнца и в нем подобие человека явлено: затмение солнца и в нем подобие человека явлено. И стояло сие видимо часа с два, потом мглою покралась, и стояла та мгла четыре дни. Явилю в Тобольском уезде скотоуроние и вод нездравие.

31. § 2. Ноябрь 20 числа в Тобольску видено было: во исходе 4-го часа ноши посреди небеси на воздухе выпал будто свиток бел, растагивался, и вслух людям шустал, и пал посреди двора воеводского, вблизи крестца; и винушу явился человек, от него же четыре искры огненные вверх порознь возлетели и сошнулись в место, и чрез малую минуту все исчезло; в то же время занесло тучу и гром велик скрежета часа с два. И бысть воеводскому дому пожар.

7217 (1709)

32. § 2. Месяца февраля 2 дня, в Тобольску горел в 7-м часу ночи дом купца Караваяна на большой улице под горою. И видели с горы при том пожаре три столба световидные: два по сторонам мосту стояли, между собою сажени на десять, а третий столб посреди мосту, близ переулка, к берегу. И горел тот пожар великим пламенем. Хоромы же соседа Ошуркова стена о стену с его, Караваяным, ничем остались невредимы, нимало затлели, а его, Караваяна, другая стена находилась чрез две сажени и мало что затлела.

7218 (1710)

33. § 3. Месяца ноября 21 дня в ночи, перед заутренею, в Тобольску на берегу реки Иртыша горел амбар Петра Мелешкина с краденым хлебом, который он из казны государственной потаенным образом за себя переводил. И над этим огнем с востоку видна была комета звезда, имела луч свой упирам на оной столб, и дотоль стояла, пока оный краденый хлеб: рожь, овес, мука, чьяконо — не сгорел. И сия комета явно объявляла ярость гнева Божия на обличение твтем зле собирающим.

7219 (1711)

34. § 2. Месяца генваря 28 дня солнце в великом и необычном столбе стояло с четвертого часа до шестого; 22 числа месяц был в полночье, в толстом великом и необычном столбе стоял.

7221 (1713)

35. § 2. Месяца августа в 1 день, в Тобольску видна была утренняя зарница на самом верхнем севере в седьму ночного часа, и свет от нее был неподобна азбуной литеры. Таким же образом сходила и вечерняя зарница на самом верхнем востоке, немного разнилась.

7238 (1730)

36. § 3. В месяце генваре знамение воздушное было в Тобольску во втором часу ночи: прежде являлось с востоку на завал крута по два, потом между востоком и западом посередине подошло облако и из того облака на севере светлое с переменами сияние происходило.

7240 (1732)

37. § 1. В Тобольску было знамение в солнце: обложилось солнце светлым кругом, над кругом же дуги две вверх рогами, а другие две вниз, по кругу же по ветрам четыре полусолнца имелось, ка самым же солнце два копия светлы, вверх простиравшиися, нарочно склопеннем, и просекающие круг, под копиями же подле солнца по обе стороны его, две звезды видены были. Стояло со второго часа до четвертого.

7244 (1736)

38. § 2. Видены были в Тобольску столбы огненные¹⁴ с севера на восток, шли генваря с 30-го марта по 1-е число, по три ночи было.

7249 (1741)

39. § 1. Месяца июля 7 дня, в пятом часу дни, воздушное знамение было в Тобольску: все небо было чисто и внезапно как гром грянул, или из пушки выстрелила. Когда люди смотреть стали, виден был огонь пологой и наподобие молнии снизу вверх протянувшийся, и сверху как небольшой дымчатый облак стал, и на него так частою стрельбою палило, или так гремело чрез минуту. И по малом времени одного облака не стало.

7251 (1743)

40. § 1. Месяца июля 8 дня в Тобольску в час ночи занесло с западу облаки темные с великим громом и дождем. И был вихрь столь велик, что поколебало все строения и с домов крышки снесло. И страх немалый был от прежесотокого грому и от молнии.

7260 (1752)

41. § 1. Месяца генваря 8 дня в Тобольску было воздушное явление за час до свету: свет багровою с полосами белыми виден был ка севере, склонно на запад. Стояло с час и потухло.

Тобольск в дни погребения императора Николая Павловича (По архивным сведениям)

Известие о смерти императора Александра Павловича в Таганроге 19 ноября 1825 года получено было в Тобольске на двадцать второй день с нарочным курьером: указ сената об этом доставлен был губернатору Д.Н. Бантыш-Каменскому 10 декабря³ в 5 часов утра, а чрез какой-нибудь час город уже знал о печальном событии.

Необходимо заметить, что Тобольск, епархия которого обнимала тогда весь громадный район Западной Сибири, оставался в это время без архиепископа; назначенный вместо умершего в феврале 1825 года преосвященного Амвросия на тобольскую кафедру псковский архиепископ Евгений прибыть в место нового служения еще не успел, а поэтому руководство епархиальными делами сосредоточивалось всецело на духовной консистории^{4*}. Этим обстоятельством и объясняются те недоразумения, которые, как увидим, имели место при исполнении губернатором сенатского указа о кончине императора.

По случаю раннего времени и час получения указа заседания в присутственных местах еще не начинались, и губернатор Бантыш-Каменский, передав нужные к исполне-

³ В Варшаве, где пребывал Великий Князь Константин Павлович, это известие получено было из Таганрога 25 ноября в 7 час. вечера; в Петербурге — 27-го, во время молитвы о здравии императора; в Москве — 29 ноября вечером. — Восшествие на престол императора Николая I/Сост. Бар. Корф. СПб., 1857. С. 34, 47, 48, 66.

^{4*} В это же время в делах Тобольской консистории царил ужаснейший запущенный, дозволяло сказать, что «пересыщенные конверты прослались в два или три короба, стоявших в зале присутствия, и такая конверты с приказом преосвященного Евгения насчиталось до 2000. — Прот. А. Сулоцкий. Архиепископ Евгений Кавказец как архиепископ тобольский/Сувориник. 1872, стр. С. 26.

нию указа распоряжения словесно полицмейстеру, поступил таким же образом и в отношении духовного ведомства, лично предложил благочинному городских лаврской протоиерею Петру Карпинскому немедленно собрать в кафедральном соборе городское духовенство.

Несмотря на то, что это было в простой, не праздничный день (четверг), унылый одиночный звон колокола скоро привлек в собор массы народа. К 8 часам утра туда собралось уже городское духовенство, и явились все местные власти, в числе которых во главе с председателем губернского правления Жуковским были: председатель казенной палаты Пасышко, председатель губернского суда Кукуранов, губернский прокурор Криднер, инспектор арчебной управы Альберт, почт-директор Миллер, директор сухопутных сообщений Елин, начальник дивизии полковник Скерлетов и другие. Вскоре прибыл в собор и сам губернатор. С приездом последнего из круга чинов выделялся губернский прокурор и начал чтение печального указа.

Содержание указа было весьма кратко и заключало в себе дословно следующее: «В общем собрании Правительствующего Сената С.-Петербургских департаментов г. министр юстиции объявил горестное известие, что Его Императорское Величество, Государь Император Александр Павлович, по власти Божьей после тяжкой болезни в Таганроге 19-го сего ноября скончался. Правительствующий Сенат, в общем собрании, учинил присягу на верность подданства законному наследнику Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу, приказали: о сем повсеместно обнародовать печатными указами»⁹.

После прочтения указа все бывшие в соборе члены кафедрального протоиерея В.Ф. Капустиним были призваны к присяге на верность подданства новому императору Константину Павловичу, а затем в соборе было отправлено торжественное молебствие.

⁹ Дьяки выслушав объявление при каждой правде распродасельном статее. И прирочивает в указе ф. жде вышесказанн. п. д. чина, некое в иерейной закон 1797 года, определенный в точности порядок престолонаследия, оставалось выражение, которое включено было в форму присяги св. величания Александра: «И на наследнику престолу, по которой наследник будет».

Все это исполнялось по личному распоряжению Бантыш-Каменского и отличалось чрезмерной спешностью, благодаря которой тот же губернатор, объявив на соборе, снова обратился к протоиерею Карпинскому, прося его распорядиться о производстве по церквам трехдневного звона. Но, не имея на это распоряжения своего непосредственного начальства, о. Карпинский затруднился исполнением требования губернатора и, отправившись из собора в консисторию, заявил с нем на усмотрение членов. Имел в виду, что по происшедшему событию не имелось еще распоряжений святейшего синода, а в объявленном прокурором указе о принятии сенатом предки новому государю порядка торжества в данном случае не определялось, желание Бантыш-Каменского затруднились, разумеется, исполнить и члены консистории.

Через короткое время губернатор, не слыша звона, лично отправился в консисторию и, войдя в присутствии, повторил неисполненное благочинным требование.

— Затрудняюсь в этом случае, — доложил ему старший из членов, — так как не имеем указа св. синода; кроме того, не получили же об этом письменного сообщения и от вашего превосходительства.

— Я сам здесь и об этом вам объявляю! — возразил с досадою Бантыш-Каменский.

— Но по важности предмета получение от вашего превосходительства письменного извещения представлялось бы в этом случае совершенно необходимым.

— Консистория, если нужно, может составить со своих журналов! — снова возразил не разделявший возражений губернатор и отбыл из присутствия.

Все это, однако ж, не рассеяло затруднения членов консистории. Распоряжения о производстве по церквам звона сделано не было и, как оказалось после, вполне основательно, с тем, видимо, согласился и сам губернатор.

Через час после этого консисторией получено было сообщение губернского правления (№ 23849), передававшее содержание сенатского указа, а несколько позднее — собственноручное письмо Бантыш-Каменского с двумя приложениями.

Не упоминая уже консистории о производстве звона, губернатор писал: «По случаю полученного мною сего числа горестного известия о кончине Всемилостивейшего Госу-

даря нашего, препровождая в оную консисторию печатный экземпляр указа Правительствующего Сената и присяги, покорнейше прошу распорядиться о приведении во церквям к присяге на верноподданство Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу здешних граждан и об отправлении в соборе панихиды по усопшему Государю 12 числа сего месца».

По этим сообщениям консисторию в тот же день сделано было распоряжение о приведе к присяге городского населения и отправлении в 12-е число, приходившееся на субботу, панихиды по в бозе почившем государе. В указе консистория благочинному Карпинскому требовалось, чтобы приход к присяге был сделан при городских церквях «при чиновниках со светской стороны». От того же числа консисторию были рассланы указы и по епархии. Как даваемые до получения распоряжения св. синода, указы эти были довольно кратки, в них давалось лишь «звать к сведению и должному в потребном случае исполнению» о кончине государя, приведе к присяге населения Тобольска на верноподданство новому императору, а также и назначении при тобольских церквях панихид по усопшему государю, причем консистория рекомендовала духовным правящим, монастырским настоятелям и благочинным, непосредственно в ведении ее состоящим, «до получения из св. синода распорядительного указа во всех соборах, церквях и монастырях, в священнослужениях на эктениях и в прочих местах, где следует по уставу возносить имя Государя Императора Константина Павловича».

Приход к присяге населения Тобольска на верноподданство новому государю продолжался с 11—13 числа декабря; 12-го же числа в кафедральном соборе, Знаменском монастыре и приходских церквях после литургии были отправлены панихиды по покойному государю, причем на панихиде в соборе были в полном составе все местные власти.

Наконец, с пришедшею утром 17 декабря, т. е. всего чрез неделю после первого известия, московской почтой получен был и ожидаемый указ св. синода. Этим указом (27 ноября 34 1784), адресованным на имя пресвященнейшего архиепископа Евгения и вскрытым консисторию, требовалось «в день же получения, сделав сношение с светскими

правительствами и при собраниях в церквях народа, отписать сугубую эктению с провозглашением Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу многолетия, а потом духовным всякого чина на верность подданства Его Императорскому Величеству присягу по приложенной форме учинить и прочее к ней приводить по тому распоряжению, какое с сем со стороны гражданского начальства последовало**.

Исполнение указа синода в той части его, которая не была исполнена при первом известии о кончине императора, последовало в кафедральном соборе того же дня, от того же числа консисторию были разосланы указы, передавшие содержавшие распоряжения синода и до епархий, хотя все это по времени было уже и ненужным и лишним.

При старых путях сообщения и неизменности в то время телеграфа в Тобольске никто, разумеется, не мог не только знать, но и предполагать, что день получения указа св. синода о взошеднии на престол Великого Князя Константина Павловича был уже пятым днем царствования Государя Императора Николая Павловича. Известно, что после положительного отречения от престола Великого Князя Константина Павловича проект манифеста о вступлении на престол августейшего брата его Николая Павловича был изготовлен Сперанским к вечеру 12 декабря. Государь, одобряя его с некоторыми исправлениями, продолжал сохранять дело в тайне до ожидаемого приезда из Варшавы Великого Князя Михаила Павловича и потому переписку манифеста поручил личному надзору князя А.Н. Голицына. Проект был переписан в ночь с 12 на 13 и число доверенным чиновником князя Поповым в кабинете князя со строгим запрещением всякой огласки. Подписав манифест утром 13 декабря, государь поместил его 12-м числом, как днем, решившим дело окончательным отречением цесаревича Константина от престола**. По тем же причинам никто из собиравшихся до мог знать и того, что ко времени получения указа синода была уже окончательно прекращена всякая связь на Сенатской площади 14 декабря дерзкая вспышка бунта декабристов; что же касаясь Тобольска, то здесь об этих событиях узнали только в

* Дело архива Тобольской духовной консистории 1825 г. № 378.
** Корф. С. 165.

последние дни пред праздниками Рождества Христова, да и что по честным письмам о случившемся, полученным некоторыми начальствующими лицами от петербургских знакомых.

Истинное положение дела раскрылось уже на второй день праздника — 26 декабря; в 7 часов этого числа духовной консисторией получен был на имя преосвященного новый указ св. синода от 14 декабря (№ 8425) с известным манифестом о восшествии на престол государя императора Николая Павловича⁴.

В полученном манифесте, между прочим, говорилось: «Когда известие о плачевном событии в 27 день ноября месяца до нас достигло, в самый первый час скорби и рыданий Мы, укрепляясь духом для исполнения долга священного в следствии движению сердца, принесли присягу верности старейшему брату Намему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наследнику Престола Всероссийского.

По совершении сего священного долга известилась Мы от Государственного Совета, что в 15 день октября 1823 года предъявлен оному за печатью покойного Государя Императора конверт с таковою на оном собственноручною Его Величества надписью: «Хранить в Государственном Совете до Моего востребования, а в случае Моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании»; что сие Высочайшее повеление Государственным Советом исполнено и в сием конверте найдено: 1) письмо Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича к покойному Государю Императору от 14 января 1822 года, в коем Его Высочество отрекается от наследия Престола по праву первородства ему принадлежавшего; 2) Манифест в 16 день августа 1823 года, собственноручным Его Императорского Величества подписанным утвержденный, в коем Государь Император, изъявляя Сие согласно на отречение Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, провозглашает наследником нас, яко по нем старейшего и по коренному закону к наследию ближайшего. Вместе с сим донесено Нам было, что таковые же акты с тою же надписью хранятся в Правительствующем Сенате, Святейшем Синоде и в Московском Успенском Соборе.

⁴ То же издание, стр. 28-378.

Сведения сия не могли переменить принятой Нами меры. Мы в актах сих видели отречение Его Высочества, при жизни Государя Императора učinенное и составленое Его Величества утвержденное, но не желали и не имели права сие отречение, в свое время всенародно не объявленное и в закон не обращенное, признавать навсегда невозвратным. Сим желали Мы утвердить уважение Наше к первому коренному отечественному закону о непоколебимости в порядке наследия Престола. И вследствие того, пребывая зрелыми присяге, Нами данной, Мы настояли, чтоб и все государство последовало Нашему примеру.

Между тем горестное известие о кончине Государя Императора достигло в Варшаву прямо из Таганрога 25 ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо в намерении своем, Государь Цесаревич и Великий Князь Константин Павлович на другой же день, от 26 ноября, признав за благо снова утвердить оное двумя актами¹.

Затем после объяснения существа этих актов и дальнейшего хода событий по окончательному изъяснению Великим Князем Константином Павловичем непоколебимой и невозвратной своей воли, манифест повелевал: 1) присягу в верности подданства учинить Государю Императору Николаю Павловичу и наследнику, Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Александру Николаевичу и 2) время вступления Его Величества на престол считать с 19 ноября 1825 года.

К манифесту было приложено несколько актов, объясняющих обстоятельства дела по отречению от престола Великого Князя Константина Павловича².

В Сибири, как известно, не появилось и тени прикосновенности к кому-либо и чем-либо изводу декабристов, но когда начал был приезд населения к присяге на верноподданство императору Николаю Павловичу, в народных массах, мало понимавших истинное значение и смысл подробного манифеста о добровольном отречении от престола цесаревича Константина Павловича, несомненно возникли вопросы: «куда ж девался царь Константин?», «отчего он не хочет царствовать?» и т.п. Однако же после обстоятельных толкований манифеста духовенством эти невинные вопро-

¹ Корф. С. 106—111.

сы захитали⁶. Общее же настроение умов за эти тревожные дни на нашей отдаленной окраине лучше всего рисует обмен между собою мыслями высших представителей тогдашней сибирской администрации — генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича и преосвященного Евгения, архиепископа Тобольского и Сибирского, прибывшего в Тобольск 30 декабря 1825 года⁷, чем мы и закончим свою краткую заметку.

«Сибирь зная молитвами вашими, прославленный владыко, Богоу благодаренна, остается покойною, — писал генерал Капцевич 15 января 1826 года. — По сие время не слышу я никаких противу вкорных толков от крамолы и по слабому заключению моему, кажется, их не будет. В Сибири нет дворянства, а без его нет общего мнения, как это при теперешних обстоятельствах хорошо. Одно удивление между народам существует — это то, что скорая перемена с Императором сделалась. Мне бы казалось, что в сем разе ближе всего внушить и ясно разуверить крестьян почтенным священникам в деревнях и селах, растолковать просто акт отречения Цесаревича, разуверить ту сильную и святую дружбу между Царской Фамиллией и проч., и проч.».

К рекомендуемой этим сообщением мере преосвященный архиепископ Евгений отнесся, однако ж, с крайней осторожностью.

«Почтеннейшее отношение вашего высокоприсоходительства», — отвечал он Капцевичу 24-го того же января,

⁶ Во всей Западной Сибири был один случай дерзкого уворота и отказа от присяги императору Николаю, оказанный рыцарем Усть-Каменогорского казачьего общества А. осолом Цыгановым. По случаю об этом государю было известено: «Притязать сего опылом свой чрез тыяцкую милость твою и обжаловать ин. дабы не так, какъ проче глаго во видя оны состоятъ, тогда довести». Но в числе названных Семенов остался в увороте непреклонным. Во второй раз Государем было извещено: «Послать мне письмо к министру», не показывая, ни показывая ни документу и мнению ни буди же и приложением к государю то же или иное; а ни лично приду к министру, а впрочем буди и знаючи тем, то являють его в Иерусалиме иудеями». Однако ж отдаленный друг уездника и Томской Александровской епархии. Главная консистория отговорила немалым противником присяги новому Государю. Чем кончилась судьба его — неизвестно. — Дело архива Тоб. губ. 1827 г. № 104.

⁷ Из письма во Цесарю в 1-й разодой просвещеннейшей Императрице присягал государю императору дат. чьде: 2-го числа в 1825 году. Коломискину Павлову и 23 января в Париж — Николаю Павлову (Странник. 1822. С. 17, 18).

— чтобы чрез священников внушать народу совершенно добровольное Великого Князя Цесаревича отречение от престола и царствующее в Императорской Фамилии согласие, я имел честь 21 сего января получить с сердечным уважением и готовностью с моей стороны немедля разослать извлечения из тех приложений, кои присланы при Высочайшем о воцарении на престол манифесте, как объясняющие обстоятельно мирный ход дела. Но как незадолго пред сим из св. синода получен мною указ — разослать по всем церквям самые сии манифесты и приложения, кои каждую почту и получаются ими и печатные и рассылаются немедленно по церквам: то уже наизусть себе в необходимости удержаться от каких-либо с моей стороны пояснений или изъяснений, а только присвокоупил, чтобы священники по сим документам объясняли и внушали недоумевающим прихожанам истинный ход сего дела*.

* Дело архива Тоб. консистории 1826 г. № 431.

Находка ружья покорителя Сибири

Недавно в «Новом времени» помещено письмо А. В. Арсеньева, извещающее, что в Петербурге оказывается ружье, принадлежавшее будто бы нашему славному Ермаку. Хотя письмо это и довольно кратко, но достаточно для того, чтобы по сведениям его коснуться значения упомянутой достопримечательной находки с исторической стороны. Это и сделаем мы в настоящей заметке.

«На днях мне пришлось видеть древнее ружье, — пишет г. Арсеньев, — которое по надписям, сохранившимся на нем, и по году, вырезанному на тяжелом полуторваршинном ствольном ложе должно было принадлежать знаменитому покорителю Сибири Ермаку Тимофеевичу. Надпись древнего начертания букв, полуседебная рижачиной, гласит: «Ермак Тимофеевич атаман казачей», год 3178, т. е. от сотворения мира 7089, а от Рожд. Христ. 1581. Сибирь была покорена год спустя, в 1582 году, следовательно, ружье с надписью могло быть подарено Ермаку или казаками, или именитыми людьми Строгановыми, снаридавшими его на завоевание сибирского царя Кучума. Ружье, по словам настоящего владельца его, было куплено им несколько лет назад в Пермской губернии от лесника, который, приспособляя его для боя волком, варварски положил древний дальнобойный ствол на ложе новейшего образца и дерзавшим кремневым курок на пистонный. В таком виде ружье сохраняется и теперь, хотя древний кремневый, весьма любопытный курок, тоже с надписями, сохранился и находится при ружье привязанным».*

Описывавший г. Арсеньевым находку прежде всего вызывает на знакомление с тем вооружением, какое имели Ермак и дружина его, стравляясь от Строгановых в по-

* Новое время 1891. № 5430.

ды за Урал. Известно, что современное тем походам вооружение русского войска было самой слабой стороной его и состояло только из саадака и сабли, и что для военных действий тогда брались лишь лук со стрелами да меч и редко небольшие копы или кинжалы, а вооружение пикарами или самоналами было только в меньшинстве детей боярских среди массы, вовсе не имевшей огнестрельного оружия⁴. Между тем завоеватель Сибири, благодаря помощи Строгановых, располагал запачительными запасами вооружения и имел достачочный по времени комплект воинских принадлежностей. У него были и пушки, и ружья, были знамена, были барабаны, сиповки, литавры и трубы, словом, полная полевая музыка. Так, по крайней мере, переплет сибирские летописки⁴⁴ и история^{44а}; в бумагах же Строгановых сохранилось сведение, что данные ими Ермаку боевые и съестные припасы по тогдашним ценам простирались до 20000 руб.^{44а} — цифры, составлявшей в конце XVI века большое богатство. Поэтому несомненно, что у Ермака был не мал запас и огнестрельного оружия, и нельзя думать, что бы истекшие три века уничтожили его без остатка.

Таким образом, в принадлежности покорителю Сибири ружья, открытого г. Арсеньевым, ничего невероятного не представляется. Странно только то, что ружье это оказывается адалеке от места подвигов храброго атамана. Но как кому, а нам, сибирякам, не странно и это. Дело в том, что разведущина к своему прошлому Сибирь почти ничего не собрала из тех достопримечательностей, которые напомнили бы краю о воинских доблестях завоевателя его. Не лишне сказать, что мы не имеем даже ни одного из тех доспехов Ермака, которые даны были ему по взятии Сибири в подарок от царя Грозного⁴⁵. Знаем только, что после трагической кончины героя два массивных стальных панциря с золотыми орлами и разными украшениями стали собственностью татарского мурзы Кайдаулова и остяцкого князя Алача, а дорогие кафтан и сабли с поясом постанись

⁴ Сирожин А.И. Известия о вооружен силех Москов. государств. Сиб., 1891. С. 32.

⁴⁴ Строгановская в прил. к «Покор. Сибири» Небольсина 1849 г., гл. XI: Сибирская (Кинтер). Изд. Бюста, 1880. С. 6, 11 и др.

^{44а} Миллер. Опис. Сибир. Царства. 1750. Гл. 2. §§ 33 и 36.

^{44а} Щитово. Перек. летописи. 1881. Кн. 1. С. 76 и 79.

татарским же князю Сейдаку и мурзе Караче⁸. Хотя со временем, в 1651 году, по грамоте царя Алексея Михайловича один из панцирей и был отобран у Кайдаулова, но не для памяти о покорителе Сибири, а в подарок чжунгарскому тайше Абылай^{9, 10}. Нельзя, однако же, не заметить, что первые поколения сибиряков сравнительно с последующими и памяти достопынного мужа были внимательнее. За это говорит цель учреждения в Тобольске в 1796—1798 гг. артиллерийского арсенала. «В этом арсенале, — писал в 1797 году строитель его подполковник фон Кремер тобольскому губернатору Токтому, — содержится будет особой дирекции немалое число артиллерии и разного звания оружия, а дабы подлежащим распоряжением дать окому лучший вид, нужно по примеру с-петербургского и чужестранных арсеналов равного рода древних военно-действующих орудий, как то: пушек, палицрей, кольчуг, ружей, бердышей, сабель, шпаг и тому подобных, кюковые упонательдо в пространстве Сибири по велению хана Кулума и татарских князей еще выводится и, может быть, без всякого уважения в крепостях и городках мыше содержится». По этому изъещению, как по городам и уездам, так и в крепостях и форпостах, а частью и у частных лиц делались разыскания древних воинских принадлежностей^{11, 12}, и есть упавания, что в новый арсенал между многими другим собраны были и «некоторые вещи от похода Ермака, как то: кольчуги, пидцали и другие тогдашних времех досюнная сиварды»¹³; там же, между многими другим, хранились и два главных знамени, осевашные Ермаку пути к Сибири^{14, 15}. Но где все это теперь — мы не знаем. Некоторые из тобольков помнят еще, как из бывшего арсенала продавались с аукционы какие-то старые негодные орудия, как после того исчезли окружающие арсенал чугузные солдаты в треугольных шлемах и обмундировке павловского прозвища и как затем разламывалось по ветхости никогда не ремонтировавшееся каменное хранилище древностей, стоявшее в загорной части города против Никольской церкви. Поэтому легко могла

⁸ Миллер 3, § 68.

⁹ Тобол. губ. ведом. 1866. № 21.

¹⁰ Тобол. губ. ведом. 1861. № 1.

¹¹ Сибирск. вестник. 1818. Ч. 1. С. 14.

¹² Тобол. губ. ведом. 1866. № 19.

быть, что и открытое г. Арсеньевым ружье попало в бесцеремоленную переделку пермского лесника, а затем выпущено на дальнейшее мытарства из той коллекции древних орудий, которая обречена была при упомянутом арсенале на жертву аукциона. Не подлежит, однако ж, сомнению, что многое из воинских принадлежностей Ермака цело и теперь, но остается в неизвестности; так, например, покойный Н.А. Абрамов в 1852 году видел в Тюмени при годовом волостном правлении четыре затинные палки, считающиеся принадлежностью Ермака*: в С.-Петербургском музее графа Строганова, по сообщениям А. Ефимова и Н. Вероникина, хранится пиццаль, наводящая, впрочем, сомнение в древности своей годом современного летоисчисления, с такой надписью: «При реке Каме в городе Кергедан и Максим сын Якова Анникина Строгонов дарю тебе атаману Ермаку в лето от воплощения же Бога Слова † АФПА**».

Само собой разумеется, что отапы о подлинности ружья, открытого г. Арсеньевым, принадлежит археологам, хотя по приведенным данным о судьбе воинских принадлежностей Ермака и нет поводов сомневаться в той подлинности. Очень жаль, что г. Арсеньев не сообщает ни точного описания конструкции ружья, ни тех надписей, которые заключаются на кремневом курке его, и, наконец, ни того, вероятно, несложного обстоятельства, по которому владельцем ружья вместо знаменитого воина оказался пермский лесник. Все это в связи, во-первых, с древностью писания на стволе ружья, а во-вторых, с поземным годом на нем по допетровскому летоисчислению obligated бы решающее слово об этой древности со стороны археологов. В пополнение сведений г. Арсеньева необходимо заметить еще и то, что, судя по году ружья, его вовсе нельзя считать личным подарком Строгановых Ермаку: в 1581 году, означенном на ружье, ни Ермака, ни дружины его в вотчинах именитых людей уже не было, да и Сибирь покорена была не в 1582 году, как думает г. Арсеньев, а годом ранее. Но это вероятность принадлежности Ермаку ружья не уменьшает. Бава ли кто будет отвергать, что с уходом в Сибирь покоритель ее, оставаясь там до смерти (5 августа 1584 г.), прекратил всякие

* Тобол. губ. ведом. 1864, № 45.

** Новое время. 1891. №№ 5481, 5483.

окончания с близкими ему Строгановыми, и что последние не продолжали снабжения его боевыми припасами и после оставления им вотчин их. Таким образом, вернее будет считать упомянутое ружье уцелевшим из тех пособий, какие делались Строгановыми Ермаку во время завоевания Сибири. К этому нелишне прибавить, что ружейная фабрикация в вотчинах Строгановых началась задолго до появления Ермака. По крайней мере, в царской грамоте, данной Григорию Строганову в 1564 году об укреплении городков Калкора и Кергедана, уже говорилось: «...а в обеих городках велел еси ему собою ж наряд скорострельной, пушечки и пищали затинные и ручницы сделать незаписным мастером, которых себе Григорей приговорит из найму, и у себя тот наряд дрэжжати»⁸.

Но закончим сообщение г. Арсеньева. «Владелец ружья, скоро уезжающий из Петербурга, продаст его, и если подлинность этого ружья подтвердится людьми, сведущими в археологии, то русским арсеналам и музеям представляется возможность приобрести русскую историческую драгоценность большой важности и интереса. Имя Ермака для России бессмертно, а его ружье, приобревшее нам обширную территорию азиатской России, должно занять в музеях почетное место. Ружье можно видеть на Пушкинской улице, д. № 1, у Н. П. Карева».

Нельзя не пожелать, чтобы наши археологи не замедлили утвердить подлинность ружья. Во всяком случае оно должно быть принадлежностью места боевых подвигов сибирского Пизарро. Юный Тобольский музей, воздвигнутый три памятнике герою и среди тех исторических утесов Алафайской горы, по которым разносился гул этого ружья и где знаменитый атаман ушел судьбу Кучумова царства, несомненно имеет первое право на хранение этой древности.

⁸ Долов. к акт. историч. 1646. Т. 1. Ст. 171.

**Святые ворота
в старом Тобольске
1686—1759**

Над прошлым Сибири в отношении городов ее, словно меч Дамокла, титовел какой-то неуловимый рой истребления всего создаваемого русскими колонизаторами. Беспощаднее всего это истребление шло в старом Тобольске. Пожары прадеда сибирских городов могут составить целую летопись огненных разгромов. С лица земли стирались без остатка не только деревянные городские постройки, но и появившиеся позднее строения каменные. Можно бы думать, что при стихийных разрушениях стрелым сибирякам следовало научиться беречь хотя бы уцелевшую от пожаров старину, но, к сожалению, этой черты общественной жизни наших предков почти не проявлялось. Напротив, по записям летописцев мы знаем, что несмотря на частые пожары Тобольска, уничтожавшие не один раз его кремль и другие лучшие части города, здесь мало бережимо было и из того, что оставалось целым от огня. Благодаря этому, некоторые из памятников прежнего каменного зодчества развалились только по одной непрочности своих фундаментов. В этих случаях бесцеремонных разрушителей мысль нового восстановления разрушаемого посещала весьма редко. В числе подобных памятников иногда уничтожались даже церкви, от которых не оставалось не только камня на камне, но и следа, по которому бы череп можно было знать хотя места, где существовала эта священная старина.

Благодаря сохранившемуся от пожаров архивному делу в связи с отрывочными сведениями сибирских летописей, мы имеем возможность дать в настоящей статье краткий очерк одного из упомянутых памятников старого каменного зодчества и ознакомиться с обстоятельствами его уничтожения.

Это — Святые ворота с бывшею на них церковью Сергия Радонежского, существовавшие в Тобольском кремле около здания Софийско-Успенского летнего собора.

По «Летописи Сибирской» Черепанова, Святые ворота с церковью их были заложены на софийском дворе Сибирским и Тобольским митрополитом Павлом I в 1686 году (одновременно со стенами и башнями кругом всего двора архиерейского²; в более же поздних сведениях это известие передается с некоторыми дополнениями, первоисточников нет³; однако ж, не указано: так, по словам протоиерея Сулоцкого, каменная Сергиевская церковь на Святых воротах заложена была вместо такой же (т.е. того же имени) деревянной и одновременно со старым архиерейским домом, оградой вокруг него и с башнями⁴; по замечанию же другого исследователя Абрамова, сначала заложена была со всех сторон Софийского собора каменная сграда вышиною в 2 сажени, с шестью башнями и Святыми воротами, а впоследствии, по устройстве этих ворот, над ними сооружена церковь предобного Сергия Радонежского⁵. Но привода эти и известия: мы не можем за современность в дошедший их текст, особенно же в отношении одновременного строения Святых ворот с архиерейским домом. Существует другая летопись, значительно древнее летописи Черепанова, под названием «Сибирского летописца», не бывшая известною ни книжнику Черепанову, ни названным исследователям, по которой дело строения Святых ворот передается несколько иначе. Прежде всего из этой летописи видно, что первая деревянная Сергиевская церковь до времени заложения Святых ворот просуществовала немного более восьми лет. Она заложена была 6 июля 1678 года и освящена 23 сентября 1680 года⁶.

² Летописи Сибирская: Список Тобольск. музея. С. 284.

³ Сурожский. Описание храмовое волеи Тобольск, существа в г. Тобольске, и преставное Тобольского Софийского собора. М., 1852. С. 15.

⁴ Абрамов. Павел Первый митрополит Сибирский и Тобольский / Страницы. 1967 лет. С. 28. См. также: Ева Архангельск. область. 1908. Т. VI. С. 83.

⁵ Сибирский летописец. Тобольск. 1892. С. 27. — Эта летопись в первый раз была издана в «Север. Архиве» 1836 г. Т. XIX. № 12. С. 109—139; № 5. С. 221—231. Не без ошибок, однако ж, и эта летопись: открытие мощей св. Сергия Радонежского, в память которого заложена была деревянная Сергиевская церковь, воспоминается на 6, в 5 июля, предположительно же святого, но дня которого должно было произойти чествование церкви, воспоминается на 23 и 24 сентября.

Далее по той же летописи архиерейский дом, или «палаты каменные» заложены были на софийском дворе в 1678 году, т.е. восьмью же годами ранее заложения Святых ворот; окончательная же постройка архиерейского дома была совершена в 1681 г.⁴⁶ Занем в той же летописи говорится, что Святые ворота с церковью их были освящены в 1688 г.⁴⁷ и, таким образом, строились два года. Из сказанного очевидно, что приведенные выше сведения Сулоцкого и Абрамова не будут сомнительны только при том условии, если считать, что одновременно с архиерейским домом была заложена не вторая каменная, а первая деревянная Сергиевская церковь.

По какому повелу состоялась постройка Святых ворот с церковью — неизвестно, но несомненно, что примером для своего существования это сооружение имело тот древний обычный устройства на воротах перязей, который встречался иногда в первых сооружениях храмов по введению христианства на Русь. В Киеве, например, в числе древнейших построек сохранились до настоящего времени Золотые ворота, сооруженные великим князем Ярославом в первой половине XI века. Заложил новый великий город к югу от первоначального старого Киева. Ярослав обвел его зеленым валом с крепкими воротами, из которых главные назывались Золотыми. Они состояли из каменных высоких и толстых стен и имели вызолоченные медные двери. В верхнем ярусе этих ворот была устроена церковь Благовещения, увенчанная позолоченным куполом⁴⁸. Подобные же церкви, сооруженные на воротах, существовали и в Новгороде (в Деревянских и Бежецком монастырях⁴⁹), и некоторых других городах.

По времени постройки Святые ворота Тобольского кремля принадлежат к числу первых каменных сибирских сооружений. Кстати, однако ж, заметим, что в определенном времени начала каменного строительства в Сибири у нас до сего времени существуют разногласия. Некоторые из лиц,

⁴⁶ Там же. С. 27–28.

⁴⁷ Там же. С. 32.

⁴⁸ Эти ворота были разрушены вместе с другими зданиями Киева во время взятия в 1240 г. этого замка киевлянами и перенесены на холм Ильинский. — В.М. Флоринский. Первобытие столицы допетровского императорского величия // Ист. Томск. университет. Кн. 7, с. 330.

⁴⁹ Извест. Археологическ. общ. 1865. Т. V. С. 43, 45.

занимавшихся исследованиями сибирских древностей, считают, что до прибытия в Тобольск 25 марта 1679 г. митрополита Павла I, известного вообще за опытного руководителя в архитектуре⁸, в Сибири сомневались даже в возможности строить каменные здания, но преосвященный Павел на первых же порах тобольского служения заложил вместо сгоревшего в 1677 году Софийского собора новый собор, и это сооружение было «первым каменным зданием до всей Сибири»⁹. Но к этому сведению, или точнее к тому, чтобы считать митрополита Павла первым вводителем в Сибири каменного строительства, а воздвигнутый им Тобольский собор первым для Сибири каменным зданием, нельзя же относиться недоверчиво. К такому заключению приводит нас другое сведение, передаваемое упомянутым же выше «Сибирским летоиссечем», по которому первая попытка введения в Сибири каменных построек была сделана почти за пять лет до прибытия в Тобольск митрополита Павла предместником его митрополитом Корнилием. По этому случаю одна из записей «летописца» под 1674 годом говорит: «Июля в 12 день преосвященнейший Корнелий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил на своем священном дворе палату первую каменную»¹⁰. Это первое сибирское каменное здание в большой пожар Тобольска 1687 года сгорело и вместо него на софийском дворе заложены были новые каменные палаты. Последняя постройка начата была в 1678 и окончена в 1681 году¹¹, т. е. на два года ранее закладки митрополитом Павлом исного собора, состоявшейся 22 апреля 1683 года. Таким образом, если доверить «Сибирскому летоиссечу», а не доверять не находится основа-

⁸ Есть указания, что до назначения сибирским митрополитом из архиепископства Чудовского монастыря преосвященный Павел состоял членом Петербургского академического комитета по постройкам церквей и монастырей. — Дарья Александровича, эскп. Т. IV. С. 290.

⁹ Сурьский. Описание храмов, всех вероисп., С. 11, 33. — То же повторено и в списке Тобольского собора свята. И. Саксина (180) лет. — Тобольского кафедр. Софийско-Успенского собора. 1883. С. 4. Того же мнения, отнеси начало каменного зодчества в Сибири к 1680 году, — первичное издание Словаца (Историч. обоз. Сибири. Том 1. Кн. I. С. 105, 107, 317). Щеглов (Хронолог. перечень дачи. из истории Сибири. 1883. С. 128) и др. — дачи.

¹⁰ Сибирск. летоиссеч. С. 23.

¹¹ Там же. Г. 27, 28.

ний, Тобольский каменный собор следует считать не первым, а уже третьим каменным зданием Сибири.

Где именно существовала первая деревянная церковь Сергея Радонежского, которую заменили Святые ворота с новой каменной церковью, сведений не сохранилось. Можем только сказать, что во время заложения Святых ворот она еще существовала и обновляла или заменяла себя новым зданием требовать не могла. Кроме недавности постройки упомянутой церкви, это подтверждается еще и тем, что в первой Сергиевской церкви находились временно, или с пожара 1677 г., или же на время строения нового собора тела покойных сибирских архиереев Макария, Герасима и Корнякина и оставались так до освящения нового собора — 27 октября 1686 г., куда перенесены были при значительных церемониях в 28–30 числах октября того же года⁸.

По последнему обстоятельству можно догадываться, что деревянная Сергиевская церковь существовала абзвизи собора и была к нему приписною; при постройке же Святых ворот церковь эта несомненно была разобрана, чего требовала теснота места, на котором воздвигались Святые ворота.

По замечанию знатока сибирских древностей протоиерея Сулоцкого, из троих или четырех ворот архиерейского дома Святые ворота находились между внешним летним собором, с северной стороны последнего, и старыми присутственными местами⁹ и назывались святыми потому, что отворялись единственно для пронесения чрез них местной святлани — иконы абзваской Божией Матери¹⁰. Но это замечание верно лишь в отношении места или той небольшой площади, простиравшейся от летнего собора к Прямому вазову, пред которой находились Святые ворота и откуда путь к архиерейскому дому шел с западной стороны; в остальном же замечание о. Сулоцкого лишено вероятности ввиду положительного сведения историка-очевидца Миллера, заключающегося в его «Географическом описании Сибири

⁸ Записки князя Тобольского собора // Дрвн. Росс. Еввлюфика. 1788.

⁹ Ш. Звевков в Сибири. истории служения. С. 287.

¹⁰ И повездее вромс с этом звание помещались святаи губернския лжица, а в тозвот Тобольске жезвзвение о ресельвике; ревер же оно ренвзвирвуется для помещения в нем первогого отделака местного губернския у-влвввввв.

¹¹ Сулоцкого. Описание ирисвон или недвввв... С. 12–16.

XVIII века», где сказано: «В митропольский дом ходят двумя воротами, одни подле соборной церкви, над которыми находится церковь Сергия Радонежского Чудотворца, и сей вход называется Святые ворота, а другие с сухого пути»²; последние же ворота, ведущие в архиерейский дом с северной стороны, назывались «Софийскими»³.

Миллер посетил Святые ворота и Сергиевскую церковь и последнее свое пребывание в Tobольске осенью 1740 г., незадолго пред возвращением в Петербург, и встретил в воротах ценную геологическую находку. К неожиданному изумлению академика в Святых воротах лежали громадные кости мамонта. Эти кости были найдены на глубине софийского двора около 1726 г., когда там по распоряжению митрополита Антония Стаховского был рыт колодезь и, вероятно, по распоряжению того же митрополита сложены были под Святыми воротами. Костей было четыре, по записи Черепанова: «одна кость видима была будто бы ножица, как берца или нижняя часть ноги, называемая голень, длиною около двух сажен, а толщиною в пропорцию ее длины, а последние три (кости) меркою меньше трех аршин и неравной длины». Ко времени осмотра Миллера кости эти отчасти уже «приобрабли». Несмотря на это, академик, исполнив разрешение управления архиерейского дома (митрополита тогда не было), увез кости в Петербург и передал в Академию Наук⁴.

Но возвратимся к замечанию о Святых воротах о Сулдоцкого. Очень может быть, что эти ворота были пунктом исключительного следования через них и одной только иконы абылаекской Воцной Матери во время ежегодного приноса ее в Tobольск в излоде месяце и за исключением этого времени, а также дней, когда в Сергиевской церкви было совершаемо богослужение, во все остальное время года стояли запортыми, но это могло быть лишь временным установлением, и то разве в первые годы посещения Tobольска иконою, когда для процессии с нею не было еще сланиково-

² Упоминаются также, кроме этого, двиторранные врата, называемые «южной», находившиеся в Tobольске, помещены были в «Тобол. губ. езд.» (1894 № 3; Статья П. Валак. Tobольск во второй четверти XVIII в.).

³ Летопись Сибирская. С. 268.

⁴ Там же, С. 430. См. также: Н. Абрамов. Антоний Стаховский, митр. Сибирская и Tobольская // Странник. 1883, явл. С. 18.

го, постоянно принятого пути³⁴. Что же касается более поздних годов и особенно первой половины XVIII столетия, то в это время незначительная по пространству площадка между Святыми воротами и Софийским собором к нынешнему Прямскому вазову представляла в Тобольском крае весьма оживленный и нередко многолюдный пункт. Площадка эта оживлялась тогда происходившими на ней первыми в Сибири театральными представлениями, начавшимися с прибытием в Тобольск 4 апреля 1702 года митрополита Филофея Лединского. Опыты таких представлений в виде постановки на сцене древних русских мистерий, начавшихся в России со времен царя Алексея Михайловича, были введены митрополитом при содействии прибывших с ним из Киева духовных лиц из младороссов между учениками учрежденной тогда в Тобольске славяно-русской школы. По поводу упомянутых представлений в летописи Черепанова под 1727 годом, между прочим, говорится: «Филофей был охотник до театральных представлений, славные и богатые комедии делал, и когда должно на комедию зрителям собираться, тогда он, выходя, и собирался колокола на собор благовест провозвонил, а театры были между Соборною и Сергиевскою церквями к вазову, куда народ сбирался»³⁵.

³⁴ Кстати заметить, что в первые годы принесенна на Алтае в Тобольск иконы Божией Матери путь для процессии, против существующего ныне, избрался другой. В описи рукописи Абалакского монастыря между прочим говорится: «В начале 1685 г. «поход армянником со всем освещенным собором... за град, за Воскресенские врата, и егда впаде вие града на воле... встретилша тот чудотворный образ... иде же елика елика едет егда... и впервах же в начале... в 1678 г. в той же процессии слышано: «И стратина архарей и князь... за Воскресенскими вратами... и проводила ю чество со иконами и ижеши до нареченного места на Крестовоспелную гору, иде же чество стает, яжеши обычный бег... По заключению протоиерея Сидорова, впрочем, по мнению гора, иде была часовня, следует считать Пами бутор. К тому же замечательно прилагает и другие ваяния в той же рукописи под 1670 годом, когда вышло по особому случаю привезенна была в Тобольск 28 сентября и оставалась до 4 октября. «Пославными выехали вие граде Прямские враты (сие ныне Цивильский восток), за великий врат, за реку Курдюкову на ноль и встретилша образ... идеже шло крест стает... и проводила вышереченна градским враты и великий врат, и выехали на Крестовоспелную гору...» и т. д. (Описания наиболее чтимых икон, выходящихся в Тобольск, епархии. СПб., 1861, С. 65). Вот, указывая о том же и в «Летописи Сибири» (С. 265 и 267).

³⁵ Летоис. Сибирская, С. 418. — См. также статьи проф. Сидорова «Начало театра в Сибири» в «Тоб. губ. вед.» (1858. № 12) и «Семипалатинский

По этим сведениям, очевидно, нельзя и думать, чтобы Святые ворота, через которые только и возможно было пройти с западной стороны или с Иртышского ввоза, где, прибавим, одновременно с театральными представлениями кипела работа племенных шведов по устройству над впадом массивных стен с башнями и воротами, в окруженную стенами и другими зданиями ограду архиерейского дома, служили проходом для народного движения.

Начиная по инициативе преосвященного Филофея театральные представления шли с первых же лет по прибытии его в Тобольск и с этого же времени Святые ворота с их церковью начинают историю своего разрушения, несмотря на то, что во времена Филофея (1702 г.) здание их существовало только несколько лет. К сожалению, за неимением указаний мы не можем представить здесь перечисления всех случаев этого разрушения. Известно только то, что в первый раз церковь Святых ворот пострадала от бури. Это было в 1705 году, 8 мая этого года, в день Иоанна Богослова, как раз во время театрального представления, поднялась сильная буря и порывами ветра «сломила...» с Сурожской церкви верх вместе с маковницею и крестом»; в то же время «сломило и над алтарем соборной церкви крест». Передавая это известие, летописец, видимо, не хотел отсут-

ствать в старину в Тобольске» в «Чтен. в общ. истор. в Дрвн. Росс.» (1870, № 2). Нельзя сказать, что история сибирского театра до сих пор времени разрабатывалась мало. Зарождение театрального искусства, развитие митрополитом Филофеем в духовном отношении, перешли впоследствии и в другие сибирские общества. Так, например, блестящая экспедиция Гмелина во время пребывания в Тобольске задала «в Петерб. 1768 г.» такие предположения: «каковы были старик Адольфович, выдававшийся над ним разные штуки; змей-соблазнитель с ядовитом; Христо с крестом и венцом, ожидавший Адама и ушедший от на небо; даже представлено было получение десницы авраамовой, которую приносил, предметом которого был младший оставший князь; потом были комические выходы; наконец опять явился дьявол, старик Адам, смерть и Христос, как в начале...» (Вест. Евр. 1839, № 4, С. 720 и 721). Очевидно, начало представление составляло мистерию или таинство, «каждотроим исследан» о происхождении дьявола, отшедшей в туле Пензенского «Наука и литература России при Петре Великом» (Сиб., 1862, т. I, С. 402—406). Позднее в Тобольске существовала уже «замысловитая драма, отрывки в последней большой пожег 1768 г. В воспоминаниях Т. П. Пассея, по слову против, указывается, что различные акты театра были в саду, и что ослепил их стояло деревянное здание Вранки 103 дальних лет. Сиб., 1879, т. II, С. 214).

го митрополита Павла Конюсевича, Святые ворота и церковь Сергия Радонезского казались уже близкими к полному разрушению.

Что же за причина?

То же самое, что отразилось вообще на многих из первых каменных сибирских строений, сооруженных за время митрополита Павла I, т. е. совершенная непрочность фундаментов, полная несоразмерность нижних сводов с тяжестью куполов и т. д., словом, неисполнение строителями самых элементарных требований архитектуры. Благодаря этим условиям некоторые здания разрушались даже во время самого строения. Так, Тобольский летний собор, сложенный довольно скоро (с небольшим в год), во всю высоту его 26 июля 1684 года обрушился. Начатые вновь работы окончены были уже чрез два года — 27 октября 1686 г. Но и это второе строение могло простоять в исправном виде только около ста лет, после чего дало осадку и потребовало исправлений, которые сделаны были в 1785 и 1786 гг. Наконец, около 1807 г. на северной стене собора образовалась трещина, начиная от фундамента вплоть до сводов, и вызвала новые исправления³. Такой же, если еще не более непрочной, постройки был и другой тобольский собор, известный под названием Троицкого, бывший в западной части кремля, в том месте, где в настоящее время находится здание сиротинательного заведения. Здание Троицкого собора, построенное при митрополите Павле I в 1690 году, за время своего существования стоило правительству очень дорого, оно было беспрестанно исправляемо то в стенах, то в сводах, то в крыше и полах, но несмотря на это, к половине XVIII столетия было уже в полуразрушении, пока после окончательных повреждений пожаром 1788 года не было совершенно разобрано⁴. Такой же непрочности было и здание Святых ворот с Сергиевскою церковью.

Чрез год с небольшим по прибытии в Тобольск митрополита Павла Конюсевича был возбужден вопрос о грозившей опасности от этого здания. Дело началось с «доклада»

³ «Летопись Сибирская» Черепанова. С. 278, 283, 291, 292 и 293.

⁴ Более подробные истории разрушения этого собора рисовала по архивным документам и от. Гр. Баранков «Троицкий собор в Тобольске», помещенной в «Тоб. губ. вед.» (1868. № 36).

митрополиту ректору Тобольской семинарии архимандрита Михаила, эконома архиерейского дома архимандрита же Иакинфа и кафедрального протоиерея Василия Русаповича. Упомянутый «доклад» сохраняется в архивном деле Тобольской духовной консистории⁴, и мы приводим его здесь дословно, как общую иллюстрацию старой небрежности в каменном строительстве и как документ, дающий некоторые дополнения к истории строения Тобольского собора.

В «докладе» говорилось: «Имеющиеся при тобольском архиерейском доме из давних лет каменного строения церковь во имя преподобного Сергия Чудотворца с ризничною палаткою, дви колокольни. от давности во многих местах весьма расселись, и из них: 1) церковь по той причине, что основана на вратах, в такой опасности состоит, что преклонна пасть, почему теми вратами и ходить крайне опасно, дабы кто в случае во оные врата переходящих падением повредить не мог; 2) в ризничной одной половине свод хотя уже напредь сего и неоднократно бывал поправляем, только zelo повредился, а в другой половине ж подволоки и пол деревянные, да и те погнили, а 3) колокольня сверх же расселин низка и тесна, за которую теснотою и за невмещением большой тысячинудной колокол чрез двадцать лет стоит на столбах без звону. А все оное строение и ныне к дальнему учреждению имеет следствие и выведь к большому вреду может иметь преклонность от того, что большой из-под горы завод и под гору испуск в (1)751 году от светской команды для мостового строения подкони и так близок ко оному и соборной церкви строению, что не далее дву сажен с половиной, к тому же тот подкон дождями размывает и от близости оного имеющегося строения во всегдашней вред приводит».

В конце «доклада» назывались лица, ходатайствовавшие пред митрополитом о перестройке тех зданий.

Несомненно, что все изложенное и приведенное «докладе» было вполне ясно и понятно как для составителей его, так и митрополита, но для нас в этом документе встречаются места, для понимания которых необходимо прибегать к догадкам. Этим «докладом» называются вопросы:

⁴ Дело 1759 г. № 19: О разобрании при тобольском архиерейском доме избытков на докони и лукаши. Сербинской иконы с ризничною палаткою ж колокольней каменными.

имела ли Сергиевская церковь свои особые здания ризницы и колокольни, и если не имела, то о каких зданиях под упомянутыми названиями толкует архаичный документ?

Выше уже было замечено, что первая деревянная Сергиевская церковь, существовавшая около летнего собора, была к собору приписною. На том же положении, несомненно, существовала и вторая Сергиевская церковь. При таких условиях эта церковь была бесприходною, и в ней не могло быть особого причта, а совершение богослужений лежало на обязанности соборного причта. Стало быть, церковь эта могла не иметь и ни своей ризницы, и ни своей колокольни. Давая вероятие этой догадке, в связи с нею нельзя, разумеется, отвергать и того, что содержание приведенного документа, говоря об опасности, угрожающей для проходящих чрез Святые ворота близкой к падению Сергиевской церковью («по той причине, что она основана на вратах»), разумеет, безусловно, одно здание церкви. Объявляя далее о поврежденных ризничной палатой и колокольней, документ, очевидно, говорит уже о других, отдельных от Святых ворот, зданиях, принадлежащих не Сергиевской церкви, а стоящему в ряд с нею Софийскому собору; совокупное же ходатайство пред митрополитом о перестройке этих зданий вместе с Сергиевскою церковью показывает только то, что все эти здания составляли доклада считались одинаково принадлежащими собору.

Вероятность сказанного подтверждается и некоторыми другими обстоятельствами.

Во всех известных описаниях Тобольского собора не встречается никаких исторических сведений о времени постройки здания для ризницы собора, очевидно, потому, что сведения описаний не имели для этого материала. Между тем здание ризницы существовало и от здания собора и Сергиевской церкви представляло совершенно отдельное помещение. В подтверждение свидетельства на это, приведенного выше документом, существует одна записка и в летописи Черепанова, где летоисец, отмечая пожар соборных зданий в 1733 г., упоминает о ризнице, как о самостоятельном здании, а именно: «как на ризнице и Сергиевской церкви, так и на летнем соборе все главы и круши (от пожара) приводеи...»⁴. Все это, разумеется, следует от-

⁴ См. список ** на С. 316 наст. изд.

люция митрополита Павла, скоро стал забытым. Мысль о возобновлении Сергиевской церкви была возбуждена снова уже при преемнике Павла православием Варлааме I, когда началась постройка существующей ныне каменной колокольни собора. Около 1780 г., т.е. спустя 21 год по возобновлении Святых врат и Сергиевской церкви, старая соборная колокольня от ветхости совершенно развалилась. Для постройки новой колокольни и особого здания для помещавшейся под ней консистории посвященным Варлаамом изодатайствовано от казны 18000 рублей, и в 1791 году на эти деньги приступлено к постройке новой колокольни с церковью внизу во имя преподобных Афанасия Афонского и Сергия Радонежского*. Скоро этой колокольни было выкладено в вышину уже до 11 сажен, но от несообразности фундамента это новое массивное здание 10 июля 1792 г. во время архиерейского служения в соборе с ужаснейшим шумом и треском упало⁴⁴.

При заложении новой колокольни, оконченной постройкою в 1797 году и существующей по настоящее время, проскризовавшейся под нею перекан во имя Сергия Радонежского почему-то уже сооружено не было, и тогда, как в память многих из упраздненных в Тобольске церквей, при церквях вновь строящихся были сооружены особые приделы; о церкви св. Сергия и своеобразном шедевре ее — Святых воротах — не осталось никакого воспоминания.

В заключение настоящей статьи надлежит прибавить, что Святые ворота Тобольского кремля нельзя считать единственным сооружением в этом роде в старом Тобольске. Подобные ворота и с тем же наименованием существовали и в числе зданий Тобольского Знаменского монастыря, с тою от ворот кремля различием, что на них сооружена была не церковь, а колокольня. Монастырские ворота находились на западной стороне монастыря против Монастырской (ныне Абрамовской) реки. Когда они были воздвигнуты в

* В «Известиях канцелярии о. новосвдех и губернаторов», составленном при Тобольском архиерейском доме (Тобольск, 1792. С. 27) под 1791 г. сказано: «Мя 28 числа отряжана мажорна Софийская колокольня с церковью принадлежавшая отцу Афанасия Афонского и Сергия Радонежского».

⁴⁴ Судящей Описание... церквей, существующих в Тобольске... С. № 70, 71; Абрамке Тобольск. соборная колокольня/Тоб. губ. вел. 1870. № 19.

первый раз — неизвестно, в течение же своего существования их два раза уничтожали пожары, после которых они снова были возобновляемы. По летописям это происходило в 1659 и 1674 годах: в первый раз, по словам одного летописца, «мая в 23 день, в вечери... от молнии... загорелась церковь Знамения Пресвятыя Богородицы, и от той церкви и другая церковь теплая Трех Святителей, и колокольня на Святых вратах, и колы, ограда, все погорели»; во второй же раз, по другой летописи, «апреля 18 дня, в 10 часу дни... Святые ворота сгорели вместе с архимандричьими кельями»⁶.

К сожалению, полная история этого сооружения неизвестна, знаем только, что в прошлом своем оно было пунктом некоторых важных тобольских церемоний: встреча, например, 14 августа 1711 г. зыкокочетного Сибирского митрополита Иоанна Максимовича по прибытии его из Чернигова; приветствия в апреле 1740 г. монастырской братией дефилировавшего по городу в круту гренадер при знамени, «рубачах и литаврицких вестника мира с Оттоманское порою капитана гвардии Рахманова»⁷ и т. п.

⁶ Сибирск. летописец. С. 19; Летопись Сибирская. С. 209.

⁷ Летопись Сибирская. С. 378 и 437.

Из тобольской старины
**Нападение на полицмейстера
Бабановского**

Кроме тех бед, какие влекло за собой суждено было выносить Тобольску в прошлом своем от частых пожаров и наводнений, старина этого города, особенно время прошедшего столетия омрачалась иногда другими, не стихийными невзгодами. Таким временем можно назвать сороковые и частью пятидесятые годы того столетия, или губернаторство генерал-майора Сухарева — те именно годы, в которые Тобольск был местом стоянки Ширванского полка.

Пребывание этого полка в Тобольске вызвано было распространением слухами о намерении драгунского капитана Гейдлин-Церера открыты против Сибири военные действия. По донесению об этом сенату Сибирской губернской канцелярии 17 сентября 1744 г. было постановлено немедленно перевести в Сибирь в доводившие к местным войскам три драгунских полка и 1000 яицких казаков и занять ими форпосты по рекам Тоболу и Ишиму. В мае 1745 г. под начальством генерал-майора Кюндермана двинуты были в Сибирь из крепости св. Анны пехотные полки Нотебургский и Ширванский, из Казанской губернии драгунские полки Вологодский и Луцкий и из Нижегородской губернии драгунский же полк Олоонецкий. Между тем в начале следующего года до Тобольска дошло известие о смерти Галдан Церера, и натянутые отложения к Джунгарии изменились. Однако ж командирившимися полками продолжали оставаться в Сибири по разным местам, из числа которых на долю Тобольска и выпало быть, как сказано, местом стоянки полка Ширванского.

Еще П.А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» оставил замечание, что «в губернаторство Сухарева тобольские жители оставались без всякой защиты от ожиде-

ных бесчинств и наглостей, деланных нижними чинами Ширванского полка» и что «даже от тобольского полицмейстера Бабановского дважды принимались жалобы сенату на губернатора Сукарева, которому и высылались на сената выговоры», но это замечание историка осталось доселе полузабытым.

Изучая старину Тобольска по уцелевшим от пожаров остаткам архивных дел, мы нашли немало бумаг бывшей Тобольской полицмейстерской конторы, представляющих яркую иллюстрацию и тобольских порядков сукаревского времени и тех негод, какие вынесили от ширванцев не только бедные тобольцы, обвиненные содержать для этих господственников в постоянной исправности 711 комнат, или 633 квартиры, но и сама полиция, во главе которой в то время стоял упомянутый Словоцким капитан новопехотного батальона Марк Васильев Бабановский.

Для общей характеристики сказанного помещается ниже несколько сохранившихся бумаг полицмейстерской конторы, передающих эпизод открытого нападения тех ширванцев на полицмейстера Бабановского и некоторые подробности производившегося о том нападении следствия. Вот эти интересные документы:

1. 1750 году, апреля 24 дни. В Тобольской полицмейстерской конторе стоящие в Тобольску на нижнем посаде, в рождественском приходе, близ званием Притышного мосту, у ротатки, тобольские обязательцы ямщики Иван Иванов, сын Суарестин, Максим Кирязов, сын Вязок, Павел Софонов, Михайла Борисов, сын Кузнецов, сказали: сего де апреля 23 числа стояли они все четыре человека по парадку определенных при оной полцицы десятников к показанной ротатке для караулу и всякого смотрения, и того 23 числа пополудни, в шестом часу, ехал мимо той ротатки для разезезу и всякого смотрения и над ними, ротаточными караульщиками, тобольской полицы капитан и полицмейстер Марко Бабановский со определенными при оной полцицы казашских пехов казаками, с тремя человеками. И при той же ротатке поставлен был пикет: в небытность господина генерал-майора и кавалера Киндермана — Ширванского пехотного полку солдаты, которые имелись команды капитанов Семена Колобоного и Никиты Костяевского с офицерами. И в то же время было у того пекета и у караула того Ширванского пехотного полку

солдат знатно подозрительно сборище — человек до пятидесяти и больше, из которых солдат многие были жертво пленны. И оные солдаты напали на капитана и полцимехстера Марка Вабановского нагло, яко разбойника, и били смертельно. И видя оны, Старостин с товарищи, что оного капитана и полцимехстера бьют насмерть, стали бить в трещотку и их караульных от той рогатки разогнали и бросили в воду в речку Притыку⁷ и одного из них рогаточного караульщика Кузнецова, схвати, бросили с землю и едва стал жив и помощи никакой учинить им тому полцимехстеру Вабановскому было невозможно. И в сей сказке сказали всю сущую правду и ничего не утаили. *К сей сказке вместо тобольских смичиков Ивана Старостина, Максима Выкова их прошение тобольския разночинец Яков Иванов, сын Ульбач, ручи приложил. К сей сказке смепо замчанов Палы Софранова, Михала Кузнецова их прошение тобольский посадский Василей Толстухин поднисяся.*

II. Ко учрежденному следствию. Тобольской полцимехстерской котторы от полцимехстера капитана Марка Вабановского известие. Поневже в пованном в Сибирскую губернию нашою правдо сего апрели 24 числа прошения, жена моя Ирина, Иванова дочь, в наглom на меня нападении Ширванского пешотного полка солдат и в бое меня насмерть написала кратко, ибо и в то время от сильного смертельного бою был в беспамятстве, а ныне, чрез четыре дни после тех побой, припел я в память и об оном наглom злодейском на меня нападении объявлю следующее: Как сего апреля 33 числа ехал я в городе Тобольску по улицам по должности моей в силу Его Императорского Величества указов для разьязда и всякого смотрения, и во исходе шестого часа пополудни, будучи на нижнем посаде, в Христорождастевском приходе, у Притышного мосту, где имеется рогатка и определенный при ней обязательский караул — четыре человека, притом же являясь в близости от команды Ширванского пешотного полка пинет, и, не дожидая вышесказанного пинета и рогатки, впример, расстоянем сажених двух, повстречався со мной означенного Ширванского полку солдат, а как его зовут и по прозванию, не знаю, токмо в лицо признать могу, и подошед к моей колеске, останова, назвал меня именем и по отчеству и притом говорил: «Христос воскрес», и против чего и я ему ответствовал, что «воистину воскрес», и

по обычаю христианскому с ним пошеловался, а потом одной солдат пошел за коляскою моею. И минуя мимо с того места, повстречался мне того ж полку еще солдат пыльный, а как его зовут и прозвищем, тако ж и в лицо — знать уже не могу, и незнаемо за что, стал меня бранить матерно и ругал всячески неподобными словами. И для того я большому на тикоте часовой солдату стал говорить, за что меня такой солдат бранит божьяво и, напротив того, и означенный часовой неведомо за что, избранил меня матерно ж, и говорил: «У меня де пикетных солдат никого нет». Притом же случилось быть реченного Ширванского полку солдат еще человек до пятидесят и более, в коем их соборнии несколько тех солдат было пыльных и многие из них бранили меня всякими ж неподобными словами и, оставя коляску мою, не пропустили. И видя и как умалчавное на меня злодейское нападение, выступя из коляски своей, усмотрел, что идет мне встречу того ж полку унтер-офицер без шпата, который мне весьма знаем, точно об имени его и о прозвании сказать не могу, которому я стал говорить, что за что из предписанных солдат часовой и протчим напрасно бранят меня и поносят честь офицерскую неподобными словами, ибо таковых ругательных слов гнушно не чюмо офицеру, но и рядовому солдату нестерпимо слышать, а я им никакого злобления и обид не показал. И говорила я тому уряднику, чтобы он от злого намерения как возможно унял, на что оный унтер-офицер мне объявил: «Я де нахожусь за болезнью в госпитале», однако ж предписанным солдатам он воспретыва, говоря им, что те «за дело не похороше», токмо они от завальчивости сердца своего в немалом азрете (а за что — не знаю) лаявше меня бранили и порицали «вором». А я со вступления в службу Ее Императорского Величества от солдатства даже до обер-офицерства и нынешнего времени ни в каких штрафах и подзраниях не бывал и в роте ни по чему приличен не был же и продолжал службу Ее Императорского Величества по присяжной моей должности, как честному и верному офицеру надлежит. И в напном, со упоминаемым унтер-офицером разговором незаню вдруг наглым и разбойническим образом предписанные солдаты и напали на меня, и я было кинулся от них в коляску свою, хотя ускокаты тоию они, не допуса меня из коляски злодейски и брося об землю, били смертельным боем, без вся-

кия милости, яко тирански, проленем и шпажскими ефесами, в котором бою имеющей на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали и фяду прочь оторвали и изодрали ж, и в грязи вымарали во многих местах. А бывшие при мне разлездые казаки, три человека, и собственный мой человек, который имелся в колеске на колесах, от их многолюдного самого сильного нападения, не токмо ко удариватьею пощечам, но сами тако ж жестоких боим уязвлены. А имеящие при рогатке караульные обыватели начинали в таком случае бить в трещотки тревогу, токмо от их усилия не допущены. И хотя я в то время несколько раз, по крайней моей возможности и избегал себе от них еще нападения, и вставал на ноги вторично, и бросался в колеску свою, точю они, не удовольствия свое злое умышление, неки обивали меня с ног неоднократно и из колески вытаскивали, и близи ж смертно, и при том у меня голову просекли шпагою, в другом месте проломили ефесом, да пересекли шпагою ж левую руку завити, и в левом боку переломили два ребра, и прочие тяжкие мне раны даны, в чем свидетельствуюсь на лекарское свидетельство. И оное их наглое и тиранское нападение находящийся здесь в Тобольске у ружейного дела цехмастер Прокопий Мячков, бывший во квартире своей на улице, коя имеется во близости того моста, стал от того боя унимать и вчасеки отращать, но предренные солдаты меня отпустили прочь и бить перестали. И оной Мячков взял меня в свой двор замертза, едва жива, без всякого чувствия, в чем реченным цехмастером Мячковым и свидетельствуюсь, тако ж и случившийся при мне тремя человеки Казаками, а именно: Степаном Яковлем, Степаном Ушироким, Афанасием Смоленниковым и рогаточным караулом; в коем их награсном на меня наглмо нападения и злодейского бою, чем я уязвлен, действительно явствует в помнугом лекарском свидетельстве. И по взятии меня ко упоминаемому цехмастеру Мячкову в квартиру и положен был среди двора и вповедован церкви Рождества Христова священником Симеоном Афанасьевым, где прилужден был и почивать, а потом приведен в дом мой. А тех солдат, кои в том нападении и бою были, признать не могу и более ундер-офицеров и капитанов не видал. К тому ж от такого их нападения пришел я тогда в немалую робость; точно предренного солдата, который со мной христосовался, усмотрел в бою, что имелось у него в руках круглое березовое

полено, а вышеупомянуемого унтер-офицера, как то нападение на меня от тех солдат началось, более ужасно не выдал и, куда он удалился, не знаю. И от такого их вышеписанного умышленно смертного боя и разбойнического извращения выкоусет пале весьма в такой болезни, почти при смерти и на полученье впрямь своего здоровья безнадежен. Апреля 27 дня, 1750 году. *Капитан Марко Вабановский.*

III. Тобольской полицмейстерской конторы от капитана и полицмейстера Мирна Вабановского ко учрежденному воинному следствию известие. Понеже от того следствия спрашиван я о удовольствии при том следствии преуспею ли ассекретами капитаном Ильею Костыковым и поручиком Иваном Карацеевым и при том следствии быть им и доволен. А поручиком Калугиным при том следствии быть не доволен того ради — по прибытии Ширванского некоего полку в Тобольск в 746 году от Тобольской полицмейстерской конторы оного полку с полковой канцелярией многие были мемориальные сношения в разбивании последних от тобольской полиции кодыших дотором, некоторых в грабеже и по прочим делам и помыне тобольская полиция не удовлетворяема, что с такими грабителями учинено, а те дела происходили чрез означенного подпоручика Калугина руки, понеже он тогда был в Ширванском некоем полку полковым писарем. И для того, усювая, что оной подпоручик чинил тогда тем Ширванского полку солдатам по представлениям от полиции немалое в винах их закрытие и в тогданнее время имел на меня на того злобу, что я по должности моеи о непорядочных их поступках куда надлежит представляя писано за вышеписанными резонами на оного подпоручика Калугина имею я сумнение. Апреля 30 дня, 1750 году. *Капитан Марко Вабановский.*

IV. К генеральному дежурству Ширванского некоего полку от капитана Семона Колобова репорт. Сего числа от полицмейстера Вабановского прислани ко мне из Тобольских казачьих полков казак Степан Черкашенин и словесно объявил: «Прислан-де я к вам от него, Вабановского, с тем объявлением, что он святых тайн приобщается и просит у тех солдат прощение: у Антошки да у Прокофья Рахманова, те-то-де его били». И по тому доносу съискался в команду моей, сверх подданного репорту, Антон Хлебников да Ан-

тон Аюшкин и означенный Рахманов, которые ныне отдают под караул и содержатся с протцции. Точню который из оных Антонов видовек, учинить не можно, ибо все запираются. (Времени документа не озачено). На подлинном подписано тако: *Капитан Семен Колобовой.*

V. От учрежденного вверного следствия благородному и почтенному господину капитану Бабаевскому предложение. По объявлению и здешнему следствию Ширванского полку от господина капитана Колобового, что апреля 24 числа прислали ему ваше благородие тобольского казака Афанасия Смолянинова, (который) объявил, что были вас солдаты Прокопий Рахманов да Антон, а чей прозванием тот Антон, того им не скавано. И потому съехалась в команде его, господина капитана, наличной при Тобольску, два Антона, а именно: Антон Хлебников и Антон же Аюшкин, которые и содержатся под караулом. А по допросу здесь помянутого казакки Смолянинова, что со оным приказываем оя, Смолянинов, от вас к капитану Колобовому послан был, а каким-же образом ваше благородие о тех солдатах Рахманове и Антоше известиясь, что они при вас были, оя, Смолянинов, не знает и не слышал. Того ради вашему, ваше благородие, прислать сюда обстоятельное ответствие, что о предписанных солдатах Рахманове и Антоше, что они вас были, чрез кого известились и который именно Антон — Хлебников или Аюшкин — вас бил и чем можете об оном Антоше доказать. Мая 17 дня, 1750 году. *Капитан Иван Колемик Аудитор Григорей Шашкин.*

VI. Промемория от капитана и тобольской полиции от полкмайстера Марка Бабаевского ко учрежденному следствию. Сего мая 17 дня, от оного следствия требовано предложением по объявлению к тому следствию Ширванского полку от господина капитана Колобового: «Апреля-де 24 числа присли от вас был тобольский казак Афанасей Смолянинов и объявал, что-де были Бабаевского солдаты Прокопий Рахманов да Антон, а чей прозванием тот Антон, того не скавано и потому-де окаялось в команде господина капитана в наличности при Тобольске два Антона, а именно: Антон Хлебников и Антон же Аюшкин, которые-де и содержатся под караулом». И на оное требование сви объявляю: Смолянинов казак посланн был от меня к капитану господину Колобове-

му с таким требованием: как вели меня битого на саних от дежистера Мячкова в дом мой и за мной шла жена моя и домашние мои прошедшего апреля 24 числа сего году, и, будучи на Рождественской улице, не доезжая двора Демидова, близ кабака, званием Исаилово, было собрано солдат Ширванского полку много число, при которых солдатах были унтер-офицеры и капралы. И оные солдаты стали кричать и свистать необычно, яко не имея над собой командира, и жена моя пропала с великим страхом, чтоб они не учинили какого злодейского нападения, и про между тем говорили многие солдаты: «Вида-де паличестера, да не до смерти», а другие про между тем говорили: «Вида-де его солдат Проконий Рахманов», а про между собой говорили же: «Больше-де ест. Бабаковского, был Антошка», а чей оный Антошка прозванием, оные солдаты в то время не упоминали и за многолюдством тех солдат жене моей и людям моим познать было никак невозможно, понеже они тогда прошли весьма под великим страхом. А много ли у него, капитана Колобового, в команде Антошка, или Фамилев, или Трифанов, сколько и имен, столько бы их Бог знает. Да не беззастовно мне ест, будто бы я носыла казака господину капитану Колобовому с таким розоном, якобы которые злодеи меня били, а их простил и с чего то взято, точно мне весьма сумнительно, а написано во святом Евангелии от Иоанна, зачало 16-е, жена, егда рождает, скорбь имать, яко придет год ей, егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко родил человек в мир, — немел и злодеи моих простил, которые меня едва не лишили сего света. Как бы я видел над ними какую заквацию, то б в то время белешь моя отступила от сердца и в радость бы превратилась. И учрежденное военное следствие с зышпенсиванном благоволит быть известно. Мая 18 дня, 1750 года. *Капитан Марко Бабаковский.*

Чем кончился это характерное дело — неизвестно. Частично нескромной рукой канцелярии стобца бумаг полицмейстерской конторы, из которого заимствованы вышеизложенные документы, оборвана. На последних уцелевших бумагах заключаются указания лишь на то, что делу этому не придавалось особого значения: оно тонуло, переходя от одного следователя к другому, а виновные, содержась под арестом при домах тобольских обывателей Онуфриюшка, Лыгунова и Редкобор-

цевой, плясывали, сопровождал попойки свои пляской, картежными играми и проч. В тех же бумагах сохранилось донесение потерпевшего Бабановского о подробностях нападения на него ширванцев, адресованное в главную полицейскую контору, но и в этом важном документе многих деталей нет. Из него, между прочим, видно, что нападение на Бабановского со стороны ширванцев было уже не первое, и что ранее тремя годами то же буяны проиводили на него вооруженную вылазку хотя и иного рода. В 1 число марта 1747 года, часа в четыре дня Бабановский, выезжая по городу и встретившись вблизи Знаменского мостыря с знакомыми своими подручными влоков лейб гвардии Имамалеевского Иваном Толстым и Буисейского Петром Мякинниным, секретарем Сибирской губернской канцелярии Иваном Барисовым и дворником Александром Нефедьевым, поехал с ними в гости к ратману тобольского магистрата Дмитрию Крупеникову. В это время по случаю масленицы ширванцы были в полном разгуле. На перекрестках около Пятницкой и Рождественской церквей и вблизи домов соседского Романа Третьякова и упомянутого ратмана Крупеникова их столпилось человек по сту и более, так что, по словам Бабановского, он с своими знакомыми мог проехать к Крупеникову «с великой нуждою и опасностью». Но едва лишь гости зашли в дом ратмана, как с улицы послышался отчаянный крик. Оказалось, что ширванцы потянулись от двора Крупеникова, принадлевшего к Бабановскому с женой и вблизкого к нему же тобольского казака Григория Вишняка, и стоявшего у ворот человека Бабановского Роднова Ивана. На крик этот выскочила Бабановский с поручиком Мякинниным за ворота, где по упомянутому донесению произошло следующее:

«Многолюдное число (ширванцев) скопом приступили к нему, Бабановскому, с илаками неважестом и малым криком и брали всякою непотребною матерною бранью, из которых солдат некоторая часть, ваявши из стоящих у двора реченного Крупеникова костровых сырых дров, кои рубятся яа три полена, десьма умышленно бросалась на него, Бабановского, и хотела тем смертным орудием бить. И вкля он, Бабановский, смертельный от них страх, принужден бежать во двор реченного Круеникова, за коим оные солдаты к тому двору нагло гвалнис и к воротам уез-

ленно приступали, которое все их наглое, усиленное ко двору того Круеникова приступание и крик, стоявший в том Круеникова доме, на квартире Натебургского пехотного полку капитан Безялов, услышав, вышел из горницы на двор и тех солдат от того Круеникова ворот отогнал прочь, кои тогда от тех ворот и отошли невдале и остолелись близ двора своего ж Круеникова».

Наутра же Бабуновский послал известить о происшедшем майора Ширванского полка Меньшикова и мог выехать от Круеникова только тогда, когда Меньшиковым послан был для охраны его сержант 8-й роты того полка Иван Голубятников. Однако ж, несмотря и на эту охрану, ширванцы, вооруженные саблями, догнались за Бабуновским, но он успел от них скрыться.

В упомянутом донесении Бабуновский, описывая это нападение, приводит и решение по нему, состоявшееся в военно-походной канцелярии Ширванского полка, которое, умалчивая о поступке ширванцев, обвиняет его же, Бабуновского, в нахальном освобождении взятых ширванцами под караул свой Вишнякова и Иванова. Решением этим было заключено: «В Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию и притом сообщить производимое в Ширванском пехотном полку того полку над служителями следствие и требовать, чтоб оная Сибирская губернская канцелярия с показанным капитаном Бабуновским, названом Вишняковым и его, Бабуновского, человеком Родионом Ивановым за выписанными, как в том следствии именна значащих, непорядочные поступки и порицания Ширванского полку солдат учинить по силе Ее Императорского Величества указов и воинских регулов, дабы впредь таковых же непорядочных поступков чинить было неповядно, а что учинено будет, походящую генерал-майора Киндрова канцелярию уведомить».

Быть может, столь же курьезно для тобольчан и особенно для Бабуновского закончено было дело и о подвиге ширванцев на Притычьем мосте.

Тяжелая память прошлого
(Старые листки о старых людях)

*Каждой черте, каждой вышивальке,
милости былая — дивидендом.
Тут не жалеет быть и вечно не жалеет,
длинного, бесполового...
Великий. I. 377.*

Слово и дело
1743

1743 года, июль 20 дня. В Кошехистории пресвященно-го Антония, митрополита Тобольского и Сибирского, присутствовавшие члены, слушая присланный из Сибирской губернской канцелярии промемориум Ишимского дистрикта, Коркинской слободы, Николаевской церкви, о дьяконе Михаиле Самсонове, который предшедшего мая 10 дня сего, 1743. года, будучи в доме Коркинской слободы¹⁹ у отставного драгуна Ивана Смагина со священником Михаилом Соболевым, бранил его, священника Соболева, и безмерном своем пьянстве материе бранью и притом говорил, что де он покажет за ним, попом, слово и дело, разве-де хочет он, поп, с ним, дьяконом, съездить в Москву, а на отной ставке оной дьякон, что те слова употребил напрасно и безмерном своем пьянстве, принес повинную, приговорили: по силе состоявшегося Ее Императорского Величества за подписаньем собственные Е.И.В. руки, апреля 16, а в печати заданного того ж апреля 17 числа прошлого, 1742, года указа, в котором напечатано: «которые из священного и монашеского чина люди от сего времени будут сказывать за собою или за другим кем слово и дело, а но расскажем в гражданских судах покажут, что они то слово и дело сказывали в пьянстве, в ссорах и драках, и отбывая от начальствующих над ними наказания, а другие сказывали просто

должно, тех, для надежащего им за то наказания, из светских команд отсылать, в Москве в Святѣйшій правительствующій синод, а в прочих местах за те их проделности, смотря по важности чина, наказывать их по духовному обычаю, кто чему подлежит будет, без всякого упущения — учинить ему, дьякону Самсонову, за ложное его в безмерном пьянстве на поминутую долю Соболева доказанье в Консистории архирейской при собрании священноцерковнослужитой жестокое наказание плетями и по учинении наказания отдать его в домовую архирейскую, в хлебную работу, в которой быть ему от сего числа шесть недель, никуда из дому архирейского отнюдь неисходно; а объявленного попа Михаила Соболева, до которого никакого дела по тому ложному доказанью не касался, отпустить во священнослуженье в поминутую Коркину слободу к Николаевской церкви по-прежнему при наипроте без задержания. И сей приговор предложить его преосвященству к слушанию, а когда шестинедельное время оной дьякон в доме архирейском в хлебной работе выдержан будет, тогда, взяв его в Консисторию, объявить ему, чтоб он искал себе вид, где при церкви порозжего места, а в поминутой Коркинской слободѣ при церкви Николаевской ему, дьякону, быть не надлежит того ради, дабы впрядь с вышепомянутым священником Соболевым, именни прикананую ссору, врозды у него, дьякона, не происходило; а где шкщет себе порозжее место, тогда, с выбором от прихожан, явиться должен его преосвященству и просить об определении своем надлежащего рассмотрения. *Знаменского монастыря архимандрит Порфирій, Тобольскаго Успенскаго собора протопол Алексій Михайлов.*

Несносные обиды

1766

Всеприветлейшаа, Державнейшаа, Великая Государыня Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивѣйшаа! Быт челою Томскаго Богородскаго Алексеевскаго монастыря крестьянский сын Михайло Андреев, сын Шадрин, на архимандрита Исаию, а в чем мое прошенье, тому следуют пункты: 1. С прошлаго, 1760, году, с прибытия ево, архимандрита Исаия, в Томск держал мяся, низайшего, при себе келійником, а после того

и поплые нахожусь конохом. 2. И в прошлом же, 1756 году, в июне месяце, то есть по прошествии Петропавловского поста, из именоегоих под ведением того монастыря на Паченского села ваяла выслать в Томск во оный Алексеевский монастырь крестьянскую вдову Ирину Пырникову с дочерью ее, девкой Овдотьею Ивановой, кои тамошним паченским монастырским прикащиком Иваном Бардавским под караулом и высланы. 3. И во высылке оных вдову Пырникову с дочерью ее в тот монастырь, предписанный архимандрит Исаия призвав меня, нижайшего, к себе и стал увещевать, чтоб я взял за себя в замужество помандуемую присланную из Паченского села девуку Овдотью. Иванову дочь, на что я, нижайший, его, архимандрита, слезно просил, дабы он меня от того уволил, однако ж, он, архимандрит, неслыша на мое слезную просьбу, стал нажи принуждать из-за подстрастия плещей и бязюкья, причем служка монастырский Иван Крылов меня и рожбол, чего устрашася, я, нижайший, обещал оную девуку Овдотью взять за себя в замужество. 4. И потом повел я кнзя, пужайткого, отвести к селу монастырскую казарку, а поминутую девуку Овдотью с матерью ее, взяв пред себя в свое келье, и потому ж ее из-за подстрастия плещей принудил, чтоб она пошла в замужество за меня, нижайшего, однако ж, при том мать ее, реченная вдова Ирина Пырникова, всемерно, со слезами его, архимандрита, просила, дабы у нее усильно тое дочь не отнял и за принуждением в замужество за такого коножа не отдал, но он, архимандрит, невзирая на те вдовины слезы, велел ее, вдову Ирину, и с дочерью ее Овдотьею выслать воп и свести на монастырский дворец, куда оную вдову свели, сновали на большой стул в чепь, а потом оную дочь ее Овдотью, так же меня, нижайшего, взяв усильно того монастыря крестьяне Иван Крылов и Алексей Тимофеев, привели в Благовещенскую церковь к венчанию, пред которым венчаньем я, нижайший, и поминутая девка Овдотья, надпаметуя всеражайшего В.И.В. родителей блаженного и вечно достойного царяжи Тугудари Императора Петра Великого, указы и прирису, со священником Иваном Безменовым дабы он нас, яко исприращенных и с обеих сторон не соизволяющих, к тому ж не имел он у себя о взятые с веночной памяти указных казенных и лазаретных пошлинных денег, не венчал бы, спорили,

но онъй священник, не приняв в резон тех наших вопреки речей, венчал усиленно, и, по обвенчавши, привели нас в тот же монастырский дворец и, положив нас, нижайших, на подклет в особую малую избу, куда, пришед поминутый архимандрит усиленно вломался, принес с собою водки и пива довольное число, видно, что хотел меня, нижайшего, спонить, а с десною моею блудно учинить, но точно чюгда и в осторожность себя, чтоб он, архимандрит, того над женою моею не учинил, выслал ово из той избы вон. 5. А поутру онъй архимандрит, зидя свой стыд, призвал меня, нижайшего, якоб к некоторой монастырской работе и, за то б осерчал, что ово, архимандрита, с подклета своего выслал вон, бил меня, нижайшего, плетьми смертно и отослал на монастырский дворец на Киргизскую (?) в работу, где и поныне нахожуся беззлучно. 6. И по отлучении моем от жены моею Оудого онъй архимандрит поныне содержит во оном, в Томске, в монастырском дворце при себе беззлучно, которая объявляет мне, что прикажет с ним, архимандритом, к блудному деянню, для которого одевает и обувает ее достаточно и от работ монастырских уже уволена, а чтобы с ними, законными мужьями, по закону не совокупляется, в том ей весьма запретил, да и не токмо же ее, жену мою, но и другую такую же, оного же монастыря крестьянина Александра Степанова, сына Пырсикова, жену же ово Параскою содержит при себе в таком же блудодеании, в чем он, архимандрит, чинил и ныне чинит несносные обиды. И дабы Вышочайшим В.И.В. указом повелено было мне мое прошение в Сибирской губернской канцелярии прислать и о том учинить милостивую резолюцию, как В.И.В. указы повелевают. Всемилостивейший Государьня! Прошу В.И.В. о сем моем прошении решение учинить. К подаанию наддежит в Сибирскую губернскую канцелярию. Сие прошение писал копекст Борис Лебедкин 1756 г., ноября 9 дн. *К сей челобиткой вместо Михайла Шадрина прошением ово Иван Захаров подписался.*

Запрещенный плод
1757

Из Шадринской канцелярии в Челябинское духовное правление. Сего мая 5 числа, присланною в реченную Шадринскую канцелярию из оного правления промеморию тре-

Бовано: что в прошлых годах у бывшего тогда в Далматовском заказе служащего ныне Чебаркульской крепости при Преображенской церкви дьячка Семена Васильева еретические волшебные книги найдены были ль, и кем именно, и где, и оные на спине свое, дьячка Васильева, а бытность в городе Шадринску военедом Федора Тонбузина сожжены ль и по какому-де определению, и что по справке окажется о том из производимого об оном следственного дела при-слать в реченное духовное правление при письменном сообщении. А по справке в Шадринской канцелярии оказалось: прошлого, 1728 году, октября 25 дня, Успенского Далматова монастыря портной Осип Кучумов при объявлении в Шадринскую канцелярию взятую у псаломщика Семена Васильева маленькую письменную книжку объявил, а какая та книжка, того в деле не показано. И оный псаломщик Васильев в Шадринской канцелярии допрашыван и показал: в прошлом-де, 726 году, а которого месяца и числа не уомянит, нашел он, Васильев, оного Далматова монастыря Николаевской заимки у попа Петра Федосеева в предбанке книжку, а какая та книжка назывался, не оясет, а того-де числа в той базе царилась русские проезжие торговые люди, а как-де их именами звали и чья прозванием, не знает же, а он-де, Васильев, жил в то время у оного попа Федосеева на подворье и как ту книжку нашел, то объявлял попом, реченному Петру Федосееву да Михаилу Киприянову; по отъезде же означенных торговых людей и после того казал ее польчичу Льву Попову, и оные-де попы Федосеев и Киприянов и польчич Попов ее смотрели и об ней, что какаки она, не сказали, и оный-де польчич Попов в той книжке писал: «За молитв святых отец наших» и отдал же обратно ему, Семену, а по длинно-де кто тою книжку писал, о том он неизвестен; да как же оную книжку нашел, то в ней были три листа встже, и с тех трех листов списал своєю рукою в ту же книжку, а что на тех листах писано было и какое по той книжке действо, того не знает; и держал же он, Васильев, ее у себя салтоверменно с простоты своей и не под секретом. А того-де, 1728 году, ноября 27 дня, по посланной из Шадринска канцелярии в Успенский Далматов монастырь попоморнии вышеписанные попы Федосеев и Киприянов и польчич Лев Попов в оном монастыре допрашываны, и те

их подлинные допросы при прохемории ж в Шадринскую канцелярию присланы, в которых показанный поп Петр Федосеев сказал: книжку-де псаломщик Семен Васильев ему объявлял, только-де он, Федосеев, ее не читал и какая та книжка, не знает; поп Михайло Киприянов в прошлых-де годах, а в котором не упоминт, сказывал ему, Кидриянову, на словах псаломщик Семен Васильев, что-де нашел он книжку, а какал-де книжка и где ее нашел, о том ему, Киприянову, он не сказал, и он, Киприянов, у него ее не видал; подьячий Лев Попов — книжку-де ему, Попову, реченный псаломщик Семен Васильев казал, и он-де, Попов, тое книжку посмотрел треть или больше того — не упоминт и нашел в ней простой лист и на том листу «за молитв святых отец наших» писал, а всю дн-де оную молитву написал — не упоминт же. И вышписанного ж 1728 году, декабря 21 дня, по определению Шадринской канцелярии вышписанная книжка сожжена, а показанному псаломщику Семеву Васильеву за держание той у себя книжки долговременно учинено наказание батоги и по наказании отослан при указе в показанный Дельматов монастырь по-прежнему. И Челябинское казальное духовное правление о предписанном благоволише ведать. Мая 14 дня, 1757 году. *В небытность управителя Выходцова в должности с приписью канцелярист Федор Мартынов.*

Преслушание приказов

1768
Из Сибирской губернской канцелярии в канцелярию Тобольской духовной консистории. Сего году, апреля 21 числа, господи генерал-майор, пример-майор сибирский губернатор и кавалер Чичерин в губернию предлагал, что напостройжайшими приказами от него, господина генерал-майора, губернатора и кавалера, подтверждено, чтоб в нынешнее сухое время в нестройные часы, особенно по вечерам, печей не топили, а ежели кому нужда топить, то бы топили по утрам и то с великою осторожностью, рассматривая, когда не ветрено. Но невзирая на то и на то, что теперь жесточайший ветер, которого силою со многих зданий крыш сорвало, и что в такое сухое и теплое время вновь построенный на устье Курдюмьи речки питейный дом стал меж-

ду златнейшим и величайшим в городе деревянным строением, то есть гостиный двор, мясные и прочие ряды, провинские амбары, наполненные провиантом, и шейгаузы с пеньковыми снастями и смолье, оной же окружен и дощениками⁸, изготовленными к походу, и к наступающему уже вечеру целовальник⁹, сидящий на оном забаве, так оный распустил, что весь город в опасность и тревогу пришел, для чего посланным от него, господина генерал-майора, губернатора и кавалера, с гауптвахты офинером с командою ведено огонь задути, и задути, а ему, целовальнику, за преслушание приказов и за подвержение всего города в опасность учинить наказание плетью, и учинено; и требовал от губернской канцелярии всем ведомств своего чина наместоужайше подтвердить, чтоб в нынешнее сухое время, при таких жесточайших и страшных ветрах, отнюдь печей не топили, а ежели за кем усмотрено будет, то публично наказан будет. И на оное по Ее Императорскому Величеству указу и по резолюции Сибирской губернской канцелярии велено в Тобольскую духовную консисторию, губернский магистрат, созданую контору сообщить промеморию¹⁰, а в Польнейскую контору, в губернскую роту, подгородную канцелярию и к ямским управительным делам послать указы и велеть, а промемориям требовать, чтоб всех тех команд подчиненным наместоужайше подтвердить, дабы они отнюдь в нынешнее время, а особливо при жесточайших и страшных ветрах, печей не топили и от пожара имели бы крепкую предосторожность под опасением о противном тому случае жестокаго публичного наказания, и в чем, не обходя никого, обывателей от полиции обязать подписками. И Тобольская духовная консистория об оном благоволил учинить по Е.И.В. указом, а в прочие места о том же указы и промемории посланы. Мал 14 дня, 1768 г. *Петр Высок.*
Секретарь Е. Овсянников.

До повыв
1778

По указу Ее Императорского Величества Тобольская духовная консистория, слушав сообщения к ево пресвященству от господина генерал-поручика, лейб-гвардии камер-майора, тобольского губернатора и ордепов святого Алек-

сандра Невского и святой Анны кавалера Чичерина, в коем объявлено: что до сведения его высокопревосходительства дошло, что разного сорта люди живут в городе, нанимая себе у здешних жителей в кортмы дома, о которых никто не знает, а жители, не объявив в полиции, лущают, между тем могут и скрыватьца безъязы; и для того пави-майору Мейнбому ордером от его превосходительства предложено и велено чрез полицейских служителей, всех жителей, не оставяя ни одной изжины, объявить подписками, чтоб никто, не объявив и не записав, кто таков в доме стонюпитца, в полиции, отъездъ в дома не пускали, а ежели, засим, у кого стоящий окаяетца не записан, то тово дому холия наказан, а дом до нечъяз разбросан будет, а от его преосвященства требует приказать духовным чинам, чтоб и им без записки в полиции потому ж в дома не пускали, того ради с доклада его преосвященству в Тобольской духовной консистории определено: для неперемешного по оному его высокопревосходительства требования исполнения города Тобольска всех церковей священно и церковно, тако ж приказным дому архиерейского и Тобольского Знаменского монастыря служителям объявить сие определение с подписками. 1776 года, августа 13 дня. *Никита протопол Софийский. Секретарь Василий Андроников.*

**Прутьем
1776**

Великому господину, преосвященнейшему Варлааму, епископу Тобольскому и Сибирскому. От Илимского духовного правления докорнейшее доношение. Нюбря 12 числа сего 1776 года в присланной из Илимской управительской канцелярии промехории написано: нюбря-де 12 илимский управитель секунд-майор господин Кривоногов в присутствии объявил, что оя дворового своего человека Садофа Андреева, будучи пьяного, сек прутьем и отдал под караул, где он и умер, почему в Илимской канцелярии в свирельствованиях, и стоголчанъ записи описаны, о чем-де к его высокопревосходительству, господину генерал-порутчику, лейб-гвардии пример-майору, тобольскому губернатору и разных орденов кавалеру Денису Ивановичу Чичериу и в Тобольскую губернскую канцелярию на рассмотрение представляе-

но и требовано от Ишимской канцелярии, чтоб того Садофа жертвое тело похоронить; против которой резолюциею Ишимского духовного правления велено то мертвое тело Коркиной слободы Николаевской церкви священнику Тихофею Зудилову, при погребении освидетельствовать, похоронить, который по свидетельству и погребен; а ноября 15 помянутый священник Зудилов в Ишимское духовное правление репортом объявил, что у того Садофа выше левого глаза на лбу три пятна кровавые, свиная холки, даже до шеи, все избиты тираски, а чем тот Садоф бит был — неизвестно, при котором де свидетельстве были священники Коркиной слободы Федор Васильев, села Медведьиха Проконий Вахрушев, села ж Ильинского Василий Рычков, дячок Семен Чумасов, дячок Петр Райков и пономарь Петр Анцыферов. Того ради вашему пресвященству Ишимское духовное правление всенижайше и представляет на благорасмотрение. 15 ноября 1776 г. Вашего пресвященства всенижайший послушник *протопоп Афанасий Райков, Дьякон Семен Чумасов.*

**В записные книжки
1783**

1. В Тюменское духовное правление, Карматского села Успенской церкви от церковного старосты Петра Симахина репорт. Нашего Карматского села церкви Успенской священник Василий Космаков у меня, нижеающего, из церкви книгу старинное Евангелие толково для чтения брая во время летнее, а которого числа — не упомяю. И сего года, февраля, 7 числа, как вспомнил, что мною ему, священнику, означенная книга была по долгу отдана, и я приходил к нему, Космакову, за книгой и просил ее, и он сказал, что у меня-де книги нет, отдана в церковь, и почему ныне спой книги по званью им, священником, окромя ево, мне отыскать негде. И Тюменскому духовному правлению с помянутой книге покорно и репортуе. 1785 года, февраля 7 дня. *Сей репорт писал и руку приложил церковный староста Петр Симахин.*

2. Из Тобольского наместнического правления в Тобольскую духовную консисторию. Репортом тюменский нижний земской суд изъясняет, что из произведимого следствия

Тюменским нижним земским судом по сообщению Тюменского духовного правления учинен экстракт о истерзавшейся в селе Карматском из церкви книге, Толковом Евангелие, и о закнжже священника Гобона и пономаря Анпенова в желевные надалы, из которого оказалось: 1-с, хотя определенный от духовного правления следователь, священник Андрей Неводчиков, как по возвращении его в Тюмень словесно капитану-исправнику Калининну объявил, что будто самовольно крестьяне Гобова и Анпенова заковали, а напоследок он же и сельский заседатель Важенни при следствии письменными своими объяснениями то же самое показали; но запачашее по делу села Карматского жители, немелкое число, на učinенных из допросех утвердись, что показанный Неводчиков объявил им Гобова воров т приказывал его и Анпенова заковать в надалы, в чем ему и Важенни не только не препятствовал, но из некоторых крестьяне показывали, тоже приказывал, а потому они и заковывали; 2-е, в učinенном намерении к пристрастному стеганию пономаря Анпенова; 3-е, в хождении по гостям, в литии вина, обще с Гобовым и в допрашивания его в роготех он, Неводчиков, в объяснении своем и запрательство не учинил; 4-е, в устрашвании Гобова и Анпенова крестьянами, будто повесят их на жерда, или дна на три посадат под колокольню морить с голоду, крестьяна никем в том не показаны; 5-е, дворянский заседатель Векирев, который для того исследования по историчному сообщению духовного правления нарочно отъездил был, в разлоге своем предстаня, что о заковании священника Гобова с пономарем самовольных и виновных никого он из жителей же находит, да и крестьяни Вахов будто в таскании им пономаря Анпенова за волосы и в пинании ногами никаким свидетельством не обличен, и потому хотя Тюменское духовное правление по рпорту священника Неводчикова сообщением требовало з закнжжи показанных Гобова и Анпенова не рассудительно и дерзостно по своевольству черныи осужденных, како сущих злодеев обруганных, народ, яко не в свое дело вмешивающийся, от своевольства удержат, но по производимому следствию самовольных зачинщиков никого в том не оказалось, а единственно последовало оное, как из допросов большого числа крестьян, значит по приказанию священ-

ника Неводчикова. Однако ж нерасудно крестьяне učinили, что послушали того священника Неводчикова, приступив к закованию священника Гобова и пономаря Анпенова, да и сам он в чинимом над пономарем Анпеновым устранивании и пристрастных побоях, себя уже не оправдывает. И потому, чтоб требование от духовного правления не могло б иногда относиться без исполнения лежким судом, учиненный из дела экстракт по силе высочайшего учреждения о должности земского исправника на рассмотрение в сие правление Тюменский земской суд при том репорте представляет. И по указу Ее Императорского Величества в Тобольском епархиальном правлении определено: как Тюменский близкий земской суд репортом своим объясняет, что по производству оным о потеряннейшей в Карматском селе из церкви книги следствия в утрате оной, равно о прочих прошедших беспорядках, соучаствуют только одни написанные поименно священно- и церковнослужители, крестьяне ж виновными ни в чем не оказались, да и против показаний на них священниками Неводчиковым, Гобовым и пономарем Анпеновым якоб во употреблении наглостей по разбирательству их не признались, да и вникем в том посторонними не дознаемы, то в таком случае и должно во оной похуже книги и в происшедших беспорядках разбирательство учинить между священно- и церковнослужителями духовными властями и для того с прописанием оного репорта и с приложением экстракта в оную духовную консисторию сообщить с требованием таковым, дабы оная благоволила во всем том учинить свое рассмотрение, и что учинено будет, сие правление уведомит. Сентября 19 дня, 1783 года. Дядя. *Егор Ратиев. Регистратор Федор Клепиков. Канцелярист Петр Завалин.*

3. (Из «экстракта»): Во объяснении священника Алоксая Гобова и пономаря Автона Анпенова значится: сего 785 году, февраля 27, по приезде в село Карматское священника Неводчикова и заседателя Назенкина на другой день поутру призвали его, Гобова, к себе в квартиру, и, не взяв о потеряннейшей из церкви книги объяснения, Неводчикова по слову его приказал ему идти с собою в дом ко крестьянину Пудникову, где от ующения Пудниковых сделался Неводчикова и в том образе допрашивал его, Гобова; а по взятни

допросу пошел к священнику ж Космакову для гулянья. И хотя Гобов говорил ему, что Космаков касательный по тому ж делу и не ходить к нему, а окончить следствие, однако ж, были у него, где Неводчиков пил же вино и оттуда пошел на квартиру свою к крестьянину Икону Курбатову, где и заседатель Важенин со обывателями были. И пономаря Анпенова обыватели Иван Усолцов, Гаврило Мещников, Петр Усолцов, встав в сени, уговаривали и кланялись, чтоб сказал о потерянной книге на священника Гобова, что она ему отдана для чтения. Однако ж, пономарь от того им отказался, и из тех обывателей Иван Усолцов, поклонясь ему в ноги, бил руками по щекам. А после того призвал Неводчиков его, Анпенова, в горницу и спрашивал добровольно, а потом, как он показав, что не брал книги, то стоящий тут крестьянин Петр Вахов ударил его рукою по лицу и окровавил. Да и священник Неводчиков, схватив са молотом, драг и приказал ямские кнуты привнести, кои и принесены, и раздетого на пол его, Анпенова, раза три клал. Убоялся ж он страсти, что говорил, не знает. После ж того Неводчиков Гобова позвал в горницу и, сняв со стены образ Возжей Матери и положив на стол, встал на колени и ему, Гобову, приказал пасть, почему он, Гобов пал и поцеловал тот образ и говорил, что та книга им не взята и где — не знает, и в потерянной оной вини за собою не имеет, а Неводчиков стал на ноги и что обывателям сказал — в страсти и в крику он не помнит. И его, Гобова, из обывателей Петр Вахов из горницы потащил на улицу и в спину кулаком бил, и с крыльца толкал, и привел напряженную лошадь с дровнями, бросил их на дровни. И на оных Фандил Вахов с ругательством по щекам бил же и пономаря Анпенова, Козма Вахов за волосы таскал и ногами пинал, что видя заседатель Важенин велел привести их в горницу и крестьян уговаривал от битья, но обыватели сами собою, или с чьего повеления повели их в кузницу ко крестьянину Властию Кожину расстоянием в полуверсте, который завязал их в заклитые кандалы, и вези по сусу с ругательством. А по приезде в тот же дом к Курбатову Неводчиков и Важенин у выборного и обывателей упрашивали, чтоб их расковать, но в том они не послушались. А как показавшие Неводчиков и Важенин уехали, то распустили их в дома и ночевали закованные на караулах. А неутро, со-

бравшись обывателей весьма много к ему, Гобову, в дом, кричала с ругательствами и устрашавали мецената Петя Усольцов, крестьяне Григорий Ульбин, Сидя Курбатов и Гаврила Меншиков, чтоб повесить их против перекла Вожней на жердь, или посадить под колокольню дня на три и морить голодом, а они со словами просились отправить в Тюмень к команде. И их, заковаанных, отправили, а доведены были до деревни Ушаковой, из которой посланные из земского суда казетки обратили их в село Каринское и в доме ямщика Иова Качковского расковали. *Капитан испрошил Николай Калмыкин. Дворянский заседатель Иван Венцков. В должности секретаря канцелярист Стефан Загорской.*

Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896)*

12 ноября н. г. исполнится тридцатилетие литературной деятельности нашего сотрудника Е.В. Кузнецова. Евгений Васильевич, сын священника села Нового Тобольского округа, родился 25 февраля 1848 года и получил образование в Тобольской духовной семинарии. В семидесятых и начале девяностых годов Е.В. двукратно редактировал «Тобольские губернские ведомости» и деятельно занимался исследованиями местной старины, результатом которых было значительное число статей, помещенных им как в нашей газете, так и в других сибирских изданиях.

Ввиду этого мы и помещаем указатель литературных трудов Е.В. за истекшее тридцатилетие, представляющий несомненно не лишним интереса страничк к общей сибирской библиографии.

I. Археология

Археологическая находка // Тобольские губернские ведомости⁸⁴. 1892. № 27.

Кладовские и продания о кладах в Западной Сибири // ТГВ. 1896. №№ 23—24.

К сведениям о знаменях Ермака // ТГВ. 1892. № 43.

Находка ружья покорителя Сибири // ТГВ. 1891. № 22.

Новый взгляд на вопрос о древнем населении Сибири // ТГВ. 1895. № 12. — [Передов. ст.].

О двух каменных орудиях выделочн. утвари медь и приваловоюсестен без выемки чашки, найденныя при раскопках с. н. южноросска в Курганском округе // ТГВ. 1894. № 37. — [Хрон.].

О значительном числе вещей каменного века, собранных в Тобольской губернии в 1870-х годах // ТГВ. 1892. №№ 37, 42.

* Печатается по: Тобольские губернские ведомости. 1896. №№ 24—26.

⁸⁴ Далее — ТГВ. — Прии. издателя.

- О необходимости обережения Исера, Чувапского мыса и др. исторически мест от разрушения волнами Иртыша//ТГВ. 1892. № 48; 1894 № 41. — [Хрон].
- По вопросу об охране древностей от истребления//ТГВ. 1894. № 45. — [Перевод. ст.].

II. История. Летописи

Водузные стражи Тобольска и станицы: Выдержка из «Летописи Сибири» с предисловием//ТГВ. 1892. № 7–8; То же. — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1892. 13 с.

Летопись Шотландия. (1743–1777)//ТГВ. 1896. № 6 21–22.

О поступившей в библиотеку Тобольской духовной семинарии «Летописи Копенгагенского Троицкого монастыря»//ТГВ. 1892. № 41.

Сибирский Летописец: Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, изданная в Тобольске. (С предисловием)//ТГВ. 1892. № 10–15. То же. — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1892. 48 с.

Указатель сибирским летопискам//ТГВ. 1894. № 1, 2, 5–6, 9–10, 20–21, 24.

Что надежда одолжила мысль: Выдержка из «Летописи Сибирской»//ТГВ. 1892. № 18.

Архивные документы

Абрамов мест — прегрда полнейшегера//ТГВ. 1892. № 18.

Важные нем. и Англика сто лет назад//Справочник Лиском Высаской губернии. 1891. № 5.

Важные нем. Тюмени 1792 г.//Сибирский вестник. 1891. № 70.

Бюджет Томска сто лет назад//Сибирский вестник. 1891. № 69.

Верхотурская словница об отмене школы. (1759)//ТГВ. 1896. № 7.

Вилкуринов: Из тобольской стараны//ТГВ. 1891. № 43.

Вместе «печи сит рубашки» — зонтик вынул//ТГВ. 1892. № 16.

Выпавшие сны на хлеб и «морские коты» (1735)//ТГВ. 1892. № 16.

«В замешанной пшенице» (1785)//ТГВ. 1896. № 8.

Два документа с безумия тобольской бумсы//ТГВ. 1896. № 7.

Два документа о возмещении томских монетных кредитов в 1761 г.: К истории крепостничества в Сибире//Сибирский вестник. 1896. № 94.

Два документа о школе в Варнауме. (1759 и 1760)//ТГВ. 1896. № 7.

Два письма, выданные обидчикам 14 декабря 1825 г.: Русская старина. 1896, февр. С. 314–315.

Две письма. (1776)//ТГВ. 1896. № 8.

Знаю не по закону (1746)//ТГВ. 1892. № 17.

Запрещенный плод. (1757)//ТГВ. 1896. № 8.

Из документов об открытии в Тобольске духовной семинарии. (1745)//ТГВ. 1893. № 27.

- Прошение полицмейстера. (1748)//ТГВ. 1892. № 18.
 «Прутема». (1776)//ТГВ. 1896. № 8.
 Роспись чиновных особ г. Тобольска сто лет назад (1793)//ТГВ. 1892. №№ 4–9.
 Слово и дело (1748)//ТГВ. 1896. № 8.
 «Слабодаяние» студента осажденю. (1760)//ТГВ. 1892. № 46.
 Старинный проект водоснабжения нагорной части Тобольска. (1823)//ТГВ. 1892. № 49.
 Старые меры к утверждению в правах перы крестьянских остатков. (1749). //ТГВ. 1892. № 31.
 Строгости Верхотурской таможи. (1750)//ТГВ. 1892. № 29.
 Техник и методика лавки. (1746)//ТГВ. 1892. № 17.
 Тревога в Сургуте в 1745 году. Из увеличения от пожара бумиг Тобольской полицмейстерской конторы//ТГВ. 1891. №№ 8–9.
 Тревога о дворе канцеляриста (1759)//ТГВ. 1892. № 16.
 Треклятая тревога «о связях». (1749)//ТГВ. 1892. № 18.
 Трудная память прошлого: Старая ластия о старых людях//ТГВ. 1896. № 8.
 Что жидга цезаю на распроех: (1749)//ТГВ. 1892. № 18.

Исторические статьи

- Заметка о возмущении г. Тары в 1723 году//ТГВ. 1871. № 42.
 Заметка о волнении жанае//Сибирский вестник. 1890. № 10.
 Известия о кончине Государя Императора//ТГВ. 1894. № 43. — [Перелож. ст.].
 Из тобольской старины: Нашедшие на полицмейстера Вавановского//ТГВ. 1891. №№ 30–32.
 Кода нам ирадновать трехсотлетие Сибири?//Сибирь. 1878. № 38.
 Ключей возмущения и прощания жем етотлетя в Тобольске и родо жом самоуправления в 1870 году//ТГВ. 1892. № 10. — [Хрон.].
 Е возмущениях о кончине Сибири в 1857 году Цезаревичем Александром Николаевичем//Сибирский вестник. 1891. № 76. — [Хрон.].
 К истории крепостничества в Сибири//Винсой. 1895. № 133.
 Материалы для истории жселения Тобольской губернии до инокорения Сибири Вранжом//ТГВ. 1870. №№ 9–12.
 Именину светлого дня. (Ожидание Тобольского архиепископа Наследником Цесаревича Николаем Александровичем)//ТГВ. 1892. № 27.
 Начало княжечетания в Сибири//ТГВ. 1871. № 10.
 Начало сибирских городов. (Исторический набросок)//ТГВ. 1893. №№ 10, 11, 14, 21, 26.
 Несколько сведений о прощании жемеры в пределах Тобольской губернии в 1871 году//ТГВ. 1893. № 9. — [Хрон.].
 Об установлении в 1826 году в Тобольске ярмарки//ТГВ. 1892. № 24. — [Хрон.].

- О ирландском посетителе с оловом орлама//ТГВ. 1886. № 18.
 Описание Тобольской духовной семинарии//ТГВ. 1893. № 38. — [Передов. ст.]
 Первые новбы в Сибиря/ТГВ. 1890. №М 27, 28, 29.
 Из истории духовной семинарии в Иркутске//Известия Иркутского университета. Иркутск. 1928. № 1.
 Их Императорских Величеств//ТГВ. 1893. № 23. — [Передов. ст.]
 По поводу ирландской семинарии//ТГВ. 1893. № 6. — [Передов. ст.]
 По поводу пятидесятилетия сибирского пароходства//ТГВ. 1894. № 21. — [Передов. ст.]
 Тобольск в дни воячества императора Николая Павловича. (По архивным сведениям)//Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 2.
 Тобольск, 11 июля 1891 г.: О пребывании наследника Цесаревича Николая Александровича//ТГВ. 1891. № 26.
 Холерное время 1848 г. в Тобольске//ТГВ. 1892. №М 30, 31, 35 То же — Календарь Тобольской губернии на 1893 г. С. 56-64. [Прилож.]
 Царские совещания в Сибиря: Исторический очерк//Сибирский вестник. 1890. № 47. То же. — ТГВ. 1890. №М 23-24.
 «Тысяча лет отныне»: в связи сороклетия в старинном Тобольске. (1669—1877)//ТГВ. 1894. № 15.
 Эпидемия инфлуэнцы в Тобольске: Из сибирской старины//ТГВ. 1892. № 12.
 Николай Александрович Абрамов//ТГВ. 1870. №М 32-34.
 Памяти Н.А. Абрамова. (3 мая 1870 г.)//ТГВ. 1895. № 35.
 Сибирские газеты и журналы — помещенных в «Тобольских губернских ведомостях»//ТГВ. 1895. № 35.
 Некролог: В.Н. Арзамасов//ТГВ. 1867. № 19.
 Вспомни о роде первого сибирского епископа Волковского//ТГВ. 1890. № 38.
 А.И. Деслов Еристинский Венюков. (24 апреля 1895 г.)//Путеводитель по Сибири и приречным валам. Томск. 1894. С. 19-32. [Прилож.]
 Памяти А.И. Деслова Венюкова//ТГВ. 1895. №М 37, 39.
 К биографии и пребыванию в ссылке князя Долгорукова//ТГВ. 1893. № 27.
 Начальная школа об Ермоле//ТГВ. 1890. №М 31, 35.
 Сказание и догадки о христианском имени Ермола//ТГВ. 1890. №М 40, 42, 44-45, 50. То же. — Календ. Тобольск. губернии на 1892 г. Тобольск, 1891. С. 107-139 [Прилож.]. То же. — Тобольск: Тип. Тус. Призд., 1891. 35 с.
 О чте «сказаний» в Тобольске: в связи сороклетия со дня смерти князя сибиряка Петра Павловича Ермола//ТГВ. 1894. № 34.
 У могилы автора «Князя Горбулина»: Памяти П.П. Ершова. Стихотворение//ТГВ. 1894. № 34.
 К биографии декабриста Д.И. Завалишина//Восток. 1896. №М 5, 7.
 К биографии ирландского миссионера, основателя Алтайской семинарии//Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 1.
 Пробывание Меншикова в Перезове//ТГВ. 1871. № 1.
 К сведениям о пребывании в Тобольске историком Малера: Из бумаг Тобольской полковничьей канцелярии, хранящихся в Тобольском музее//ТГВ. 1892. № 15.

- И.И. Небольсин: Неиролог//ТГВ. 1893. № 36.
К биографии Истории естественные Сибирского в Тобольском. (1636—1640)//ТГВ. 1892. № 36.
Сказки 1750 года о семье сельского управника Григория Нозниного (автор «Брат, описания о выводе осликом», сочиненного в 1715 г.)/ТГВ. 1893. № 44.
Арест воеводы: О енисейском воеводе, капитане Михаиле Полуектове//ТГВ. 1894. № 32.
Неиролог: И.И. Роднен//ТГВ. 1892. № 34.
Неиролог: П.А. Роднен-Соньинский//ТГВ. 1892. № 31.
К сведениям о научном полковнике Сельмаге//ТГВ. 1893. № 14.
Удалость местности Пемини П.А. Савонова. Отголоски//ТГВ. 1893. № 14.
Указатель сочинений истории Сибири П.А. Савонова//ТГВ. 1893. № 12.
Сибирский губернатор В.И. Суворов//ТГВ. 1892. №№ 38 и 39.
Неиролог: Мех. Зас. Фомин//ТГВ. 1870. № 39.
К сведениям о депоиске Черепанов//ТГВ. 1891. № 42.
Памяти И.Д. Черского//ТГВ. 1892. № 39.
Сибирский губернатор Д.И. Черныи. (1773—1776)//Русская Старина. 1891, июль. С. 179—182.
Сибирский губернатор Д.И. Черныи в переписке с душманством: Новые материалы//ТГВ. 1896. № 18.
Несколько сведений об управлении Сибирью губернатора Черныи//ТГВ. 1870. № 41.
О распорядах Черныи в Тобольске: Службы выданных документов с предписаниями//ТГВ. 1891. №№ 11—14. То же — Тобольск: Туб. Тип. 1891. 26 с.
Из распорядов Д.И. Черныи//ТГВ. 1893. № 32.
К приказам сибирского губернатора Д.И. Черныи: Из бумаг, хранящихся в Тобольском музее//ТГВ. 1893. № 19.
Еще приказ Черныи//ТГВ. 1891. № 41.
К биографии Д.И. Черныи//ТГВ. 1892. № 41.
К портрету Д.И. Черныи//ТГВ. 1892. № 17.
Удалость музее: Памяти черныи И.И. Куткова. Стихотворение//ТГВ. 1893. № 16.
Монахиня Праска. Княгиня Прасковья Григорьевна Юсупова: Новые материалы для биографии//ТГВ. 1896. №№ 11—17. То же. — Тобольск: Туб. Тип., 1896. 27 с.
Неиролог: Феогност, бывший ерковником Тобольский и Сибирский//ТГВ. 1869. № 22.

III. География, этнография, статистика

- Пермские самозы//ТГВ. 1871. №№ 6—8.
Пыльные черны тобольских XVIII столетия: По архивным документам//Кавказ. Тоб. губ. на 1893-й г. С. 3—24. [Продолж.]
Заметка об остатком алмазе//ТГВ. 1870. № 27.

- К селению: Тобольск в 1796 году. Из чиновника полковника Исаака Мухоморова // ТГВ. 1891. № 25.
- Матросовские статистические Тольмыш в архиве во второй половине XVIII столетия: Издательство «Сибирский вестник» / Общественно-научный центр «Сибирский вестник». 1991. №№ 15-16.
- О верованиях и обрядах самоядов // ТГВ. 1869. №№ 4-5.
- О нуждах рыболовства // ТГВ. 1895. № 32.
- О производстве всеобщей переписи населения Российской империи // ТГВ. 1895. № 29.
- По поводу об очищении русского языка от иностранных слов // ТГВ. 1895. №№ 19, 22.
- По Башкову: Из дневника // Сибирский вестник. 1890. №№ 22, 23, 28.
- По поводу превращенной одной из императорской церкви империи // ТГВ. 1898. № 31. — [Перевод: ст.]
- Половина и половина жителей Тобольского округа // ТГВ. 1866. № 49.
- Село Бронниновское // ТГВ. 1870. №№ 17, 18.
- Село Новое // ТГВ. 1866. № 46.
- Сколько ловится ежегодно птицы в Тобольской губернии // ТГВ. 1891. № 31.
- Сибирь в начале XIX века и обряды сибиряков // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 6.
- Статистическое описание промышленности и ремесел Тобольской губернии // ТГВ. 1870. №№ 23-25.
- Хлебные итоги Тобольска // ТГВ. 1892. № 36.
- Якутское население // ТГВ. 1870. № 22.

IV. Библиография

- Библиография Премак: Опыт указания малоизвестных сочинений на русском и китайском языках на достояние Императорской Библиотеки / Библиограф Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск. 1891. С. 140-169. То же. — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1891. 32 с.
- Цыбин, Иван Иванович. Описание киргизско-казачьих земель и степей в Оренбургском ведомстве. Сибирь: Указовский список, или приложение к «Историческому описанию киргизских земель и степей в Оренбургском ведомстве». 1814. 104 с. [Библиографическая заметка] // ТГВ. 1895. № 30.
- Описание празднования в Тобольске Кутур-Кайнарчинского мира в 1774 году. Изд. Кузнецов-Красноярский. 1891. [Библиографическая заметка] // ТГВ. 1891. № 49.
- Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1651 году. Очерк из жизни XVII в. Н.Н. Осиповича / Русская старина. 1893, отд. С. 162-184. [Библиографическая заметка] // ТГВ. 1893. № 42.
- Литература сибирских промыслов: Библиографический указатель // Справочный Листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки. 1898. №№ 42, 44-46.
- Новые издания, касающиеся Сибири // ТГВ. 1893. №№ 1-3, 10, 13, 24, 27, 29, 30, 35-36, 38, 40, 43, 45, 48, 50; 1895. №№ 3, 7, 18, 21, 24, 37, 43.

Указатели литературных трудов К.Н. Кушнова (1866—1886) 353

Новые издания, касающиеся Сибири в Приуральях//ТГВ. 1894. №№ 1, 5—11, 13, 16—17, 20, 24—25, 27, 31, 33, 36, 39, 42, 46, 50.

Об очерке А. В. Дельцова. «Враки в Баянах русского народа»: Библиограф. замет.,//ТГВ. 1882. № 25.

Первый русско-остяцкий словарь//ТГВ. 1867. № 51.

Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае А. Дыгалева. Выпуск V. Пермь. 1894. XII+220 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1884. № 19.

По поводу статьи К. Носилова «Моряна гор. Тобольская»//ТГВ. 1894. № 12.

Приходные окладные ясачные книги Томского уезда, 1768—1718 гг. с приложением карты значных волостей и ссылки с урочища. Издана Кузнецк-Красноярский. Томск. 1893. 141171743 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 2.

Самаро, село Тобольской губернии и округе: Материалы и документы к изучению истории Урала. Самары, 1893. 114+80 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1884. № 6.

Сибирский торговый промышленный и сараночный календарь на 1894 г. Ф. П. Романова. Томск. 1893. 110+8+11+308+80 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 4.

Сибирский торговый промышленный и сараночный календарь на 1895 год: Год второй. Томск. Изд. Ф. П. Романова, 1895. 678 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1895. № 3.

Указатели статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенные в Сибирских ведомостях в 1891 г.//ТГВ. 1892. № 15.

Указатели статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенные в тобольских газетах 1891—1892 гг.//Календарь Тобольской губернии на 1893 год. Тобольск, 1892. С. 128—133. [Прилож.]

Указатели статей помещенных в «Сибирских ведомостях» с начала издания их (27 января 1857 г.)//ТГВ. 1871. №№ 8—11, 15—17, 19.

У. Рассказы, баллы, стихотворения
Анталья-Колодкин: Стычки «слово и дело» в Сибиря/Томский Листок. 1866. №№ 278—279 и 282.

Ван-Баш: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 23.

Почтарь Ю: Из остяцкой баллады//ТГВ. 1896. № 10.

Вальчик норы: Сибирская басня//ТГВ. 1894. № 60.

В светлую полночь: Совет//ТГВ. 1889. № 13.

20 октября 1894 г. Стихотворение//ТГВ. 1894. № 43.

Избыние сороч: Сибирская басня//ТГВ. 1894. № 49.

Изучающему: Стихотворение//ТГВ. 1892. № 11.

Из лесенки грех: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 17.

Летопись мирного народа/Сибирская газета. 1863. № 44; 1864. №№ 16, 20, 23, 29, 42, 46.

- Майская дума: Иосифинисты Ио. Ян. Словоизу//ТГВ. 1894. № 18.
- Майские слова: К. П. Фр-ск. Стихотворение//ТГВ. 1893. № 18.
- На ласкалом облате//Сибирь. 1878. № 39.
- На службе у осы: Сказ по архивным образцам//ТГВ. 1893. № 7 8.
- На юбилей: Читено на викально-циркулярном юбилейном вечере Тобольской духовной семинарии 22 сент. 1893 г. Стихотворение//ТГВ. 1893. № 38. То же. — Тобольские циркулярные ведомости. 1893. № 19-20.
- На праздны и весам Сибирь: Язобованные наброски//ТГВ. 1893. № 26 27. 41, 47-48.
- После сна: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 15.
- Присосили: Из досрочных набросков//ТГВ. 1893. № 31.
- Роскоши коврил: Святочная быль//Сибирский вестник. 1895. № 189.
- Святая ночь: Стихотворение//ТГВ. 1896. № 13.
- Слезы и слезы: Из тобольских былей//Томский листок. 1895. № 226.
- Сны Прудыны: Фантазия//ТГВ. 1893. № 32.
- Старый шпигетчи: Святочный рассказ//Сибирский вестник. 1890. № 3.
- Тяжелый мессарид: Сибирская басня//Енисей, 1895. № 9.
- Тарьяны: Сибирская сказочная повесть//ТГВ. 1893. № 1.
- Тобольские письма//Сибирь. 1877. № 31, 42.
- Ураган: Рассказ Потапыча//Сибирский вестник. 1896. № 77.
- Утес Сидки Сибирская легенда//Енисей. 1893. № 118.
- Христов воскрес: Стихотворение//ТГВ. 1894. № 16.
- Шиллукун: Святочный рассказ//ТГВ. 1894. № 1.

VI. Статьи по сибирским вопросам

- По поводу нового положения о видах на жительство//ТГВ. 1894. № 28.
- По поводу проекта новой казенной монополии//ТГВ. 1893. № 18.
- О делении на земной казенной монополии в четыре восточных губернии ил./ТГЧ. 1894. № 27.
- Об общественной земледельцев в Тобольской губернии//ТГВ. 1895. № 38.
- Из результатов казенной монополии: отчет по Тобольской губернии за 1893 г./ТГВ. 1895. № 24.
- По поводу введения в г. Тобольске Горюхового Положения//ТГВ. 1893. № 9.
- По поводу введения в должность нового городского головы (в Тобольске)//ТГВ. 1893. № 39.
- Об открытии в Тобольске отделения Государственного Банка//ТГЧ. 1893. № 52.
- По поводу проектируемого учреждения в г. Тобольске в Томске Управления государственными имуществом//ТГВ. 1893. № 24.
- По поводу проектируемого открытия в Тобольске дома трудолюбия//ТГВ. 1894. № 25.
- По вопросу об открытии в Тобольске дома трудолюбия//ТГВ. 1895. № 85.

Об образовании и избрании комиссии под председательством товарища министра путей сообщения для рассмотрения условий соглашения о строительстве Сибирской железной дороги // ТГВ. 1895. № 56.
Новичокъе пригласите читать: Надежда Сибири, связавшая с окончанием Сибирской железной дороги // ТГВ. 1895. № 1.

По поводу и тому, на линии дороги саратовского Бюро инженерных работ в Сибирском железной дороге с Европейской Россией // ТГВ. 1895. № 18.
О пункте соединения Уральской железной дороги с сибирским реальным путем // ТГВ. 1894. № 11.

О направлении соединительной линии между Уральской и Сибирской железными дорогами // ТГВ. 1894. № 23.

По поводу организации почтового дела в районе Сибирской железной дороги // ТГВ. 1895. № 24.

Об открытии движения на первом звене Западносибирской железной дороги от Челябинска до Иркутска // ТГВ. 1893. № 41.

Об открытии западного участка Сибирской железной дороги, западные линии между Тюбюльской и Ураловскими в России и поселении Сибири министром путей сообщения // ТГВ. 1894. № 35.

По поводу приведения железной дороги на Тюбюльск // ТГВ. 1893. № 20.

По вопросу о продолжении Уральской железной дороги до Тюбюльска // ТГВ. 1894. № 31.

Еще о проведении железной дороги до Тюбюльска // ТГВ. 1894. № 19.

О Бюро Инженерное проектирование путей в отношении железнодорожного о пр. ведения железной дороги на Тюбюльск // ТГВ. 1894. № 3.

Еще о волею датским решением пути в связи с ходатайством Тюбюльска о железной дороге // ТГВ. 1894. № 4.

О каких случаях для возбуждения ходатайства о постройке железной дороги на Тюбюльск // ТГВ. 1895. № 20.

По поводу организации земледельческих артелей в Шадринском уезде Пермской губернии // ТГВ. 1893. № 50.

О девиации сметы и расходах в Сибири на треклетие 1894-1896 гг. // ТГВ. 1894. № 9.

По вопросу об установлении предосторожительно мер против инфляций // ТГВ. 1895. № 20.

О мерах против кобылки в Кураганском округе // ТГВ. 1893. № 12.

К мерам об истреблении кобылки // ТГВ. 1893. № 11.

К вопросу о колонизации Сибири // ТГВ. 1894. № 37.

По поводу вопроса об пригласении в Тюбюльск кустарного производства // ТГВ. 1894. № 42.

О записки для Сибири кустарной промышленности // ТГВ. 1894. № 20.

О сибирском земосереблении // ТГВ. 1893. № 51.

К вопросу о сибирском лесосереблении // ТГВ. 1894. № 1.

По поводу доклада капитана Витгенца о морском пути в Сибирь // ТГВ. 1895. № 6.

Несколько слов о тюбюльском местовой // ТГВ. 1894. № 38.

- ской, Восточной Сибири и Приамурского края 26 февраля 1895 г.// ТГВ. 1895. № 17.
- По поводу посылки в Тобольской губернии холеры//ТГВ. 1893. № 29
- По вопросу о первичности холеры в Сибири//ТГВ. 1895. № 30.
- По вопросу о (школьном) народном образовании//ТГВ. 1895. № 41.
- О школах ремесленных учеников//ТГВ. 1894. № 10.
- По поводу сообщения об инспекции шерстных школ Тобольской губернии// ТГВ. 1893. № 17.
- О мерах к улучшению народных школ Тобольской губернии//ТГВ. 1893. № 28.
- По вопросу об учреждении в Тобольске юридического бюро//ТГВ. 1894. № 11.
- О причинах упадка торговли на сибирских ярмарках//ТГВ. 1895. № 23.
- Еще о причинах упадка торговли на сибирских ярмарках//ТГВ. 1895. № 24.

Статьи по другим вопросам

- По поводу бракосочетания Их Императорских Высочества Великого Князя Александровича Митчаиди и великой княжны Ксении Александровны//ТГВ. 1894. № 32.
- О деятельности выставки на российской выставке 1895 г. в Нижнем Новгороде//ТГВ. 1894. № 26
- По поводу вечахавшейся войны между Китаем и Японией//ТГВ. 1894. № 30.
- Итоги первого периода японо-китайской войны//ТГВ. 1894. № 82.
- Еще о войне между Китаем и Японией//ТГВ. 1894. № 34.
- О той же войне. По поводу договора о мире Китая и Японии//ТГВ. 1895. № 83.
- О той же войне: По японскому вопросу//ТГВ. 1895. № 36.
- Итого государственной росписи доходов и расходов на 1895 год//ТГВ. 1895. № 6.
- Об исполнении Высочайшего повеления Его Императорского Высочества Канцелярии//ТГВ. 1894. № 2
- По поводу известия об укреплении Инспекторского отряда Собственной Его Императорского Высочества Канцелярии//ТГВ. 1895. № 37.
- У приближенных к Высочайшему двору прошения, присланных на Высочайшее имя//ТГВ. 1895. № 25.
- По вопросу об употреблении для вост. кредитного рубля сравнительно с металлическим//ТГВ. 1895. № 3.
- По поводу введения в губерниях Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской положенна о казенной продаже ситей//ТГВ. 1895. № 4
- По поводу гибели бронзовца «Русалия»//ТГВ. 1893. № 40.
- По поводу посещения русского эскадром Франции//ТГВ. 1893. № 42.

Комментарии

- ¹ Восток Александр Христофорович (1781—1864 гг.) — русский филолог-славист, автор обширных сравнительно-грамматич. славянских языков. Среди его трудов известны «История русского и славянских языков», «Сравнительная грамматика славянских языков». В 1761 году уехал в С.-Петербург, в 1774 году перешел на службу в экспедицию Сибирского губернатора А. Саввиича в Якутскую Россию и Сибирь. Обширные материалы по географии, истории, этнографии и быту, собранные Фальком, были обработаны и опубликованы в виде описания по распоряжению И.Г. Георги («Записки путешествия академика Фалька»).
- Легенда о чудотворной иконе Бряка и его принадлежности к роду Алениных, этакой легендой о его семье, принадлежала, принадлежала и в настоящее время восточному сибирскому этнографу.
- ² Вудский П.Н. — историк, профессор Харьковского университета, автор ряда фундаментальных исследований по истории Сибири XVI—XVIII вв. (в том числе «Записки Сибири и быт на границах восточной Азии»).
- ³ Кривичев Юрий (ок. 1617—1683 гг.) — харьковский ученый, общественный деятель, сторонник сближения славянских народов вокруг России. В 1659 г. приехал в Москву, откуда царь Алексей Михайлович сослал его в Тобольск. В 1681 году вернулся в Сибирь, в котором находится заметка об этой провинции и с берегов Ледяного и Восточного океана от порта Св. Макария Архангела до Кяхты...).
- ⁴ Витген (Витген) Вильгельм — австрийский буржуазный промышленник и в 1864 году путешествовал в Россию. В течение многолетней лет он собрал сведения по географии, истории и этнографии северных и восточных окраин России. В 1892 году Витген издал в Амстердаме ослепленное сочинение «Северная и Восточная Татария».
- ⁵ Мейеридт Иохан, прибывший в Москву на Германию по приглашению Петра I, в 1692—1695 годах русское посольство в Китай. Путевые заметки Иохана и его спутника Алвина Виттла содержат подробные сведения о состоянии и расхождении сведений по географии, этнографии, природе и истории восточной России.
- ⁶ Стрелангер Фридрих Иоганн (1678—1747 гг.) — немецкий офицер, попавший в русский плен после Потемкинской битвы. С 1711 по 1722 годы находился в Тобольске, собрал богатые материалы по истории, природе и этнографии Сибири, занимаясь в Шиблюк, он написал обстоятельный труд (более 450 страниц), выпущенный в 1730 году в Спб. под названием «Северо-Восточная Тархия...» и получивший огромную известность на Западе. В Тобольске он работал на заводчане.

- ¹ Миллер Герхард Фридрих — российский историк немецкого происхождения, путешествовавший по Сибири в 30—40-е годы XVIII века. За отслуженный вклад в изучение Сибири Г.Ф. Миллером посланы «важные и отцом сибирской истории». Им были собраны и опубликованы уникальные документы из архивов царев русских периода Сибири.
- ² Фидоно Иоганн Оберланд — российский историк немецкого происхождения, работал по специальной инструкции, составленной Миллером. Известен своей «Сибирской историей с самого открытия и завоевания — с начала последующего отрошения».
- ³ Писарев Михаил Михайлович (1723—1790 гг.) — князь, историк, биограф, публицист. Удален от труда — «История Российская от древнейших времен» в 7 томах.
- ⁴ Ремезов Семен Ульянович (1660?)—1716 гг.) — выдающийся русский историк, картограф, администратор, живший в Тобольске. Создал знаменитый труд — «Краткое описание Сибири». Автор наименьшего труда «История Сибири», куда им была включена неизвестная до того «Летопись Сибирская царства Куйтурская».
- ⁵ Савваитов Петр Андреевич (1767—1843 гг.) — историк, сибирский краевед. Итогом его научной деятельности стал двухтомный труд «Историческое описание Сибири» — автор обобщающего произведения о Сибири после «Описания Сибирского царства» Г.Ф. Миллера.
- ⁶ Абрамчик Николай Алексеевич (1812—1870 гг.) — сибирский краевед, автор более 100 публикаций по истории, географии, археологии и этнографии *Восточной Сибири*.
- ⁷ Волжский отставник Иван Кольцо — ближайший помощник Вранья. Широко распространены народные традиции, приписывающие ему роль главы владетельного посольства в Москве, является, очевидно, ошибочной. Весть о победе дружины Вранья до Ивана Грозного доносили земские атамане Иван Александров по правому берегу и Свита Савваитов по правому берегу. Иван Кольцо был вероломно убит бывшим воякой Кукушка Барачев, пригласившим его с 40 наемниками для переговоров о заключении союза против Кукушка.
- ⁸ Обский городок (он же Мензуровский по Г.Ф. Миллеру — старый городок, или Рун-Ван — русский городок по китайцам) находился на правом берегу Оби, напротив среднего устья Иртыша. Рео-отметки семикороль Г.Ф. Миллер, отмечивший, что они почти незаметны на ландшафте. Многие историков по поводу судьбы Обского городка расходятся. Традиционно, начиная с Г.Ф. Миллера, принято считать, что после первой зимовки Мензуров со всеми своим отрядом покинул городок и вернулся на Русь с острым собором престо. Однако скрупулезный анализ в августе 1288 года, согласно которой всеобщим ином городок на Оби аппроксимировался «...или на нем и его городок иныи», свидетельствует о существовании этого городка еще зимой 1288—1289 гг. Вероятно всего, Мензуров оставил в городке часть своего отряда, так как сарайский указ 1293 года предписывал князю гарию Обского городка в строящийся новый город Оургулт, а сам городок разорвать и сжечь, дабы он не достался враждебной кусторонней аборигенам. Предание было обязательным требованием в подготовке *русской колонизации* сибирских обитателей в первые годы русской колонизации Сибири. Позднее часть населения, например, Ливановский городок в 1298 году и, вероятно, укрепления Враньянского острога после того, как оставили его отряды ушли на Русь (несостоятельно укрепленного лагеря дру-

примыкающих друг к другу срубам. Иногда такие срубы использовались как жилые помещения, перекрытые сверху бревенчатым накатом с полом («забрало»).

¹¹ Остров — первоначальное значение слова — часток из злотых или владу бревен, которые окружались земля (поселение). Позднее название было перенесено и на само поселение, укрепленное таким образом. Первые русские крепости в Сибирь, как правило, окружались срубной острожной стеной, которая впоследствии замкнула более солидной «рубленной» стеной из горизонтально лежащих бревен или из срубов. Наличие «рубленной» стены — один из важнейших признаков русских городов XV—XVIII веков. Другой признак — присутствие черной. Появление церкви в остроге было первым шагом к получению им статуса города. Поселения с острожными стенами, укрепленными несколькими башнями, именовались срубными острогами, а иногда, несмотря на отсутствие собственно городских (на городище) стен, городами (Туринск, Барск, Струги).

Острожной называли также поселки, принимавшие в городской (кремлевской) стене и укрепленные острожным тыном и ровом. Такие поселения в XV—XVII веках называли «города с острогами» (например, Троица).

¹² Речь идет о козском князе Олме Юрлове, племяннике князя ближнего Козьмоу княжества Алтая. В 1393 году Олма и его двоюродный брат Игичей Алтаев возглавляли отряд козских отроков и вместе с безземскими служилыми людьми повели против оборонки князей. За заслуги царю Русским оседелован в 1394 году царь Федор Юрлович «посажовал» братьям «волестью Веспалудку да волестью Колпудку со всеми угодья и вельями». После томоного похода Олма Юрлов начал борьбу с Игичем за верховную власть в Козском княжестве. Он отправился в Москву с челобитной во имя царя, в которой добивался возращения ему во владение князя княжества Алтая. «Планы боярские» (протокол), подписанные ими Калтея, вероломной обманом обманули. В 1406 году он вернулся во родную с грамотой, в которой царь Василий Шуйский жаловал его «в Козкой земли княжеством» и в виде «благородного князя» именуя князь южнорусскому княжеству. В 1407 году Олма принял участие в антирусском восстании сопольско-литовских и оборонки отроков, но затем решил сдаться своим соратникам: помог безземским служилым людям захватить в плен руководителей восставших — князя Василия Обдорского и Шатрова Лутева. Прощенный за новые заслуги перед Москвой, Олма некоторое время правил Козским княжеством, но в конце концов уступил великую власть племяннику Максиму Игичеву, удалившись в «родное поместье», городок Панквар.

¹³ «Святых» — олитов самца.

¹⁴ Емичи, вероятно место, был татарский князь, так как летопись XVII века упоминает туркских татар, но не остана (князь). В формировании этнической группы туркских татар, очевидно, приняли участие и оборонки края — южные князья, что подтверждается данными археологов и этноимики.

¹⁵ Шерть, «сто ирелан» — алтай, присяга на верность государю.
¹⁶ Козьмоу — князь Семан Обдорский Курбский (а не Курган), Петр Ушаты и Василий Иванович Гурьянов (он же Вроцкий Зибосский) — возглавляли последний поход аномосной рати в Южнорусскую землю, на Куду и на горах (Богуджеев) в 1409 году. В походе принимали

участие заморских, восточных и северных купцов (из Восточной Азии и Сибири, южно-азиатские во главе с немецким купцом Петром и Оскаром Вассальшнайми). Полностью обоим-русские купцы присутствовали на ярмарке московскому государю, после чего Николай III (а возможно, и его отец Иван III) присвоил себе титул князя Обдорского и «Колыманского воеводы» — Колымской.

¹¹ Речь идет о ближайшем соратнике Ивана Грозного, князе Алдере Михайловиче Курбском, который в 1564 году, описавшись писком опалы («якоже блудно и похвально у др. во Царьствецехъ Лазарю, Секирии А. Курбского, в том числе его вынесенные обличительные послания Ивану Грозному, дошли до нас в списках конца XVIII века и более не известны).

¹² Абанан (Абанашное озеро) находится в 18 километрах южнее от Иркутску от Тобольска. В 1637 году здесь, недалеко от истоков с западной стороны Преображенки была срублена Знаменская церковь. В конце XVIII века в Абанашском лесотопе возникла мужская монастырь.

¹³ Председатель экспедиции — капитан Василий Пышков и старшина в 151 человек был послан летом 1643 года изурочить попомой Иваном Грозным на Амур. Ценой больших лишений и людских потерь Пышков достиг Охотского моря. Через три года, весной 1646 года, прибыл обратно 1,5 тысячи казаков, казаки и инородцы «иногда зашедшие в Якутск». Из экспедиции его состав на «чумаков Пещаных отделили» с Ервонен Хабаров. Якутский острог был основан им в 1641, а в 1652 году крупная колония из 10 человек во главе с Василием Бутром, основана на реке Лану во Якут-Чане.

¹⁴ Новый острог Тобольска с рубежными стенами был построен в 1644 году. Его площадь увеличилась, а на линии крепостной стены было построено несколько башен.

¹⁵ Притоками «Хураловку» — Небалайца речка, впадающая в Иртыш в южной части Тобольска. Отделяла Третьяк мисс с юрским от «Хураловку» на др.

¹⁶ В 1672—1674 годах крупная экспедиция (более 500 человек) под руководством лучшего барина и воеводы Ивана Хитрово работала на Икети и ее притоках, Миссо, Ниссо, Нисеи и Чулово. Поиск северной земли не увенчался успехом. Промысловый остров, сооруженный здесь в верховьях Икети, по завершении экспедиции был уничтожен. Сифарий (Ильяску) Исаковий Гурьевский (1636—1708 гг.) — ученый, государственный деятель. По происхождению грек, родом из Молдавии, где занимал пост великого сифария — командующего наемными войсками. Служил при преследовании молдавского посланца после неудачного дворцового переворота, в 1671 году бежал в Россию, где был принят на службу в Посольский приказ и в качестве переводчика (оказ несколько языков). В 1675 году по приглашению правительства отправился в Китай. Его путешествие в Китай и обратно длилось три года. Создал документальный труд «Описание первого путешествия в Китайскую Азию». Первый том был посвящен описанию пути от Тобольска до китайской границы. В труде Сифария имеется множество ценных топографических сведений, данные о начальной истории русских торгов с Сибирью. В книге «Сибирского летописца» путешественник Сифарий прибыл в Тобольск в 1675 году не из Китая, а из Москвы по пути в Китай.

¹⁷ «Окнина медная и четвертин» — мерные емкости государственного стандарта для сыпучих товаров. Были приспосаблины на Москву в качестве образцов для унификации торговых мер в Тобольской губернии.

дом с деревней Старый Погост. Раскопки городища на вершине холма, предпринятые в 1980-х годах В. А. Металлиничевым, показали, что оно было сооружено в начале новой эры населением т. н. сарматской археологической культуры.

¹⁶ «Иванис» — плеть, эстафета.

¹⁷ Источником имен князя, упомянутого в русских летописях и документах: Никон (Иваном), — Саиди Ибрагим хан. Он принадлежал к древним сибирским шейбандов и правил в 1469—1495 годах Шейбанидским Сибирским ханством. В 1481 году, после разгрома хана Басмачи Обды Алмаха, Саиди Ибрагим объявил себя верховным ханом Джучидского государства, наследником Золотоордынского престола.

¹⁸ Преподобный Алавука Петрович (1620—1682 гг.) — один из духовных лидеров раскольничьего движения. В 1653 году за резкие выступления против реформ патриарха Никона был сослан вместе с супругой в Сибирь. В 1666 году был предан церковному суду и лишен сана священника. В 1682 году вместе с другими высельщиками был сослан в Пучожерском остроге. Алавука — автор многих Бетоголовских сочинений, на которых наиболее замечательным является «Житие престолика Алавука, им самим написанное».

¹⁹ Мухомор, обладающий сильным галлюциногенным воздействием, употреблялся шаманы, манеры, селамутами и женщинами при совершении культовых обрядов, на что ссылались «знавшиеший граб».

²⁰ Узорочье — дорожные тунны, одежды, украшенные узором.

²¹ Цепочка — дорожные «аварские» тунны.

²² Ручьи идути в пустыньи аварских буттар.

²³ Иманоты в виду различия именитивных шлемов бешкири, киданьской, казачков.

²⁴ Вероятно, табачки «белыдула» овиерной племени.

²⁵ Подлинное название — селамутки. Авторитетна Наталья Третьяковская, посвятившая авторитетный на диссертационную. Принадлежность к группе селамутки изложена в описании и рисунке, упомянутого в статье, с ссылкой на диссертацию в каталоге рисунков на сайте «Археология».

²⁶ Дельгидария — область на северо-востоке Китая, граничащая с Восточным Казахстаном. Называется — «Утутур, хуньчжи, котыбай, мошайда и т. д. В древние времена — часть казахского ханства Абды. В XVIII веке калмыки кочевали на обширном степном пространстве от Дагурского Алатау до Южного Зауралья.

²⁷ Вероятно, следует читать «оросучи».

²⁸ Коркинская слобода (Ининский острог) была основана в 1681 году на месте современного г. Ишима.

²⁹ Иманоты — ботаника сибирского происхождения, широко распространявшаяся в XVII—XVIII вв. в Сибири для переселенцев грузин.

³⁰ Цепочка — выборная должность в России XVI—XVIII ввек. Цепочка — видовой оборот различных посылки, в том числе дельгидария. Названия произошло от выражения «дельчатая крест», то есть прислать на восток.

³¹ Промочия — официальная доводка, пометка значима (областная выражения речи паша — «да выкажи»).

Оглавление

<i>Ю. Мандрика. Евгений Кузнецов считал себя пионером</i>	6
Сказания и догадки о христианском имени Ермака	9
Центры сибирских городов: <i>Исторический набросок</i>	49
Сибирский летописец: <i>Летопись конца XVII</i> <i>и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске</i>	71
Летопись Шетининых (1743—1777)	109
Тобольский кремль и одна из тайн его	116
О хлебной торговле Тобольска в 1744 году (<i>По бумагам Полтавбестерской конторы</i>)	125
Тревога в Сургуте в 1745 г.: <i>Из уцелевших</i> <i>от пожара бумаг Тобольской</i> <i>полтавбестерской конторы</i>	133
Бытовые черты тобольяков XVIII столетия: <i>(По архивным документам)</i>	142
Кладовские и предания о кладях в Западной Сибири	169
Мопчхиня Прокля: Княжна Прасковья Григорьевна Юсудова (<i>Новые материалы для биографии</i>)	213
Первые кабаки в Сибири	261
Бездупинные страхи Тобольска в старину	284
Тобольск в дни воцарения императора Николая Павловича (<i>По архивным сведениям</i>)	293
Находка ружья покорителя Сибири	302
Святые ворота в старом Тобольске: 1686—1759	307
Нападение на полтавмейстера Вабановского: <i>Из тобольской старины</i>	323
Тяжелая память прощайло: <i>Старые листки</i> <i>о старых людях</i>	333
Ужасный магический гудод	346
Е. В. Кузнецова (1866—1896)	346
С. Пархимович. Комментарии	358